

**XXIII Свято-Троицкие ежегодные
международные академические чтения
в Санкт-Петербурге
24-27 мая 2023 года**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

проф. Д. К. Богатырёв (председатель), проф., член-корреспондент РАН В. В. Багно, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, член-корреспондент РАО К. С. Голохваст, проф., прот. Григорий Григорьев, проф. В. А. Гуторов, доц. А. Ю. Дудчик (Республика Беларусь), Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Евгений, Председатель Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии, иером. Кирилл (Зинковский), иером. Мефодий (Зинковский), проф. И. В. Кондаков, акад. РАО Карев Б. В., проф. Н. В. Ковтун, акад. РАО А. А. Корольков, иерей Илия (Макаров), проф. М. А. Маслин, проф. Р. В. Светлов, проф. М. Ю. Смирнов, проф., заслуженный деятель науки РФ Л. Е. Шапошников, проф. Е. А. Фролова

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

Д. В. Масленников (председатель), Л. В. Богатырёва, О. В. Богданова, И. А. Вахрушева, В. А. Егоров (отв. секретарь), А. А. Ермичёв, В. Б. Высоцкий, И. Н. Зайцев, Н. С. Широглазова

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

**XXIII СВЯТО-ТРОИЦКИЕ ЕЖЕГОДНЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
24-27 МАЯ 2023 ГОДА**

**ОБРАЗЫ ОБРАЗОВАНИЯ
И
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2023

Представлено к печати оргкомитетом
XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических
чтений в Санкт-Петербурге

Статьи публикуются
без издательского редактирования

Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтения в Санкт-Петербурге, 24–27 мая 2023 г. / Отв. ред. В. А. Егоров. — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2023. — 403 с.

ISBN 978-5-907613-82-9

Свято-Троицкие чтения — ежегодный форум, который включает в себя научно-теоретические и практические мероприятия, направленные на осмысление истории и современных проблем религии, культуры и образования в ценностно-гуманитарной перспективе. За прошедшие годы Чтения стали заметным событием в философско-культурологической, религиоведческой, богословской, научно-педагогической жизни Санкт-Петербурга и Северо-Запада России, приобрели не только общероссийский, но и международный статус.

ISBN 978-5-907613-82-9

© Коллектив авторов, 2023
© АНО ВО «РХГА», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Воевода Д. В.</i> ДУХОВНОСТЬ КАК СУЩНОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНРОПОЛОГИИ	10
<i>Иващенко Я. С.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК В РОССИИ КАК ИММЕРСИВНАЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА	17
<i>Климова Е. В.</i> КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ СЕГОДНЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ	23
<i>Кузьмина Е. В.</i> MEMORY STUDIES ОТ П. П. БЛОНСКОГО	31
<i>Курилов В. А.</i> ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНОГО ОБРАЗА ШАХМАТИСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «ГРОССМЕЙСТЕР» И РОЛЬ СОВЕТСКОГО ШАХМАТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ КПСС.....	37
<i>Леонтьева К. Ю.</i> РОЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ В ВОСПИТАНИИ ИДЕАЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА	44
<i>Степаненко Д. Е.</i> МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА	53

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Галиев Р. Ф.</i> ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ И УЧИТЕЛЯ ПОЭТОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА (1960–1980-е гг.)	60
<i>Захлевная С. А., Хацкевич Т. М.</i> «КОМПЛЕКС БОГА» В РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «ВОЛХВ».....	68

<i>Иванов А. А.</i>	ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ В РОССИЙСКОМ НЕОФОЛКЕ	75
<i>Иванов И. Д.</i>	ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ	81
<i>Калинина А. А.</i>	МЕЖДУ ГИПО- И ГИПЕРОПЕКОЙ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРЦИССИЗМА В МАНГА «НАРУТО» М. КИСИМОТО	87
<i>Хацкевич Т. М.</i>	ИДЕНТИФИКАЦИЯ В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН «РАЗРЫВ ВО ВРЕМЕНИ»	97
<i>Шилин И. В.</i>	СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЫКАНТ: КОСМОПОЛИТ ИЛИ ПАТРИОТ?	103
<i>Щербак Н. Ф.</i>	ГЕНДЕР В ЗАПАДНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (О ПОБЕДИТЕЛЯХ ИЗВЕСТНЫХ КИНОФЕСТИВАЛЕЙ)	115

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

<i>Байрон А. А.</i>	В. Д. КУДРЯВЦЕВ-ПЛАТОНОВ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ	122
<i>Белов Я. А.</i>	РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА	128
<i>Гребнев В. Л.</i>	ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПАРЕМИЯХ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	133
<i>Монахиня Афанасия (Ерохина И. В.)</i>	ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦАРСТВЕ НЕБЕСНОМ В ГИМНОГРАФИИ	140
<i>Железняк Д. Р.</i>	МИФОЛОГЕМЫ «ЧЕЛОВЕКОБОГ» И «БОГОЧЕЛОВЕК» КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОГО ПОИСКА «В ЧЕЛОВЕКЕ ЧЕЛОВЕКА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	147
<i>Курилов В. А.</i>	РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «РЕЛИГИЯ И ТРЕЗВОСТЬ»	155

<i>Иерей Максим Мищенко (Мищенко М. А.)</i> ХРИСТИАНСКАЯ МИССИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ РОМАНА ЯКОБСОНА	160
<i>Савинов Р. В.</i> «ВЕРШКИ» И «КОРЕШКИ»: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ «ФИЛОСОФИИ» В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	168
<i>Сурков А. Г.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУБЪЕКТ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ	177
<i>Ушенко А. Н.</i> ПРОБЛЕМА ЗЛА В УЧЕНИИ В. И. НЕСМЕЛОВА	185
<i>Шилина Г. А.</i> «БУРЯ И НАТИСК И. КАНТА» : ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХА НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ.....	192

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ИДЕЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Баган В. В.</i> ДОКТРИНА С. С. КОТЛЯРЕВСКОГО О РЕЛИГИОЗНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ	206
<i>Бильченко Е. В.</i> ОТ АНТИ-ЭДИПА К КОМПЕТЕНТНОСТНОМУ СУБЪЕКТУ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	211
<i>Дорохова В. Н., Дронина Т. Е.</i> ПРАКТИКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ.....	221
<i>Зубова А. В., Савка Н. М.</i> РОЛЬ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	230
<i>Ивлев Я. С.</i> ТРАНСГУМАНИЗМ В ОБРАЗОВАНИИ.....	239
<i>Саратовцева Н. В.</i> УЧИТЕЛЬСТВО И НАСТАВНИЧЕСТВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	254
<i>Шахов В. А., Гульнева-Луговская Н. И.</i> НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	260

ПСИХОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ ОПЫТА

<i>Алексеева К. П.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР РИСКА РАЗВИТИЯ НЕЗДОРОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ У ПОДРОСТКОВ НА ПРИМЕРЕ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	268
<i>Сафроньев И. С.</i>	
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ИНИЦИАТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ.....	275
<i>Стряпухина Ю. В.</i>	
СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ «СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ» В ОТЗЫВАХ СОЗАВИСИМЫХ РОДСТВЕННИКОВ.....	283

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

<i>Аристов И. Д.</i>	
МОБИНГ КАК КОМПОНЕНТ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	291
<i>Бардиер Г. Л.</i>	
«БАРОЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ» КАК ИНДИКАТОР РАСКОЛА ЛИЧНОСТИ.....	299
<i>Бардиер Г. Л., Жогин А. А.</i>	
ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ПО РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ	308
<i>Бардиер Г. Л., Сугоняко Д. Ю.</i>	
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЛАГОПОЛУЧНОЙ ЛИЧНОСТИ	316
<i>Ефремов С. В., Котова С. А.</i>	
ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ АКТЕРОВ.....	325
<i>Защиринская О. В.</i>	
КОНСУЛЬТАЦИОННО-ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПСИХОТРАВМИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ.....	331
<i>Иванюхин Р. Р.</i>	
ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА	338
<i>Ивонин А. В.</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ УСПЕШНОГО АДВОКАТА	347

<i>Паширова Е. С.</i>	
ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТА ПСИХОТРАВМАТОЛОГИИ КАК НАУКИ И КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПРАКТИКИ	357
<i>Пуцман А. В.</i>	
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	366
<i>Свирбутович Д. Ю.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К УВЛЕЧЕНИЮ ДЕТЕЙ ВЫМЫШЛЕННЫМИ ПЕРСОНАЖАМИ СУПЕРГЕРОЕВ.....	380
<i>Смирнов А. Э.</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ ПРИ РАБОТЕ С МЕТАФОРИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ КЛИЕНТА	388
<i>Черников А. Л.</i>	
ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ.....	396

УДК 37.015.3

Воевода Дарья Викторовна,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы
№ 237 Красносельского района Санкт-Петербурга,
daria_viktorovna1990@gmail.ru

ДУХОВНОСТЬ КАК СУЩНОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье автор рассматривает светскую и религиозную концепции понятия духовность. В психологии духовность есть опыт практической деятельности человека, с помощью которого человек достигает самоопределения, стремится стать лучше. Религиозная философская концепция понимания духовности трактуется как утверждение жизни человека в Боге. Автор приходит к выводу, что позиции современной психологии и религиозной философии имеют общие черты, а именно достижение личности к нравственного идеала, воплощение духовности в смысле жизни отдельного индивида. Автор доказывает тезис, что концепт духовности и в религиозном и в светском мировосприятии предполагает стремление человека к высшим идеям. Духовность личности формируется в процессе воспитания и образования, определяет сущность личности.

Ключевые слова: духовность, личность, образование, нравственность, преемственность поколений.

Voevoda D. V.

SPIRITUALITY AS THE ESSENTIAL FOUNDATION OF PERSONALITY IN PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY

The paper studies secular and religious concept of spirituality. In the psychology and religious philosophy spirituality as direction human behavior is moral standpoint. The author proves the thesis that spirituality determines the essence of personality. The formation of spirituality takes place in the education and education of the individual. Spirituality is embodied in the sense of human life.

Keywords: spirituality, personality, education, morality, continuity of generations.

В дневниковых записях св. Николай Японский говорит: «Без Бога, без нравственности, без патриотизма народ не может самостоятельно существовать» [8, с. 463]. Историк древнерусской культуры Г. М. Прохоров обращает внимание, что нравственные проблемы общества, которые затрагивает святитель в начале XX века, актуальны и на рубеже нашего времени. Национальная культура, традиционные ценности, религиозные идеалы, история и патриотизм — почва

для становления духовности личности ребенка, а значит и для существования народа.

На сегодняшний день смысл духовности остается не проясненным. А. А. Кольков отмечает, что духовность может быть связана с религиозностью, с образованностью человека, духовность как приобщение к цивилизационному прогрессу, как просвещенность [5, с. 14]. В условиях поиска новой духовно-нравственной ориентации российского общества проблема воспитания духовности приобретает особую значимость. В. Д. Шадриков в книге «Происхождение человечности» пишет, что, в зависимости от того, как мы понимаем духовность, мы организуем и общение друг с другом, и образовательный процесс. Поэтому такое большое значение имеет понимание феномена духовности. Что же такое духовность? В отечественной историографии существует большое количество трактовок понятия «духовность». В Большом психологическом словаре дано определение понятия «духовность» как «поиск, практическая деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения истины, для самоопределения. Точнее, Д. — духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по самосозиданию, самоопределению, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоятельные человека, ни величие его» [1]. Духовность — это «условие движения к вершинной психологии, которая, согласно Л. С. Выготскому, определяет не глубины, а вершины личности» [1]. То есть духовность — комплекс качеств человеческой души, выражающее ее нравственное, эстетическое, интеллектуальное содержание, направленное на утверждение человеческого в людях, принципа гуманизма, преодолевающее бездуховность в мировоззрении и культуре.

В педагогической антропологии различают религиозное и светское понимание духовности. Светская интерпретация духовности утвердилась в нашей стране в период марксистско-ленинского развития философской мысли. Под духовностью понималось «единство людей, объединенных классово, пролетарской идеологией и задачей строительства коммунизма» [7, с. 36]. В то же время духовность рассматривалась как одна из характеристик состояния духовной жизни общества. В современной философско-психологической литературе духовность рассматривается как «активное начало, созидающее мир культуры человека» [7, с. 36]. Вопросом происхождения и развития понятия духовности в психологии занимается современный исследователь В. Д. Шадриков. Исследователь берет во внимание развитие человека с древнейших времен до нашего времени, где духовность рассматривается в качестве ведущей действующей силы человечности. В формировании духовности человека задействованы: развитие мозга, интеллект, формирование сознания и ряд других факторов [12, с. 84]. Важным источником духовности является осознание себя, «своего я», свои отношения с другими людьми, а уже через это (и посредством этого) — осознание добра и зла, осознание своей выгоды и отказ от нее во имя блага другого. Осознание человеком самого себя — самосознание личности здесь имеет важное значение — личность сознательно действует в той или иной ситуации. В. Д. Шадриков отмечает, что сознательная жертвенность во имя других стоит у истоков духов-

ности. Духовность как положительное явление представлено и в мировоззрении исследователя С. В. Вальцева. Он предлагает современную светскую концепцию духовности, где она представлена как совокупность аскетизма и альтруизма. С. В. Вальцев отмечает, что духовность как потребность в реализации высших человеческих ценностей, приводит в действие механизм очеловечивания человека, духовность невещественное начало, в отличие от природного, материального. «Понятие «духовность» совпадает с «духовным началом» как всем самым лучшим, светлым, возвышенным, что есть в человеке. А потому, «духовность» всегда позитивна, всегда положительное явление» [2, с. 49]. Светская современная позиция принимает во внимание то, что духовность тесно связана с религией. В. Д. Шадриков обращает внимание на то, что религия усиливает духовность, а любовь, как источник духовности человека отрывает духовность от религии, в любви духовность порождает мораль.

Религиозный подход к понятию духовность включает в себя исполнение нравственного закона, интеллектуальное творчество, «религиозное понимание духовности трактуется как утверждение жизни человека в Боге» [7, с. 36]. В религиозной философии человек стремится к совершенству — к Богу. Душа в психологии «является источником активности человека, она действует самостоятельно, но живет и тесно связана с телом» [11, с. 92]. В психологии мир человека — это «живой мир, и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир — это живая субстанция» [11, с. 89]. В психологии и религиозной философии духовность — важное понятие, используемое при характеристике внутреннего мира человека. Различие светской и религиозной позиции состоит в вопросе первоисточника духовности: в светском мировоззрении — главенствует интеллект человека, а в религиозной трактовке — Бог.

Существенный вклад в разработку религиозного понимания духовности внесли русские религиозные философы. Рассмотрим концепты духовности в метафизике С. Л. Франка, И. А. Ильина. Категорию «духовность» С. Л. Франк раскрывает через понятие «духовная жизнь». Духовная жизнь — есть жизнь души в предметном бытии, органическая слитность души с ее миром объектов. Душа и дух — это такие категории, которые очень тесно связаны с внутренним миром личности, определяют ее сущность, понятие духовности неразрывно связаны с понятием души. Духовность тесно связана с концептом души человека. «Душа есть не только «образ» мира, но и образ Духа или Бога, чистый свет разума, хотя и преломленный в стихии душевной жизни» [10, с. 285]. С. Л. Франк называет духовной жизнью единое существование души и «ее отношение к абсолютному бытию» [9, с. 286]. С. Л. Франк выделяет характерные черты душевной жизни: сплошность, слитность, бесформенное единство, то есть душевная жизнь имеет характер сплошного единства; рассеянность, как расплывчатость душевных состояний как самопроникнутость; неограниченность душевной жизни, душа человека не имеет границ, бездонность. Русский философ И. А. Ильин главную роль в своей концепции духовной жизни отводит человеческому духу. В метафизике философа Дух определяется как самое главное в человеке «верное вос-

приятие своей самости, в ее представлении Богу и в ее достоинстве» [3, с. 92]. Дух — это и сила личного самоутверждения, восприятие своей личной самости, главный творческий центр, воля к Совершенству, чувство ответственности. Духовное состояние И. А. Ильин называет религиозным состоянием личности [3, с. 92]. По мнению философа, религия не может быть без опыта объективного совершенства и без принятия совершенства сердцем [3, с. 191].

Русская философия рассматривает онтологию духовности сквозь призму Божественного Абсолюта. С. Л. Франк объясняет богоподобие человека тем, что субъект душевной жизни есть «точка, в которой само бытие становится бытием внутренним» [10, с. 159], самопроникнутым. С. Л. Франк отличает душевную жизнь личности от сознания и самосознания, в метафизике философа в сознании человека выражен Логос или дух. Человек стремится к Богу, к Абсолюту, предстает как образ и подобие. Современный исследователь А. А. Корольков утверждает, что «творческая личность, как и мудрец, в идеальных измерениях всегда относительны, поскольку человек не может обладать качествами Абсолюта» [5, с. 146]. Поэтому в традиции русской религиозной философии Абсолют является антропологическим идеалом. Большая роль в духовной жизни человека отведена поиску «Бесконечного, Абсолютного, Идеального» [6, с. 100]. Антропологический идеал секулярной традиции — это нравственное поведение человека, мораль, свобода воли. Концепции духовности раскрывают понимание личности в разных мировоззрениях. Так, личность в религиозной традиции — образ Бога в человеке, свобода человека по отношению к своей природе, личность в психологии — «особое качество человека, приобретаемое в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения» [1]. Личность обладает особой ценностью, стремится к духовному совершенству. Сферу личного нельзя до конца выразить и охарактеризовать ввиду ее уникальности и неповторимости, в то же время личность немыслима без общества, не существует в отдельности, так как именно в общении с другими личностями личность проявляет себя.

Личность — прежде всего творец. С. Л. Франк отмечает, что душа является проявлением единственного и неповторимого «предметного мирка», идей. Результат творчества человека всегда имеет оригинальность, неповторимость, единственность. В творческом осуществлении обнаруживается исключительное проникновение в объективное бытие. Каждый человек сознает неповторимую единственность своей личности, стремится к самоутверждению, имеет свою точку зрения на мир, основанную на личном знании. Способность к творчеству и к самоопределению — ключевые качества личности. Философ утверждает, что «каждая душа» есть «малая вселенная», «образ и подобие Бога» [10, с. 318]. Вместе с тем, человеческие души представляют собой единое целое «отдельные излучения всеединства абсолютной жизни как таковой» [10, с. 318]. С. Л. Франк говорит, что в единстве семьи, национальной жизни человек имеет непосредственную общность душевной жизни, в субъективном ее переживании. Человек не может без культурного и нравственного воспитания. По мнению философа, нравственность, государство, нация и закон — «практически важные и грозные реальности» [10, с. 324] становления личности человека. Они все вместе состав-

ляют факт общения между людьми, выливающееся в сложное многообразие единства социальной жизни общечеловеческой духовной культуры, в которой развивается личность. Так большое значение в образовании личности имеет духовно — патриотическое воспитание. Личность невозможна без национальной культуры, родного народа. «Личность — это собственное лицо, в том числе собственное национальное лицо культуры» [5, с. 123]. А. А. Корольков называет народ симфонической личностью, без которого индивидуальная личность провалится в пропасть личностного небытия. Россия во все времена обладала духовной силой, в ней всегда был приоритет общечеловеческих ценностей. Современный исследователь пишет, что «сам смысл духовности в России — прежде всего нравственный, религиозный, а не рациональный» [5, с. 121]. Духовное и патриотическое в России неразрывны, представляют единую духовно-патриотическую аксиому, например, педагогика К. Д. Ушинского, И. А. Ильина, В. В. Зеньковско-го и многих других философов и педагогов раскрывают эту идею.

В религиозной и современных светских концепциях есть общее: духовность проявляется через нравственный выбор личности, реализуется через опыт. Состояние выбора личности, способность человека к самоопределению формирует ориентиры человека, что выбрать добро или зло, хорошее или плохое? Исследователи схожи в том, что духовность как вектор поведения человека представлена с позиции нравственности — как обязательное стремление человека к лучшему, к добру. В. Д. Шадриков утверждает, что духовность является атрибутом морали, так переживаемое человеком состояние внутренней борьбы морального добра или зла и разума называется духовным состоянием. В своей книге «Возвращение души» исследователь пишет, что совет, как внутренний регулятор личности, как нравственный самоконтроль, является высшим проявлением духовности. В коллективной монографии П. В. Симонов, П. М. Ершов, Ю. П. Вяземский отмечают, что духовность в поведении человека проявляется ярче и полнее, по мере того как «увеличивается значительность практических дел, ею продиктованных, — по мере возрастания усилий для выполнения долга и велений совести» [9, с. 255]. В русской философии, в произведении «Душа человека» С. Л. Франк говорит, что понятие «совесть» произошло от слова «со-ведение» [10, с. 97], это та сторона сознания, которая главенствует над остальными и через посредство которой, разум управляет страстями душевной жизни личности. Личность превосходит природу, она может направить человеческую биологическую природу на пути совершенствования, реализуя свои волевые начала. Духовность проявляется в «устремленности человека к совершенному, идеальному, целостному» [5, с. 15], помогает человеку выбрать правильный путь, указывает нравственные ориентиры.

Духовное формирование личности начинается с детства, в образовании и в воспитании. Духовные знания, которые получает ребенок, должны быть конструктивны, направлены на обогащение души маленького человека, образование и воспитание строятся на нравственных ценностях. Формирование духовности невозможно без преемственности, родства поколений, когда преемственность преобразуется в творческой деятельности личностей, рождают-

ся новации, свойственные каждому новому поколению. Целостное развитие культуры возможно в синтезе традиций и новаций. Духовность консервативна, но не потому, что она не может приспособиться к настоящему моменту, а потому что в духовности сосредоточен исторический опыт человечности — духовная традиция предков. Духовно развитый человек поступает по совести, искренне любит родителей, Отечество, почитает святых, руководствуется внутренним идеалом. Огромную роль в формировании внутреннего мира человека играет воспитание. Индивид самостоятельно переживает мысли, будучи порождением реальных отношений добрые и злые мысли приобретают назначение и воплощаются в жизни. Мысли человека определяют его поведение на долгий период времени, а иногда и на всю жизнь. Человек воспитанный обладает духовностью, стремится действовать согласно нравственным правилам поведения в обществе, не нарушает закон.

Осуществление преемственности усложняется свободой выбора индивида, обособлением в субкультуре, подражанием деструктивным идеалам и отказ от личностного начала. Идеи, противоречащие ценностям национальной родной культуры, бесконтрольное влияние глобальной сети интернет на подрастающее поколение создают существенные проблемы для восприятия преемственности. Большой поток информации забирает свободное время, заполняет мышление формирующейся личности малозначительными проблемами, не оставляя времени для размышления над проблемами, определяющими смысл жизни. Человек становится духовно нищим, опустошенным. Личность стремится к духовной целостности — полноте, поэтому человек стремится заполнить внутреннюю пустоту. «Движение снизу обязательно должно быть дополнено движением «сверху», со стороны Духа» [1] — такое утверждение мы находим в словаре и оно соответствует позиции психологии и религиозной философии. Духовность воплощена в смысле жизни, и человек, в каком бы не находился моменте времени и обстоятельствах интуитивно будет искать именно смысл жизни. И. А. Ильин находит несчастье современного человека в нехватке именно смысла его жизни, и «пока он не найдет главного, беды и опасности будут подстерегать его все чаще и чаще» [3, с. 264]. Найти однозначный путь к разрешению современных проблем не представляется возможным. Духовная христианская антропология подразумевает веру в человека, возможность его движения к совершенству, представляет основу для решений современных проблем, подсказывает человеку смысл его существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь. [Электронный ресурс]. — URL: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf> (дата обращения: 19.06.2023)
2. Вальцев С. В. Духовность в контексте психологического анализа: монография С. В. Вальцев. — М.: Издание Международного института отраслевого образования, 2009. — 134 с.

3. Ильин И. А. Основы христианской культуры / Иван Ильин. — М.: Эксмо, 2011. — 704 с.
4. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. — 2-е изд. — М.: «ЛЕПТА ПРЕСС», 2003. — 298 с.
5. Корольков А. А. Духовная антропология. — СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 2005. — 324 с.
6. Корольков А. А., Преображенская К. В., Романенко И. Б. Педагогическая антропология в зеркале философии / А. А. Корольков, К. В. Преображенская, И. Б. Романенко. — СПб.: Алетейя, 2017. — 176 с.
7. Основы духовной культуры: учебное пособие / Е. Ю. Положенкова [и др.] под ред. Е. Ю. Положенкова, А. М. Руденко. — Ростов н/Д: Феникс, 2016. — 285 с.
8. Прохоров Г. М. Духовность и культура России конца XIX — начала XX в. глазами Святых Иоанна Кронштадтского и Николая Японского // Свидетель Истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа / Сост. А. В. Левитский. — Екатеринбург: Инф.-изд. отдел Екатеринбургской епархии, 2003. — С. 457–466.
9. Симонов П. В. Ершов П. М. Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. Познание и альтруизм: Эволюция высших потребностей. Научно — материалистический анализ / Отв. Ред. М. Г. Айрапетянц. Изд. 2-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 328 с.
10. Франк С. Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. — М.: Книжный Клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2015. — 384 с.
11. Шадриков В. Д. Возвращение души: Теоретические основания и методология психологической науки. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. — 210 с.
12. Шадриков В. Д. Происхождение человечности: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2001. — 296 с.

УДК 130.2:78.03

Ивашченко Яна Сергеевна,
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник
научно-образовательного центра «Геродот»
Новосибирского государственного технического университета,
iva_ya@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК В РОССИИ КАК ИММЕРСИВНАЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА*

В статье представлено описание языческого праздника как явления современной культуры, основанной на мультисенсорности. Определены его сходства с традиционным действием и отличия от него. Выявлена роль иммерсивного опыта в традиционной и современной культурах. Показано, что иммерсивные эффекты и мультисенсорное взаимодействие со средой в современной ситуации работают не только на погружение в миф, но и на самоактуализацию представителей этнических групп.

Ключевые слова: иммерсивность, социально-культурные практики, художественные практики, язычество, ритуал, праздник.

Ivashchenko Y. S.
CONTEMPORARY PAGAN FEAST IN RUSSIA
AS AN IMMERSIVE SOCIO-CULTURAL PRACTICE

The article presents a description of the pagan feast as a phenomenon of modern culture based on multisensory perception. Its similarities and differences from the traditional action are determined. The role between immersive experiences in traditional and modern cultures is revealed. It is shown that immersive effects and multisensory interaction with the environment in the modern situation work not only for immersion in the myth, but also for self-actualization of representatives of ethnic groups.

Keywords: immersion, socio-cultural practices, artistic practices, paganism, ritual, feast.

Язычество в современной России — это часть ее традиции, образующей, наряду с другими слоями духовной культуры общества, его консолидирующую

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01712).

базу. Но воспроизводство языческих идеалов и ценностей сегодня порождает новые эклектичные конфигурации. Одной из традиционных форм воспроизводства культуры является праздник. Эту роль он сохраняет за собой и сегодня. Кроме символических и идеологических значений, праздник несет мощный эмоциональный заряд с пролонгированным эффектом, поэтому изучение этого феномена актуально в рассмотрении проблем диалога современной культуры и язычества, а также установления границ между ними.

Семантика праздника как элемента культуры, основанной на мифологическом миропонимании, еще не отражает его существенных отличий от ритуала: она связана с поддержанием законов, ритмов природы и жизни социума; в качестве главной особенности праздника отмечают его организацию вокруг определенной ценности, образа добра, символа и мифа [2]. Традиционные и современные праздничные мероприятия сближают следующие значения: переутверждение существующих форм отношений, иерархий и порядков общества, актуализация и обновление его ценностей, членение и упорядочение времени, эмоциональное переключение, снятие напряжения и концептуализация культурной памяти.

Важной функцией традиционного праздника являлось прерывание повседневности. Ф. Мюрэ считает, что в современном «гиперфестивальном мире праздник больше не противопоставляется повседневной жизни, не противоречит ей: теперь он — сама повседневность» [4]. В обществе, ориентированном на потребление, организация социокультурной жизни оказалась в руках шоу-бизнеса и мастеров креативных проектов. Они берут на себя обязательство превратить все бытие современного человека в праздник, потому само празднование перестает быть уникальным событием. Действительно, в безмерном множестве и тавтологическом воспроизводстве коммерческих предложений исчезает эффект новизны события. Определенная успешная калька мероприятия начинает бесконечно тиражироваться в копиях. Этому способствуют процессы информатизации, развитие медиакультуры и сам современный социально-культурный контекст.

Новыми праздничными формами становятся фестивали (кинематографические, музыкальные, театральные, гастрономические, художественные и пр.), корпоративные праздники, локальные спортивные события, перформансы, музыкальные и световые шоу и т. п. Нередко перечисленные форматы сочетаются в одном масштабном мероприятии. Эта область жизни становится все более специализированной. В ее реализации задействованы профессиональные ведущие из круга актеров или других специалистов в области социально-культурной деятельности. В проведении современного праздника используются специальные социально-культурные техники, в числе которых иммерсивные эффекты.

Слово «иммерсивность» происходит от англ. *immersive* — «создающий эффект присутствия, погружения». Иммерсивный театр — это особая интерактивная форма взаимодействия актеров и пространственной среды со зрителем, которого пытаются «погрузить» в действие и присоединяют к игре актеров. Пространство, где разворачивается действие, становится мобильным и приобретает новый художественный статус. Зритель может быть в разной степени вовлечен

в происходящее: от простого наблюдения за действием до активной трансформации им сюжета. Правильнее было бы сказать, что в иммерсивном спектакле нет зрителя, так как он — участник происходящего. Активность участника задается, с одной стороны, изначальным сценарием. С другой стороны, при взаимодействии участвующих сценарий может развиваться непредсказуемым образом (многое зависит от способности зрителей-участников к эмпатии и перевоплощению). Такие виды мультисенсорного вовлечения используются не только в театральном пространстве, но и других видах искусства. Иммерсивный опыт также формирует организацию социально-культурной деятельности, в том числе индустрии праздников.

Истоки этих техник взаимодействия с аудиторией отмечаются еще в древнем ритуальной практике. Так, Я. С. Крыжановская на примере традиционного ритуала народов Приамурья (нанайцев, негидальцев, удгейцев, нивхов, ульчей, орочей, эвенков и эвенов), называемого медвежьим праздником, показала, что в традиционном ритуале тоже присутствовала особая организация пространства, выстраиваемая во взаимодействии участников с общим движением, что позволяло присутствующим чувствовать себя частью представления и обеспечивало «погружение». «Медвежий праздник коренных малочисленных этносов Приамурья, рассматриваемый в рамках театральной («пратеатральной») парадигмы, демонстрирует, говоря современным языком, использование иммерсивных технологий взаимодействия с аудиторией» [3, с. 1452]. Иммерсивное представление дает ощущение другой реальности. «Для участников обрядового праздника такой «другой реальностью» вполне естественно оказывается реальность мифа, а «иммерсивность» проявляется через сложную пространственную организацию праздника, существующего как «действие в среде» и разворачивающегося на разных площадках» [3, с. 1452].

Этот пример не единичен, а характеризует целую серию традиционных практик. Поэтому иммерсивность как культурный опыт — не изобретение современности, как это нередко трактуют, а укоренена в языческой реальности. А, значит, мы можем говорить лишь о «нарастании иммерсивности» сегодня под влиянием ряда причин. Среди художественных процессов, определяющих «мультисенсорный поворот» в современной культуре, отмечают «перенос внимания с эмпирических, рационалистических предпосылок наблюдения субъектом видимого и слышимого мира на телесную погруженность в этот процесс», «неуклонно нарастающую установку художественных практик на формирование средств выразительности, основанных на невизуальном опыте», «отказ современного искусства от таких базовых для классической эпохи постулатов пространственности, как репрезентативность и иконичность» [1].

Сосредоточенность современной культуры на практиках погружения проявляется в российских этнокультурных мероприятиях, имитирующих целиком или содержащих фрагменты древнего ритуала. Большинство народов до включения территории их проживания в геополитическое пространство России являлись язычниками, поэтому воспроизведение родных мифов, ритуалов и символов в структуре современного этнического праздника — акция перево-

да в актуальное состояние их нативной культуры. Языческий период в истории русского этноса тоже нашел отражение в целой серии популярных общественных мероприятий (например, праздник Ивана Купалы в усадьбе «Марьино» [10]). Организация для массовой аудитории таких праздников и фестивалей становится явлением современной культурной индустрии, распространенным в каждом регионе полиэтничной России. Значение подобных мероприятий определяется национальной политикой страны. Разным этническим группам эти события необходимы для репрезентации своей этничности, поэтому их отличают ностальгические тенденции и повышенная эмоциональность.

Массовая эксплуатация образов и ценностей этнических культур, в том числе с коммерческой целью, приводит к превращению традиционных ритуально-символических феноменов в шоу или проект. Примером такой трансформации является организация этнического шоу «под ключ», организаторы которого видят главную свою задачу в том, «чтобы каждому гостю не просто понравилось событие, а чтобы они были в восторге!» [6]. Примерами шоу «под ключ» являются «корпоративный мюзикл, командообразование на африканских барабанах, свадьба в этническом стиле <...>, на которых всегда царит непревзойденная атмосфера восторга и веселья» [6].

Вечеринка в этностиле, главная задача которой не познавательная, а развлекательная, этнопарк, где можно интересно провести время и «проявить свою ловкость, смелость и находчивость» [8], интерактивные экскурсии и приключения, общение «с милыми пушистыми самоедскими собаками или северными оленями» [11], просмотр выступления этнических коллективов, в том числе шаманов — все это не реалии этнической культуры, а часть культурной индустрии в обществе потребления. В этих условиях «самый магический» праздник — День Ивана Купалы, с которым современные славянские язычники связывают свою календарную обрядность, — становится «оформлением» досуга современных жителей мегаполиса. На сайте организации по проведению праздников отмечается: «праздник в Москве — это соприкосновение с магией наших предков, это обрядовые песни, плетение девичьих венков и пускание их вниз по реке, прыжки через костер и многое другое. Все это будет оформлено в этническом стиле в соответствии со всеми народными обычаями» [5].

Много подобных проектов разработано в контексте индустрии детства. Здесь, кроме развлекательных задач, с опорой на музейную педагогику, теорию и практику воспитательной работы, формулируются развивающие, познавательные, воспитательные цели и организуется соответствующая медиация. Если во взрослой индустрии досуга в контексте славянской культуры в последнее десятилетие наибольшую популярность приобрел праздник Ивана Купалы, то в детской — праздник Масленицы. Маргарита Ковынева — автор просветительского проекта «Культура.РФ» — отмечает также Святки [9], — праздник, который актуален в равной степени и для детей, и для взрослых.

Современные праздничные проекты могут получить непредсказуемый разворот в процессе их реализации. В качестве примера можно привести проект 2017 г. «Ысыах в Европе». Ысыах — традиционный якутский праздник изобилия.

Однако сам проект обрел популярность именно в межкультурном контексте и масштабе, выходящем за рамки национального. На глазах у зрителей Прибалтики, Польши и Сербии развернулись танец белого журавля, обряды очищения и благословения, окропление кумысом, установки тотемного дерева якутов, а также обряд кормления огня, который провел белый шаман. Для проведения праздника из Якутии в другие регионы выехало более 130 артистов. «Символично получилось, что «Ысыах» объединил восток и запад нашей страны, проходя одновременно во Владивостоке и Калининграде» [7]. В интерпретации мероприятия, истоки которого связаны с локальной традицией, содержится претензия на его общенациональный статус.

«Погружение» участников в традиционное действие описывается следующим образом: на церемонии «все гости праздника попробовали «белую благодать» — кумыс и традиционные блюда этого народа — лепешки, саламатам, жеребятину, оленину и знаменитую якутскую рыбу — чир. Во время Осуохай — танца, символизирующего молитву солнцу, хозяева и гости праздника, взявшись за руки, образовали хоровод. Не остался в стороне от этого действа и Александр Торба, министр по муниципальному развитию и внутренней политике Калининградской области» [9]. Примеров организации подобных праздников в России можно привести много.

Таким образом, фестивальное погружение в языческий контекст приводит к десакрализации традиционного действия и снижению статуса этнической (языческой) культуры. Она превращается в сказку о том, что могло бы быть. В такой репрезентации эти мероприятия выступают инструментом национальной политики или способом организации досуга для искушенной публики. Наиболее удачные проекты имеют бесконечное количество копий, становятся рамочной структурой, которая, наполняется в разных контекстах спецификой места и получает новые интерпретации. Иммерсивные эффекты и мультисенсорное взаимодействие со средой в данной ситуации работают не только на погружение в миф, но и на самоактуализацию представителей этнических групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венкова А. В. Феномен иммерсивности. Мультисенсорный поворот в культуре. — СПб.: Астерион, 2021. — 336 с.
2. Жигульский К. Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога. — М.: Прогресс, 1985. — 336 с.
3. Крыжановская Я. С. «Иммерсивный театр» медвежьего праздника (на примере амурских этносов) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней: материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н. И. Дроздов. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. — С. 1451–1454.
4. Мюре Ф. После истории // Иностранная литература. — 2001. — № 4. (дата обращения: 20.10.2022).

5. Организация праздников «Life isbeautiful». [Электронный ресурс]. — URL: https://life-is-beautiful.ru/prazdnik_ivana_kupala_ili_ivanov_den/ (дата обращения 02.11.2022).
6. Сайт Агентства детских праздников «Королевство чудес». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ysyakh-prishel-v-evropu/> (дата обращения 02.11.2022).
7. Сайт Информационно-аналитического агентства «Восток России». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ysyakh-prishel-v-evropu/> (дата обращения 02.11.2022).
8. Сайт Концертного агентства «Живая коллекция». [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.koncertagency.ru/inform/view/46/1173/> (дата обращения: 02.11.2022).
9. Сайт Минкультуры России. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/yazycheskiye-prazdniki/> (дата обращения: 02.11.2022).
10. Сайт Президентской библиотеки. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/1172832> (дата обращения: 02.11.2022).
11. Сайт Проекта "Где отметить день рождения ребенка в Санкт-Петербурге". Этно-парк "Белый Ветер". [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.razvgodu.info/etno-park-belyi-veter> (дата обращения: 02.11.2022).

УДК 304.44

Климова Екатерина Викторовна,
младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Геродот»
Новосибирского государственного технического университета;
старший преподаватель кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации
Комсомольского-на-Амуре государственного университета,
katekl@mail.ru

КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ СЕГОДНЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ*

Статья посвящена изучению современных мероприятий, направленных на развитие культуры коренных народов Хабаровского края. Определены возрастные аудитории, главные цели этих событий, отличия от подобных акций периода конца XX — первого десятилетия XXI в. Культура коренных народов рассматривается как национальная ценность, сохранению которой способствует сегодня продуктивный межкультурный диалог и межинституциональное сотрудничество. Установлено, что вопросы традиционной духовной культуры и искусства уже не выступают в этой серии мероприятий ключевыми, уступая приоритетную позицию решению проблем развития национального образования, языка и общероссийской гражданской культуры.

Ключевые слова: коренные народы, культура Хабаровского края, традиционная духовная культура, шаманизм, национальное образование, национальная политика.

Klimova E. V.

CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE OUTER MANCHURIA TODAY: AXIOLOGICAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS

The article is devoted to the study of modern activities aimed at developing a culture of the peoples of the Khabarovsk Territory. The age groups, main goals of these activities, differences from each period of the late XX — first stage of the XXI century are determined. Culture determines parameters such as national value, the

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01712).

preservation of which ensures productive intercultural dialogue and interinstitutional cooperation today. It has been established that issues of traditional cultural culture and art are no longer fulfilled in the series of key activities, inferior to the priority position of solving problems of the development of national education, language and all-Russian civil culture.

Keywords: indigenous peoples, culture of the Khabarovsk Krai, traditional spiritual culture, shamanism, national education, national politics.

Культура коренных народов Хабаровского края до периода активной русификации и христианизации являлась полностью языческой. У них была своя уникальная картина мира, специфические представления о духовных существах, населяющих землю. Этих народов также называют шаманистами. Все предки приамурский народностей жили в гармонии с природой, одушевляли объекты, окружающие их, активно взаимодействовали с духами, изготавливали деревянные ритуальные скульптуры, являвшиеся вместилища духов, проводили обряды и моления [1]. Несмотря на активное заселение в XVII в. региона русскими и распространение православия, шаманизм и анимизм еще долго оставались актуальными для его коренных народов верованиями. Потребность в шаманах уходит с развитием на территории Дальнего Востока России образования, здравоохранения и других институтов, функции которых ранее выполнял шаман [7]. Сегодня в этом регионе, как и в России в целом, существует двоеверие: наряду с христианскими, присутствуют элементы традиционных представлений.

Культура коренных народов Хабаровского края уникальна и самобытна, о чем пишут многие исследователи, сравнивающие эту историко-культурную область с другими культурными ареалами мира. Результатом культурной ассимиляции стала почти полная утрата этой культурной специфики. Рост национального самосознания и внимания к этому региону с его богатой этнической историей наблюдался на рубеже XX–XXI в. Подобные процессы в это время наблюдались в целом ряде других регионов России. Они получили название «этнокультурный ренессанс». Эти тенденции сохраняются в настоящее время, они отражены на законодательном уровне и в целой серии социально-культурных мероприятий.

Сегодня этническая культура народов Хабаровского края представляет ценность не только для ее носителей. Она получила признание и поддержку на районном, муниципальном, региональном, национальном и международном уровнях. В отличие от традиционного периода, характеризующегося небольшим количеством каналов общения, культура этносов региона сегодня включена в многочисленные коммуникативные связи. Ее восстановлению, сохранению и развитию способствуют различные акции, которые проходят при активном взаимодействии представителей этнической культуры со всем другим миром. Не изоляционизм, а именно активный диалог способствовал реконструкции многих аспектов их аутентичной культуры и позволил ей сегодня развиваться далее.

Начиная с конца XX века, охрана культуры коренных народов осуществляется на различных уровнях управления этими процессами. В 2007 году на пленарном заседании 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была одобрена Де-

кларация ООН о правах коренных народов, которая носила рекомендательный характер и содержала важные положения, касающиеся культурного наследия коренных народов мира. Согласно 11 и 12 Статьям Декларации ООН о правах коренных народов: «Коренные народы имеют право на соблюдение и возрождение своих культурных традиций и обычаев. Это включает в себя право на сохранение, защиту и развитие прежних, нынешних и будущих форм проявления их культуры. Коренные народы имеют право соблюдать, отправлять, развивать и передавать свои духовные и религиозные традиции, обычаи и обряды» [2].

Российская Федерация с начала процесса разработки проекта о правах коренных народов ответственно подошла к рассмотрению Декларации ООН. К сожалению, в ходе одной из сессий был выбран «закрытый» формат работы по завершению документа, и на решающем этапе одобрения в обсуждении участвовали страны, на территории которых проживает значительное число лиц, относящихся к коренным народам. Однако России в этом составе не оказалось. Данный подход вызывал принципиальное несогласие, российская делегация в ходе голосования не смогла поддержать данный проект Декларации, поэтому в России были разработаны и приведены в исполнение свои законопроекты, посвященные коренным народам, проживающим на территории российского государства.

В 2012 г. был издан Указ президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666). В рамках реализации Стратегии на период до 2025 года был запущен план мероприятий по реализации государственной национальной политики в период 2022–2025 гг. Мероприятия, посвященные реализации Стратегии, призваны решить важные проблемы по сохранению культуры коренных народов страны. На основании плана реализации национальной политики была выстроена система реализации национальной политики во всех субъектах Российской Федерации, в том числе на муниципальных уровнях и уровнях района [6].

Выбранная стратегия развития культуры коренных народов должна учитывать многовековой историко-культурный опыт становления и развития российской государственности, основанный на взаимодействии и сотрудничестве коренных народов, населяющих Российскую Федерацию. Приоритетами государственной национальной политики Российской Федерации являются:

- укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранения самобытности многонационального российской нации;
- сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации;
- сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения;
- гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;
- создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этни-

ческим и религиозным составом населения, а также на приграничных территориях Российской Федерации;

- соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [6].

В Хабаровском крае проживает 145 разных этносов, в том числе коренные народы: нанайцы, нивхи, негидальцы, орочи, ульчи, удэгейцы, эвены, эвенки. Родные языки изучаются в тридцати двух школах Хабаровского края. За последние несколько лет увеличилось количество обучающихся муниципальных учреждений, в которых изучают родные языки. Сегодня их около 2130 человек [3].

В рамках реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2022 году на территории Хабаровского края были проведены мероприятия, посвященные восстановлению культуры коренных народов Дальнего Востока России. Все эти мероприятия образуют следующие группы событий:

- мероприятия для обучающихся, посвященные сохранению родного языка (например, Международный день родного языка в образовательных организациях);

- мероприятия для педагогических работников образовательных организаций (здесь в качестве примера тоже можно привести мероприятия, посвященные Международному дню родного языка);

- отдельные образовательные акции (например, «Диктант на родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»);

- фестивали (например, Международный фестиваль «Сохраняя язык, приумножаем культурное наследие народов России: десятилетие языков коренных народов в Хабаровском крае»);

- конкурсы (например, II Открытый всероссийский онлайн-конкурс «Музыка моего народа как национальное достояние», посвященный Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России (навстречу Международному дню коренных народов мира));

- выставки (например, выставка «Дом детьми богат: детство в культуре народов России», где было представлено много экспонатов по Дальнему Востоку);

- международные акции (например, «Большой этнографический диктант»);

- конференции.

Эти форматы могут сочетаться в структуре одного большого мероприятия. В рамках мероприятий, посвященных Международному дню родного языка, в Хабаровском крае 25 февраля 2022 г. при поддержке АНО «Дальневосточный ресурсный центр межкультурного взаимодействия» состоялась научно-практическая конференция «Сохраняя язык, приумножаем культурное наследие народов России: перспективы развития образования в этнокультурном направлении». В конференции приняли участие докладчик из 32 образовательных организаций РФ и зарубежья в следующих секциях: «Диалог культур: становление межкультурной компетентности личности»; «Русский мир в национальной литературе»; «Сохранение и развитие языков и культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: опыт и современность»;

«Межкультурная компетентность личности в многоязычии образовательного пространства: современные тенденции и опыт». На конференции были рассмотрены актуальные вопросы современной межкультурной коммуникации, билингвизма, педагогики и дидактики, сохранения языков и поддержания культур, а также исследования в области методики преподавания родных языков. Участники конференции подчеркнули необходимость объединения усилий для развития этноязыкового, этнокультурного и поликультурного образования в крае; необходимость установления искреннего диалога и взаимопонимания в отношениях между представителями разных этнических групп региона. В образовательных учреждениях Хабаровского края проводились олимпиады по родным языкам и национальной культуре коренных малочисленных народов. Учащиеся соревновались в знании нанайского, эвенского, эвенкийского и удэгейского языков. Задания олимпиады включали пять разделов: лексико-грамматический, аудирование, письмо, чтение, национальная культура и говорение. Во время испытаний звучали переводы текстов известных дальневосточных писателей с родного языка на русский и наоборот. Старшеклассники представляли научно-исследовательский проект, содержащий этнокультурный материал. Также в образовательных учреждениях края проводились уроки, на которых учеников познакомили с языковой историей и темой исчезновения языков [4].

Фестиваль нанайской культуры «Годян хочин» («Чистый родник») прошел в Нанайском и Амурском районах Хабаровского края. На нем были представлены традиции и обычаи этого коренного народа. В фестивале приняли участие более 160 участников из разных районов края. Был представлен типичный набор секций и мероприятий: демонстрация кино, презентация издательских проектов, викторина, мастер-классы по хореографии, изготовлению амулетов из рыбьей кожи, костей и перьев птиц, резьбе из дерева, художественному плетению и другим ремеслам. Все желающие могли освоить азы нанайских ремесел и обсудить проблемы развития внутреннего туризма в крае.

В рамках международного фестиваля «Сохраняя язык, приумножаем культурное наследие народов России», посвященного Международному дню родных языков и Году культурного наследия народов России состоялась межрегиональная образовательная акция «Диктант на родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». В диктанте приняли участие учителя родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, носители языка, обучающиеся образовательных организаций, владеющие эвенским, эвенкийским, ульчским, удэгейским, нанайским, нивхским, негидальским языками. Сам диктант проходил в нескольких форматах: письменный перевод текста и устный последовательный перевод. Диктант проводился с целью популяризации и сохранения языков коренных малочисленных народов Дальнего Востока России [5].

Выставка «Дом детьми богат: детство в культуре народов России» — уникальный передвижной межмузейный выставочный проект, включающий 250 подлинных этнографических экспонатов XIX–XXI вв. На выставке были представлены исторические фотографии и предметный мир детей: колыбели, иг-

рушки, обереги, одежда и различная утварь. Здесь также были артефакты, представляющие культуру детства народов Дальнего Востока России. Каждому этапу детства соответствовал свой тип игрушки и предметов обихода. Чем младше был ребенок, тем большее значение придавалось магической функции этих артефактов. Благодаря выставке зрители могли узнать о культурных константах в воспитании детей у различных народов России. Наряду с этим все предметы музейной выставки отличались по способам изготовления, материалам, конфигурациям и орнаментальному оформлению, демонстрируя этнические особенности.

Открытый всероссийский онлайн-конкурс «Музыка моего народа как национальное достояние» — это открытая интернет-площадка для презентации самобытных музыкальных традиций народов России. Для детей, подростков, молодежи, широкой общественности смотр продемонстрировал многообразие культурных традиций края как художественную локальную и общекультурную ценность, а также потенциал укрепления гражданского самосознания. Конкурс проходил в следующих номинациях: «Пение на национальном языке», академическое направление, хоры, вокально-хоровые ансамбли (2 участника — 11 участников); «Пение на национальном языке», академическое направление, вокальные ансамбли, солисты; номинация «Пение на национальном языке», народное пение, хоры, вокальные и вокально-хоровые ансамбли (12–20 участников); номинация «Пение на национальном языке», народное пение, сольное пение; номинация «Игра на национальных инструментах», оркестры (от 12 участников); номинация «Игра на национальных инструментах», духовые и ударные инструменты (2 участника — 12 участников); номинация «Игра на национальных инструментах», струнные и язычковые инструменты; номинация «Национальный танец». Возрастные категории участников были распределены следующим образом: I — младшая (7–10 лет), II — средняя (11–14 лет), III — старшая (15–18 лет), IV — юношеская (18–28 лет), V — взрослая (от 29 лет и старше). Все конкурсные выступления оценивались по следующим критериям: яркость и аутентичность воплощения одной из национальных музыкальных традиций России; естественность музыкального и сценического образа; соответствие выбранного репертуара возрасту и вокальным данным исполнителей; владение вокальными навыками; артистизм; уровень балетмейстерской работы; соответствие костюмов художественной задаче и жанру выступления; музыкальное сопровождение и сценическая культура участников коллектива; уровень технического мастерства исполнителей [4].

Все мероприятия, проводимые в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики и возрождения культуры коренных народов Хабаровского края дифференцируются по возрастному признаку, а также типу включения их участников в процессы сохранения и воспроизведения культуры коренных народов. В данном контексте можно выделить шесть целевых групп:

- дети дошкольного возраста;
- дети и подростки, обучающиеся в средних образовательных учреждениях;
- студенты и аспиранты, вовлеченные в исследовательскую деятельность, связанную с изучением культуры коренных народов края;

- педагогические работники образовательных организаций;
- художественная интеллигенция и работники учреждений культуры;
- другие заинтересованные в сохранении культуры народов края лица.

Главными целями, объединяющими все мероприятия, посвященные культуре коренных народов Дальнего Востока России, являются:

- формирование интереса учащихся к изучению и сохранению родного языка, воспитание уважения к культуре и традициям своего народа, развитие стремление быть терпимым в обществе людей;
- мотивация различных возрастных групп к изучению языков, находящихся на грани исчезновения;
- привлечение внимания общественности к проблеме использования вымирающих языков в повседневной жизни;
- предоставление возможности участникам получить независимую оценку своих знаний;
- воспитание интернационализма, патриотизма, толерантности;
- формирование бережного отношения к родному языку, чувства принадлежности к своим предкам, народу и культуре.

Таким образом, все мероприятия, проводимые в рамках Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и связанные с актуализацией культуры коренных малочисленных народов Хабаровского края, ориентированы на различные группы людей, проживающих в крае. Целевая направленность организованных событий — развитие поликультурной компетентности, профессионализация и вместе с тем поддержание национальных традиций в искусстве, совершенствование образовательного пространства и образовательной среды изучения родных языков коренных малочисленных народов края, повышение грамотности по национальным языкам. В мероприятиях, посвященных художественной культуре этносов, критериями оценки являлись не только «аутентичность» и «естественность», но и профессиональные качества национального искусства. Осознание подрастающим поколением важности восстановления, сохранения и преумножения культурного наследия своих предков должно способствовать ликвидации «культурных разрывов» в многовековой истории культуры края.

Следует также отметить, что в тематике и целеполагании этих событий прослеживается отчетливая ориентация на формирование гражданского самосознания, а также консолидирующее значение, что существенно отличает эти мероприятия от социально-культурных акций конца XX — первого десятилетия XXI века. Важным для организаторов мероприятий представляется формирование единого образовательного и социально-культурного пространства, в котором есть место каждой этнической традиции и имеются механизмы для их успешной интеграции в общую национальную культуру. Другим отличием современных мероприятий Стратегии является «смещение» духовной культуры и искусства на «периферию»: сюжеты, иллюстрирующие традиционные системы верований, различные аспекты ритуальной культуры коренных народов Хабаровского края, а также их декоративно-прикладное творчество выступали

больше фоном, на котором разворачивалось решение центральных проблем, связанных с развитием национального образования, сохранением национально-го языка, совершенствованием гражданской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иващенко Я. С. Неоязычество в современном искусстве России: Тематический словарь-справочник / Я. С. Иващенко. — Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «СИППИСПР», 2022. — 173 с.

2. О принятии 61-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1607746/ (дата обращения: 05.10.2023).

3. Отчет о выполнении пункта 6 Плана мероприятий по реализации в 2022–2025 годах. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/79543dafc051da588d2c5b4f7de93f9d/download/5492/> (дата обращения: 08.10.2023).

4. Реализация государственной национальной политики РФ в крае. [Электронный ресурс]. — URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/Gosudarstvenno-nacionalnaya-politika-v-krae> (дата обращения: 05.10.2023).

5. Региональная общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов севера Хабаровского края». [Электронный ресурс]. — URL: <http://akmns-khab.ru/2023/07/> (дата обращения: 06.10.2023).

6. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 05.10.2023).

7. Ivashchenko Y. Where Have the Amur Region's Shamans Gone? // Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union. New Dimensions of Research: monograph. — Stockholm: Soderton University, 2017. — Chap. 10. — Pp. 263–279.

УДК 159.9

Кузьмина Елена Викторовна,
доцент, кандидат исторических наук
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
elena_kuz_omsk@mail.ru

MEMORY STUDIES ОТ П. П. БЛОНСКОГО

Статья посвящена проблеме репродукции культурной памяти в целях формирования новой гражданской идентичности в такой полиэтнической и поликонфессиональной стране как Россия. Еще за сто лет до появления memory studies российский философ и психолог П. П. Блонский ставил вопрос о патриотическом воспитании и о видах (этапах) памяти, с которыми нужно работать психологу.

Ключевые слова: память; репродукция; образная память; воображение; идентичность

Kuzmina E. V.
MEMORY STUDIES BY P.P. BLONSKY

The article is devoted to the problem of reproduction of cultural memory in order to form a new civic identity in such a multi-ethnic and multi-confessional country as Russia. A hundred years before the advent of memory studies, the russian philosopher P. P. Blonsky raised the question of patriotic education and the types (stages) of memory that a psychologist needs to work with.

Keywords: memory; reproduction; imaginative memory; imagination; identity.

Много новых междисциплинарных областей социо-гуманитарного знания появилось за последние сто лет. Пересечение классических истории, философии, социологии и психологии дает интересные результаты. Не углубляясь в историю появления memory studies и ее развитие по различным направлениям [5], мы можем предложить российских авторов, которые в полемике с зарубежными исследователями, предлагали свои теории и концепты.

Создатели memory studies, прежде всего, заинтересованы в выделении социально-значимых событий прошлого и анализе их смыслов с точки зрения формирования гражданской идентичности в настоящем. Так, например, переосмысливались события XX века, смыслообразующими для которого стали две

мировые войны. Memory studies преимущественно заняты практиками воспоминания, в том числе символического. Можно сказать, что это уже социология памяти — культурной, политической, социальной. Данные процессы трансформировались под воздействием новых медиа. Культурная память тоже стала конструируемой реальностью, а также коммуникативным средством.

П. П. Блонский начал с изучения механизмов индивидуальной памяти. Это ему способствовало его хорошее философское образование. Обычно П. П. Блонского причисляют к теоретикам педологии — тоже междисциплинарной науки — которая сначала была популярна у советских лидеров, а потом впала в немилость. Сейчас эту науку нейтрально связывают с возрастной психологией. Но интересы П. П. Блонского шли дальше педагогики и финалом его исследования и самой жизни стала монография «Память и мышление» (1935).

П. П. Блонский получил образование в Киевском университете св. Владимира (золотая медаль за работу «Проблема реальности у Беркли»). После переезда в Москву он был оставлен на кафедре философии историко-филологического факультета Московского университета. Революция прервала профессорскую карьеру П. П. Блонского. В это время он познакомился с Г. И. Челпановым и стал его аспирантом.

Теоретическая принадлежность П. П. Блонского продолжает вызывать вопросы. В энциклопедиях пишут, что он разработал стадиальную теорию памяти.

Одной из первых книг П. П. Блонского по поставленной теме была «О национальном воспитании» (Вестник воспитания. 1915, № 4). Автор сразу начинает с тезиса о том, что «русские дети национального воспитания не получают» [1, с. 3] Подсчеты учебных часов П. П. Блонского приводили к следующим результатам: «наше незнание народа и народной жизни и сохранения трагической антитезы: «интеллигенция и сфинкс». Во-вторых, «неустойчивость нашей самооценки» («русские — дураки» или «народ — богоносец») [1, с. 4]. Вопрос о национальном воспитании поставила война...

С пафосом пишет П. П. Блонский, что функцию национального воспитания выполняла русская литература, высмеивающая иностранную педагогику. Далее, в дело вступает К. Д. Ушинский с требованием русского народного воспитания и образования. По общему утверждению педагогов, главная задача воспитания — это сохранение и усиление общей традиции. В свою очередь, общая историко-культурная традиция «является содержанием понятия национальности» [1, с. 6]. С точки зрения П. П. Блонского рост национального самосознания усиливается демократическими институтами. Наоборот, изолированность нации делает ее «умирающей», менее способной на творчество. Общие условия для возникновения национального воспитания: 1. общий расцвет национальной жизни и национального творчества; 2. подъем экономической жизни; 3. демократизации культуры; 4. развитие международных отношений и самостоятельности общества [1, с. 18].

Когда читаешь работу П. П. Блонского, вольно или невольно проводишь параллели с современностью. Сегодня всё-так же ведутся споры о русской народной душе, о пользе читать Лермонтова или гр. Толстого...

«Память и мышление» — работа более психологического характера. Через критическое рассмотрение концептов памяти зарубежной науки, П. П. Блонский разрабатывает авторскую типологию памяти в связи с проблематикой воображения [2]. Он утверждает, что свое исследование стремился строить на эксперименте и историко-лингвистических данных. Первым видом автор называет моторную память (память-привычку), которая хорошо сочетается с господствующей в 30-х годах XX века марксистско-ленинской трудовой теорией. Но П. П. Блонский, ссылаясь на очевидность этой теории, сразу переходит на следующий уровень.

Как философ, защищавшийся по философии Плотина, П. П. Блонский не может не сделать античный экскурс понимания памяти, тем более что первое определение памяти принадлежит Аристотелю — «память есть обладание образом, как подобием того, чего он образ» [2, с. 6]. Здесь же фиксируется взаимосвязь памяти и воображения. Но процедура «отпечатка» внешнего тела на память не так уж проста. Образы — «отпечатки» — сохраняют связь памяти и тех внешних тел. Они являются образами — подобиями. Первым органом ощущения по Аристотелю является сердце. Вспоминать — это значит «искать» образ, повторение процедур этому способствует. Но по Аристотелю, вспоминание как умозаключение, присуще только человеку. Кто не способен к умозаключению (дети, старики) — не способен и к вспоминанию. Физиологичность понимания памяти Аристотелем делает его теорию близкой современной научной.

Конечно, не мог пройти автор мимо Плотина и его критики теории «отпечатков». Для П. П. Блонского Плотин безусловно идеалист, лишаящий материю всяческой силы. То, что мы называем представлением, восприятием, памятью — это деятельность души. Ощущение переходит в образ, в виде представления низводится в область воображения, которое помнит исчезнувшие ощущения. В самой телесности она не нуждается. «Помнить дело памяти» [2, с. 11].

В новое время память выступает как философская проблема и связана с проблемой знания, и общей философской проблемой опыта. Здесь (по Гоббсу, например) на первые позиции выходит не сердце, а мозг, которому внешнее тело по нервам передает движение и, через сопротивление, возвращается. Это ощущение, которое не исчезает вместе с предметом, вызвавшим его, а становится опытом. По Гоббсу память — своего рода шестое чувство. По Локку — память — «арсенал наших идей» [2, с. 13]. Эмпиризм Локка с его критикой «врожденных идей» встречает реакцию Лейбница, с его различением «памяти фактов» и «признания причин». Знаменитый спор рационалистов и эмпириков не решал проблему отношения памяти и мышления, и неизбежно привел к дуализму. Полностью не удовлетворяет П. П. Блонского и диалектический идеализм Гегеля. Для Гегеля существует три ступени представления — вспоминание, воображение и память» [2, с. 18]. Развитой человек живет своими образами и воспоминаниями, которые входят в теперешнее созерцание. Здесь же возникает вопрос с законами ассоциации идей.

Для Гегеля существует три ступени воображения: воспроизводящее, ассоциирующее и творческое («фантазия»). «Воспроизводящее воображение дает

представление вообще, в противоположность созерцанию. Ассоциирующее воображение выделяет общее содержание образов, и так возникают общие или абстрактные представления (общие признаки)... Но настоящие общие представления (понятия, идеи)... создаются только творческим воображением, фантазией». Она выдвигает внутреннюю и существенную ее сторону и придает ей образную сторону [2, с. 19]. Следующая ступень по Гегелю, которая потом отразится в типологии самого П. П. Блонского — продуктивная память — высшим созданием которой является язык [3].

Современная психология. С точки зрения П. П. Блонского, самыми значимыми можно назвать Джеймса Милля, Бэна и Джеймса. Бэн заявляет, что основные действия ума: сознание различия, сознание сходства (закон ассоциации), и (способность и удержание в уме), т. е. память [3]. Память имеет две ступени: сохранение психического возбуждения после исчезновения возбудителя; высшая стадия памяти, которая воспроизводит только посредством умственных факторов. Таким образом, высшая форма памяти или память как таковая, по П. П. Блонскому свободная от образов и пользуется только идеями посредством ассоциации. Джеймс также сводит законы памяти к законам ассоциации [6].

Анализ развития современной психологии, особенно, после П. Жане [7], опять приводит П. П. Блонского к разведению памяти — как «всеобщей функции организованной материи» и памяти — как сугубо человеческой функции [2, с. 28] Как полагает наш автор, к этому времени устоялась типология памяти, каждая из которых получила своих теоретиков: память-привычка (моторная память), образная память (память-воображение), логическая память, память — рассказ (память-мышление). И определения памяти этих авторов не совпадали друг с другом. П. П. Блонский предположил, что это — различные «слои памяти» и в этом ему помогает диалектик Гегель. П. П. Блонский выдвигает гипотезу, что основные виды памяти являются различными ступенями развития памяти (во многом совпадая с онтогенезом).

П. П. Блонский в силу своих материалистических ориентаций отвергает учение о врожденных идеях, но признает врожденные движения, и это во много совпадает с моторной памятью. Раннее детство — гегемония «образного мышления» [2, с. 34] или воображения. В старших классах на очереди мышление или логическая память.

Нас, в данном случае интересует больше образная память (воображение) не только потому, что оно занимает большую часть жизни и обучения ребенка, но и потому что наш автор ставит вопрос о возможности образной памяти у животных (наличие сновидений).

Отдельной темой для П. П. Блонского становится связь памяти и чувства. Эксперимент с учащимися показывает наибольший процесс воспоминаний, связанный с эмоционально пережитым чувством, вызывающим «новое», причем новое — неприятное [2, с. 40]. В продолжающейся полемике с З. Фрейдом, П. П. Блонский оспаривает его теорию «вытеснения». Еще и еще раз ссылаясь на опыты европейских психологов П. П. Блонский доказывает, что запоминается лучше неприятное. Он это называет «судьбой пережитого чувства» [2, с. 48].

Не смотря на наличие богатого, постоянного аффективного опыта, психологи спорят о наличии аффективной памяти (полемика Рибо-Кюльпе). П. П. Блонский соглашается с тем, что в репродуцировании образов участвуют все нервные процессы, следовательно, аффективная память существует (воображаемая боль, фобии, ностальгия). Множество примеров можно обнаружить в психопатологии. В любом случае образная память по уровню развития «выше» аффективной, потому что относятся к разным частям головного мозга. Также возможно репродукция обоняния и вкуса... Но в психологии начала XX большее внимание уделялось генезису зрительных образов. П. П. Блонский выделяет два типа (тенденции): трансформирующийся образ и регенерирующийся тип, который до известной степени мог «вызывать» свои образы, а не только следовать им.

Здесь мы естественным образом переходим к вопросу о соотношении памяти и воображения, репродукции и фантазирования. Выше П. П. Блонский определил виды памяти генетически и, соответственно, соотношение «слоев» памяти и воображения могут быть различными: оперирование образами, продукцию новых образов, комбинаторную способность, творчество.

Автор в своей дифференциации и типологии стремится более жестко связать память именно с реинтеграцией, как восстановительный процесс. Ситуационно реинтеграция запускает трансформацию образов, является ее источником и дает работу воображению.

Аристотель возвращает П. П. Блонского к понятию образа. С точки зрения нашего автора современная эмпирическая психология изучала не образы, а представления, понимания как идеи. Экспериментальная психология ушла в моторную память. Соответственно образы и образная память, вместе с воображением, при их изначальности, не получили должного внимания в современной науке. И тут звучит неожиданный для всего исследования тезис, что недоисследование образной памяти, воображения, дает лауну. Память–рассказ менее продуктивна, чем память–образ. Образы, литературные образы, зрительные образы по степени своего влияния превосходят память–рассказы.

Еще одна типология или дифференциация: Образы-схемы и образы — символы. П. П. Блонский выделяет следующие тенденции: упрощение оригинала (схематизация): преувеличение размеров оригинала или его составляющих: изменения оригинала (тенденция к большему графическому однообразию и еще ряд гипербол.

Таким образом, «образное мышление» все-таки может сосуществовать. Соединяясь в один концепт, они представляют собой воображение. Но П. П. Блонский, как философ идет дальше, не образная память, связанная с визуальностью, а вербальная память, при всех всех-возможностях-потенциалах образной памяти, несет большую эвристическую значимость. В этом он остается гегельянцем.

В нынешних условиях формирования новой гражданской идентичности, образная память продолжает занимать первые позиции. Но вербальная память, память–рассказ будет довершать процесс формирования (новой) идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П. П. О национальном воспитании. — М., 1915. — 40 с.
2. Блонский П. П. Память и мышление. — СПб.: Питер, 2001. — 288 с.
3. Бэн А. Психология. Т. 1. — М., 1902. — С. 241–245.
4. Гегель. Введение в философию. М., 1927.
5. Нечаева А. А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского государственного университета, Серия: Социальные науки. — 2020. — № 4 (60). — С. 121–129.
6. James W. The Principles of Psychology. V. 1 London, 1901. P. 598.
7. Janet P. L'Evolution de la memoire et de la notion du temps. Paris, 1928

УДК 172. 1

Курилов Виктор Алексеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

**ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНОГО ОБРАЗА ШАХМАТИСТА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «ГРОССМЕЙСТЕР»
И РОЛЬ СОВЕТСКОГО ШАХМАТНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ КПСС**

Статья посвящена анализу развития массового шахматного движения в Советском Союзе и его значения в идеологической работе КПСС и советского государства во второй половине XX века. Также затрагиваются некоторые аспекты воспитательной функции советского кинематографа на примере художественного фильма «Гроссмейстер» (1972 г.). Автор, опираясь на архивные документы, раскрывает особенности и механизмы идеологической работы КПСС по отношению к советскому шахматному движению.

Ключевые слова: Художественный фильм «Гроссмейстер», шахматное движение в Советском Союзе, идеологическая работа КПСС.

Kurilov V. A.

*FEATURES OF THE MORAL IMAGE OF A CHESS PLAYER IN THE FEATURE
FILM «GRANDMASTER» AND THE ROLE OF THE SOVIET CHESS MOVEMENT
IN THE IDEOLOGICAL WORK OF THE CPSU*

The article is devoted to the analysis of the development of the mass chess movement in the Soviet Union and its significance in the ideological work of the Communist Party and the Soviet state in the second half of the XX century. Some aspects of the educational function of Soviet cinema are also touched on the example of the feature film «Grandmaster» (1972). The author, relying on archival documents, reveals the features and mechanisms of the ideological work of the Communist Party in relation to the Soviet chess movement.

Keywords: art film «Grandmaster», chess movement in the Soviet Union, ideological work of the Communist Party.

Несмотря на всю значимость массового шахматного движения в Советском Союзе, художественных фильмов посвященных шахматам и шахматистам

насчитываются единицы. Фильм режиссёра Сергея Герасимовича Микаэляна «Гроссмейстер» (1972 г.) по сценарию Леонида Генриховича Зорина является выдающимся произведением советского кинематографа. Главный герой фильма шахматист Сергей Александрович Хлебников (актёр Андрей Васильевич Мягков) раскрывается как гуманист, обладающий выраженными волевыми качествами, творческой принципиальностью и любовью к своему жизненному призванию. Однако на наш взгляд, самое важное в художественном образе гроссмейстера Хлебникова его моральные идеалы в сфере профессиональных спортивных интересов. Для главного героя шахматы — царство разума, в котором он счастлив. Его близкое окружение, многие коллеги, даже его первый тренер Павел Максимович (актёр Ефим Захарович Капелян) видят в шахматах лишь борьбу, сражение интеллектов, где главная цель только победа любой ценой. В одной из сцен фильма, в приватной беседе с Сергеем Хлебниковым Павел Максимович сравнивает шахматы с «маленькой моделью жизни», при этом он подчёркивает, что главным источником жизни является жестокая борьба. Однако Сергея Хлебникова привлекает в шахматах не «драка интеллектов», а поиск истины. Всю свою сознательную шахматную карьеру главный герой фильма не гонится за победой любой ценой, сам по себе выигрыш или поражение для него не стоят на первом месте. Гроссмейстер Хлебников отстаивает своё творческое кредо, он ищет в процессе шахматного сражения истину и эстетическое удовлетворение от реализованных на шахматной доске законов логики и гармонии. Надо отметить, что творческие принципы главного героя приносят свои плоды, и он добивается успеха, выигрывает решающую партию чёрным цветом в матче претендентов.

В фильме «Гроссмейстер», на примере яркого и очень живого образа Сергея Хлебникова, раскрыт моральный идеал спортсмена в социалистическом обществе. Во-первых, на это указывает отрицание прагматического, утилитарного отношения к профессиональной деятельности. Главный герой живёт любимым делом, отстаивает свои творческие принципы, иногда даже, в ущерб собственных личных интересов. Во-вторых, цель его творческой деятельности — это познание шахматной истины и наслаждение от эстетического созерцания реализации шахматных законов за доской. Воспитательная функция такой модели советского спортсмена заключается в том, что только социалистическое общество способно породить данный тип личности. Дело в том, что согласно господствующей марксистско-ленинской идеологической доктрине пролетариат заинтересован в раскрытии объективной истины, которая позволит преобразовать природу и общество в интересах передового класса трудящихся. Ещё В. И. Ленин, рассуждая о «научной идеологии» писал, что только познание объективных процессов общественного развития способствует строительству коммунизма [7, с. 93–94]. Главный герой фильма шахматист Сергей Александрович Хлебников стал собирательным образом советской творческой личности, которая предана бескорыстному служению истине и глубоко счастлива в этом служении. Разумеется, развитие сюжета в фильме подводит зрителя к выводу: спорт в социалистическом обществе порождает настоящих творцов-бессребренников, для которых цель спортивной деятельности — эстетическая гармония и истина.

Несмотря на все достоинства фильма и его идеологическую выдержанность, он был снят с проката после отъезда Виктора Львовича Корчного из СССР (В. Л. Корчной сыграл роль тренера Сергея Хлебникова).

Развитие массового физкультурно-спортивного движения в Советском Союзе было обусловлено прагматическими и идеологическими причинами. Средствами физической культуры и спорта формировали здоровые интересы молодёжи, вели борьбу с курением, пьянством, наркоманией. Занятия физкультурой и спортом трудоспособного населения повышали производительность труда на 3–8%. Показателен подсчёт, приведённый на XIX Всесоюзной партконференции министром здравоохранения СССР Е. И. Чазовым: «...4 миллиона ежедневно не выходящих на работу в связи с болезнью и уходом за больными, и вы получите колоссальные цифры потерь — сто миллионов рублей только за один день». Физические упражнения способствуют активной продолжительности жизни в трудоспособном возрасте, а это приносило экономический эффект в рамках всего народного хозяйства на десятки миллиардов рублей [3, с. 177–179]. Таков в самых общих чертах был прагматический аспект развития массового физкультурно-спортивного движения в Советском Союзе. Физическую культуру рассматривали и как часть системы коммунистического воспитания.

Советское шахматное движение являлось элементом физической культуры и спорта, хотя и не было связано напрямую с развитием физических качеств личности. Между тем в Советском Союзе шахматы шли в авангарде физкультурного движения.

Развитие массового шахматного движения было частью глобального для советского общества процесса культурной революции и тесно переплеталось с идеологической работой КПСС и советского государства. Идеологическое противостояние социалистического и капиталистического обществ нашло своё отражение в спортивных соревнованиях в целом и в шахматных сражениях в частности. Например, можно вспомнить командный радиоматч СССР — США в 1945 году, который закончился убедительной победой советских шахматистов. Идеологическое значение имели матчи сборной СССР против сборной мира в Белграде (1970 г.) и Лондоне (1984 г.), также завершившиеся в пользу советской команды. Вторая половина XX века — это триумфальное восхождение на шахматный Олимп представителей советской шахматной школы. В 1952–1990 гг. мужская команда СССР на Всемирных шахматных олимпиадах 18 раз (из 19; кроме 1978; в 1976 не участвовала) завоёвывала 1-е место; женская команда с 1957 по 1990 — победительница десяти шахматных олимпиад. Такие блестящие результаты советской шахматной школы во многом были связаны с политикой государства, которая была направлена на развитие массового шахматного движения. С 1948 по 1972 гг. чемпионами мира по шахматам становились непрерывно советские шахматисты. Основу организации шахматного движения составляли многочисленные шахматные клубы в Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Киеве, Львове, Минске, Тбилиси, Ереване, Риге, Таллине, Баку, Одессе и многих других городах, а также клубы добровольных спортивных обществ (ДСО) профсоюзов, шахматные кружки при дворцах пионеров, на заводах и фабриках; они прово-

дили массовые соревнования, читательские конференции, встречи с ведущими шахматистами, сеансы одновременной игры. В шахматных периодических изданиях подчёркивалось, что «завоевание вершин мирового шахматного искусства является закономерным следствием роста всей нашей социалистической культуры» [5, с. 1].

Однако были и особенности, которые затрудняли политико-воспитательную работу КПСС среди шахматистов. В отличие от командных видов спорта, занятия шахматами формирует дух индивидуализма и критического мышления, а это означало, что шахматистов затруднительно воспитывать в коллективе, так как шахматист менее зависим от власти коллектива и командного духа. Особенно скандально проявился этот индивидуализм в выезде из страны экс-чемпиона мира по шахматам Бориса Васильевича Спасского и одного из сильнейших гроссмейстеров того времени Виктора Львовича Корчного. Оба гроссмейстера родились в Ленинграде. Б. В. Спасский покинул Советский Союз в 1976 году, однако он сохранил советское гражданство и право выступать как представитель СССР. После поражения американцу в матче за шахматную корону Роберту Джеймсу Фишеру десятый чемпион мира женился на внучке видного представителя Белого движения генерала от инфантерии Дмитрия Григорьевича Щербачёва — Марине Юрьевне Щербачёвой. Б. В. Спасский публично не выступал с антисоветскими заявлениями, поэтому его отъезд во Францию прошёл относительно спокойно. А вот отказ возвращаться в СССР В. Л. Корчного в 1976 году, вызвал целую бурю негодования советского государства и шахматной общественности. Было опубликовано письмо советских гроссмейстеров, которые назвали В. Л. Корчного «предателем Родины и отщепенцем». Шахматная федерация СССР приняла решение дисквалифицировать «озлобленного индивидуалиста» и лишить его званий заслуженного мастера спорта, гроссмейстера и мастера спорта СССР. В дополнение к этим дисциплинарным мерам был поставлен вопрос перед Международной шахматной федерацией об исключении В. Л. Корчного из соревнования претендентов на звание чемпиона мира [1, с. 7].

В публицистической литературе упоминается о значительном влиянии КГБ на деятельность профессионального шахматного сообщества. Бывший сотрудник КГБ СССР В. К. Попов утверждает, что целый ряд крупных чиновников из Госкомспорта СССР, главный редактор крупнейшего шахматного журнала «64», а также два советских чемпиона мира по шахматам и множество гроссмейстеров были завербованы органами госбезопасности и выполняли функции агентов влияния. Если верить В. К. Попову, то завербован был даже президент Международного Олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч, причём основанием для его вербовки стал факт незаконного вывоза из СССР предметов антиквариата [2, с. 64]. В книге «КГБ играет в шахматы» фактически говорится о том, что подходящие кандидатуры чемпионов мира по шахматам утверждались на уровне ЦК КПСС, а КГБ обеспечивал восхождение советских фаворитов на шахматный Олимп.

Конкретные организационные и идеологические методы работы среди шахматных коллективов хорошо отражены в закрытом постановлении секретариата

ЦК КПСС от 10 июня 1980 года «Об улучшении воспитательной работы среди шахматистов». В указанном постановлении ЦК КПСС отмечал, что шахматы в Советском Союзе не только массовый вид спорта, но и важное средство воспитания. Отечественные шахматисты вносили профессиональными успехами большой вклад в пропаганду достижений Советского Союза, в укрепление дружбы и взаимопонимания между народами. Однако секретариат ЦК КПСС беспокоило состояние воспитательной работы среди шахматистов, её уровень «не отвечал имеющимся возможностям, требованиям времени». Ряд фактов свидетельствовал об ослаблении воспитания шахматистов в духе советского патриотизма. Секретариат ЦК КПСС отмечал, что многие парткомы, Советы народных депутатов, физкультурные, профсоюзные и комсомольские организации недооценивают общественную значимость шахмат, несерьёзно относятся к идейно-политической и нравственной работе среди шахматистов, а также плохо учитывают специфику работы с ними. Многие гроссмейстеры и мастера, по мнению партийного руководства, были оторваны от трудовых коллективов, общественных организаций, не вовлечены в систему политического образования. Мало внимания обращалось партийными, общественными и государственными организациями на развитие у шахматистов общественной активности, высокого чувства гражданского долга перед социалистическим обществом.

В постановлении секретариата Ленинградского обкома КПСС отмечался факт слабой подготовки шахматного резерва, из 535 тысяч ленинградских школьников всего две тысячи организовано занимались шахматами. Выполняя указания секретариата ЦК КПСС местные партийные власти в лице секретариата Ленинградского обкома постановили: 1. Партийным, советским и общественным организациям обеспечить дальнейшее массовое развитие шахмат, повысить их роль в системе физкультурного движения, в рациональном использовании свободного времени, всесторонним и гармоничном развитии личности. Проявлять настоящую заботу о развитии политической и общественной активности шахматистов, шире привлекать их к работе в профсоюзных, комсомольских и спортивных организациях. Укрепить шефские связи шахматистов с трудовыми и армейскими коллективами, систематически практиковать их выступления с отчётами перед трудящимися. В целях пропаганды шахмат регулярно проводить лекции, творческие встречи, сеансы одновременной игры. 2. Принять меры по укреплению материально-технической базы для развития шахмат. 3. Спорткомитетам и добровольным спортивным обществам (ДСО) разработать меры, обеспечивающие рост массовости и спортивного мастерства ленинградских шахматистов. Особое внимание обратить на развитие кружков, секций в общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, техникумах и вузах. 4. Повысить роль ленинградской федерации шахмат в воспитании спортсменов, комплектовании сборных команд, проведении чемпионата Ленинграда, массовых соревнований этого популярного вида спорта. 5. Отделу пропаганды и агитации обкома КПСС установить контроль за выполнением настоящего постановления и о результатах проделанной работы доложить в январе 1982 года [6, с. 2].

В записке о результатах выполнения постановления секретариата Ленинградского обкома КПСС был дан отчёт о проделанных организационных мероприятиях по воспитательной работе среди шахматистов. ДСО и ведомства стали регулярно проводить политинформации для тренеров, занятия и семинары с шахматистами. На организованных встречах членов сборных команд города и области с трудовыми коллективами шахматисты отчитывались о своих спортивных достижениях. В шахматных секциях проводили встречи с ветеранами войны и труда, передовиками производства, лекции и беседы. Над шахматной сборной командой Ленинграда установила шефство профсоюзная организация ЛОМО им. В. И. Ленина. Важным моментом в идейно-политическом и патриотическом воспитании шахматистов стали соревнования, посвящённые памятным датам, знаменательным событиям в жизни страны, такие как турниры в честь XXVI съезда КПСС, Дня Победы и др. СМИ освещали шахматную жизнь страны, в Ленинграде специальные шахматные разделы имели газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград», главная редакция спортивных программ телевидения и радио. На многих предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях, по месту жительства выделяли помещения для организации работы с шахматистами, в этих «уголках шахматиста» размещали наглядную агитацию с шахматной литературой и материалы с общей политической тематикой [6, с. 4–5].

Весь этот комплекс организационных и идейно-воспитательных мероприятий должен был выполнять двойственную задачу. С одной стороны, на коллективы рядовых любителей шахмат оказывали воспитательное воздействие посредством ведущих спортсменов, прививали чувство патриотизма и гордости за крупные шахматные достижения социалистического общества. С другой стороны, представителям шахматной элиты внушалось чувство единения с социалистическими коллективами, ответственности за престиж страны. Деятельные отношения видных шахматистов с массовым шахматным движением должны были приводить к закреплению коллективистских качеств, политической лояльности к советской власти и изживанию нездорового индивидуализма. Считалось, что социалистический коллектив должен был формировать коллективистскую психологию, которая отличала советского человека, от представителя капиталистического общества [4, с. 14]. Спортивные коллективы были связующим звеном интересов личности с интересами советского общества. Партийные организации проводили разнообразными и достаточно тонкими средствами воспитательное воздействие на личность с помощью вовлечения субъекта идеологического воздействия в многостороннюю деятельность социалистических коллективов. Социально-психологическое конструирование «нового человека», «коммунистической личности» происходило посредством формирования марксистско-ленинского мировоззрения у индивида в особой среде социалистического коллектива. В частности, советский человек вовлекался в деятельность спортивных коллективов и посредством этой деятельности усваивал ценности социализма, как на уровне общественной психологии (за счёт плотной эмоциональной жизни спортивного коллектива), так и на уровне идеологии, если включался в систему политического просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. В шахматной федерации СССР // Шахматы в СССР, 1976, № 10. — С. 7
2. Гулько Б. Ф. КГБ играет в шахматы / Б. Ф. Гулько, В. Л. Корчной, В. К. Попов, Ю. Г. Фельштинский. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 208 с.
3. Идеологическая работа КПСС в условиях перестройки. — М.: Политиздат, 1988. — 368 с.
4. Кумарин В. В. Теория коллектива в трудах А. С. Макаренко. — Киев: Вища школа, 1979. — 120 с.
5. Немеркнувший свет Октября // Шахматы в СССР, 1978, № 2. — С. 1
6. Постановление секретариата Ленинградского обкома КПСС от 15 сентября 1980 г. «Постановление Секретариата ЦК КПСС от 10 июня 1980 года «Об улучшении воспитательной работы среди шахматистов» // ЦГАИПД СПб. Ф. 24 Ленинградский областной комитет КПСС, о. 189, д. 127 Материалы по выполнению постановления секретариата обкома КПСС от 15 сентября 1980 года Постановление Секретариата ЦК КПСС от 10 июня 1980 года «Об улучшении воспитательной работы среди шахматистов», количество листов в деле 7.
7. Яковлев М. В. Идеология: противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций. — М.: Мысль, 1979. — 271 с.

Леонтьева Ксения Юрьевна,
магистрант Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена,
ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург),
rojkseniya@yandex.ru

**РОЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
В ВОСПИТАНИИ ИДЕАЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА**

В статье рассматривается вопрос о присутствии изобразительных искусств в философско-образовательной парадигме Древней Греции. Определяется роль произведений архитектуры, пластики, живописи в древнегреческом образовании, и изучается их влияние на формирование личности будущего идеального гражданина полиса.

Ключевые слова: Древняя Греция, философско-образовательная парадигма, калокагатия, пайдейя, древнегреческий полис, изобразительные искусства, образование.

Leonteva K. Y.

*THE ROLE OF VISUAL ARTS IN THE EDUCATION
OF THE IDEAL CITIZEN OF THE ANCIENT GREEK POLIS*

The article discusses the place of visual arts in the philosophical and educational paradigm of Ancient Greece. It attempts to determine the role of objects of architecture, sculpture, paintings in ancient Greek education and examines the influence they had on the personality formation of the future ideal citizen of the ancient Greek polis.

Keywords: Ancient Greece, philosophical and educational paradigm, kalokagathia, paideia, ancient Greek polis, visual arts, education.

Задача образования и воспитания юношества, формирование личности будущего гражданина — одна из самых животрепещущих тем в философско-образовательной парадигме Древней Греции. Ей уделяли колоссальное внимание мыслители и государственные деятели. Особенно внимательно, можно ска-

зять даже систематично и последовательно к этой задаче относились главные «государственные педагоги» эллинов — Платон и Аристотель, считая её одной из важнейших в политике — деле государственного устройства.

Несомненно то, что подобное отношение сложилось, в первую очередь, под влиянием религии, государственного культа. Знаменитый антиковед Фаддей Францевич Зелинский в своём труде «История античной культуры» писал о том, что эллинская религия, как всякая религия высшего порядка имеет своими составляющими три части: догматическую, повествовательную и обрядовую. И все они, так или иначе, коррелируют с областью образования и культуры [6, с. 14]. Догматическая часть становится предметом религиозной философии — метафизики. Повествовательная часть (в религии древних эллинов её роль выполняет мифология) более других примыкает к искусству: поэты создают свои произведения на мифологические сюжеты, художники воплощают богов и героев в изобразительных искусствах, являя статуи и картины, проектируя культовые здания. И тут очень ярко выделяется отличительная особенность именно древнегреческого искусства — откровение божества для древнего эллина является прежде всего во внешней красоте. И, наконец, обрядовая часть. Часть, которая теснее всего взаимодействует с бытом, проникая, таким образом, в область нравов, затрагивая практически все сферы жизни общества, в том числе образование и принимает в себя все виды искусства. Мистерии, как значительная часть отправления божественных культов, немислимы без музыки и оркестрики (что даст начало такому грандиознейшему явлению, как театр), поэзия — основа религиозных гимнов, жертвоприношения непременно сопровождаются использованием сакральных предметов, являющихся произведениями декоративно-прикладного искусства.

Воспитательная практика Древней Греции так же строилась на религиозной основе, воспитание юношей было тесно связано с религиозными культами. Помимо основных и бесспорных покровителей наук и искусств Афины, Аполлона и его спутниц Муз, дети развиваются и учатся под эгидой Гермеса и Геракла. В день религиозных празднеств, посвящённых Гермесу — Гермеи устраивались испытания учеников в гимнастике и оркестике, в праздник, посвящённый Музам, проводились испытания по музыке, грамматике и пению. Известен декрет народа об учреждении школы имени Эвдема, Менандра и Диона в конце III в. до н. э. Из него можно понять, что выборы школьных работников в эту школу открывались специальной молитвой в присутствии жрецов Гермеса [2, с. 365].

Помимо религиозной составляющей, играющей значительную роль в формировании философско-образовательной парадигмы, нужно рассмотреть её этическую составляющую. Этико-эстетические представления древнего грека.

Платон считает, что просвещение — основа государства. Только свободное знание обеспечит разумность деяний человека, путь же к знанию лежит через обучение и воспитание, что есть искусство вести гражданина к тому, что закон считает проявлением здравого смысла. В своих сочинениях «Государство» и «Законы» сторонник систематичного порядка и идеалист Платон требует, чтобы образование и воспитание были взяты под строгий государственный контр-

оль, были регламентируемы на всех этапах воспитательного процесса, вплоть до тщательного отслеживания песен няnek и кормилиц, которые поются детям в раннем детстве. Его самый знаменитый ученик Аристотель, вершина древнегреческой образованности, сравнивал воспитанного человека с домашним животным, а невоспитанного с диким. Аристотель ставит педагогов выше родителей, ибо родители дают просто жизнь, а педагоги открывают человеку жизнь достойную.

Что же прежде всего отличает воспитанного человека, ведущего «жизнь достойную», от невоспитанного? Высшим благом для древнего эллина считалось обладание калокагатией (от древнегр. «καλὸς καὶ ἀγαθός», букв. «красивый и хороший»). Это, не имеющее точного перевода на русский язык слово, означает в высшей степени гармоничное сочетание всех самых превосходных внешних, физических качеств и внутренних, нравственных добродетелей (ἀρετή). И практически национальной добродетелью Древней Греции можно назвать то, что обозначается тоже непереводаемым буквально словом σωφροσύνη. Это слово примерно переводится как «здравомыслие», но этот перевод не отражает весь спектр коннотаций, подразумеваемых древним эллином, желающим приблизиться к софросюне. Здесь надо очертить это понятие, как стройное развитие души человека: постоянная светлость ума, непреходящая воля к добру, умеренность во всём. Излишек же какого-то качества, пусть даже и положительного, создаёт нарушение гармонии, а значит, является пороком. «Последний афинский нищий выгодно отличался от беотийца или спартанца даже высшего круга своею калокагатией, этим неподражаемым соединением софросюны и благопристойности, этим счастливым плодом бессмертной гармонии» — образно и поэтично пишет об этом явлении русский историк XIX века Александр Семёнович Трачевский в своей статье «Воспитательные идеалы классического мира» [13, с. 37].

Необходимо обратить внимание на очень важный момент. Одним из самых значительных критериев внутренней красоты считалась способность гражданина исполнять свои гражданские обязанности. Платон понимал калокагатию прежде всего с точки зрения пользы для государства — все свободные граждане должны обладать калокагатией, чтобы быть полезными и эффективными членами общества, независимо от рода деятельности. Ритор и писатель II в. до н. э. Лукиан в своём произведении «Анахарсис, или об упражнении тела» писал: «Более всего мы стараемся, чтобы граждане были прекрасны душой и сильны телом, ибо именно такие люди хорошо живут вместе в мирное время и во время войны спасают государство и охраняют его свободу и счастье» [7, с. 214].

Всё вышесказанное означает, что идеальный гражданин древнегреческого полиса, способный быть достойным членом гражданского общества и вести государство к процветанию, защищая его во время войны и развивая в мирное время, непременно должен обладать калокагатией. Как же достичь этого желанного и столь необходимого качества? С помощью воспитания и образования двух сторон личности — тела и души. На достижение состояния калокагатии была направлена вся воспитательная и образовательная практика античных Афин. Постепенно складывается некая система — воспитательный проект ан-

тичности, позже получивший название пайдейя (от древнегреч. «παιδεία» — воспитание детей). Надо иметь в виду, что это не образовательная система в нашем современном понимании, скорее, это некая схема, конгломерат культурных паттернов, закрепившийся в античной философско-образовательной парадигме. Тело предполагалось тренировать с помощью гимнастики и орхестики, а душу должны были воспитать грамматика и музыка. При этом музыка понималась не совсем в том смысле, который принято придавать этому слову теперь. Под названием «музыка» подразумевалось то знание, которое относилось к области ведения Муз и составляло основу духовного образования. Тут и литература, в частности поэзия, и мелодекламация, и, собственно, сама музыка в сегодняшнем понимании, а с IV в. до н. э. к ним добавилось ещё и рисование [5, с. 64].

Древнегреческое образование в рамках пайдейи окончательно оформилось и обрело некоторые черты системы только после времени Аристотеля и Александра Македонского. Образовательная схема эпохи эллинизма становится классической и распространяется в дальнейшем на весь средиземноморский регион, конечно же, с учётом особенностей той или иной местности. В числе наиболее значимых её черт нужно назвать постепенное уменьшение физического компонента в пользу мусического (теперь всё больше литературного, чем музыкального), образовательное учреждение из некоего молодёжного разговорного клуба с его характерными межличностными отношениями, в том числе и любовными, превращается в школу, приближённую к современному пониманию, изучение грамматики приобретает важнейшую роль в образовательном процессе, ибо по замечанию Аристотеля является орудием к остальным премудростям [8, с. 137–138].

Образование древнегреческого юноши в среднем продолжалось от 7 до 20 лет (а в некоторых полисах и дольше). Первые семь лет своей жизни ребёнок, независимо от пола, проводил на женской половине дома в руках матери и нянек с кормилицами. Здесь впервые он приобщается к культуре своего народа. Здесь он впервые познаёт музыку, слушая песни женщин, привыкая к размерам и гармонии национальной музыки и поэзии. Так в его жизнь входят религиозные и мифологические сюжеты, Гомер и Эзоп. Считая эти сказки и песни важнейшим средством, влияющим на религиозно-нравственное развитие будущего гражданина, Платон в своих сочинениях призывал взять весь фольклор нянек и кормилиц под строгий государственный контроль [11, с. 140–142].

По достижении семилетнего возраста ребёнок отправляется в школу. В некоторых полисах учились только мальчики, девочку же оставляли дома, постигать премудрости хозяйства, а, например, в Спарте учились в школе дети обоих полов. С течением времени эта ситуация менялась, в той или иной степени, в зависимости от местности и благосостояния и убеждений родителей девочки. Платон считал, что образование должны получать в обязательном порядке и мужчины, и женщины [12, с. 256–257]. И сначала ребёнок идёт в школу мусическую, где он будет изучать то, что находится в ведении Муз, то есть развивает нравственно-духовную сторону личности. Там он будет постигать грамматику, поэзию, музыку и позднее рисование. В большинстве своём эти школы были

частными, и преподавал в них чаще всего один учитель, который занимался с учениками всеми предметами. Этот факт подтверждается изображениями на некоторых вазах. Например, так называемый «Школьный килик» вазописца Дуриса показывает нам сцены из жизни мусической школы. Мы видим, что один и тот же мужчина-учитель сначала разворачивает перед учеником свиток с текстом, обучая грамматике, а потом показывает пример игры на кифаре. Эти так называемые кифаристы и грамматисты не пользовались особым почётом и уважением, вообще должность школьного учителя не считалась престижной.

Основная задача мусической школы — дать ребёнку общее образование, обучив того грамоте и музыке и воспитать в ребёнке внутреннюю нравственную красоту. Помимо этого, учитель мусической школы являлся первым человеком, встречающимся на пути юноши, который развивал его художественный вкус, тягу к прекрасному, одним словом, национальную черту древнего эллина, отличающую его от других народов. Он обязан был не только обучить дитя игре на лире, авле или кифаре, но и раскрыть ему гармонию, стройность, образность музыки, не только дать ребёнку азы рисования, но и научить его отличать хорошие художественные образы от посредственных, ценить красоту изобразительных искусств. Кстати, последнее воспринималось ещё и как важный практический навык: умея отличить настоящее произведение искусства от подделки, человек в будущем не будет обманут при покупке художественных предметов.

Физический компонент образования юноша получал в палестрах и гимнасиях, где начинал заниматься с 10–12 лет. Обучаясь гимнастическим упражнениям, постигая науку владения своим телом, изучая орхесттику, которая не была танцем в современном понимании, а, скорее, являлась способом повествования, ибо родилась из жеста и стремилась передать условный сюжет с помощью пластики тела, древнегреческий юноша развивал внешнюю физическую красоту — второе обязательное условие достижения калокагатии. Подогреваемые присущей древнегреческой культуре агонистикой, юноши соревнуются в беге, метании предметов, борьбе, развивая физическую форму, силу и ловкость, и приобретая навыки, необходимые гражданину для военной защиты своего полиса. Здесь нужно отметить важную деталь, присущую национальному сознанию древнего эллина — в физических упражнениях он ищет не только источник силы, но и красоты.

А какова же роль изобразительных искусств в этом образовательном процессе, направленном на обретение калокагатии, а вследствие и становление личности будущего идеального гражданина древнегреческого полиса? Многие античные авторы писали о том, что произведения искусства делают человека, их созерцающего, более чутким к восприятию изящного, развивают разборчивость в художественном вкусе, воспитывают нравственность. Например, ритор позднейшего времени Либаний говорил о том, что созерцание статуй богов делает человека нравственнее. Это виделось главной задачей искусства вообще и Платону. Он изгоняет из своего идеального государства все искусства, которые не направлены на развитие в человеке нравственности, оставляет право на существование только тем искусствам и художникам, которые воспитывают душу человека, прививая необходимые добродетели.

И действительно, древний эллин с раннего детства был окружён великолепными произведениями архитектуры, живописи и пластики, постоянно мог созерцать их и в публичных местах, ведь статуи ставили на всеобщее обозрение, а фресками и картинами украшали общественные здания, и в домашней обстановке, на медалях, сосудах и другой домашней утвари [9, с. 156–157]. Комнаты беременной женщины украшали картинами и статуями, веря, что художественный гений отразится на будущем ребёнке, заботились об изяществе игрушек [13, с. 23–24]. Таким образом, влияние изобразительных искусств на развитие личности древнего грека несомненно. И далее, при поступлении в школу, ребёнок постоянно был окружён произведениями визуальных искусств.

Надо начать с того, что иногда сами здания образовательных учреждений были произведениями искусства. Конечно же, в первую очередь, это касалось палестр и гимнасий, ибо они играли роль не только гимнастических школ, но и служили общественными пространствами, куда взрослое мужское население приходило для светских бесед. В более древние времена в Афинах палестр было немного, и все они были просто открытыми аренами, выглядящими достаточно убого. Но постепенно их становится всё больше, и выглядят они всё роскошнее. Трачевский пишет, что уже при Перикле в Афинах своя палестра была в каждой части города. «Это уже красивая открытая галерея, иногда украшенная статуями Гермеса и Геракла. Здесь, помимо самой арены, были отделения, где раздевались, умащались и катались в египетском песке, а также бассейн или фонтан для омовения» [13, с. 23]. Так же изящно устраивали и гимнасии, при этом, гимнасиархи (попечители и организаторы гимнасий) щеголяли друг перед другом своим честолюбием и старались украсить свой гимнасий как можно лучше [14, с. 22]. В сочинении Павсания «Описание Эллады» есть небольшой фрагмент о храме Всем богам с постройками при нём, сооруженном в Афинах при императоре Адриане, большом почитателе эллинской культуры: «Адриан соорудил афинянам и другие здания, между прочим, храм Геры, храм Зевса Всеэллинского и общий храм Всем богам. Самое замечательное в нём — сто колонн из фригийского мрамора. И стены галереи сделаны из того же материала. Здесь же есть сооружение с золоченой крышей, выложенное алебастром и, кроме того, украшенное статуями и картинами. В нём находится и библиотека. Есть и гимнасий, носящий имя Адриана; и в нём сто колонн из ливийских каменоломен» [10, с. 53].

Произведения пластического искусства участвовали в воспитании чувства изящества древнегреческого юноши не меньше архитектуры. Здесь большую роль играла ещё и религиозная составляющая менталитета, ведь скульптура гораздо теснее связана с фигурой божества, следовательно, наделена большей сакральностью. Каждая школа, будь то мусическая или гимнастическая обязательно украшалась скульптурами, либо же статуэтками Муз, Аполлона, Гермеса или Геракла. Подтверждения этого факта можно встретить у различных авторов. Например, древнегреческий поэт III в. до н. э., Герод в своём мимиямбе «Учитель» рассказывает историю о нерадивом ученике, которого мать привела в школу к учителю для вразумления. Произведение написано в драматической форме,

и в экспозиции автор сообщает, что действие происходит в школе, где на стенах расположены девять статуэток Муз и статуэтка Аполлона. Учитель и ученик попеременно обращаются к ним в течение разговора, призывая их в свидетели, либо прося защиты [3, с. 219–224].

Один из самых ярких представителей александрийской поэзии III в. до н. э. Каллимах в своей эпиграмме № 26 пишет от лица маски Диониса, которую мальчик Сим принёс в школу в дар Музам, прося помощи в учении, как скучно ей висеть в школе у статуи Музы и слушать детский лепет [4, с. 254].

Древнегреческий писатель Афиней, живший на рубеже III и II вв. до н. э. рассказывает в своём сочинении «Пир мудрецов» такой исторический анекдот: «... сейчас самое время рассказать кое-что о его метких и остроумных ответах. Обучал он игре на кифаре, и в училище у него было девять статуй Муз и одна Аполлона, а учеников — только двое; но на вопрос, сколько у него учеников, он ответил: «Благодаря богам, двенадцать!»» [1, VIII, 41d].

Помимо влияния на визуальное восприятие юношей, предметы пластического искусства использовались в религиозных ритуалах, связанных с образованием. Свидетельство об этом оставил Павсаний в главе, посвящённой описанию Лаконики. Он пишет о том, что в Спарте совершались ритуальные сечения юношей, достигших 14 лет, для проверки их на выносливость. Это совмещалось с кровавым жертвоприношением Артемиде — при сечении кровь попадала на жертвенник. При этом присутствовала жрица, держа в руках маленькую статуэтку богини, и, если ей казалось, что юношу секут недостаточно сильно, она начинала опускать эту статуэтку и обвинять бичующих, что из-за их жалости статуэтка становится слишком тяжёлой [10, с. 228–229].

Что же касается практического применения предметов изобразительного искусства в образовательном процессе, можно сказать то, что некоторые исследователи-историки упоминали использование на уроке иллюстративного материала для наглядности. Альберт Густавович Бекштрем пишет, что наглядные пособия в древнегреческой школе заключались в сериях картинок, показываемых на уроке [2, с. 370]. А Трачевский говорит о том, что с III в. до н. э. в школах при изучении геометрии прибегали к помощи деревянных моделей фигур, а ещё стали использоваться рельефные картинки с надписями по Гомеру [13, с. 34]. Вероятно, учёный имел в виду так называемые *Tabulae Iliacae* или Илионские таблицы. Они представляют собой несколько, схожих по стилю, рельефных каменных табличек с вырезанными сюжетами из «Илиады» Гомера. Сохранилось несколько табличек, самой известной из которых является *Tabula Iliaca Capitolina*. Теодор Шрайбер в 1895 г. включил описание этой таблицы в свой «Атлас классических древностей» [15, с. 176–179]. Невозможно сейчас установить их первоначальный размер, т. к. ни одна из табличек не сохранилась целиком, размеры самого большого фрагмента составляют 25 на 42 см. Предназначение этих памятников доподлинно неизвестно. Теодор Шрайбер пришёл к мнению об иллюстративной функции рельефов, он считал, что таблицы были призваны изложить сюжеты Гомера в форме, доступной для восприятия даже неграмотного человека [15, с. 177]. Некоторые исследователи, например, Борис Иванович

Ордынский, высказывали мнение, что таблички могли использоваться в школе при изучении Троянского цикла [9, с. 169–170].

Но это предположение вызывает ряд вопросов. Во-первых, представляется весьма сомнительным фактом, что некая школа могла себе позволить заказать наглядное пособие подобной дороговизны. Во-вторых, сама форма и организация табличек, напоминающих клеммы в иконописи, наводит на мысль о том, что они когда-то были частью целого, например, рельефным панно, или частью какой-то мебели.

Размышляя о роли изобразительных искусств в воспитании идеального гражданина древнегреческого полиса, можно сделать следующие выводы. Во-первых, безусловно, изобразительные искусства, в первую очередь, сопровождали отправление религиозных ритуалов. Но ведь и образовательный процесс в Древней Греции был теснейшим образом связан с религиозным культом. Будучи используемыми в проведении религиозных ритуалов, связанных с воспитанием и образованием, произведения изобразительных искусств являются частью образовательного процесса. Во-вторых, воздействуя на чувственное восприятие древнего эллина, формируя вокруг него атмосферу изящества и художественности, изобразительные искусства таким образом способствовали формированию внутренних душевных добродетелей юношества, затрагивали формирование нравственности, гражданственности и патриотизма, а значит, напрямую помогали обретению калокагатии, тем самым занимая прочное место в философско-образовательной парадигме Древней Греции. В-третьих, произведения изобразительных искусств выполняли и чисто функциональную, декоративно-прикладную роль, становясь наглядными пособиями в античной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афиней. Пир мудрецов // Пер. с древнегр. Н. Т. Голинкевича. — М.: Наука, 2004. — 655 с.
2. Бекштрем А. Школьное дело у древних греков // Гермес: иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. — 1910. — № 14(60). — С. 365–371.
3. Герод. Учитель // Менандр. Комедии. Герод. Мимиямбы / Перевод с древнегр. Г. Церетели. — М.: Искусство, 1984. — 320 с.
4. Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А. Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Том 1. Греческая литература. — М.: Просвещение, 1965. — 592 с.
5. Жураковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики. — М.: Учпедгиз, 1940. — 472 с.
6. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. — М.: Вече, 2019. — 464 с.
7. Лукиан. Анахарсис, или об упражнении тела // Лукиан. Сочинения, т. 1 / Пер. с древнегр. Д. Н. Сергеевского. — СПб.: Алетейя, 2001. — 470 с.

8. Марру А. И. История воспитания в античности (Греция). — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. — 425 с.
9. Ордынский Б. И. Занятия молодого афинянина // Пропилеи: сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Книга I. — М.: Университетская типография, 1851. — С. 153–178.
10. Павсаний. Описание Эллады. Т. 1 // Пер. с древнегр. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. — М.: Ладомир, 2002. — 491 с.
11. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 3 / Пер. с древнегр. А. Н. Егунова. Под ред. А. Ф. Лосева и др. — М.: Мысль, 1990–1994. — 654 с.
12. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 4 / Пер. с древнегр. А. Н. Егунова. Под ред. А. Ф. Лосева и др. — М.: Мысль, 1990–1994. — 830 с.
13. Трачевский А. С. Воспитательные идеалы классического мира // Русская школа: общепедагогический журнал для школы и семьи. — 1890. — № 4. — С. 15–36.
14. Трачевский А. С. Воспитательные идеалы классического мира // Русская школа: общепедагогический журнал для школы и семьи. — 1890. № 6. — С. 19–41.
15. Th. Schreiber. Atlas of Classical Antiquities. — Лондон, 1895. — 202 с.

Степаненко Дмитрий Евгеньевич,
магистр юриспруденции,

аспирант I курса направления

«Общая психология. Психология личности. История психологии»

Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,

dmitrii_st@inbox.ru

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА

Данная статья исследует роль и значимость этических принципов в профессиональной практике юриста, а также влияние моральных ценностей на принятие решений в правовой сфере. В работе осуществляется анализ основных этических принципов, которыми должен руководствоваться юрист в рамках своей деятельности, включая принципы неприкосновенности прав и свобод личности, справедливости, честности, конфиденциальности и профессионализма. В статье также обсуждаются этические дилеммы, с которыми сталкиваются современные юристы, и предлагаются подходы к их разрешению на основе высоких моральных стандартов.

Ключевые слова: морально-нравственные аспекты, деятельность юриста, этические принципы, профессиональная этика, образование и саморазвитие, правовая система

Stepanenko D. E.

ETHICS AND MORALITY OF LEGAL PROFESSION

This article explores the role and importance of ethical principles in the professional practice of a lawyer, as well as the influence of moral values on decision-making in the legal sphere. The paper analyzes the basic ethical principles that a lawyer should be guided by in his work, including the principles of inviolability of the rights and freedoms of the individual, justice, honesty, confidentiality and professionalism. The article also discusses the ethical dilemmas faced by modern lawyers and proposes approaches to their resolution based on high moral standards.

Keywords: moral aspects, activities of a lawyer, ethical principles, professional ethics, education and self-development, legal system

За последние десятилетия вопросы профессиональной этики в юридической деятельности приобрели особую актуальность. Общество оперативно реагирует на любые случаи непрофессионального поведения со стороны представителей судебной власти и требует от них точного соблюдения норм морали и этики. Помимо народа, недовольство могут выражать и правоохранительные органы, которые поддерживают данное направление и остро реагируют на любые действия, подрывающие уважение судов. Морально-нравственные аспекты деятельности юриста охватывают широкий спектр вопросов, начиная от профессиональной этики и конфиденциальности до взаимоотношений с коллегами, клиентами и судебными инстанциями. Юрист должен проявлять честность, независимость, справедливость и уважение к правам и интересам своих клиентов, а его деятельность также должна соответствовать этическим нормам и принципам, закрепленным в профессиональных кодексах и этических стандартах. Сегодня, несмотря на значимость данных вопросов, они до сих пор остаются недостаточно исследованными и требуют более пристального внимания со стороны общества и профессионального сообщества. Основной целью данной работы является выявление морально-этических границ в профессиональном сознании современных юристов путем анализа взаимодействия основных моральных и нравственных систем. Благодаря выявлению главных характеристик морально-этической концепции юриста на текущем этапе можно лучше понять и определить этические нормы и ценности, которые являются основой для профессионального поведения и деятельности юристов.

Концепция этики юриста, основанная на принципах современной общественной морали, является важным аспектом профессиональной деятельности юристов. Этика юриста определяет нормы и ценности, которыми должны руководствоваться юристы в своей работе и взаимодействии с клиентами, коллегами и обществом в целом. Процесс формирования современной общественной морали в России прошел через несколько этапов. В позднем советском периоде, с середины 1980-х до начала 1990-х годов, произошли значительные изменения в общественных ценностях и нормах. Постсоветский период, 1990-е годы, также был временем социальных и политических перемен, которые повлияли на формирование моральных установок в обществе. Постмодернистский период, 2000–2010 годы, характеризовался новыми технологиями и информационной революцией, которые также оказали влияние на общественную мораль [3, с. 3–7].

Современное развитие общества, основанного на информационных технологиях, представляет свои особенности и вызывает новые этические вопросы. В данном контексте возникает необходимость приспособить этические принципы и нормы юристов к новым условиям и вызовам, связанным с информационным обществом.

В контексте формирования морально-этического стандарта современного юриста особое внимание уделяется двум ключевым парадигмам информационного общества: «этическому капитализму» и «цифровой экономике». Эти концепции отражают современные вызовы и требования, связанные с развитием информационных технологий и цифровой сферы [8, с. 12–15].

Термин «этический капитализм» относится к концепции, которая призывает к установлению равновесия между экономическими интересами и этическими принципами, и подразумевает, что компании и организации должны следовать этическим нормам и проявлять ответственное поведение в своей деятельности, не пренебрегая социальной и окружающей средой. Для юристов это означает, что они должны придерживаться высоких норм этики и ответственности в своей профессиональной деятельности, должны стремиться к справедливости, устойчивости и социальной ответственности в своих бизнес-практиках, обеспечивая соблюдение прав и интересов своих клиентов и одновременно учитывая общественные ценности и ожидания.

Понятие «цифровая экономика» отражает влияние информационных технологий и цифровых инноваций на общество и экономику. В наше время, юристы сталкиваются с новыми вызовами, связанными с цифровыми правами, кибербезопасностью, защитой данных и этическими аспектами использования технологий. Они должны быть готовы адаптироваться к развивающейся цифровой среде и быть осведомленными о правовых аспектах, связанных с использованием и защитой информационных технологий. Этические вопросы, связанные с цифровой экономикой, включают в себя обеспечение конфиденциальности данных, защиту личной информации, этическое использование искусственного интеллекта и автоматизированных систем, а также проблемы цифровой неравенства и доступности информационных технологий. [8, с. 12–15].

Идея «этического капитализма» активно применяется в социальной политике Российской Федерации, а также находит отражение в благотворительной деятельности отечественных меценатов, которые оказывают поддержку развитию науки, искусства, медицины, культуры, образования и спорта в пределах и за пределами страны.

Курс на борьбу с коррупцией, реализацией демографической политики, а также ликвидация последствий техногенных и природных катастроф имеет особое значение в условиях классового и имущественного неравенства. Данные аспекты закреплены в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [11].

В этом контексте значение морали и этики становится особенно актуальным в политической и социальной сфере. Практика последних десятилетий показывает, что важность провозглашаемой властью системы морально-этических ценностей определяется своевременным решением социальных вопросов. Можно утверждать, что вопросы морали и этики становятся особенно важными, поскольку они влияют на доверие общества к государству и его институтам. Юристы, как представители правовой системы, должны придерживаться высоких стандартов этики и морали в своей профессиональной деятельности, а также должны стремиться к справедливости, защите прав и интересов граждан и соблюдать нормы профессиональной этики. Кроме того, юристы также могут играть активную роль в обществе, предоставляя правовую помощь и защиту тем, кто нуждается в ней, особенно тем, кто находится в уязвимом положении. Например, предоставление бесплатных или льготных юридических услуг, участие

в общественных организациях и инициативах, направленных на улучшение правовой среды и доступа к юстиции.

Согласно настоящей официальной идеологии, внутренняя политика России направлена на согласование всех социальных слоев общества государства. Данная цель базируется на принципах равенства перед законом и судом, а также признании культурного многообразия нации. Также данная цель противоположна идеологическим диссонансам, которые связаны с социальным неравенством, классовой борьбой и непризнанием частной собственности. Таким образом, идеология, которая направлена на укрепление правосознания в российском обществе и противодействию правовому нигилизму, приобретает особое значение в современном обществе [7, с. 101–107].

Обращение к моральным и этическим аспектам имеет целью укрепление единства и стабильности в обществе, а также установление общих ценностей, способствующих преодолению вызовов и проблем, с которыми сталкивается современная Россия. Другими словами, призывы от духовных и политических лидеров отражают стремление к созданию морально-нравственного фундамента, который будет способствовать единству и развитию страны в сложных условиях современного мира.

Внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь общества привело к появлению объединительных тенденций в различных сферах жизни. Так, использование цифровых устройств позволило связать основные потребности людей с доступными средствами их удовлетворения. С одной стороны, это способствовало укреплению общественной солидарности, но с другой стороны, усилило государственный и корпоративный контроль над активностями граждан, вызывая обсуждения о новых признаках тоталитаризма [8, с. 12–15].

В информационной среде существуют разнообразные социокультурные концепции, которые влияют на формирование морального сознания общества. Различные группы и сообщества могут иметь свои уникальные морально-этические нормы и ценности, основываясь на своих социокультурных особенностях, традициях, профессиональных стандартах и т. д. Эти нормы и требования могут быть результатом социальной необходимости и целесообразности, и они могут различаться в разных общественных сегментах. Различия между системами моральных ценностей и норм проявляются во времени, поскольку моральные взгляды и нормы меняются и эволюционируют вместе с обществом. Кроме того, различия связаны с разными участниками общественных процессов, их целями, средствами достижения этих целей и их субъективным восприятием того, что считается приемлемым с морально-нравственной точки зрения [7, с. 101–107].

В современном обществе требуется использование новых критериев для классификации морально-нравственных систем, которые обладают более универсальным и инструментальным характером. Традиционные временные критерии, такие как ориентация на прошлое или будущее, могут быть недостаточными для полного понимания и анализа современной этической ситуации [5, с. 146–150].

Целесообразность и эволюция в морально-нравственных системах не означают отрицание или отвержение ранее сформированных гуманистических принципов. В современном обществе и праве сохраняется связь с традиционной моралью и правом через долговременные взаимоотношения и общественное сознание. Современное законодательство часто отражает и закрепляет морально-нравственные отношения и принципы, которые являются общественно значимыми.

Примеры можно наблюдать в различных областях права, включая материальное и процессуальное право:

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях содержится глава 6, посвященная административным правонарушениям, которые затрагивают здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность [4].

В Уголовном кодексе Российской Федерации глава 17 посвящена преступлениям против свободы, чести и достоинства личности, глава 19 — преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина, а глава 25 — преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности [10].

В Гражданском кодексе Российской Федерации содержатся разделы, связанные с возмещением вреда: глава 59, которая охватывает обязательства вследствие причинения вреда, включая возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также глава 59, которая регулирует компенсацию морального вреда [1].

В уголовном праве морально-нравственные отношения являются предметом защиты. Это отражено в процессуальном праве, в частности, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Соответствующие аспекты регулируются в главе 2, которая посвящена принципам уголовного судопроизводства, а конкретно статье 9, касающейся уважения чести и достоинства личности. Данная статья заявляет, что в процессе уголовного судопроизводства запрещены действия и принятие решений, унижающих честь участника процесса, а также обращения, которые унижают его человеческое достоинство или создают опасность. При этом недопустимо применение насилия, пыток или других жестоких и унижающих человеческое достоинство методов обращения [9].

В контексте новых правовых норм, вводимых правящей властью, возможно противоречие с установившимися традиционными морально-нравственными нормами, которые существовали в течение многих веков и были признаны определенной группой людей, что может вызывать дискуссии и споры в обществе относительно соответствия новых правовых норм моральным ценностям и ожиданиям граждан [2, с. 30–34].

В информационном обществе профессиональная этика юристов стала особенно важной и приобрела значимость для современных юристов. Доступ к информации стал намного шире, и любое профессиональное поведение, включая действия юристов как на службе, так и вне её, может быть обнаружено и оценено общественностью.

Под давлением государственного аппарата и антикоррупционных политик, юристы ощущают потребность в строгом соблюдении морально-этических норм в своей профессиональной деятельности. Государственные органы могут требовать высокой этичности и неприкосновенности юристов, чтобы обеспечить доверие общества к юридической системе. Кроме того, в цифровую эпоху любая информация, включая профессиональное поведение юристов, может быть записана, сохранена и использована в будущем. Это означает, что профессиональное поведение и репутация юриста могут быть оценены и проанализированы с помощью цифровых технологий. Такая возможность зафиксировать и распространить информацию о профессиональном поведении стимулирует юристов соблюдать высокие морально-этические стандарты, чтобы поддерживать свою репутацию и доверие клиентов и общества [12].

При рассмотрении этических аспектов и взаимодействия моральных систем в современном юридическом сознании, можно сделать следующие заключения:

Одной из главных черт морально-нравственной концепции современного юриста является неотделимость морально-этических требований от практики юриста в обществе. Это означает, что морально-нравственные ценности должны быть активно применяемыми и приспособленными к конкретной профессиональной деятельности и взаимодействию с клиентами, коллегами и другими участниками правовой системы.

В этических кодексах, которые регулируют профессиональное поведение юристов, важно учитывать несколько основных опорных точек:

1. Вечные морально-нравственные ценности, которые служат основой для общественной морали. Это может включать такие ценности, как справедливость, честность, уважение к правам и достоинству человека и т. д.;

2. Идеологические ценности, которые закреплены в правовой системе и отражают политические и классовые интересы общества;

3. Моральные принципы практического общества, основанные на культуре потребления и приоритете личных интересов.

Данные опорные точки формируют базу морально-этической концепции профессионального сознания современного юриста. Однако следует отметить, что существует динамический и эволюционирующий характер морально-нравственных систем, и их интерпретация и применение могут различаться в зависимости от контекста и общественных изменений.

Проведенный анализ указывает на важность социальной и личностной культуры юристов в современном информационном обществе. Профессиональные морально-этические кодексы служат руководством для юристов в их поведении деятельности, определяя нормы и принципы, которые они должны соблюдать, а соблюдение данных кодексов является важным аспектом для обеспечения качественной и этичной практики юристов. Соответствие профессиональным морально-этическим кодексам не только обеспечивает доверие общества к юридической профессии, но и помогает юристам эффективно выполнять свои обязанности и справедливо представлять интересы своих клиентов.

Образование и саморазвитие формируют этические навыки у юристов, а также помогают им адаптироваться к меняющейся среде и новым этическим вызовам, с которыми они могут столкнуться. Развитие этических навыков способствует повышению профессиональной репутации, укреплению доверия общества и поддерживает этическую практику в сфере права. Морально-нравственные аспекты имеют прямое влияние на общественное доверие к юридической профессии. Поддержание высоких стандартов морали и этики является необходимым для укрепления доверия общества и сохранения целостности профессии юриста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.05.2023).
2. Иванченков Ю. В. Этические правила поведения адвоката в уголовном процессе // Юрист. — 2019. — № 21. — С. 30–34.
3. Карцев В. А. Методологический смысл идеи взаимосвязи права и морали // Государственная власть и местное самоуправление. — 2013. — № 8. — С. 3–7.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.05.2023).
5. Мораль и догма юриста. Профессиональная юридическая этика / Под ред. И. Л. Трунова. — М.: Эксмо, 2008. — 606 с.
6. Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла. [Электронный ресурс]. — URL: <https://smotrim.ru/brand/58947> (дата обращения: 20.05.2023).
7. Свергузов Д. Ш. О свободе, справедливости и законе // Российский юридический журнал. — 2018. — № 4. — С. 101–107.
8. Сигалов К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2013. — № 2. — С. 12–15.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.05.2023).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.05.2023).
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 1. — Ст. 212.
12. Цифровая этика и право // [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/07/cifrovaya_etika_i_pravo (дата обращения: 20.05.2023).

УДК 821.161.1.

Галиев Радмир Фадисович,

студент

Санкт-Петербургского государственного университета,
st096460@student.spbu.ru

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ И УЧИТЕЛЯ ПОЭТОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА (1960–1980-Е ГГ.)

В статье на основе источников личного происхождения и корпуса литературных текстов рассматриваются основные направления духовных поисков ленинградских поэтов так называемого Бронзового века (О. А. Охупкин, Е. А. Шварц, В. Б. Кривулин, С. Г. Стратановский, В. А. Соснора, Д. В. Бобышев, А. Н. Найман, И. А. Бродский, Г. Я. Горбовский и др.). Выявляются темы и мотивы ленинградской религиозной поэзии 1960–1980-х гг. и отношение власти к ней, для чего использованы литературоведческий, социологический, историко-культурный подходы. Отдельно исследуется тема духовного и поэтического наставничества. Учителями молодых поэтов изучаемой эпохи стали А. А. Ахматова, Л. Ю. Брик, Н. А. Асеев, Д. Е. Максимов. Поэты Бронзового века стремились связать свои духовные поиски и творческий опыт с «петербургским текстом» Серебряного века, в чем проявились их преемственность и ученичество.

Ключевые слова: духовные поиски, Бронзовый век, поэты и власть, «петербургский текст», ученичество.

Galiev R. F.

*SPIRITUAL SEARCHES AND TEACHERS OF THE POETS OF THE BRONZE AGE
(1960–1980s)*

Based on sources of personal origin and the corpus of literary texts, the article examines the main directions of spiritual searches of Leningrad poets of the so-called Bronze Age (O. A. Okhapkin, E. A. Schwartz, V. B. Krivulin, S. G. Stratanovsky, V. A. Sosnora, D. V. Bobyshev, A. N. Naiman, I. A. Brodsky, G. Ya. Gorbovsky and etc.). The themes and motives of Leningrad religious poetry of the 1960s-1980s and the attitude of the authorities to it are revealed, for which literary, sociological, historical and cultural approaches are used. The topic of spiritual and poetic mentoring is studied separately. The teachers of the young poets of the studied era were A. A. Akhmatova, L. Y. Brik, N. A. Aseev, D. E. Maksimov. The poets of the Bronze Age sought to link their spiritual quest and creative experience with the «Petersburg text» of the Silver Age, which manifested their continuity and discipleship.

Keywords: spiritual quest, the Bronze Age, poets and power, «Petersburg text», apprenticeship.

Возникновение, непрерывность и глубина духовного поиска — важнейшее условие становления личности. Результаты этого поиска, достигнутые в то или иное историческое время, влияют на формирование интеллектуальной и художественной среды своей эпохи. Герои данной статьи — ленинградские поэты 1960–1980-х гг., люди верующие, чье творчество было наполнено языком Писания, а сакральные темы занимали не последнее место в повседневной жизни. Внимание к личности поэта как представителя художественной культуры является одним из важнейших предметов исследования интеллектуальной истории. Поэтому нельзя обойти вниманием тему религиозных поисков, усилившихся в литературной среде указанного периода. Особо важной видится роль еще живущих в то время представителей эпохи Серебряного века, которые стали духовными наставниками и учителями, способствовавшими духовному становлению и развитию поэтов Бронзового века.

Изучению религиозных тем в поэзии ленинградских авторов посвящены работы зарубежных и отечественных исследователей культуры и литературы Ж. Ф. Цитцевитц [25], И. А. Ефимова [9], Л. Ф. Луцевич [16], Б. Ф. Колымагина [11] и др. Однако практически нет обобщающих исследований, в которых были бы разносторонне представлены причины и результаты духовных поисков, характерных для интеллигенции 1960–1980-х гг.

В историографии также уделено недостаточно внимания проблеме обращения поэтов эпохи 1960–1980-х гг. к культуре Серебряного века и их общения с еще живущими представителями того легендарного времени. Попытка раскрыть данную проблему через изучение поэтических текстов и источников личного происхождения предпринята в данной статье.

Бронзовым веком поэт Олег Охупкин назвал этап развития русской культуры, который можно примерно обозначить хронологическими рамками 1960–1980-х гг. В одноименной поэме он «омедняет» таких хорошо ему известных ленинградских поэтов этого периода, как Е. А. Шварц, В. Б. Кривулин, С. Г. Стратановский, В. А. Соснора, Д. В. Бобышев, А. Н. Найман, И. А. Бродский, Г. Я. Горбовский [10, с. 11–12] и др. Олег Охупкин видит отличие своего поколения от литераторов других периодов советской эпохи в том, что оно, в большинстве своем, обратилось к Богу:

«И когда Он вошёл в сердца нам,
Мы толпою пред Ним стояли.
Но дружиною стали, кланом,
Чуть бичи Его засvistали.
Он исторгнул из Храма лишних,
Торговавших талантом, чтобы
Воцарился в сердцах Всевышний,
А в торгующих — дух утробы...» [10, с. 11–12].

Постараемся определить причины и важнейшие тенденции духовных поисков перечисленных поэтов, а также определить особенности самоидентификации ленинградских авторов как *учеников* конкретных деятелей Серебряного века.

В Ленинграде существовала так называемая «религиозная группа» поэтов, которая сформировалась вокруг богословско-философского семинара и самиздатского журнала «37» философа Т. М. Горичевой и поэта В. Б. Кривулина, участники которой «окунулись в мир изучения православно-христианских текстов» [25, с. 346]. Феномен таких литературно-религиозных кружков в советской культурной действительности объясняют воспоминания Т. М. Горичевой: «Некоторые пришли к Христу <...> в результате духовных поисков <...>, потому что быть неверующим считалось провинциальным и отсталым...» [8, с. 60]. Сложно сказать, была ли описанная «мода» общепринятой и распространенной в кругах ленинградской интеллигенции, так как данный вопрос требует отдельного исследования.

Однако в таких кружках, наряду с евангельскими текстами и трудами отцов Церкви, изучалось и наследие русской культуры начала XX в. Знакомство с литературой Серебряного века и ее распространение с помощью самиздата подтолкнуло ленинградских поэтов к освоению и развитию художественных традиций символистов, акмеистов, имажинистов и футуристов. Идентифицируя себя как поэтов Бронзового века, они тем самым утверждали свою генетическую связь с предшествующей культурно-исторической эпохой. Подобную рефлексию, подтверждающую чувство духовной близости тому, что переживалось поэтами Серебряного века, можно найти в очерках Г. Я. Горбовского: «Когда я читаю Блока... о его России, о его Христе, то чаще всего плачу и рыдаю, как над раздавленной певчей птицей, погибшей под копытами времени...» [7, с. 29].

Другим полем «возрожденческих» традиций является русская история, с которой связаны духовные поиски В. А. Сосноры. Репрезентация «Слова о полку Игореве», образа Древней Руси и других сюжетов о событиях прошлого через категории страдания и общей судьбы связана с послевоенным фоном 1950–1960-х гг.

Повторение в судьбе России войн и боли на новых и новых исторических витках отмечено в стихах В. А. Сосноры: *В нашей жизни горевой / ой как редко звездно...* [22, с. 29]. Эти строки не были умозрительными — в них отразился жизненный опыт поэта, в детстве пережившего ужасы войны. Свидетельства об этом опыте можно найти в его воспоминаниях, интервью и личных дневниках [24, л. 1]. Академик Д. С. Лихачев в предисловии к сборнику В. А. Сосноры «Всадники» пишет, что запечатленные в памяти события войны позволили автору выработать новый поэтический взгляд на события прошлого, а также стали фундаментом его духовного опыта [22, с. 4].

Немецко-британский социолог К. Мангейм [17, с. 10] считал, что одни и те же исторические события, пережитые в детстве, формируют у людей одного поколения схожее мировоззрение. Духовные поиски многих поэтов Бронзового века были следствием потрясений и страданий военного или послевоенного детства. Кроме того, пережитое в детские годы впоследствии пробудило интерес к национально-историческому прошлому, в недрах которого искали ответы на современные вопросы и подчас обретались духовные опоры. Впрочем, В. А. Соснора, например, говорил, что «верит в собственного Бога» [24, л. 2]. Духовные поиски не означали, что все придут к одному и тому же результату.

Еще одним импульсом духовных исканий стали характерные для представителей культуры Бронзового века размышления о роли поэта (автора, творца) и его сопоставление с понятием Слова (logos). Здесь встречаются различные позиции: например, Е. А. Шварц говорила, что относится к сочинению стихов как с сакральному, священному акту [25, с. 348]. Приобщение художественной формы к христианской традиции отличает поэтику Е. А. Шварц. В одном из интервью она говорила, что с самого детства у нее всё сводилось к Богу [25, с. 348]. Рассматривая ее поэтические тексты, несложно заметить, что для них характерно постоянное сопоставление божественного и реального: «*О Боже — Ты внутри живого мира / Как будто в собственном гуляешь животе...*» [6, с. 70]. Это подтверждается исследованиями филолога А. Б. Кузнецовой, которая пришла к выводу, что «духовный опыт Е. А. Шварц обретает словесную плоть, которая реальнее самой реальности» [12, с. 161]. В творчестве поэтов нередко можно встретить интеграцию советской действительности и религиозной жизни, а также попытку осмыслить данный феномен. Повседневную жизнь сакрализует и С. Г. Стратановский: «*Бог в повседневности: / В овощебазах, на фабриках, / В хаосе матчей футбольных...*» [20, с. 150].

Проблему отношения творческой личности и Творца затрагивал в стихотворении «К душе своей» О. А. Охупкин: «*Что дается в душе, покамест / Витийствует поэта стих?*»^{*}.

Подобные поиски вели также поэты так называемой «филологической школы» (М. Ф. Еремин, Л. А. Виноградов, В. И. Уфлянд, М. М. Красильников, С. Л. Кулле, Л. В. Лосев и др.), которые считали себя служителями Слова и манифестировали возвращение к «праязыку».

Например, историософская концепция М. Ф. Еремина связана с необходимостью обретать духовность в прошлом с помощью Слова: «*Боковитые зерна премудрости, / Изначальную форму пространства, / Всероссийскую святость и смутность / И болот журавлиную пряность / Отыскивать в осенней рукописи...*» [23, с. 41].

Только благодаря Слову можно выйти к истинной святости — именно такую концепцию предлагает М. Ф. Еремин. Словоцентризм доминировал в идейных представлениях авторов ленинградского андеграунда, и следует отметить особую тесную связь языка и религии в творческих поисках поэтов Бронзового века.

Выделим еще один культурный пласт, который стал платформой духовных поисков поэтов Бронзового века: это сам город на Неве, это продолжение и развитие в их творчестве «петербургского текста» и петербургской мифопоэтики.

Тему «петербургского мифа» как результат историко-религиозных и нравственно-эстетических поисков развил О. А. Охупкин. Рисуя современный ему городской ландшафт Ленинграда, он пишет: «*И хвалят Бога воробьи / Дыханье птички хвалит Бога, / И образ Троицы стоит / Во храме. Мне туда дорога...*»^{**}.

---

^{*} Приведенные стихи О. А. Охупкина опубликованы на информационном ресурсе: <http://natch.narod.ru/okhapkin.html> (дата обращения 10.05.2023)

^{**} Приведены стихи О. А. Охупкина опубликованы на информационном ресурсе: http://www.religare.ru/25_861.html (дата обращения 11.05.2023)

Видны отзвуки идеи Петербурга как города апостола Петра у Д. В. Бобышева: «*Это ли не город-ключ Первозванного Петра? / Ангела пята с утра / опирается о луч...*» [5, с. 12]. Ленинградский поэт И. Н. Бурихин рассматривал проблематику Петербурга и традиции пушкинского «Медного всадника» как отдельную тему поэзии Е. А. Шварц [6, с. 70]: «*Но рухнула духовная стена... Давно Россию затоплен Петербург...*» [6, с. 70].

В процессе духовных поисков поэтами 1960–1980-х гг. была осуществлена связка собственной религиозной идентичности с дореволюционным Петербургом, а не с блокадным Ленинградом, где многие из них родились.

Стимулировала духовные поиски поэтов этого поколения и общественно-политическая ситуация в стране. В 1980-е гг. идет постепенное принятие религии на государственном уровне. Кульминацией этого процесса справедливо можно считать торжественное празднование Тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. Однако власть продолжала относиться скептически и подозрительно к религиозным настроениям и темам в творчестве ленинградских авторов. Доказательством тому является разговор между председателем Ленгорлита и директора журнала «Советский писатель», который передает в своей монографии историк культуры А. В. Блюм [3, с. 231], и в ходе которого председатель Ленгорлита назвал религиозность в творчестве ленинградских поэтов «слабостью» и «способом эксплуатации» непонятных сюжетов и образов. Недовольство партийных чиновников и кураторов городской культуры вызывали стихотворения О. А. Охупкина, Б. В. Куприянова, С. Г. Стратановского, А. А. Миронова и др. [3, с. 231]. Но эти и другие поэты Бронзового века стойко выдержали выпавшие на их долю испытания, во многом благодаря их учителями, чьи судьбы были схожи с героями настоящей статьи.

В духовном становлении человека участвует обязательно второй человек — его наставник. Трудно найти ученого или деятеля культуры в истории, у которого не было бы *учителя*, поэтому и поэты Бронзового века имели прямых и творческих наставников. Например, московский поэт «шестидесятник» А. А. Вознесенский в марте 1963 г. на встрече деятелей искусств с первым секретарем Н. С. Хрущевым открыто заявил, что является *учеником* В. В. Маяковского и поэтому не состоит в коммунистической партии, что вызвало негативную реакцию со стороны партийного руководства [18]^{*}.

Активное ученичество было характерно и для ленинградских поэтов. Уже упоминавшаяся группа молодых авторов — студентов Ленинградского государственного университета — считала себя «филологической *школой*». Сначала они обращались к истории языка и работали над текстом не только в сюжетном, но и стилистическом плане, применяя идеи футуристической школы на-

---

^{*} Текст встречи первого секретаря Н. С. Хрущева с деятелями искусства 7 марта 1963 г., на которой выступил А. А. Вознесенский приводит сценарист и режиссер Д. А. Минченков, который нашел редкую магнитофонную запись выступлений Н. С. Хрущева и А. А. Вознесенского и ввел в историко-архивный оборот. Д. А. Минченков опубликовал текст разговора в журнале «Огонек». — *Р. Г.*

чала XX века (В. В. Хлебникова, А. А. Крученых) и группы ОБЭРИУ [15, с. 683]^{*} (в особенности А. И. Введенского). Поэт и литературовед М. Н. Айзенберг о поэтах «филологической школы» писал, что их стихи стали формой познания окружающего мира [1, с. 66]. Процесс познания привел некоторых из них к поиску сакральных смыслов в древних языковых слоях славянской культуры. Литературное ученичество переросло в ученичество духовное.

Замечательным примером плодотворного ученичества явились контакты молодых ленинградских поэтов с еще жившими в 1960-е годы представителями культуры Серебряного века. Наиболее крупной и авторитетной личностью, перед которой преклонялись и у которой учились представители Бронзового века, была А. А. Ахматова.

В воспоминаниях А. Г. Наймана, А. А. Ахматова предстает как строгий и мудрый наставник, часто критиковавший поэтические опыты своих подопечных [14, с. 17–18]. А. Г. Найман также подчеркивает, что она передавала молодежи религиозное отношение к поэзии и поэтическому ремеслу, столь характерное для представителей художественной элиты Серебряного века [14, с. 44]. В этом видится настоящая преемственность поколений.

Воспоминания о знакомстве с А. А. Ахматовой и ее роли в становлении поэтов «эпохи самиздата» принадлежат перу тех, кто непосредственно смог пообщаться с нею. Среди них были В. Б. Кривулин [13, с. 217], Е. А. Шварц [26] и др. Смерть Анны Ахматовой стала для ее учеников и самых широких кругов русской интеллигенции едва ли не самым трагическим и знаковым событием эпохи Бронзового века. Неслучайно ближний круг молодых поэтов был назван «ахматовскими сиротами»: *«Закрыв глаза, я выпил первым яд. / И, на кладбищенском кресте гвоздима / душа прозрела: в череду утрат заходят Ося, Толя, Женя, Дима/ ахматовскими сиротами в ряд...»* [4, с. 59]. Так писал входивший в этот круг Д. В. Бобышев. Впоследствии название «Ахматовские сироты» получило поэтическое сообщество, куда вошли перечисленные ученики Ахматовой.

Московский поэт и бард Б. Ш. Окуджава, которого, подчеркивая его близость Бронзовому веку, нередко называют «медным» автором, написал стихотворение «Прощание с новогодней елкой» [19, с. 297] как некролог А. А. Ахматовой, с которой у него также до конца ее жизни была дружеская связь. В связи с этим можно отметить тенденцию сакрализации А. А. Ахматовой как духовно-го наставника.

Творческое наставничество в судьбе поэтов Бронзового века осуществляли также Л. Ю. Брик и Н. А. Асеев, которые были, как и А. А. Ахматова, родом из Серебряного века. Как вспоминает В. А. Соснора, в его жизни сыграли значительную роль оба этих деятеля русской культуры. Н. А. Асеев способствовал публикации первых поэтических сборников и утверждению его имени в литературе [24, л. 2]. Изучая переписку учителя и ученика, можно заметить, что, поми-

---

^{*} ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) — группа ленинградских писателей на рубеже 20–30-х гг. XX века, в которую входили Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Н. А. Заблочки и др. — Р. Г.

мо профессиональной работы над текстами, Н. А. Асеев играл и роль духовного наставника [2, с. 114].

Л. Ю. Брик, как признается сам В. А. Соснора, помогала в основном продвижению молодых авторов, в том числе ленинградских. В данный круг вошли также Б. А. Слуцкий и А. А. Вознесенский. Именно усилиями Л. Ю. Брик был организован поэтический вечер в Париже, участие в котором для молодого поэта можно считать настоящим взлетом.

Так как многие ленинградские поэты в 1950–1960-е гг. были еще студентами, то еще одним из ярких наставников Бронзового века можно назвать доктора филологических наук Д. Е. Максимова, преподававшего в Ленинградском государственном университете. Он был также самобытным поэтом, сумевшим в «странных стихах» передать душу города, что было отмечено А. А. Ахматовой, с которой профессора связывала многолетняя дружба. Им был организован на филфаке знаменитый в то время «блоковский семинар», в рамках которого молодые поэты активно изучали творчество поэтов Серебряного века. В. Б. Кривулин, один из идейных представителей ленинградского неофициального культурного движения, вышел из стен филологического факультета, где занимался под руководством Д. Е. Максимова. В работе семинара принимали участие также поэты С. Г. Стратановский, Т. А. Калинина, М. М. Кралин. Как вспоминает культуролог и участница «блоковского семинара» О. Б. Сокурова, Д. Е. Максимов смог привить своим ученикам очень важные духовно-нравственные ценности и неопределимые навыки научного труда [21, с. 325].

Авторитетным наставником и старшим другом Д. Е. Максимова считали также Ю. М. Лотман и З. Г. Минц, время от времени приезжавшие из Тарту для участия в Блоковском семинаре.

В Ленинградском государственном университете обучались также упомянутые выше В. А. Соснора, Е. А. Шварц, Т. М. Горичева, поэты «филологической школы» и др. Все они получили здесь не только высшее образование, но и духовный, философский и эстетический опыт, сопряженный с интересом к истории литературы и религиозно-философским темам в отечественной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенберг М. Н. Литература за одним столом // Литературное обозрение. — 1997. — № 5. — С. 66–70.
2. Асеев Н. А. Письма к Виктору Сосноре // Звезда. — 1998. — № 7. — С. 114–126.
3. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. — СПб.: Академический проект, 2005. — 292 с.
4. Бобышев Д. В. Зияния. — Париж: Ymca-Press. 1979. — 236 с.
5. Бобышев Д. В. Полнота всего. — СПб: ИКФ «Водолей», 1992. — 141 с.
6. Бурихин И. О гротеске и духовной концепции в стихах Е. Шварц до 1978 года // Ковчег. — 1981. — № 6. — С. 67–76.

7. Горбовский Г. Я. Остывшие следы: Записки литератора. — Л.: Лениздат, 1991. — 382 с.
8. Горичева Т. М. Опасно говорить о Боге. — М.: Экологическая палата. — 132 с.
9. Ефимов И. М. Крысолов из Петербурга. Христианская культура в поэзии Бродского // И. А. Бродский: pro et contra. — СПб: РХГА, 2022. — С. 330–337.
10. Ковалькова Т. И. О концепции Бронзового века // Альманах «Охапкинские чтения». № 2. — СПб: Русская культура, 2018. — С. 9–13.
11. Колымагин Б. Ф. Религиозная поэзия андеграунда 1960–1980-х годов. — М.: Виртуальная галерея, 2020. — 246 с.
12. Кузнецова А. Воскресение внутри духа. О трех зарубежных книгах Елены Шварц // Звезда. — 1990. — № 12. — С. 161–163.
13. Кривулин В. Б. Охота на мамонта. — СПб.: БЛИЦ, 1998. — 333 с.
14. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой: из книги «Конец первой половины XX века». — М.: Художественная литература, 1989. — 300 с.
15. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — М.: Интелвак, 2001. — 1600 с.
16. Луцевич Л. Ф. Ленинградский религиозно-мистический круг 1970-х годов (к проблеме культурной памяти) // Дом Бурганова. Пространство культуры. — 2010. — № 2. — С. 68–85.
17. Мангейм К. Очерки социального знания: проблема поколений. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — 162 с.
18. Минченок Д. Как нам было страшно // Огонек. — 2002. — № 8. — С. 9–11.
19. Окуджава Б. Ш. Стихотворения. — СПб: Академический проект, 2001. — 712 с.
20. Поэзия О. Охапкин, С. Стратановский, А. Миронов // Беседа. Религиозно-философский журнал. № 2. — Ленинград–Париж. 1984. — С. 145–163.
21. Сокурова О. Б. Встреча в пути // История и культура. — 2006. — № 7. — С. 325–336.
22. Соснора В. А. Всадники. — Л.: Лениздат, 1969. — 111 с.
23. «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. — М.: Летний сад, 2005. — 680 с.
24. ЦГАЛИ, Ф. 824, Оп. 1, Д. 8, 61 л.
25. Цитцевитц Ж. Елена Шварц и Олег Охапкин: Поэзия как молитва? // Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт. — СПб: Росток, 2013. — С. 346–367.
26. Шварц Е. А. Дневники / публикация и подготовка текста К. Козырева // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 155. — С. 239–279.

УДК 821.111

Захлевная София Андреевна,
студентка 2 курса колледжа Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
sss.ooo.fff.iii.aaaza@gmail.com;

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
ta-ta89@mail.ru

«КОМПЛЕКС БОГА» В РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «ВОЛХВ»

Статья освещает проблему «комплексом бога» основанного на теории об архетипах Карла Густава Юнга в романе Джона Фаулза «Волхв». Исследование включает в себя анализ результата взаимодействия героя, наделенным «комплексом бога», с обществом.

Ключевые слова: комплекс бога, архетип, свобода, бессознательное, Джон Фаулз, «Волхв»

Zahlevnyya S. A., Khatskevich T. M.

«THE GOD COMPLEX» IN THE NOVEL «THE MAGUS» BY JOHN FOWLES

The article deals with the issue of the «God complex» based on the theory of archetypes by Carl Gustav Jung in the novel «The Magus» by John Fowles. The paper involves an analysis of the protagonist's interaction with society, being provided with the «God complex».

Keywords: god complex, archetype, freedom, unconscious, John Fowles, «The Magus»

Объяснение мотивов поступков людей издавна занимали умы человечества. Сначала основами для исследования первопричин тех или иных действий являлись философский и религиозный дискурсы. Мотивы являлись предметом философских исследований с античного периода, однако сам термин «мотив» возник намного позже, мыслители пытались понять то, что могло заставить человека совершить какое-либо действие. Древнегреческий философ Плотин

сформулировал учение, из которого следует, что Единое является первообразом, а ум, душа и космос представляют собой его порождения. Поступки и действия людей находятся в зависимости от Единого, стимул формируется с помощью «интуиции — божественного способа познания чего-то одним лишь взглядом, в один миг, вне времени» [4, с. 1]. Очевидно, что в обществе или сообществах всегда появляются и существуют определенные намерения, желания поступать, действовать тем или иным образом в зависимости от особенностей развития социума, постепенно происходит аккумуляция подобных паттернов, ролевых моделей. Один из основоположников древнецерковной науки, Августин Блаженный, формулирует аналогичный интуиции термин, называя архетип идеей: «Они суть формы некие или постоянные и неизменные основы всех вещей, не будучи сами сформированы, но извечно и одинаковым образом пребывающие в Божественном разуме <... > Душа не может их воспринимать» [6, с. 7]. Несмотря на то, что мотивация, понятие мотива и теория мотивации появились значительно позже, на рубеже XIX–XX веков, они входят в поле интересов, так на протяжении всей истории в сознании человечества сохранялись определенные поведенческие роли, склонность совершать те или иные поступки при схожих обстоятельствах. Данный накопленный опыт получил название архетипа, поэтому необходимо обратить внимание на то, как происходила эволюция данного понятия и его понимание.

Намного позже, в XX веке, благодаря Карлу Густаву Юнгу, в психологии появляется понятие «архетип», означающее определенные модели поведения, возникающие при схожих ситуациях, то есть это наборы эмоций, механизмы восприятия, кроме того, их называют первообразными шаблонами, дополненными индивидуальными чертами личности. В отличие от З. Фрейда К. Г. Юнг считал, что сущность бессознательного намного обширнее, чем просто подавленные побуждения. Необходимо уточнить, что Юнг работал в области аналитической психологии, и, согласно его концепции, личность подвержена влиянию внутренних психических образов, которые сформировались в ходе эволюции человечества, другими словами это явление можно назвать врожденным бессознательным. Коллективное бессознательное связано с духовным наследием и с побуждаемыми к действию факторами. Юнг говорит о том, что личность включает в себя 3 структуры: эго, коллективное и личное бессознательное. В связи с тем фактом, что коллективное бессознательное состоит из набора архетипов, Юнг предлагает собственную классификацию данных архетипов. Собственное «Я» находится в постоянном диалоге с подсознанием на инстинктивном уровне, что способствует активизации наиболее подходящего к существующему положению «набора». Важно подчеркнуть врожденный характер явления, когда речь идет об архетипах, то есть личность дает врожденную естественную реакцию на обстоятельства, в которые она попадает. Юнг выделяет следующие основные архетипы: Анима, Анимус, Персона, Тень, Самость, Мудрец, Бог и другие. Для лучшего понимания концепции архетипов необходимо рассмотреть ряд из них, исключая базовые, которые широко известны и понятны даже исходя из самих названий (например «Мать»). Архетип «Персона» сравним с пониманием повседневной социальной

маской индивида, которая используется в жизни для того, чтобы скрыть реальное отношение к чему-либо или наоборот, чтобы произвести впечатление. При этом необходимо понимать, что доминирование над личностью данным архетипом приводит к ее упрощению и поверхностному характеру. «Анимус» и «Анима» демонстрируют андрогинность в человеческой сущности, то есть в женщинах присутствуют мужские черты и наоборот, однако должен соблюдаться биологический баланс, иначе происходит задержка развития личности за счет внутренних и внешних конфликтов. «Самость» представляет собой «ядро» личности, рядом с которым «нарастают» другие качества индивида. Данный архетип зависит от аспектов сознательного и бессознательного, того, что впоследствии будет влиять на самоидентификацию личности. Одним из самых интересных архетипов в классификации К. Г. Юнга является архетип «Тень». Данный архетип представляет собой комплекс негативных характеристик, как правило, связанных со злостью и животным началом. Обычно это те самые черты, которые индивид намеревается скрыть от своего окружения, и наличие которых не желает признавать в себе самом. Считается, что архетип «Тень» является частью архетипа «Его» (Эго), однако если первый архетип соотносится с бессознательным, то второй коррелируется с сознанием и идентичностью. Важно отметить, что архетип является структурным компонентом коллективного бессознательного, как следствие выделяются коллективные комплексы, которые способствуют развитию мифов, религиозных и философских концепций.

Кроме того, Карл Густав Юнг сформулировал определение такому явлению как «комплекс власти» (иногда встречаются термины Power complex, Machtmotiv, Macht Komplex), имеющему сходство с «комплексом бога» (теомания, мания величия, комплекс мессии, комплекс реформаторства и так далее). «Комплекс власти» предполагает нацеленность на «личную» власть, иными словами происходит комбинирование идей и намерений, которые ставят Эго на доминирующую позицию без учета влияния факторов, как из внешней среды, так и внутреннего мира. Интересно, что движущими силами для данного комплекса становится чувство неполноценности или отсутствие социального интереса, то есть у персонажа можно отметить подобные проблемы по ходу сюжета. «Комплекс бога» представляет собой уверенность в завышенных возможностях и способностях, значимой для работы чертой являются дистанцирование и наделение значимостью сведений о себе. Различия двух комплексов заключаются в том, что «комплекс власти» преобладает над личностью, то есть обретенная власть управляет человеком и его желаниями, а субъект с комплексом бога обычно отождествляется с высокомерным и догматичным человеком, игнорирующим правила и требования общества. Труды Юнга оказали значительное влияние на Джона Фаулза, что отобразилось на его творчестве, а в частности в романе «Волхв».

«Волхв», в некоторых переводах «Маг», роман английского писателя Джона Фаулза является первым произведением, однако хронологически публикуется третьим, публика знакомится с ним в 1965 году. Исследователи творчества писателя отмечают в романе обилие автобиографических элементов и культурных и исторических аллюзий. Сюжет романа повествует о жизни инфантильного

выпускника Оксфорда, который бежит от рутины и принятия серьезных жизненных решений на греческий остров Фраскос. Работая учителем английского языка в местной школе, герой постепенно осознает свою бездарность в поэтической области, знакомится с жителями виллы «Бурани», которые погружают в желанный им мир вымысла и тайны, так как молодой человек увлечен идеями экзистенциализма, нереальный мир привлекательнее того, где он вынужден находиться. На протяжении всего романа читатель наблюдает за внутренними изменениями главного героя Николаса Эрфе: приходит к определенным убеждениям, учится понимать ложное и истинное, определяется с желаниями. Финал романа намеренно оставлен автором открытым, данный прием позволяет читателю самостоятельно найти ответы на поставленные вопросы и составить суждения о персонажах.

Главный герой, Морис Кончис, проводит «психологический эксперимент» над Николасом Эрфе, цель испытания заключалась в том, чтобы раскрыть архетип «Тень» Николаса и показать его негативные черты характера, которые он не способен осознать, в связи с другими представлениями о себе. Сущность архетипа «Тень» состоит в том, что на данном этапе развития субъект, не признающий ту или иную черту своего характера, при этом обладающий ею, бессознательно раздражается, наблюдая за объектом, наделенным аналогичным качеством. Со временем человек перестает идеализировать себя и принимает то, что у личности есть как отрицательные, так и положительные стороны. Необходимо отметить, что по сюжету романа, Эрфе, действительно, понимал ряд своих недостатков и признавал их. Николас, будучи жертвой эксперимента Мориса, наблюдал психические свойства личности в образах других персонажей. Например, обвиняя Кончиса и Жюли во лжи, Эрфе постоянно обманывал других героев.

С этой позиции интересна роль Кончиса в эксперименте. Архетипы — это первообразные шаблоны, генетическая память всех поколений человечества, которой «руководит» бессознательное. Кончис, создавая испытание тенью, «управляя» архетипами, соотносит себя с некой сверхъестественной, древней сущностью, способной распоряжаться не только судьбами людей, но и их мыслями, желаниями. Такой феномен можно сопоставить с «комплексом бога», так как Морис полагает, что его действия и мировоззрение непоколебимы, истинны и правильны, игнорируя общепринятые моральные и нравственные нормы. Кончис не испытывает вину за свои поступки, сообщая, что «к этому стремились и Арго, и Пиранделло, и Брехт <...> Им не хватило ни денег, ни отваги <...> зайти столь далеко» [3, с. 517].

Во фрагменте, когда образ Кончиса впервые появляется в романе, Морис отождествляет себя со жрецом «выполняя жесты на жреческий манер» [3, с. 109]. Жрецы, люди-проводники божественной силы, были теньвыми лидерами древнего общества, они обретали власть с помощью хитрости и обмана. Автор способствует тому, чтобы читатель задумался над истинной сущностью Кончиса и будущими событиями романа.

Место проведения «психологического эксперимента», остров Фраскос, выбрано автором не случайно. Греция, как правило, в большинстве случаев ас-

социруется с древнегреческими мифами и легендами, исследования которых взаимосвязаны с созданием классификации архетипов в психологии Карлом Густавом Юнгом.

Джон Фаулз часто соотносит образы героев романа с Богами древнегреческого пантеона, например, Жюли сравнивается с Астреей, Богиней справедливости, а имя почтальона Гермес является аллюзией на посланника Богов в древнегреческой мифологии. Роль Посредника между Кончисом и обществом выполняет Гермес, так, Морис сопоставляется с Создателем. Всеми «героями-богами» руководит Морис, что возносит его в земном греческом пантеоне на место верховного Бога, Зевса. В таком положении Кончису словно присвоен архетип «отца-Зевса», который отличен от других трактовок (отец-Кронос, отец-Уран) тем, что Зевс навязывает свою волю людям, настойчиво мотивируя выполнить конкретный замысел, но действия «отца-Зевса» не влекут негативные последствия для общества. Как правило, архетип реализуется на уровне семьи, древнегреческий пантеон имеет одну родословную, а Боги Олимпа представлены в романе «Волхв» посредством имен героев. С помощью образов богов античной культуры Джон Фаулз, изображает различные архетипы, благодаря чему, читатель получает возможность погрузиться в мистическую атмосферу, проводя параллели и разбирая авторский смысл.

В образе Кончиса отобразились два взаимно противоречащих архетипа «Трикстера» и «Духа». «Трикстер» отождествляется с шутом или другим насмешливым персонажем в фольклоре, однако он способен превратить жизнь в «игру», сталкивая человека с его собственной тенью, обесценивая идеалы индивида. «Дух» — это некий мудрец, обладающий особенной властью, возможностями, превосходящие людские, как правило, архетип воплощается в образе старца, учителя. Если архетип «Трикстера» рассматривается как негативный элемент бессознательного, то «Дух» амбивалентен, он и добро и зло одновременно, так как способности, сила и влияние могут иметь как положительный, так и разрушительный характер. Более того в классификации Юнга «Трикстер» представляет собой архетип коллективного бессознательного, очень часто данный архетип проявляется через образ божественного или сверхъестественного. Кончису характерна эта двойственность, мудрость и образованность сочетается с искаженными моральными и нравственными ценностями. Специфичное «совмещение» двух архетипов трансформируется в «комплекс Бога» и является его предпосылками.

«Комплекс Бога» — средство для реализации одной из идей романа «Волхв». Джон Фаулз утверждал: «бог и свобода — понятия полярно противоположные» [3, с. 13]. Автор направляет внимание читателя на это несоответствие, отводит роль Творца Кончису, воплощая образ человека, который создает лишь иллюзию воли в желаниях и действиях людей, ведя героев в необходимом ему направлении. Морис предлагает Николасу отослать письма в школу и банк для подтверждения личностей сестер Холмс. С помощью этой манипуляции, Морис побуждает Николаса доверять другим участникам эксперимента, выстраивая линию поведения Эрфе в соответствии со своими планами.

Исходя из теории архетипов К. Г. Юнга, можно сделать вывод, что абсолютная свобода невозможна. Данное утверждение связано с тем фактом, что некоторые намерения определяет не сам человек, а его бессознательное и архетипы.

Если провести аналогию с христианством, то Бог не принимает участие в событиях земного мира, но помогает всем «кто сделал первый шаг навстречу Иисусу», то есть дал разрешение на «вмешательство», беседуя с Творцом через молитвы, тогда Бог посредством бессознательного даёт ответы на заданные субъектом вопросы. Дьявол напротив «управляет» подсознанием объекта, не нуждаясь в дозволении человека. Кончис выступает в роли сверхъестественной сущности, но не Бога, а дьявола, проводя «психологический эксперимент» над Николаем, манипулируя его бессознательным. Важно отметить, что помыслы Сатаны и Бога доносятся исключительно в человеческое подсознание. Грех или доброе деяние субъект совершает сознательно. Так, Морис только побудил Николая действовать, а решение принимал сам Эрфе. Таким образом, в независимости от восприятия мира, человек не способен обрести безусловную свободу.

Научно-теоретический аспект аналогичен религиозному, однако субъект ведёт диалог не с Богом посредством души и разума, а со своим подсознанием — внутренним «Я». Мотив исходит из бессознательного, а действие — продукт сознательного.

Таким образом, комплекс бога в образе Мориса — результат сочетания нескольких архетипов, главенствующих в бессознательном Кончиса и взаимосвязанных между собой. Наделяя образ Кончиса «комплексом бога», Джон Фаулз изучает образ Бога и обращается к психоанализу сквозь призму науки и религии, вследствие чего роман можно толковать по-разному. Автор демонстрирует читателю невозможность абсолютной свободы и противоречивость различных черт человека. В современном мире эти аспекты не утратили актуальность, авторы-постмодернисты создают в своих произведениях образы людей с искаженным восприятием реальности до сих пор.

Исследование глубин психики человека является одной из главнейших задач, поставленных в романе Джона Фаулза «Волхв». Несмотря на тот факт, что процесс самоидентификации исследуется посредством образа Николая Эрфе, образ Морриса Кончиса становится не менее важным. Джон Фаулз благодаря образу Кончиса выстраивает потерянную в обществе духовную связь между прошлым и настоящим при помощи обращения к мифологии. Автором данный образ используется как инструмент для создания испытаний Николая Эрфе архетипами. Очевидно, что процесс инициации требует большое количество архетипов для приобретения опыта проживания определенных значимых стадий взросления и становления. Проблема создания условий для реализации всех архетипов и демонстрации обширного ряда личин решается автором именно через образ Кончиса. Данный авторский подход способствует пониманию читателя того, как персонаж переживает сложности, освобождается от ложных представлений об абсолютном знании, власти и свободе. Подобными авторскими устремлениями можно объяснить создание такого сложного и противоречивого персонажа, комбинирующего в себе множество архетипов, как Моррис Кончис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5–6 марта 2010 года / под ред. Б. А. Дорошина. — Пенза: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. — 182 с.
2. Ахметшин А. Р. Горбатов А. В. Атрибутивные признаки архетипа Трикстера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — С. 81–85.
3. Ивин А. А. Теория аргументации. — М., Гардарики, 2000 г. — 114 с.
4. Кандауров Б. И. Сакральные аспекты власти в первобытном обществе // X юбилейный южно-российский политический конвент «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты». — 2020. — С. 193–197 с.
5. Позов А. (Авраам Позидис). Основы древнецерковной антропологии: В 2 т. — Том 2: Апокатастасис. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-т, 2008–549 с.
6. Фаулз Д. Волхв. — М.: Эксмо, 2021. — 848 с.

УДК 130.2:78.03

Иванов Андрей Анатольевич,
доктор философских наук, старший научный сотрудник
научно-образовательного центра «Геродот»
Новосибирского государственного технического университета,
larsandr@mail.ru

ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ В РОССИЙСКОМ НЕОФOLКЕ*

В статье рассматривается феномен неофолк-музыки и отражение темы язычества в творчестве российских неофолк-исполнителей. Определены особенности репрезентации языческой темы в неофолке и его связь с правыми идеологиями. Представлен обзор творчества российских неофолк-групп Moon Far Away, Ritual Front, Wolfsblood, Треустье, ЛёдЪ, Nytt Land. Сделан вывод о динамике неофолка в сторону деполитизации.

Ключевые слова: неофолк, язычество, идеология, традиционализм, реконструкционизм, деполитизация.

Ivanov A. A.
PAGAN INFLUENCES IN RUSSIAN NEOFOLK

The article examines the phenomenon of neofolk music and the reflection of the theme of paganism in the work of Russian neofolk performers. The features of the representation of pagan themes in neofolk and its connection with right-wing ideologies are determined. An overview of the work of Russian neofolk groups Moon Far Away, Ritual Front, Wolfsblood, Треустье, ЛёдЪ, Nytt Land is presented. A conclusion is drawn about the dynamics of neofolk towards depoliticization.

Keywords: neofolk, paganism, ideology, traditionalism, reconstructionism, depoliticization.

Неофолк (англ. *neofolk*) — музыкальный жанр, возникший на основе фолка, постпанка и индастриала в 1980-х годах и отличающийся не только музыкально-стилистическими особенностями, но и определенным культурно-идеологическим содержанием текстов и визуальной эстетики. Это содержание

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01712).

включает идеи языческого возрождения и природного мистицизма. Данная статья посвящена тому, как «языческая тема» отражается в творчестве российских неофолк-групп и какая динамика наблюдается в этом процессе.

Предварительно необходимо определить специфику функционирования идеологических (в том числе неязыческих) аспектов в неофолк-музыке. Для музыкальной составляющей неофолка характерны сочетание акустических и народных инструментов, электронных синтезаторов и шумов, декламация текстов и использование разных традиций фольклорного пения, повторение музыкальных фраз и меланхоличный настрой. Основателями жанра считаются британские группы Death in June, Current 93, Sol Invictus, разработавшие в 1980 гг. не только звуковые стандарты неофолка, но и идеологию стиля, включающую традиционалистскую критику современности, апелляцию к языческим временам «гордой Европы», использование оккультных и фашистских символов. При этом, стилевой нормой является отрицание причастности к правым политическим партиям и движениям: на обложках альбомов, в интервью и комментариях музыканты утверждают, что не занимаются политикой, а их «послание» имеет исключительно культурно-эстетический характер. По мнению А. Шеховцова, эта установка восходит к идее «аполитии» Юлиуса Эволы (непричастности к политической деятельности) и «отступления в лес» (Waldgang) Эрнста Юнгера [6]. С. фон Шнурбейн называет это стратегией «двусмысленности»: аудитория постоянно оказывается в неуверенности, подразумевает ли мифологическая идеализация фашизма в неофолке позитивную идентификацию музыкантов или это эстетическая провокация, демонстрирующая опасную «привлекательность» правой эстетики для масс [5, с. 345]. Стратегия преднамеренной двусмысленности, объединяющая неофолк с культурными практиками европейского неоязычества, представляет собой, по словам М. Гарделя, проекцию «разных лиц, смесь серьезности с позированием и использование дымовых завес и кривых зеркал для разыгрывания нищенского маскарада» [1, с. 284].

Языческая тема изначально играла существенную роль в концептуальном содержании неофолка. Основатели первой британской «неофолк-троицы» — Дуглас Пирс (Death in June), Дэвид Тибет (Current 93), Томас Уэйкфорд (Sol Invictus) были связаны с движениями Асатру и рунических оккультистов. Фрейя Асвинн, провозгласившая себя «жрицей Водана», Хеймгест, лидер Британского Odinic Rite («Обряд Одина»), принимали участие в записях Sol Invictus. Майкл Мойнихан, основатель неофолк-проекта Blood Axis, является членом американской общины Асатру и редактором журнала «Тир: миф — культура — традиция», прославляющего «традиционные мифы, культуру и социальные институты дохристианской, досовременной Европы».

По мере популяризации и глобализации жанра термин «неофолк» расширяет границы первичных идеологических коннотаций, охватывая не только антимодернистские идеи, но и другие контркультурные дискурсы (декадентства, сексуальной свободы, сатанизма). Вместе с этим расширяются музыкальные рамки стиля: неофолком теперь могут называться различные смешения народных музыкальных традиций с формами современной музыки (эмбиент, нойз,

трип-хоп, хард-рок, готик-рок и др.). Разветвляется поджанровая структура, включая такие направления, как martial industrial, ritual dark folk, nordic folk и др. В определении музыкальной стилистики исполнителей термин «неофолк» часто группируется вместе с определениями neoclassical, ethereal, ambient, atmospheric black и др.

В России первыми исполнителями неофолка считаются калининградская группа Romowe Rikoito и московская Neutral, появившиеся в середине 1990-х. Их вербальная эстетика базировалась на «декадентской» лирике с отсылками к немецким поэтам-романтикам и поэтам Серебряного века, в текстах музыканты использовали немецкий и старопрусский языки. Языческие мотивы и образы получают отражение в творчестве коллективов Moon Far Away, Wolfsblood, Ritual Front.

Moon Far Away — музыкальный коллектив из Архангельска, определяющий свою музыку как ritual / ethereal dark folk. Отличительной особенностью музыки группы является использование поморского обрядового фольклора в соединении с традициями готик-рока. Лидер коллектива Алексей Шептунов (Count Ash) участвовал в этнографических экспедициях по Архангельской области. Многие песни представляют собой неофолковые переработки и интерпретации обрядовые песен («Жито жала», «Не вели ветры», «Ты взойди, красно солнышко» и др.), а визуальное измерение творчества (оформление альбомов, фотографии музыкантов) содержит отсылки к земледельческой обрядности. По мнению Алексея Шептунова, стиль неофолк и его собственное творчество являются возрождением «ритуальных, духовных» аспектов музыки, утраченных в современной секулярной культуре [8].

Группа «Рада&Терновник», существующая с начала 1990 г., сочетает авангардный вокал певицы Рады Анчевской и психоделический хард-рок с фолк-элементами разных этнических традиций. В текстах и мелодике заметно обращение к славянскому фольклору (альбомы «Русский эпос», «Женитьба», «Заговоры»). Альбом «Женитьба» (2005) записан совместно с фольклорным ансамблем «Ясный день». В записи альбома «Укок» (2013) принял участие алтайский сказитель и мастер горлового пения Ногон Шумаров; за эту запись группа получила премию Курехина в номинации «Этномеханика» как лучший world-music проект. Музыканты не называют себя неоязычниками, не говорят о возрождении языческого мировоззрения, но указывают на то, что основная идея их творчества — «архаическое сознание, преломленное через восприятие современного человека», а музыка исходит из древнего, неизменного и сохраняющегося источника, единой духовной традиции: «Традиция живет ВНУТРИ нас, наша память хранит ощущение единого мира, в котором музыка священна, мира, в котором музыка может разговаривать с Небом, а основные коренные вещи — любовь и смерть, рождение и угасание, солнце и луна, снег и слеза — едины» [11].

Коллективы Ritual Front и Wolfsblood, основное число альбомов которых выходило в 2000 годах, находятся в русле «евро-языческого» неофолка, смешивая языческую тематику с оккультной символикой. Демо-альбом Ritual Front «Две молнии» (2003), по словам авторов, был вдохновлен книгами «Руны и мистерии

северных народов» Фрейи Асвинн, «Родные боги» Велеслава и посвящен «Перуну и воинскому культу, с Ним связанному» [9]. Тексты песен альбома *Wolfsblood* «Сумерки мира» (2004) опираются на образы и сюжеты скандинавской мифологии (асы, Вотан, Великий Ясень); песня *Völuspá* представляет фрагмент Старшей Эдды. Вместе с этим присутствуют отсылки к неоязыческому оккультизму Третьего рейха («Видения Вилигута») и фрагмент стихотворения Алистера Кроули («Бафомет»).

Группа Треустье представляет неофолк с использованием народных инструментов (гудок, колесная лира, гусли и др.), элементами русской фольклорной мелодики и бардовской песни. Тематику характеризует обращение к различным историческим эпохам и персонажам допетровской Руси. Как отмечается на странице группы «ВКонтакте», «Песни Треустья наполняют образы разных эпох Русского мира. Персонажами могут быть языческие боги или мифологические сущности, воины или солдаты, простые крестьяне, зодчие, юродивые или блаженные, разбойники, казаки, бунтари или смутьяне, палач, поп, вор, скомоорох, сказитель былин, знахарь-отшельник и другие». Языческая тематика представлена на альбомах «Сквозь дыру веков» (2010), «Феникс» (2015), «За родимую матушку Русь!» (2019) и отражается в песнях «Лада», «Макошь», «Моренушка», «Батюшка Перун», «Ярила», «Феникс» и др. Тексты песен написаны в условном архаическом стиле, имитируют былинные или обрядовые формы, содержат не только сюжеты из древнерусской жизни, но и моральную критику современности («Лада», «Девка блудная», «За родимую матушку Русь!»).

За последнее десятилетие на мировой сцене появляются неофолк-коллективы, которые избегают ассоциаций с правыми идеологиями и ставят акцент на репрезентации дохристианской ритуальной музыки. Самыми известными из них считаются норвежский *Wardruna* и общеевропейский *Heilung*. Различие между творческими подходами этих групп соответствует разделению двух типов неоязычества, выделенных М. Стрмиской: этнический реконструкционизм, ориентированный на как можно более адекватное воспроизведение конкретной этнической религии; эклектичный универсализм, предлагающий ре-интерпретированный синтез разных этнических язычеств [7, с. 18–20]. *Wardruna* представляет позицию реконструкционизма, ориентируясь на воспроизведение аутентичной скандинавской культуры. *Heilung* представляют транснациональное языческое наследие, используя элементы разных этнических традиций и обнаруживая их общность [4, с. 23].

На российской сцене существуют группы, находящиеся под влиянием этих европейских коллективов, — *ЛёдЪ* и *Nytt Land*. Обе группы позиционируют свою музыку как *pordic*, однако транснациональной эклектики в них гораздо больше. *ЛёдЪ* — коллектив из г. Кирово-Чепецк использует в музыке скандинавскую лиру (тальхарпу), рунические символы в логотипе и мерче, тексты на русском языке с универсальными архаическими образами (воин, кочевник, меч, копьё) и элементами разных этнических мифологий (скандинавская Вальхалла, скифский Таргитай). *Nytt Land* — группа из Омска микширует на своих альбомах скандинавские языки, тувинское горловое пение, сибирские бубны,

варган, тальхарпу, казахскую домбру, духовые инструменты и электронные шумы, создавая некую общую форму условной «северной» ритуальной музыки. Сами музыканты утверждают, что объединяют культуру сибирского шаманизма со скандинавской культурой, то есть следуют эклектичной стратегии выражения универсального «древнего начала». Алексей Шептунов (Moon Far Away) в рецензии на альбом группы указывает на отсутствие связи с конкретной народной традицией: «Это скорее некое, столь распространенное сегодня, представление профессионального музыканта-жителя большого города о том, что является далеким, загадочным северным фольклором, и том, как это должно звучать» [10].

Несмотря на некоторую идеологическую дифференциацию (декадентство, садомазохизм, сатанизм), традиционалистская перспектива долгое время оставалась стилевым каноном, которую российские музыканты долгое время манифестировали на сцене, в лирике и интервью. Ritual Front в интервью 2003 г., отвергая секулярную политическую практику, мечтали о политике как «продолжении эзотерики» и возрождении язычества как «воскрешении Духа» [9]. Алексей Шептунов, комментируя выход сингла Moon Far Away «Новый гимн России» (2008), рассуждал о «мистической Небесной России», традиционных ценностях и предпочтении «практического православия» язычеству как геополитической силы в борьбе «двух империй», «возможно, единственного пути противодействия перспективе глобальной катастрофы» [8].

В последнее десятилетие наблюдается *деполитизация* неофолка — отказ от ассоциаций с политическими и правыми идеологиями. На первый план в дискурсе неофолк-музыкантов выходят апелляции к этнорелигиозной традиции и универсальный природный мистицизм, представляющие музыкальное творчество как выражение неизменных, глубинных (народных и природных) сущностей. Характерны в этом контексте слова Анатолия Пахаленко из Nytt Land: «эта музыка фактически находится на границе чего-то древнего, что хранится в нашем подсознании, пробуждая эти чувства и переживания, на уровне инстинктов» [2].

В отказе неофолка от праворадикальных ассоциаций усматривается общая траектория развития современных музыкальных субкультур, по мере популяризации и включения в мейнстрим исключая радикальные контркультурные установки. Существует, разумеется, и обратная тенденция среди отдельных отечественных исполнителей, выражающаяся в поддержке идеологием «русского мира» и конфронтации с «коллективным западом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Gardell M. Gods of the Blood. The Pagan Revival and White Separatism. — Durham/London: Duke University Press, 2003. — 456 p.
2. Interview:Nytt Land [Электронный ресурс]. — URL: <https://invictamagazine.com/interview-nytt-land/> (дата обращения 02.06.2023).

3. Kirk R. «Revolt Against the Modern World:» Exploring the Post-Industrial Romance of Neo-Folk // *Nota Bene: Canadian Undergraduate Journal of Musicology*. — 2009. — Vol. 2: Iss. 1. — Pp. 88–103.
4. Roe S. Against the Modern World: NeoFolk and the Authentic Ritual Experience // *Literature & Aesthetics*. — 2019. — № 29(2). — P. 15–31.
5. Schnurbein S. Norse Revival: Transformations of Germanic Neopaganism. — Leiden/Boston: Brill, 2016. — 418 p.
6. Shekhovtsov A. Apoliteic music: Neo-Folk, Martial Industrial and «metapolitical fascism» // *Patterns of Prejudice*. — 2009. — Vol. 43: Iss. 5. — Pp. 431–457.
7. Strmiska M. Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives // *Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives*. — Santa Barbara: ABC-Clio, 2005. — Pp. 1–53.
8. Интервью с Moon Far Away. «Наш Гимн — гимн вечной, мистической Небесной России» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.metallibrary.ru/articles/interviews/175.html> (дата обращения 02.06.2023).
9. Интервью с Ritual Front [Электронный ресурс]. — URL: <http://machine.radionoise.ru/texts/rf.html>
10. Музыкальный журнал «Бункер». Рецензия на релиз Nytt Land — «Nytt Land» [Электронный ресурс]. — URL: <https://bunkermagazine.ru/index.php?id=602> (дата обращения 02.06.2023).
11. Рада & Терновник [Электронный ресурс]. — URL: <http://rada.rinet.ru/ru/discography/2005-zhenitba.html> (дата обращения 02.06.2023).

УДК 376.68

Иванов Иван Дмитриевич,
методист международного отдела
Санкт-Петербургской духовной академии,
бакалавр теологии, магистрант Санкт-Петербургской духовной академии,
wot.iwanov2014@yandex.ru

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Российское высшее образование имеет многовековую историю обучения иностранных студентов, однако очень часто молодые люди, прибывшие из разных уголков земного шара, оказываются перед лицом многих трудностей. Одной из таковых является — адаптация к новому культурному пространству. Существует множество методов адаптации иностранных студентов к пространству высшего образования.

В статье будет представлен обзор метода медленного чтения и описание его дидактического потенциала на занятиях с иностранными студентами, главная цель которого — включение иностранного студента в богатую традицию русской культуры.

Священник Павел Александрович Флоренский однажды сказал, что культура есть среда, растящая и питающая личность. Действительно культура то, что по-настоящему помогает нам в развитии личностных качеств и нравственном становлении человека. При таком размышлении русский язык становится ключом к пониманию богатой русской культуры страны, а медленное чтение это один из наилучших способов отыскать этот «золотой ключ». Именно поэтому важно создать среду, в которой на занятиях с иностранными студентами будет воспитываться личностное отношение к обучению именно через формирование читательской компетенции иностранного студента. Прибегая к краткому описанию метода, то центральным место занятия, будет толкование текста с помощью методики медленного чтения.

В статье будет представлен обзор краткой истории самого метода медленного или внимательного чтения и основных подходов к его использованию. В качестве подтверждения тезисов, изложенных в статье, будет представлен авторский опыт построения занятия для иностранных студентов с использованием метода медленного чтения.

Ключевые слова: духовное образование, иностранные студенты, медленное чтение, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Ivanov I. D.

THE DIDACTIC POTENTIAL OF THE SLOW READING METHOD IN CLASSES WITH FOREIGN STUDENTS

Russian higher education has a long history of educating international students, but very often young people who come from different parts of the world find themselves faced with many difficulties. One of these is adapting to a new cultural space. There are many methods of adapting international students to the higher education space.

This article will give an overview of the slow reading method and a description of its didactic potential in classes with foreign students, the main purpose of which is the inclusion of foreign students in the rich tradition of Russian culture.

Priest Pavel Aleksandrovich Florensky once said that culture is the medium that nurtures and nourishes the personality. Indeed, culture is what truly helps us in the development of personal qualities and the moral formation of man. With this reflection, the Russian language becomes the key to understanding the country's rich Russian culture, and slow reading is one of the best ways to find this «golden key». That is why it is important to create an environment in which classes with foreign students will foster a personal attitude towards learning precisely through shaping the reading competence of a foreign student. In a brief description of the method, the focal point of the class will be the interpretation of the text through the slow reading methodology.

This article will provide an overview of the brief history of the Slow or Careful Reading method itself, and the main approaches to its use. As a confirmation of the theses outlined in the article, the author's experience in constructing a class for international students using the method of slow reading will be presented.

Keywords: spiritual education, international students, slow reading, St. Petersburg Theological Academy.

Современный образовательный процесс требует от педагогов большей гибкости и мобильности педагогических методов при работе с воспитанниками. Смена вектора на поиск возможных путей для познания истины, а не просто постулирования одной из точек зрения, открывает новые методы в образовании. Возможность к диалогу, терпимость, уважение, умение корректировать свое мнение — те новые установки, которые необходимы для воспитания гармоничной личности воспитанника. Эти же установки являются доминирующими при выстраивании образовательных пространств для иностранных студентов. Их главной чертой является формирование ключевых компетенций учащегося, его творческий рост и получение навыков для самостоятельного изучения тех или иных учебных материалов, а также традиций в совсем новой для него культуре.

Классическая модель, которая применяется для целей, описанных выше, выглядит как трансляция учебного материала от преподавателя к обучающимся. Однако важно отметить, что такое транслирование не должно превращаться в просто накопление определенных знаний и компетенций без последующего их применения обучающимися. Главным остается способность иностранного студента к обмену мыслями, усвоением ценностей и культурных положений при

помощи которых образуется особое пространство содружества преподавателя и воспитанников для совместного путешествия в мир богатой культуры.

Одним из методов, который может помочь иностранному студенту овладеть новым материалом и поднять свои учебные компетенции владения языком для обучения в новом образовательном пространстве является метод «close reading». Термином «close reading», который в дословном переводе на русский язык звучит, как близкое или внимательное чтение, определяют последовательную и подробную интерпретацию текста. Американский литературный критик Elaine Showalter называет «close reading» медленной паузой, которая помогает посмотреть на содержательную сторону текста. Это не чтение между строк, а, напротив, вчитывание в строки для того, чтобы увидеть нужный синтаксис, описание или понять смысл отдельного слова [6, с. 98].

Говоря о термине «медленное чтение», который наиболее распространен в отечественной педагогической науке, необходимо сказать, что впервые он употребляется в англоязычном переводе предисловия к труду Фридриха Ницше «Утренняя заря», где философ дает собственное определение филологии и филологам, называя их — людьми любящими слово. Именно поэтому немецкий мыслитель приходит к мнению о том, что филолог — учитель медленного чтения, которое не может называться иначе, как чтение с наслаждением [3, с. 58].

Термин «медленное чтение» входит в педагогической обиход, как прямая альтернатива развивающимся концепциям скорочтения. Например, статья Н. Я. Эйдельмана под названием «Учитесь читать!», опубликованная в 1979 году в журнале «Знание-сила», имела четкий призыв к развитию в каждом читателе вдумчивого отношения к чтению. Автор, подчеркивал, что текст необходимо воспринимать не только интеллектом, но и стараться пропускать через душу [5, с. 12]. Не только Н. Я. Эйдельман занимался развитием метода медленного чтения в отечественной науке, например, Д. С. Лихачев восторгался занятиями академика Л. В. Щербы на пушкинском семинаре. Академик Щерба был пропагандистом медленного чтения и учил своих воспитанников открывать каждое прочитанное ими слово и получать настоящее удовольствие от текста [4, с. 26].

При исследовании состояния человека при чтении и для того, чтобы иметь возможность корректировать учебный процесс читателя необходимо рассмотреть чувства, которые возникают у него при чтении. Французский критик Ролан Барт в своем эссе «Удовольствие от текста» (1973) выделяет два вида чувств: удовольствие после преодоления мучительного ощущения и недопонимания и удовольствие, получаемое за чтением любимого текста. Для нас важным будет остановка на первом чувстве, так как по словам критика, именно первое чувство соответствует толкованию сложного текста, к которым относятся религиозные тексты и древние памятники истории. Именно с этими видами текстов наиболее часто приходится сталкиваться иностранным студентам обучающимся в высших духовных учебных заведениях. Вторая же эмоция относится к «легким» текстам, чье прочтение вызывает чувство легкой радости [1, с. 462].

Практика преподавания различных дисциплин для иностранных студентов показывает, что им для успешного освоения материала, особенно на первых

годах обучения, необходимо активное применение визуальных и слуховых ассоциаций, которые успешно могут быть использованы при применении метода медленного чтения. В рамках этого метода студентами усваивается смысловой аспект учебного материала на эмоционально-психологической основе. Педагог при таком методе акцентируется не на фиксирование ответов учащихся, а на поиск истины вместе с воспитанниками. Таким образом, учитель с учеником вместе находятся на пути получения нужных знаний и компетенций во время лекционного занятия. Он не строгий судья, а помощник в деле поиска истины.

Важно понимать, что для иностранного студента приобщение к литературным текстам есть путь поиска образов понятий.

Опираясь на высказанные выше концепции, можно предположить, что «медленное чтение» может помочь выстроить некую иерархию познания текстов.

При обучении иностранных студентов, как и при обучении, в общем и целом, перед педагогом стоит задача помочь студентам свободно владеть учебным материалом и дать установку на самостоятельное обобщение и углубление полученных знаний. Проблема непонимания сложных текстов и материалов очень актуальна для иностранных студентов. Например, иностранные студенты прибывают на обучение в Санкт-Петербургскую Духовную Академию для получения высшего богословского образования, однако не всегда компетенции иностранных абитуриентов находятся на должном уровне.

Но как помочь студенту усвоить сложные материалы и тексты? Именно в этих условиях успешно применим метод «медленного чтения», который будет описываться на примере произведения К. Коллоди «Пиноккио» на занятиях с иностранными студентами в рамках учебных курсов подготовительного отделения для иностранных студентов.

Сама по себе книга К. Коллоди удивительна! Это не просто история марионетки, которая из плохой становится хорошей, это история о пути признания факта о том, что истинная свобода не может мыслиться вне единения с Отцом и вне встречи человека с самим собой. В произведении поднимается огромное количество важных вопросов для осмысливания человеком. Подтверждение этих слов можно найти у миланского кардинала Джакомо Биффи, который переложил свои многолетние труды на язык простого Пиноккио.

Изначально будущий кардинал Джакомо Биффи не слишком любил эту очаровательную книжку, которая приводила в буйство его фантазию. Одно привлекало его с первых страниц прочитанного: удивительная простота и элегантность повествования. Но таких книг масса! Простых и очаровательных на любой вкус, скажут многие из людей критически подошедшие к чтению данной статьи. Однако, как сообщает Джакомо Биффи: было в книге нечто раздражающее то, что заставляет менять настроение человека совсем непонятным для него образом. Отстраненная и «праздничная» ирония, заключенная Коллоди на страницах его «Пиноккио» заставляет нас вновь и вновь перечитывать сказку об удивительной марионетке. Вот и Биффи на разных этапах своей жизни вновь и вновь перечитывал «Пиноккио». Проходя через непонимание и отторжение простой

детской сказки. Но что же заставило молодого юношу вновь и вновь на разных этапах своей жизни доверяться «Пиноккио»? За чередой событий и происшедшего вдруг открывается нечто невообразимое и высокое. В массе повествований и моралистских тем вдруг открывается нечто выразительное и насыщающее нашу жизнь, самое богатое и самое простое.

Уже смотря через призму богословского образования Джакомо Биффи обрел «спокойное чтение» этого произведения. Он, будучи связан давними отношениями с «Пиноккио» вдруг увидел «истину в волшебных одеждах». Он понял, что мы сами строим стены вокруг многих текстов и тем самым мы сами отстраняемся от истины. Джакомо Биффи написал удивительный труд, главной задачей которого было описать грубым и трудоемким языком то, что написано с такой легкостью и нежностью на страницах «Пиноккио». Этим трудом Джакомо Биффи открыл путь к применению произведения Карло Коллоди на практических занятиях медленного чтения [7].

При работе с методом «медленное чтение» обычно выделяют несколько уровней: языковой, семантический, структурный и культурный. С иностранными студентами, несомненно, важно уделить особое внимание логическому восхождению от уровня к уровню. Именно при таком подходе студент учится понимать текст на разных уровнях от примитивного языкового — анализа лексики и морфологических категорий до культурного — анализа элементов текста со сверх лингвистической реальности и соотнесения со своими культурными представлениями.

Кратко описывая метод медленного чтения на примере конкретного произведения «Пиноккио», важно, выделить несколько этапов для проведения занятия с аудиторией.

Перед началом важно провести подготовительную работу самому педагогу: выбрать определенный отрывок произведения и обозначить основные смысловые места текста. Далее необходимо соотнести выбранный отрывок с темой лекционного или семинарского занятия, затем необходимо проработать имеющийся материал занятия и выстроить логические связи для дальнейшей демонстрации основных пунктов занятия на примерах из текста. Также немаловажным будет подготовка мультимедийных материалов для наглядного демонстрирования учащимся. Это очень важная составляющая занятия особенно для иностранных студентов, потому что для данной категории учащихся необходимо поддерживать нужный уровень концентрации со стороны педагога на протяжении всего занятия.

Дальнейший этап работы — само лекционное занятие. Для того, чтобы погрузить студента в особую атмосферу нового материала предлагается начать занятие не с объявления темы, а с чтения подготовленного отрывка из произведения. При таком ходе занятия студент будет лишен вынесения быстрого вердикта о интересности или не интересности темы занятия. Уже в процессе чтения отрывка важно заострять внимание учащихся на основные смысловые элементы текста, которые были заранее определены педагогом. При таком подходе учащиеся будут иметь наибольшую концентрацию, так как тема занятия будет выбрана при их активном участии. После медленного прочтения отрывка текста

и намеченных основных тем, которые присутствовали в нем можно перейти к разбору самой темы занятия.

На этом этапе необходимо не просто перейти к разбору темы, забыв прочитанный отрывок произведения, а, напротив, каждый раз иллюстрировать материал уже знакомыми примерами из прочитанного текста. При таком подходе достигается эффект разговора на одном языке прочитанного отрывка текста. Учитель и ученик понимают, что они находятся в одной реальности и говорят понятными друг для друга примерами и понятиями. Это дает мощный импульс для обратной связи с аудиторией и лучшее усвоение нового материала.

После проведения лекции для педагога важно получить обратную связь с аудиторией: это могут быть вопросы по теме лекции, а также написание коротких эссе о прошедшем занятии. После получения обратной связи педагогу необходимо обработать полученные результаты для корректировок в намеченных темах следующих занятий.

Важно отметить, что такие занятия полезны не только в рамках создания особых специальных курсов, но и в рамках проведения семинарских и внеклассных занятий со студентами. Это особенно важно при работе с иностранными студентами, которым необходима особая языковая среда для успешного включения в новое образовательное пространство [2, с. 21].

Подводя итог размышлениям о методе медленного чтения можно отметить, что в современном мире, который отличается господством визуального пути получения информации, «медленное чтение» может помочь студентам получить формирующий сознание толчок и актуализировать читательскую культуру среди студентов. Представленная статья есть попытка обобщить опыт, который применялся на занятиях с иностранными студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика и поэтика. — М.: Прогресс, 1994. — 615 с.
2. Мудрик А. В. Воспитание как составная часть процесса социализации // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. — 2008. — № 3. — С. 7–24.
3. Петрунина Н. В. Опыт интерпретации поэтических текстов методом внимательного (медленного) чтения // Язык и культура: сб. ст. XXVI Международной научной конференции / отв. ред. С. К. Гураль. Томск: ИД ТГУ, 2016. — С. 58–61.
4. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 26–44.
5. Эйдельман Н. Я. Учитесь читать! // Знание–сила. — 1979. — № 8. — С. 29–30.
6. Showalter E. Teaching Literature. London: Wiley-Blackwell, 2002. — 181 p.
7. Le verità fondamentali di «Pinocchio» da «Contro maestro Ciliegia». Commento teologico a «Le avventure di Pinocchio», Jaca Book, Milano, 1977.

УДК 130.2

Калинина Александра Анатольевна,
искусствовед, графический дизайнер, бренд-стратег
тренер курсов «Бренд-менеджмент», «PR»
образовательной платформы ООО «Нетология»,
tomasina.gw@gmail.com

**МЕЖДУ ГИПО- И ГИПЕРОПЕКОЙ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ НАРЦИССИЗМА В МАНГА «НАРУТО» М. КИСИМОТО**

Центральная проблема манги Масаси Кисимото «Наруто» — становление личности на пороге взросления. Автор прослеживает варианты психологического развития героев в зависимости от запросов значимых взрослых: родителей, наставников, учителей. Ярко нарисованы в личных историях героев три стороны нарциссизма: экстернализация эталонов совершенства (Итачи, Кимимаро), столкновение ролей «бездарь» и «гений» (Саскэ, Нэдзи), опредмечивание человека в результате гонки за совершенством и сведение его бытия к функции (Хаку, Гаара), тема экзистенциального выживания одарённого ребёнка в борьбе за собственную Самость. Автор показывает, что корни этих процессов уходят в требовательность, недовольство и эмпатическую холодность значимого взрослого, использующего таланты ребёнка как собственное нарциссическое расширение. Как антитезу этой нарциссической ситуации, в целом свойственной японской культуре феодального служения, Кисимото показывает мудрость педагогического баланса в образах сенсеев.

Эти наставники выступают как положительные родительские фигуры, показывая педагогические тенденции как на гиперопеку (сенсей Ирука) или гипоопеку (Дзирайя), так и их равновесие в образе сенсея Какаси.

Ключевые слова: характерология, характерологический экзистенциал, нарциссизм, гиперопека, гипоопека, манга Наруто, Масаси Кисимото.

Kalinina A. A.
BETWEEN MIS- AND OVERPROTECTION:
PEDAGOGICAL BALANCE AND CHARACTEROLOGICAL ASPECTS
OF NARCISSISM IN THE MANGA «NARUTO» BY M. KISHIMOTO

The formation of a personality within a period of adulthood is the central problem of Masashi Kishimoto's manga «Naruto». The author shows the variants of the psychological development of characters depending on the request of Significant Other (a parent, a mentor, a teacher). Three sides of narcissism are vividly drawn in the personal stories of heroes: an externalization of Perfection (Itachi, Kimimaro), a conflict of «Mediocrity» and «Genius» (Sasuke, Neji), an objectification of a person as a result of a pursuit of perfection and the reduction of person to a function (Haku, Gaara). As well as there is a theme of an existential survival of a gifted child in the struggle for his own Self. The author shows that the roots of the process go back to the demand, displeasure and empathic coldness of a Significant Adult who uses the talents of a child as his own narcissistic extension. As the antithesis of this narcissistic situation (also typical for Japanese culture of feudal service), Kishimoto shows the wisdom of pedagogical balance in the images of senseis. These mentors act as Positive Parents, showing sometimes pedagogical tend to overprotection (Sensei Iruka) or misprotection (Jiraiya), as their balance in the image of sensei Kakashi.

Keywords: characterology, narcissism, characterological existential, manga «Naruto», Masashi Kishimoto.

Графическое многотомное повествование японского мангаки Масаси Кисимото «Наруто» — это особое художественное пространство и несомненно громкий феномен в изобразительном искусстве 1990-х и 2000-х гг. Умело лавируя между рамками жанра, социальным заказом на японский масккулт, редполитикой и маркетинговой стратегией издательства, Кисимото сумел на протяжении долгого времени вести глубоко аутентичное повествование и последовательно раскрывать большую авторскую тему. Мы глубоко убеждены, что помимо масштабной насмотренности в традиционном японском изобразительном искусстве Кисимото показывает в графическом материале также свой интерес ко многим психологическим теориям, которые касаются вопросов личностного роста через точку трансформации.

Если посмотреть на манга «Наруто» в философско-антропологическом ключе, то можно найти сердце произведения, центр кристаллизации сюжета, который и рождает ту поразительную художественную целостность, что завораживает миллионы поклонников серии по всему дальневосточному и западному миру. Вплоть до 25-го танкобона (тома) манги [4, кн. 9, с. 3] Кисимото удавалось сохранить авторское присутствие в проекте, давно ставшем коммерчески феноменально успешным. Далее производство графики в серии большей частью встало на поток. И здесь дело не только в феномене «чужой руки» подмастерьев в отрисовке деталей (что было видно изредка по проработке пейзажей или многофигурных сцен начиная с тома 5 [4, кн. 2, с. 181]). С 25-го т. (с некоторыми исключениями как в т. 30) мы видим уже не живое авторское прочтение, а шаблонный «кисимотоподобный академизм» в трактовке лиц, пластики,

механическую композиционную расстановку плашек, но самое главное, что утрачивается, — это синхронное развитие повествования графического и драматургического. Вероятнее всего, на этом этапе коммерческое вмешательство продюсера в значительной степени вытеснило авторский замысел, и манга стала жить независимо от того исходного особого содержания, раскрыть которое и было основным психологическим мотивом автора.

Итак, попытаемся сформулировать, что это было за содержание.

Рисунок 1. Раскрытие образа Дзабудзы через пластику и мимику

Обобщая художественные впечатления, мангу «Наруто» можно назвать графической драматургией экзистенциального и характерологического. Этим мы хотим сказать, что, блестяще владея изображением мимики и пластики человеческого тела, Кисимото тонко, целостно и непротиворечиво передаёт оттенки внутреннего мира людей. Так, долговязый диспласт Дзабудза образно видится тем, кто выше соплеменников по своей одарённости, но при этом сутул, тяжёл и контрастны обвислые ягодички на теле, закалённом скоростно-силовыми подготовками: эти детали словно намекают на то, что груз злых дел буквально тянет его вниз, хотя он сам сохраняет в себе потенцию раскаяния и движения вверх (см. рис. 1).

Более того, в подборке своих героев Кисимото показывает не случайный калейдоскоп, а подобную раскрытому вееру карт коллекцию человеческих типажей, где все карты разложены по градации своих мастей и номиналов. Т.е. возникает ощущение гармонии антропологического разнообразия. Как если бы автор сообщал нам: людей на свете бывает много, но, зная человеческую природу, мы

можем сопереживать им, видеть их жизненные стратегии и предугадывать их выбор. То, как поданы герои в их взаимодействии заставляет сказать: да, в людях есть некое «количественное» измерение (опытный / новичок, глубокий / поверхностный, высоко- / низкофункциональный как сказали бы психоаналитики) и есть «качественное» (базовый жизненный ориентир и вытекающие из него поведение и образ). Вот это последнее мы предлагаем считать как экзистенциал характерологических ориентиров.

Характерологическое разнообразие

Из кого же состоит карточный веер характеров в «Наруто»? Мы видим как минимум десять ярких характерологических персонафикаций (см. рис. 2).

Рисунок 2. Персонафикации характерологических экзистенциалов в манга «Наруто»

Компульсивный подход свойственен Рок Ли: этот парень способен тренироваться с сотнями итераций и сама суть бытия ниндзя состоит для него в том, чтобы показать своё трудолюбие и способность к повторению действий. Ни рациональное, ни эмоциональное не находятся среди его инструментов (показательно, что Ли владеет лишь тайдзюцу — техникой ближнего боя, не имея никакого таланта к гэн- или ниндзюцу, что указывало бы на его способность обращаться к своему бессознательному или эмпатии). Интересен и сюжет с техникой «Пьяного кулака»: с одной стороны, это ирония автора (вспомним пародийный х/ф «Пьяный матер», 1978) и приём снижения пафоса, но, с другой, под собой он имеет глубокое психологическое обоснование. Ведь компульсия призвана взять под контроль бушующий мир эмоций, который видится субъекту устрашающим и который без удерживания в узде регламентов и магии повторяемых ритуалов грозит субъекту разрушением [3, с. 404, 416].

Второй полюс этого «психастенического» феномена, обсессивный, показан в образе Шикамару Нара. Отказываясь от тактики действий (почти любые за-

дачи видятся ему «напряжными») он предпочитает размышление. Учителя отмечают его выдающийся интеллект, а в практике боя Шикамару оказывается отличным капитаном, который продумывает как тактику, так и стратегию битвы с задействованием сильных сторон всех членов команды, словно это фигуры на доске игры в сёги. Способность взвешивать рациональные аспекты ситуации, играть с целеполаганием помогает ему достичь стратегической цели даже сдавшись в поединке. Очень показателен и внутрисемейный конфликт Шикамару, который он наследует в отношениях с Тэмари: комплементарной парой для него оказывается импульсивная, волевая женщина, слабо сдерживающая свои аффекты. Как если бы она отражала аниму (женское психастеническое альтерэго, защититься от которого и призваны обсессии).

Следующая связка характеров связана с синтонным радикалом: мы видим циклотимное в сенсее Ирука, гипертимное в отшельнике Дзираяя. Также дистимное проглядывает в образе Хаку, но выглядит скорее как мощная депрессивная травма у личности, шизоидной в своей основе. Ключевое свойство синтонного — высокая эмпатичность и зависимость от колебаний настроения. Чуть большая тенденция к дистимному полюсу у Ируки демонстрирует тему ответственности, служения и помощи. Напротив, гипертимное в Дзираея позволяет герою по-своему интерпретировать мораль под воздействием настроения.

Также отличительны стигмы орального: Ирука связан с темой питания, итираку ramen (ресторан, где подают традиционную лапшу) становится местом его родительского контакта с Наруто. Образ Дзираея в свою очередь значительно раскрыт через рот: он хохочет, без меры пьёт саке, его призываемый соратник, жаба из клана Гамабунта (аналог ездового животного в буддийской традиции), также графически представляет из себя главным образом рот и символизирует ориентацию на поглощение. В целом, по жизни Дзираея и занят поиском удовольствий, которые мог бы поглотить. Примечательно, что его любовные похождения связаны не с фалличностью или сексуальной темой, а с фантазией о них, успешно канализированных в написании серии романов «Игры» (оральная болтовня, переведённая в текст) и уайеризме. Жизненный опыт и способность рационально оценивать ситуацию легко улетучиваются у Дзираея под влиянием момента, как если бы личностная надстройка была не способна совладать с базовыми по отношению к ней характерологическими интенциями.

На этом фоне хорошо различима оральность другого плана — истероидная. Поведение Майто Гая демонстрирует неразрывное смешение орального с фаллическим. Эдипальное заставляет героя делать многое напоказ: вставать в до женственности грациозные позы, белозубо улыбаться с посылом «Я красавчик!», брать на себя грандиозные нагрузки в споре. И очевидна переполненность Гая бескрайними чувствами, которые при малейшем поводе могут массивно, но неэксплозивно прорываться фонтаном слёз или бурей радости. Кисимото умело подчёркивает истероидное, прорисовывая эти аффекты на грубоватых для такой эмоциональной утончённости чертах лица и в тяжёлой атлетичной фигуре.

Однако атлетизм, ещё по наблюдению Кречмера, в первую очередь свойственен людям с эпилептоидным (иксотимным) характером. Эту связь мы на-

блюдаем в фигуре и аффектах Конкуро (кстати, его сестра Тэмари, хоть и нормостеничная по телосложению, в поведении также предьявляет «семейные» эпилептоидные эксплозивные черты).

Два полюса шизоидного считываются в кузенах Хьюга: сенситивно-шизоидное очевидно проглядывает в застенчивом поведении Хинаты, а стенично-шизоидное — в склонном к образованию сверхценностных идей Нэдзи. К тому же замечательно подчёркивает эту характерологическую принадлежность такой атрибут как бьякуган Хьюга (особая анатомия глаз, позволяющая видеть потоки чакры), символизирующий способности к визионерии и видению духовной энергии.

Что касается других характеров, то логика астенического прекрасно показана в становлении Сакуры с её внешней стеснительностью и вспышками раздражения, маскирующими конфликт гиперморального суперэго и мощных желаний. Антисоциальное с характерной неспособностью к любви и эмпатии, тенденцией манипулировать и переходить этические границы показано в Гааре.

Но, пожалуй, самым примечательным с точки зрения раскрытия характерологического является образ Саскэ и Игачи Утиха. Это нарциссическое начало. И о нём мы хотим поговорить не только применительно к складу характера, но и как о широком спектре проблем индивидуально-личностного становления и одной из ведущих тем манги.

Три стороны нарциссизма

По сумме разбросанных тут и там мотивов борьбы с ложными идеалами, возникает впечатление, что Кисимото не просто освещает тему нарциссизма, но ищет и предлагает разные варианты решения и совладания с нарциссическими искажениями. Это один из ключевых пунктов рефлексии автора в произведении.

Нарциссизм братьев Утиха показан не только в пластике и мимике или раскрыт в отношениях с героями, но и проиллюстрирован диспозицией внутрисемейных отношений. Их отец Фугаку, холодный и дистантный, пренебрежительный к экзистенциальной ценности будничных событий, устраивает для сыновей гонку за идеалом совершенства. В детях он выделяет как ценное для родительской фигуры только способности и таланты, раскрашивая их жизнь чёрно-белыми красками оценочности «хорошо» / «плохо». В напряжении Фугаку угадываются собственные нереализованные стремления, которые он не просто передаёт по наследству детям как неразрешённый конфликт, а как бы делегирует реализовать их вместо себя и для себя. Т. е., мы видим типичную ситуацию использования детей как нарциссического расширения родителя.

Также показательна экстернализация эталонов совершенства. Идеал имеет в своей основе одновременно как социальную, групповую, так и субъективную, индивидуальную опосредованность. Однако в нарциссической ситуации он становится предметом эгоцентрической фиксации, которая обрывает его связи с реальностью. Переформулируя К. В. Преображенскую, можно сказать, что нарциссический идеал сохраняет частичную связь с внутренней целью, но теря-

ет соотносённость с Всеобщим [6, с. 100]. Т.е. эталон совершенства мучительно переживается оторванным, но при этом облигатным к достижению. При этом корни идеального трагически не могут быть найдены в себе, иметь самостную окраску, т. к. именно Самость у нарциссов оказывается несформированной. Итачи вынужден идти в своём опережающем развитии за званием «сына Фугаку», а Саскэ вынужден бежать за Итачи. Обладание званием гения становится даже вопросом жизни не физически, а глубже — вопросом экзистенциального статуса героя.

Нарциссическое проявляется и на арене взаимоотношений прочих персонажей, когда в одной личности сталкиваются мигрирующие роли «бездаря» и «гения». Наруто и Рок Ли диалектически сочетают в себе эти полярности, одновременно проявляя и ущербность (что-то начисто не дано), и одарённость (Ли — гений упорства, Наруто — гений вдохновения). Поединок Наруто и Нэдзи на экзамене становится в этом смысле показательным: в нём раскрывается вибрация нарциссических идеализации и обесценивания, где «гений» и «бездарь» постоянно меняются местами.

Здесь важно обратиться к теории объектных отношений [7], которая даёт действенную методологию в части выделения таких подсистем и элементов, взаимодействие которых наглядно показывает, какой внутриспсихический конфликт рождает эту ситуацию. Если личность в целом мы будем воспринимать как субъект действия, то внутри его психики найдём такие «шестерёнки», которые представляют из себя остаточные образы, персонификации значимых взрослых, которые в своё время были интроецированы субъектом и поставлены себе на службу, т. е. каждой из них были делегированы определённые функции. В норме с объектами происходит идентификация и они гармонично встраиваются в общую систему на правах подчинённых целому субъекту. Вопрос о выходе за границы нормы может возникать, когда в этих объектах остаётся независимый волевой импульс, благодаря которому объекты стремятся реализовать себя вопреки общему психическому целому субъекту. Кернберг рассматривал нарциссическую проблематику в ряду тяжёлых личностных расстройств [4] именно по причине нарушенных связей в самом ядре психики — Самости субъекта.

Пронаблюдаем ещё один нарциссический сюжет — это опредмечивание человека и сведение его бытия к функции. Хаку становится «орудием» опекуна Дзабудзы, Кимимаро — слугой-вещью повелителя Оротимару, Гаара — оружием целой деревни. При этом «хозяин» такого орудия оказывается цинично безразличен к судьбе «человека-вещи». Говоря языком теории объектных отношений, родитель, опекун, наставник может олицетворять собой родительский объект, а герой — эго в рамках психического целого субъекта. Если смотреть шире, то и конфликты или взаимодействия персонажей могут представлять взаимодействие разных внутриспсихических объектов.

Напрямую с озвученными пунктами связана тема экзистенциального выживания одарённого ребёнка в борьбе за собственную Самость. Эксплуатирующий родительский объект (например, Кадзэкаге или Дзабудза) присваивает себе право на таланты ребёнка как бы сообщая, что самому субъекту они боль-

ше не принадлежат. Соответственно, идентифицировать себя со своим даром невозможно, и в центре личности образуется нарциссическое «пустующее Я». Метафорически в сюжете это выражается в попытках детоубийства: Кадзэкаге нанимает ниндзя для убийства Гаары, а отец Хаку предпринимает попытку убить сына сам. Стоит подчеркнуть, что сражения и поединки, составляющие жанровую основу манги, удачно отражают и мотив духовной борьбы субъекта с родительским объектом за право быть собой.

Совладание с нарциссическим

Автор настойчиво ищет способы защитить Самость одарённого ребёнка.

Наруто выступает в роли резонёра авторской позиции. «Я вам покажу, кто такой Наруто Удзумаки!» становится не просто бравадой задиристого мальчугана, а девизом в борьбе Эго за Я субъекта. Именно Наруто постоянно полемизирует с персонажами-жертвами нарциссических атак, призывая их выйти из шаблона, привитого им родителями или семьёй мышления. Кто-то погибает, оставаясь в заложниках ситуации (Кимимаро, Хаку), кто проходит трансформацию (Нэдзи, Гаара), кто-то остаётся в пограничном положении (Саскэ).

Но Кисимото не ограничивается темой борьбы Эго. Он ищет и образы альтернативных — положительных — родительских объектов, которые способны конструировать для подопечного здоровую ситуацию для роста. Такую родительскую мудрость он показывает в образах сенсеев.

Наставники ждут успешных результатов, но не требуют соответствия совершенству, присутствуют в жизни подопечных, но «не висят» у них «над душой». Важными оказываются такие педагогические тенденции как вектор на гиперопеку (сенсей Ирука) или гипоопеку (Дзирайя), и их диалектическое равновесие в образе сенсея Какаси.

Графически эта мудрость педагогического баланса передана в двух рисунках взаимодействия Какаси и Саскэ на арене (см. рис. 3). На первом, прикрывая ученика со спины (не бросая), сенсэй смотрит в сторону, как если бы оставался в контексте своего собственного бытия, т. е. не вторгся бы в пространство жизни гэнина. Это не холодная дистантность, а соблюдение личных границ с сохранением потенциала взаимодействия. Показательно, что именно на этом рисунке Саскэ показан погружённым в самого себя не в напускном байроническом «как бы» настроении, а словно переживающим самоё себя, собственную боль, утраты и горечь прошлого. А ведь характерным для нарциссов является неспособность переживать свои чувства как настоящие и погрузиться в проработку травмы через принятие. Однако в присутствии позитивного объекта, который тонко чувствует границы и при этом активно контейнирует, это становится возможным.

На втором рисунке в критический момент сенсэй оказывается рядом и подерживает ученика от падения, непринуждённым движением уперев колено в спину Саскэ. При этом продолжая читать любимую книгу, т. е. не выходя из ситуации удовлетворения собственных желаний. Этим он не похож на чрезмерного в опеке Ируку, который включил бы поведение наседки и принялся бы вкочтять над упавшим, и этим он отличается от ветреного Дзирайи, который,

Какаси
и
Саскэ

Рисунок 3. Графическая метафора педагогической позиции Какаси

отвлёкшись на утехе, забыл бы подопечного в беде. Также стоит обратить внимание на расслабленность Какаси: созерцательно-буддистски он представляет собой не действие, а потенциал действия, как если бы олицетворял собой не напряжённые попытки удержать идеальное в моменте, а расслабленное созерцание идеального как ориентира.

На антинарциссический эффект «какаситерапии» работают и соседствующие с даром прославленного воина неидеальные черты сенсэя: сутулый и вечно опаздывающий, этот дзенин тем не менее имеет славу умного, сильного и несокрушимого в бою противника.

Итак, резюмируя, можем сказать, что Какаси становится метафорой позитивного родительского объекта, а Наруто — силой Эго, которые могут дать отпор негативным тенденциям нарциссизма.

В завершение стоит отметить, что нарциссическая ситуация в целом свойственна японской культуре феодального служения. В повествовании с опорой на псевдосредневековый антураж Кисимото довольно органично подчеркнул эту тему, но вывел её не как культурно-опосредованную, а как глубоко экзистенциальную. Автор нашёл для неё декорации как сюжетных линий (внутрисемейные, приятельские отношения, антагонизм в бою) и вечных тем (архетипические отсылки), так и в антитетическом образе сенсеев как позитивных родительских объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винникот Д. В. Игра и реальность. — М.: Институт общегуманитарных Исследований, 2017. — 208 с.
2. Волков П. В. Разнообразие человеческих миров (руководство по профилактике душевных расстройств). — М.: Аграф, 2000. — 528 с.
3. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. — М.: Независимая фирма «Класс», 2015. — 592 с.
4. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / Пер. с англ. М. И. Завалова. — М.: Класс, 2014. — 459 с.
5. Кисимото М. Naruto. Наруто: [манга] / Пер. с яп. — Кн. 1–10. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021–2023.
6. Преображенская К. В. Понятия антропологического и социального идеала // Педагогическая антропология в зеркале философии. — СПб.: Алетейя, 2017. — 172 с. — С. 97–101.
7. Шарф Дж. С., Шарф Д. Э. Основы теории объектных отношений / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2017. — 304 с.
8. Шварц-Салан Н. Тайна человеческих отношений: Алхимия и трансформация самости. — М.: Клуб Касталия, 2018. — 444 с.
9. Хардинг Э. Родительский образ: Травма и восстановление / Пер. Ю. Литовченко. — М.: Касталия, 2016. — 232 с.
10. Эдингер Э. Ф. Эго и архетип / Пер. В. Зеленского. — М.: Касталия, 2015. — 344 с.

УДК 821.111

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
ta-ta89@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН «РАЗРЫВ ВО ВРЕМЕНИ»

Роман «Разрыв во времени» представляет собой кавер-версию на произведение У. Шекспира «Зимняя сказка», в статье рассматриваются различные пути самоидентификации персонажей, анализируется связь прошлого и будущего, в частности влияние событий детства на становление личности индивида. Травматичные ситуации приводят к созданию искаженных поведенческих моделей у нового поколения. Дж. Уинтерсон показывает в своем произведении возможные пути преодоления последствий таких ситуаций на примере нескольких поколений.

Ключевые слова: У. Шекспир, Дж. Уинтерсон, идентификация, английская литература, травма, постмодернизм.

Khatskevich T. M.

IDENTIFICATION IN THE NOVEL «THE GAP OF TIME» BY J. WINTERSON

«The Gap of Time» by J. Winterson is the cover version of Shakespeare's «The Winter's Tale», different ways of the characters' self-identification are under analyses. The focus is on the strong connection between past and future events and the fact that a person's individuality depends on the impact of childhood. The traumatic situations lead to the slanted role behavior models of the next generations. J. Winterson shows various ways to overcome the backwash effect of such situations giving in the terms of an example of several generations in her novel.

Keywords: W. Shakespeare, J. Winterson, identification, English literature, trauma, postmodernism.

Издательством «Vintage books» был инициирован проект «Hogarth Shakespeare», в рамках которого современные известные писатели должны выбрать одно из произведений У. Шекспира, по сюжету которого затем создадут

собственные кавер-версии. Одним из первых таких произведений стал роман Дж. Уинтерсон «Разрыв во времени».

В романе подчеркивается травматичный характер описанных событий, травма становится значимым явлением в контексте описанных ситуаций, так как события прошлого влияют на настоящее и будущее уже нового поколения. Данный аспект важен в связи с теориями психоаналитического направления, потому что происходит аккумуляция травматического опыта в культурных и исторических нарративах [1, с. 141]. Отсутствие проработки травмы, то есть ее преодоления, приводит к появлению новых искаженных поведенческих паттернов.

Понятие «травма» в данном контексте тесно связано с процессом самоидентификации и идентичностью. По сюжету романа и пьесы, на основе фабулы которой создан данный роман, семья теряет новорожденного ребенка (девочку передают одному из друзей семьи, но до места назначения она не доставлена), поэтому девочка не осведомлена о жизни, статусе своих родителей, она не знает свои корни, что оказывает огромное влияние на познание себя. В поле интересов входит процесс становления девочки, процесс сепарации ребенка и родителей, последующая встреча с родителями, мысли и чувства «найденщица». Особый акцент ставится на состоянии матери, находящейся в травматичном опыте переживания смерти сына и ее способности воспитывать дочь.

Психолог Эрик Эриксон одним из первых опубликовал статью, в которой рассуждал об идентичности и ввел термин «идентичность» в дискурс социально-гуманитарных наук. Он связывает идентичность с периодом становления личности, «идентичность — основа целостности личности, ее непрерывности во времени и способности справляться с внутренними конфликтами». В контексте анализа романа данный аспект очень важен, так как читателю показан ребенок, осознающий потерю собственной целостности, этот факт подтверждается информационным вакуумом о родителях и собственных корнях в целом. Несомненно, важным является и вопрос соотношения индивида с общностями, воспринимаемыми в качестве «своих» людей. Самоидентификация — это «специфическая человеческая деятельность, результатом которой является формирование представления о себе как о самостождественной, цельной и уникальной личности» [2, с. 133]. Процесс становления, проработка травматичного опыта, взаимоотношения в семье имеют прямую зависимость с самоидентичностью индивидов, подобная сопряженность очевидна при знакомстве с судьбами персонажей в романе.

В романе «Разрыв во времени» сюжет начинается с обнаружения на улице новорожденного ребенка владельцем бара и музыкантом Шепом. Найденная девочка воспринимается им как подарок посланный богом, она возрождает в мужчине желание жить, ставить перед собой новые цели, подобное отношение появляется по причине того, что его жена умерла от заболевания, он мысленно умер вместе с ней. Несомненно, такое отношение к девочке не может не сказаться благотворно на идентификации ребенка, она попадает в любящую заботящуюся семью, она не становится «заменой» потери, владелец бара осознает, Пердита сама является «потерянной» для кого-то и «найденной» Шепом. Обращение к форме

воспитания удочерения позволяет рассмотреть аллюзию на одну из трагедий афинского поэта Софокла о царе Эдипе. Дж. Уинтерсон посредством диалога второстепенных персонажей рассуждает о том, что необходимо быть честными во взаимоотношениях и рассказывать приемным детям об их происхождении во избежание трагичных ситуаций. Невозможно утверждать, что в данном случае удочерение преподносится таким образом не только из-за необходимости честных отношений, но это актуально и для современных тенденций, Шеп, как он сам говорит, с вписанной в ДНК Африкой, девочка внешне является его противоположностью. Правильный подход к воспитанию, честность и нежное отношение в семье благотворно сказываются на самоидентификации ребенка, несмотря на то что она Другая, семья ее принимает. Выстраивание подобных взаимоотношений в семье позволяет девочке пройти стадии сепарации безболезненно, в то время как сестры с похожей судьбой «ХоллиМоллиПолли», поющие в созданной ими группе «The Separations» («Разделенные»), столкнулись со сложностями, они не могут самоидентифицироваться, очевидно, что одна из фаз сепарации нарушена. Дж. Уинтерсон подчеркивает наличие этой проблемы при помощи написания имен девочек в одно слово, описывает их как единое целое, они постоянно находятся вместе, и у них одинаковые интересы [3].

Значимым вкладом в идентификацию Пердиты является личный пример Шепа, так как семья переехала в другое место, Шеп решил обустроить свой собственный бар, а дочь была с ним. Решение переехать было связано с желанием уберечь девочку от чрезмерного внимания, защитить ее, для взрослого человека с устоявшимся жизненным укладом, это достаточно сложное решение. Когда отец работал, дочь была рядом в переноске, она впитывала пример тяжелого ежедневного усердного труда по созданию собственного дела. Шеп полностью интегрировался в жизнь ребенка: он рассказывал ей истории перед сном, девочка слышала его голос с младенчества. Будучи музыкантом, Шеп не мог не обучить девочку игре на пианино, он развивал ее музыкальный вкус и знакомил ее с лучшими произведениями разных десятилетий. Шеп очень деликатно раскрыл девочке часть тайны ее появления, показав ей бриллиантовое ожерелье матери и песню, посвященную материю дочери. Эта была первая песня, которой Шеп обучил девочку, и данный аспект очень важен для самоидентификации, девочка соотносит себя с образом матери, у нее есть значимые вещи, которые напоминают о ней, у нее есть подобие воспоминаний о матери. Именно с матерью Пердита чувствовала сильную связь, так как она оставила ей песню, а благодаря песни мать смогла передать чувства дочери, в частности ощущение любви и осознание, что она желанный ребенок, попавший в эту ситуацию из-за непреодолимых обстоятельств. Кроме того, необходимо отметить и отношение брата Кло к девочке, он отмечает, что благодаря ей отец снова вернулся к жизни после смерти своей жены, он говорит о том, что они ее семья, потому что они и хотели быть ей семьей, что она часть их жизни изначально, они не воспринимают ее как Чужую или Другую. Важно, что отец выстроил отношения детей подобным образом, ему удалось избежать ревности между детьми. Шеп и Лео встречаются в финале романа, Лео оправдывается в недоверии, что Пердита его дочь, Шеп отвечает,

что принял ее независимо от того, его она дочь или нет по рождению, он ее принимает и любит. Безусловная любовь и поддержка семьи сказались на характере и самооценке таким образом, что девушка не позволяет выражать мнение за нее, она сама способна это сделать, она не готова промолчать, когда у нее забирают это право — право решать самой. Когда происходит спор, и Ксено заявляет, что человеку не нужны любовь, честность, дружба, преданность, а нужны только деньги, так как они позволяют удовлетворить все потребности, Пердита с ним не соглашается. Шеп поддерживает ее в этом разговоре, она верит в любовь не потому, что еще юна, а потому что она росла в любви. Девушка признается, что ей кажется, будто вся она состоит из чувств, это ощущение у нее небезосновательно: на протяжении всего взросления ей не приходилось скрывать какие-то эмоции, ей не только позволяли их проживать, демонстрировать, но и дарили обширную гамму чувств в семье. Девушка способна откровенно говорить обо всем, этот факт подтверждает эпизод, связанный с опросником А. Арона, она не боится показаться глупой и наивной, честно отвечает на предложенные, в том числе, личные вопросы. Она открыто обсуждает тему собственного удочерения, решив для себя, что родитель тот, кто воспитал, но готова встретиться и с теми, кто подарил эту жизнь [3].

Рассуждения Паулины, подруги биологической семьи Пердиты и ассистента Лео на работе, о том, какой бы была жизнь Пердиты с матерью полны противоречий. Развод родителей (Лео и Мими) был сложным, возможно, они стали бы бороться за дочь, ей пришлось бы проводить половину времени с отцом, который изначально ее не признавал своей дочерью, а половину с матерью, переживающую утрату, гибель сына и разочарование, потерю любви, в то время как Шеп подарил «найденшущу» счастливое детство. Шеп понимает чувства дочери, когда она знакомится с биологическими родителями, он первый подходит к девушке и объясняет, что для него ничего не изменилось, его дом открыт для нее, даже если все поменялось, он всегда будет ей близким человеком, эти слова дают девушке ощущение защищенности и стабильности [3].

Один из главных героев Лео также проходит процесс сепарации травматично, результатом этого становится объективация людей вокруг него, особенно женщин. Проблемы в одной из фаз сепарации связаны с фактом, что мать бросила Лео и его отца, таким образом было сформировано неправильное восприятие всех женщин и отношение к ним, в идентичности Лео не была сформирована картина полной семьи и взаимоотношений между женщиной и мужчиной, именно поэтому его семейная жизнь полна постоянных измен жене, приступов ревности, неприятия собственного ребенка и в финале происходит насилие над женой, затем ушедшей от него. Интересный факт, что Лео признает, что его ассистент Паулина делает намного больше полезных по бизнесу вещей, он доволен тем, что она не требует от него ничего, она позволяет ему доминировать, так как знает, что страсть Лео — все держать под контролем, в том числе, женщин. Лео не умеет выражать чувства, он не знает, как их проявлять, он специально создает опросник для того, чтобы понять любит он девушку или нет. Кажущийся успешным, он совершенно не уверен в себе, это связано с его процессом иден-

тификации и травматичным опытом в детстве, что и стало причиной его «до-стигаторства» (денег, женщин и так далее). Лео настолько сосредоточен на себе и своей власти, что покупая новый дом, размещает там гардеробную для бывшей жены, которая никогда в этот дом не войдет. Его пугает мысль о том, что она вне его власти, мысли о ней заставляют его подумать о самом себе, он понимает, что совершил, осознает свою глупость, ревность, преступление, что ему нет прощения, но при этом, он и не просит этого прощения, он не может показать свою слабость, только в конце романа Лео раскаивается [3].

Интересен опыт самоидентификации Зела, отец которого хотел ребенка и заключил договор с женщиной о рождении этого ребенка. Он никогда не жил с матерью Зела, сначала все было хорошо, но когда мальчику исполнилось 8 лет, у отца случился «срыв», он стал отшельником, начал пить, постоянно пропадать в командировках, они отдалились друг от друга, у отца осталась только функция оплачивать счета за колледж. Зел просит сменить тему, связанную с взаимоотношениями в семье, он не готов проработать случившуюся травматичную ситуацию, отсутствие этой проработки влияет на его идентичность, он не может разобраться в отношениях с отцом, отсутствие матери сказывается на отношениях с девушками, Зел отказывается от алкоголя, так как боится повторить путь отца. Боязнь потерять еще одну значимую женщину (сначала мать, затем Пердита) толкает Зела на проявление насилия, так как у него нет ролевой модели, как справиться с данной ситуацией. Кроме того, Зелу очень не хватает общения с отцом, но его не устраивает разговор, когда отец в состоянии опьянения, а это его постоянное состояние [3].

Сложный опыт самоидентификации проходит Ксено, отец Зела, друг Лео. Детство Ксено было травмирующим, его мать пила и имела психические расстройства, поэтому и Ксено, и Лео посещали школу интернат, отцы работали и не имели возможности воспитывать детей. Ксено падает с утеса на велосипеде во время соревнования с Лео, который намеренно в порыве азарта врывается в велосипед Ксено, подвергая друга смертельной опасности. Этот инцидент имеет огромное влияние на процесс самоидентификации персонажа, Ксено переживает предательство друга, что сказывается на доверии к людям. Ксено не имел возможности поступить учиться куда-то после школы, жил в фургоне, путешествовал по фестивалям, его образ жизни и внешний вид напоминал хиппи. Отец обеспечил Лео хорошей работой, усердно работая, Лео смог разбогатеть, он был стильным юношей, постоянно посещал спортзал и не пропускал при этом вечеринки. Когда Лео встретил через три года после инцидента Ксено, то предложил ему денег, считая, что дела у друга совсем плохи. Разница в восприятии мира двух друзей очевидна: один приверженец материального, другой духовного, Ксено достаточно того, что он имеет, ему хватает на жизнь. Очевидно, что пропасть между друзьями после этого предложения денег еще больше разрасталась. Когда Лео устраивает Ксено встречу для продвижения разработанной компьютерной игры, Зел перестает разговаривать в школе, Ксено вынужден вернуться к сыну. Лео высмеивает желание Ксено быть хорошим отцом, выбирать семью, а не бизнес. При этом Лео обращает внимание на то, что Ксено изначально создал «не-

правильную» семью, он лишил ребенка матери, очевидно, почему ребенок перестает взаимодействовать с окружающим миром, для него отсутствие матери в жизни является травмой. В связи с этой информацией слова Ксено о том, что у обоих были ужасные семьи, но каждое следующее поколение имеет шанс исправить ошибки предыдущего, звучат нелогично, так как он уже нанес травму своему ребенку, оставив его без матери. Характер и действия Ксено противоречивы на протяжении всего романа. Ксено был в Америке, когда Пердиту привезли в его дом, он винил себя за то, что был дома, но не поверил, что к нему везут девочку, он бы спас девочку, события развивались бы по-другому, это был переломный момент в его идентичности, именно после этого он начал пить, перестал заниматься сыном. Ксено контролирует жизнь, избегая людей, детей, отношений, любовь, это его способ обезопасить себя от потерь и разочарований, когда у него был шанс жениться на Мими, он отказался от нее, предоставив эту возможность Лео. Для Лео Мими стала еще одним трофеем, он любил получать то, что ему хочется. В финале романа, когда «потерянное обнаруживается», Ксено чувствует облегчение, он бросает пить, говорит сыну, что гордится им и пытается наладить общение. Ксено находится на пути к проработке полученных в жизни травм, однако читатель понимает, что они влияли и будут влиять на его идентичность, кроме того, у Ксено были шансы изменить поведенческую модель, его нерешительность привела к трагедии [3].

Дж. Уинтерсон в своем романе «Разрыв во времени» демонстрирует различные пути самоидентификации героев, в романе показаны причинно-следственные связи и влияние прошлого на индивидуальность персонажей. Автор изображает несколько поколений семьи, поэтому читатель видит проработку травматических ситуации или наоборот, моменты, когда герои не могут преодолеть трудности, повторяют негативный опыт предыдущего поколения, что подтверждает идею о приобретении искаженных поведенческих моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капельчук К. А. Травма: от повторения к репрезентации и обратно \ К. А. Капельчук // *Studia Culturae*: Вып. 1 (39): *Vulnus*: К. А. Капельчук. — С. 140–149. [Электронный ресурс]. — URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/viewFile/1097/984> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Лысак И. В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2008. № 6. С. 37–42. [Электронный ресурс]. — URL: <http://irinalysak.ru/index.php/stati/samoidentifikatsiya> (дата обращения: 21.04.2023).
3. Winterson J., *The Gap of Time*. — Vintage, 2015.

УДК 7.06

Шилин Иван Вячеславович,
ассистент кафедры струнных инструментов
Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки,
vano1791@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЫКАНТ: КОСМОПОЛИТ ИЛИ ПАТРИОТ?

«Создание» реальности музыкального текста, в котором исполнитель участвует как личность или ее «воссоздание» согласно нарративу текста и замыслу композитора обнаруживает противостояние между требованием индифферентности артиста к исполняемому материалу и необходимостью психологического проникновения в замысел композитора. Эта извечная проблема внутреннего конфликта исполнителя с воссоздаваемой им реальностью — одна из сложнейших проблем в философии музыки, сопрягаемая с идеей Достоевского: «Тварь ли я дрожащая или право имею»? Пиетет перед авторским текстом давно оформился в преимущественный критерий при оценке качества исполнения. Однако, музыкант, чтобы создать исполнительский шедевр, должен быть свободен как личность и избегать безмолвного языческого поклонения «священной корове» текста. Музыканту необходимо выйти за реальность текста и раскрыть его на метафизическом уровне сверх — реальности, принадлежащей человечеству в широком смысле. Совершенно закономерно, что музыкант высокого класса априори считается «человеком мира». Но свобода, являющаяся стержнем любых воззрений личности, невозможна в отрыве от национальной идентификации музыканта. В статье рассматриваются различные черты образа музыканта-патриота как носителя и выразителя лучших черт национального самосознания.

Ключевые слова: личность музыканта, метафизическая реальность, национальное самосознание, космополитизм, патриотизм.

Shilin I. V.
MODERN MUSICIAN: COSMOPOLITAN OR PATRIOT?

The «creation» of the reality of a musical text in which the performer participates as a person or its «recreation» according to the narrative of the text and the composer's plan reveals a confrontation between the requirement of the artist's indifference to the material being performed and the need for psychological penetration into the

composer's plan. This eternal problem of the performer's internal conflict with the reality he recreates is one of the most difficult problems in the philosophy of music, in contact with Dostoevsky's idea: «Am I a trembling creature or do I have the right»? Reverence for the author's text has long been formed into a predominant criterion in assessing the quality of performance. However, in order to create a performing masterpiece, a musician must be free as a The musician needs to go beyond the reality of the text and reveal it at the metaphysical level of a super-reality belonging to humanity in a broad sense. It is quite natural that a high-class musician is a priori considered a «man of the world». But freedom, which is the core of any views of the individual, is impossible in isolation from the national identification of the musician. The article examines various features of the image of a patriot musician as a carrier and an exponent of the best features of national identity.

Keywords: musician's personality, metaphysical reality, national identity, cosmopolitanism, patriotism.

Свобода — одна из важнейших составляющих творчества, его условие и источник вдохновения. Воображение может заменить отсутствие практической свободы, но в таком случае произведение будет «питаться» личностными характеристиками творца, что исключает универсальность исполнительского «посыла». Какие характеристики могут питать творчество? Прежде всего те, которые присущи всем людям на базовых уровнях пирамиды Маслоу: плотская любовь, долг перед близкими, желание удовлетворения своих потребностей, комфорта. Однако эти проблемы как правило «рисуются двумя мазками», поэтому не могут претендовать на долгосрочный интерес публики. Только приближение к вечным ценностям вызывает неизменное внимание потребителей творчества, поскольку соотносится с тем, что обычно называют «выживанием в сложных условиях»: за возможность приблизиться к метафизическим идеалам Красоты, Добра, Блага, Справедливости человечество всегда платило дорого. Создание таких идеалов требует выхода за пределы простых потребностей и единения людей по определенным принципам. Такими принципами для музыканта могут стать «патриотизм» или его антипод—«космополитизм».

Проблема космополитизма и патриотизма в музыкальном мире неотделима от общекультурных и социальных проблем, и все-таки имеет свои особенности. Считается естественным, когда музыкант учится у зарубежных мастеров и в рамках межнационального обмена опытом производит культурный продукт, универсальный для всех граждан мира в равной степени. Эта «универсальность» подтверждается, в том числе, горячим приемом русскими слушателями участников из разных стран последнего, XVII Международного Конкурса имени П. И. Чайковского, проходившего в конце июня 2023 года в Москве и Санкт-Петербурге. С другой стороны, слушателям Конкурса еще раз стал очевиден общий «национальный признак» исполнения, очерчиваемый музыкантами одной страны.

Так, филигранная чистота, «прозрачность» и мягкая утонченность характерны, в целом, для корейских исполнителей. Русские музыканты отличаются умением сочетать в исполнении драматический размах, остроту коллизий и лирическое,

щемяще-интимное, душевное, придавать музыке метафизические сверх-смыслы. Монголы покоряют вдохновенной силой, тревожной настойчивостью. Французы радуют жизненным началом: очень легким, непосредственно-простым и изящным. Немцы производят впечатление ясно читаемой реальной целью, достижимой человеком в противоборстве с роком. Но значит ли это, что национальная особенность прочтения композиторского текста и характерная манера исполнения несут в себе зерна национально-патриотической пропаганды?

Полисемия русского музыкального текста всегда являлась проблемой для зарубежного исполнителя, поскольку ее драматической глубине, насыщенности и, одновременно, мелодической распевности, полной печальной красоты, может научиться лишь тот, кто сердцем прочувствовал эту сугубо русскую особенность. Овладеть такой многослойностью исполнения непросто даже русскому исполнителю. Однако, понимание смысловой многослойности не может гарантировать даже самому технически подготовленному исполнителю, что из под его рук выйдет идеальное произведение, шедевр: должно звучать еще нечто личное в исполняемом произведении, ощущаться собственная интонация исполнителя. И эта интонация идет уже не столько от понимания сверх-смысла исполняемой музыки, его нарратива, идущего от композиторского текста, сколько от непосредственной причастности, «кровного» родства исполнителя ко всему, что может для человека означать его Родина.

Таким образом, живое исполнение обнаруживает индивидуальность исполнителя настолько, насколько тот способен вобрать в себя характерные черты своего народа, быть определенным «фоном», влияющим на восприятие композиторского полотна. Это становится особенно очевидным при исполнении обязательной программы на Конкурсах высокого класса. Музыкант-патриот может выражать свою позицию, привлекая внимание к национальным интонациям, «разъясняя» слушателю прелесть и красоту своего Отечества. Он «заставляет» ощутить слушателя, что именно его тревожит и делает оправданным его патриотическую активность, которая является одним из самых сильных чувств музыканта-исполнителя и самым серьезным и действенным средством воздействия на слушателя.

«Мрамор» композиторского текста «оживает» под руками исполнителя, если его мысль вдохновлена заботой о благе Отечества, озарена благородными чувствами и воспоминаниями, связывающими человека с его человеческой сущью. Связь чувства и мысли в данном случае не является недостатком, ведущим к невятному исполнению произведения, а, скорее, выражением свободы творческой личности исполнителя.

«Non ha l'ottimo artista alcun concetto c'un marmo solo in s; non circonscriva col suo superchio, e solo a quello arriva la man che ubbidisce all'intelletto» —	«Творцу всегда подскажет вдохновенье, Как в мрамор мысль благую воплощать. И под рукою начинает оживать Воссозданное гением творенье» —
--	--

писал великий Микеланджело Буонаротти (пер. А. Шелеховой) [1].

Ему вторит французский поэт и философ Поль Валери во «Фресках Паоло Веронезе»: «Исходная легкость <...>, когда пробуждается бессознательный инстинкт творчества, который вынашивается в мечтаниях живой, впечатлительной юности. Вторичная легкость есть чувство обретенной свободы и простоты, которые создают возможность богатейшей игры ума, сочетающей восприятия и идеи. Так рождается чудо высшей импровизации. Между помыслами и средствами, между идеей сущности и действиями, творящими форму, нет больше разрыва. Между мыслью художника и материалом его искусства установилось некое интимное согласие, изумительное по своей гармоничности, которая невообразима для тех, кто ее не ощущал» [2, с. 53].

Разумеется, музыкант может испытывать по отношению к «родным берегам» прямо противоположные чувства, или ограничивать свое исполнение космополитической индифферентностью. Более того, не являясь полноценной личностью, обогащенной любовью к своей Родине, исполнитель не может «услышать» подобные чувства у композитора. И это становится губительным для исполнителя. Как это происходит? Конфликт между нарративом авторского текста и исполнителем приводит к отчетливо слышимому диссонансу между исполнителем и композитором, возникает эффект присутствия лишнего, дополнительного смысла, а иногда смысл вообще становится трудно уловить: кажется, что музыкант играет надоевшее упражнение. Это создает «разлаженность» в восприятии, вызывает ощущение, что музыкант не смог овладеть смыслом текста, что нередко заканчивается «провалом» исполнения. При самом блестящем техническом исполнении слушателя не оставляет ощущение «чужеродности» текста исполнителю. Поэтому так важно «пропитаться» национальной идеей автора или выбирать для исполнения другие произведения. Таким образом, играть произведение и отвергать его метафизический сверх-смысл или ярко выраженный нарратив, означает остановиться на исполнении «себя самого», на раскрытии собственной индивидуальности, которая лишена универсальности, а значит, всеобщего интереса слушателей.

Химия настоящего искусства метафизична. Способность музыки производить метафизическую реальность, обнаруживает и некую неразложимую часть музыки, которая как бы является управляющей силой, идущей откуда-то извне. То, что обнаруживает в человеке музыка: самое глубокое, самое волнующее — вдохновляет, толкает на поступок, населяет душу уверенностью, приобщает индивидуума к целому. И чем больше и сильнее эти связи с целым, тем ярче становится его индивидуальность. Вот что пишет в конце XIX столетия философ и писатель Мигель де Унамуну (1864–1936): «<...> я не знаю учения более подавляющего индивидуальность человека, чем то, называют индивидуализмом, я не знаю символа веры более далекого от универсальности от общечеловечности, чем расхожий космополитизм. Говорят, что это путь к всечеловеку, человеку-типу, на самом же деле он приводит лишь к схеме человека, как выразился бы схоласт, к бедному «бесперому двуногому», скроенному по одной и той же мерке во всех частях света» [8, с. 231].

Итак, мы обнаруживаем в космополитизме ту самую «неспособность вмещения» индивидуальности «Другого», инертность личности исполнителя, ко-

торая закономерно приведет нас к механистическому исполнению, далекому от какого-либо искусства. Эта способность не только профессиональное требование исполнителя высокого класса, но и признак настоящего творца, личности цельной, а, значит, обремененной высокими и благородными чувствами любви к своей Родине. Шопен, Чайковский, Рахманинов и многие другие великие композиторы и исполнители потому и универсальны, востребованы всем человечеством, во все века, что где бы они не находились, где бы не жили, они оставались душой и сердцем со своей нацией, со своей страной, со своим народом.

Современные реалии заставляют музыкантов всего мира более отчетливо проявлять свою внешнюю позицию относительно собственной национальной и государственной идентификации, что в свою очередь определяет его взаимоотношения с родиной. Все это заостряет проблему таких явлений как «космополитизм» и «патриотизм».

«Космополитизм, понимаемый как идеология мирового гражданства, является наиболее привычным символом для обозначения духовных настроений той части общества, которую называют «субъективным фактором глобализации» [9, с. 109], — пишет исследователь проблемы космополитизма профессор Т. Л. Шестова. Музыкант-исполнитель в силу специфики своего труда, несомненно, является таким «субъективным фактором». Однако, необходимо отметить, что специфика творческой свободы требует от музыканта безусловной внутренней свободы, иначе теряется метафизическая основа произведения искусства. Музыка, «созданная» исполнителем без внутренних запросов на поиски истин высшего метафизического уровня, превращается в «продукт имитации жизнедеятельности», не вызывая «облагораживающего» эффекта у слушателя, ничему не «учит», никуда не «ведет». Бесплодность — самый страшный «грех» искусства.

Идеи патриотизма всегда вдохновляли русских. «Золотой фонд» классической русской оперы почти целиком состоит из произведений патриотической тематики. Е. С. Лаптев пишет: «Идея патриотизма характерна для множества русских и советских опер, от сочинений М. И. Глинки до творений советских композиторов. В разные исторические эпохи эта идея приобретает разное значение, разное звучание, она по-разному воплощается в жанровых разновидностях оперы» [4, с. 69].

Музыкант, придерживаясь идей патриотизма или космополитизма выстраивает свое поведение в этико-оценочной позиции относительно обязанностей перед обществом, в котором он живет, что выводит его за грань собственных житейских потребностей. Сложность подобных оценок вполне соответствует расплывчатым и неоднородным формулировкам обоих явлений. Несомненно, что приверженность одной-единственной формулировке «патриотизма» или «космополитизма», не может претендовать на масштабность освещаемой в музыке проблемы, на остроту коллизий и неизменность интереса слушателей. В таких условиях создание исполнительских шедевров представляется сомнительным. Чтобы избежать «побивания камнями», исполнителю необходимо разобрататься что представляют собой во всем объеме «космополитизм» и «патриотизм».

Поскольку оба явления зародились в глубокой древности, значения слов «космополитизм» и «патриотизм» под влиянием исторических событий, как указывает Э. В. Рунг [6, с. 305], претерпели ряд трансформаций. Конфликтность самих понятий на первый взгляд неочевидна, поскольку они оба связаны с идеями гуманизма, человечности, Добра и Мира, имеют долгую и богатую культурологическую историю. Однако, необходимо отметить, что дефиниции их значений имеют яркие отличия, которые могут служить ориентиром. Так, корни этих слов очевидно «разводят» векторы их значений «вовнутрь» и «извне» человека. «Патриотизм» примечателен привязкой человека «вовнутрь» своего дома, Отечества. Здесь на первый план выступает наличие общих черт рода, связей из детства, чувство преемственности поколений. В какой-то мере патриотизм выступает опорой традиционализма.

Термин «патриотизм» истекает из понятий «родства», «отцовства» благодаря греческому корню «πατήρ» — «отец» (соответственно, греч. «πατριώτης» — «соотечественник», «πατρίς» — «отечество»). В этом аспекте представляется оправданным вывод Э. В. Рунга о том, что «наиболее раннее проявление патриотизма заключается в прирожденной привязанности человека к своей земле, своим родственникам, своему «родному очагу» [6, с. 306], но при этом им делается акцент на различении этого понятия даже в рамках одного греческого периода. Э. В. Рунг считает, что термин «патриотизм» возник в Новое время, когда возникла необходимость в более четкой терминологии привычных явлений, хотя само явление в полной мере было развито в Европе еще в греко-римскую эпоху.

Характерной чертой космополитизма является чувство единства человека как представителя вида с Природой и мировым сообществом себе подобных. В наиболее устоявшемся смысле о космополитах говорят, как о людях, чьи интересы выходят за рамки «узконационального» и «государственного» интереса и приносят пользу всему человечеству в целом. В этом плане идея космополитизма неотделима от идеи создания мирового сообщества. Недаром «космополит» происходит от древне-греческого κοσμοπολίτης (kosmopolites) — космополит, «человек мира». Поскольку «мир» для греков времен Гомера (VIII–VII вв. до н. э.), находился за городской чертой полисов, то первыми «космополитами» можно считать аэдов, хранящих в эпических поэмах свидетельства героизма всего греческого «мира».

Мысли о мировом гражданстве, о месте человека в «космосе» высказывал еще Сократ, подразумевая под «космосом» всю совокупность материи на Земле и за ее пределами. Таким образом, открывается два смысла «космополитизма»: метафизический, не материальный, присущий высоким видам искусства и человеческих знаний, и демократический, объединяющий людей по природному человеческому началу. Именно из последнего, демократического принципа, начал развиваться космополитизм в Античности.

Космополитизм в демократическом выражении берет начало от необходимости соблюдать все традиции другого народа, не являясь при этом полноценным гражданином. Такая необходимость возникла еще в Ветхозаветный период, когда лишенные своего рода евреи продолжали поклоняться своему Богу, верой

и правдой служа правителям других стран. У многих рассеянных народов, например, у цыган, сохраняется культурная и национальная идентичность, несмотря на длительный опыт проживания на чужой территории. В этом смысле опыт сохранения национальной идентификации цыган вызывает особый интерес и заслуживает отдельного изучения, поскольку сочетает в себе признаки как патриотизма (по сохранению рода), так и космополитизма (по принадлежности к миру как сообществу «братьев»).

Конфликт интересов между «космополитизмом» и «патриотизмом» исторически зафиксирован в Древней Греции, когда афиняне не хотели давать своим свободным согражданам-метекам равные права (и, соответственно, блага) с афинянами по рождению. Сильным импульсом для этого масштабного конфликта между метеками и афинянами послужила Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.), в которой метеки воевали «бок-бок» с афинянами, но после войны не получили никаких социальных уступок. Несправедливость обнаружила противостояние между «патриотами», стремившимися сохранить полисное устройство и «космополитами», главным принципом которых стал принцип разрушения рамок замкнутой общины.

В этом требовании и богатые, и бедные метеки, то есть не-граждане, проживающие на территории полиса, были едины. Таким образом, в их требовании прослеживалась организованность, ярко выраженная демократичность и требование равноправия, то есть все признаки революционной ситуации. Не случайно все последующие мировые революционные потрясения начинались с этих требований и идеологически поддерживались космополитами, как организаторами революционных обществ с характерными лозунгами («Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»).

Философское развитие космополитизм получил у Платона (429–347 гг. до н. э.). Афинский философ устами персонажа Гиппия в диалоге «Протагор» говорит, обращаясь к афинянам и иностранцам [337, с. 7-d3]: «...> Господа присутствующие <...>. Я считаю вас всех родственниками, знакомыми и согражданами — по природе, а не по соглашению; ибо подобное от природы похоже на то, что нравится, в то время как условность, которая является тираном над людьми, заставляет многое противоречить природе».

Таким образом, Платон, как и его учитель Сократ, связывает воедино всех людей, как представителей одного вида, называя местечковые права «условностями», установленными тираном. Метек — философ Диоген (412–323 гг. до н. э.) из Синопа, который был наиболее радикальным учеником Антисфена из Пирей (444–365 гг. до н. э.), впервые открыто объявил себя космополитом: «Я — гражданин мира (космополит)» [Диоген Лаэртский, VI 63].

Другим направлением космополитизма был развивающийся со времен походов Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.) институт наемничества. Однако, наемничество — это лишь одна, довольно узкая коннотация такого обширного явления как «космополитизм». Наемники, работая или сражаясь под знаменами разных государств, исповедуют принцип «Ubi bene, ibi patria («где хорошо, там и родина»), отрываясь от собственной национальной системы цен-

ностей. В то же время им требуется «нравственная легитимизация», моральное обоснование своих новых принципов, которые они вынуждены принимать взамен собственных, что они и находят в институте космополитизма.

Таким образом происходит нивелирование личности, стирание ее неповторимости и национальной идентификации. Следует также отметить, что в наемных войсках Древней Греции происходило активное уравнивание не только между гражданами и метеками, но и между гражданами различных полисов, а позднее — между эллинами и варварами. Вместе с ними рушились и нравственные идеалы полисной эпохи.

«Патриотизм сменился космополитизмом, коллективизм — индивидуализмом, презрение к материальной выгоде — стремлением к наживе. Все эти изменения отражены в аттической литературе IV в. до н. э. Комедии Аристофана, речи Лисия, Исократ, Демосфена, сочинения Ксенофонта, Платона, Аристотеля отображают глубокий кризис как самой полисной организации, так и идеологии полисного гражданства», — пишет философ А. Ф. Лосев (1893–1988) [9, с. 115].

О том, что «космополитизм» и «патриотизм» в римский период значительно расширили свое значение свидетельствуют архивные документы той эпохи, литературные источники и теоретические философские разработки, которые фиксировали новое имперское мышление римлян. Это мышление предполагало универсальность, сочетающее в себе как патриотические героические установки новых «хозяев мира», так и способность ощущать себя гражданином «ойкумены» — обширного мира, населенного разными народами. Высшей степенью добродетели римлян выступает деятельность в ущерб личным интересам ради блага гражданской общины (полиса) и своих сограждан. Такое понимание патриотизма достигло своего расцвета в Республиканском Риме (III–I вв. до н. э.), когда сформировалось представление о богоизбранности римского народа. В то же время истуканы богов завоеванных народов свозились в Рим и римляне могли наблюдать поклонение этим богам во время празднеств, где присутствовали жители ойкумены. Таким образом, возникла религиозная составляющая этих понятий.

В дальнейшем имперское мышление проявлялось во всех имперских институтах: в Священной Римской империи, ставшей с 1512 года Священной Римской империей германской нации, в Российской империи (1721–1917), в империях Британии, Испании, Португалии в разные периоды, начиная с XVI века и т. д. Вплоть до XVI века космополитизм и патриотизм имели, в основном, религиозную привязку и выражали принадлежность к определенным конфессиям, поскольку и сами локальные конфликты, войны и союзы носили чаще всего религиозный характер. Так, известный церковный деятель XVI века патриарх Никон (1605–1681) был приверженцем идеи «божьего царства православных христиан». Символом ее стало водружение флага с изображением одноглавого орла на одной из башен Иверского монастыря. В католическом мире идею религиозного космополитизма проводил Папа Римский.

В 1544 году французский философ-мистик Гийом Постель (1510–1581) создает универсальную теократическую концепцию, в которой описывает мировое

сообщество людей-космополитов — «братьев», живущих по принципу свободы. Таким образом, термин «космополитизм» приобретает совершенно новое звучание. В дальнейшем возникло немало свободных сообществ с мистическими и утопическими идеями, но некоторые из них были вполне осязаемы в реальной жизни. Возникали тайные сообщества масонов, каббалистов, алхимиков, розенкрейцеров и многих других, принципами объединения которых были братство, иерархическая ответственность и демократия в имущественном отношении. В эти сообщества входили философы, многие известные люди, политические деятели, такие как Монтескье, Вольтер, русский император Павел I и многие другие. И Бентам (1748–1832) и И. Кант (1724–1804) мечтали об «вечном мире» для всех государств Европы, а Кант считал космополитизм высшей, завершающей стадией развития общественных отношений. У космополитов с 1887 года даже появился собственный язык — эсперанто, созданный Л. Заменгофом (1859–1917), который получил широкое распространение во всех странах, включая Россию.

В России борьба патриотов и космополитов проходила под знаменами славянофильства и западничества. Оба явления возникли задолго до того, как было четко обозначена их терминология, но позиция тех и других была ясно выражена еще со времен А. Н. Радищева (1749–1802). «Западники» нередко становились на опасную грань общественного осуждения, а «славянофилы» сетовали на «недостаточно патриотический настрой» интеллигенции. Так или иначе, а идеи наиболее известных деятелей-славянофилов, таких как И. В. Киреевский (1806–1856), А. С. Хомяков (1804–1860), К. С. Аксаков (1817–1860), Ю. Ф. Самарин (1819–1876) и западников-деятелей кружка Т. Н. Грановского (1813–1855) вызывали немало споров вплоть до начала первых признаков революции. Идеи «западников» разделяли В. Г. Белинский (1811–1848), А. И. Герцен (1812–1870), Н. П. Огарёв (1813–1877), П. Я. Чаадаев (1794–1856). Свою лепту в продвижение идей космополитизма внесла чета Н. К. Рерих (1874–1947) и Е. И. Рерих (1879–1955). Н. К. Рерих известен в космополитическом аспекте как автор «Пакта Рериха», основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира».

Наиболее непримиримую позицию по отношению к «патриотизму» озвучил Л. Н. Толстой (1828–1910) в своей книге «Христианство и патриотизм»: «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедует везде, где проповедует патриотизм. Патриотизм есть рабство». [7, с. 27].

Сильные общественные потрясения XX века вызвали волну патриотических настроений и ослабили влияние идей космополитизма. Однако, с окончанием войны угасли и патриотические настроения, а на смену идеям «всеобщего братства» масонов пришла идея анационализма. В 1921 году возникает Всемирная вненациональная ассоциация (SAT), которая продвигала идею исчезновения всех наций как суверенных союзов. Примерно до конца 20-х годов XX века в России при поддержке Л. Д. Троцкого (1879–1940) существовало активнейшее про-

движение языка эсперанто, который по мнению революционных вождей должен был в скором времени стать «международным языком пролетариата». Однако, с начала 1930-х президент SAT Эжен Ланти (1879–1947), стал критиковать Сталина за отход от идеи доктрины анационализма. Сталин в ответ развернул кампанию против идей космополитизма во всех его проявлениях. Эсперанто было объявлено «языком шпионов», а повсюду в России с космополитами начинается непримиримая борьба. Начавшаяся с борьбы с «безродными космополитами», кампания вскоре переросла в тотальное преследование «вольнодумия» в культурной среде.

Более всего пострадали творческие работники»: люди, создающие произведения для «массового потребления» композиторы-песенники, литераторы и кинематографисты: но волна репрессий коснулась и музыкантов, которые работали в академической среде. Требование массового создания идеологически построенного, в искусственно-народном стиле репертуара противоречило самой идее свободного творчества. Многие из выдающихся музыкантов того времени покинули Россию, а оставшиеся на родине (А. К. Глазунов (1865–1936), Р. М. Глиэр (1875–1956) М. Я. Мясковский (1881–1950), Д. Д. Шостакович (1906–1975), С. С. Прокофьев (1891–1953) были вынуждены работать в соответствии с требованиями руководства, поскольку сам факт невозможности творения «под колпаком» стал трактоваться как саботаж и нежелание приносить пользу обществу. Поиски «виноватых» привели к закрытию общества АСМ (Ассоциация современных музыкантов), многие музыканты были арестованы, высланы из столицы. Композитор В. Задерацкий (1875–1933) арестовывался в общей сложности 4 раза (лучший свой цикл из 24 прелюдий и фуг для фортепиано он создал, отбывая наказание в Севлаге). Общий список имен «недостаточно патриотичных» деятелей культуры, арестованных, сосланных, уничтоженных за 29 лет правления Сталина, превышает 800 страниц текста.

После войны кампания против космополитов продолжилась с новой силой. В 1948 году под предлогом создания композиторами некачественных произведений (В. И. Мурадели (1908–1970), опера «Великая дружба») была произведена рокировка на руководящих постах всех организаций, отвечающих за музыкальную культуру, включая учебные заведения. Т. Н. Хренникова (1913–2007) заставили выступить с заявлением, обличающим негативные проявления космополитизма и формализма среди деятелей культуры и искусства, в частности, у С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича Многие (В. И. Мурадели, С. С. Прокофьев и другие) не выдерживали давления и всенародно каялись, «признавая ошибки». «Нераскаявшихся» подвергали обструкции, устраивали публичные гонения, шельмования.

В качестве идеологически выдержанного ориентира предлагалось использовать опыт композиторов М. И. Глинки, и П. И. Чайковского, которые применяли в крупных произведениях народную мелодику. Однако, ни попытки превратить этих композиторов в изолированных от влияния зарубежных мастеров «народников», ни практика широкого внедрения «песенного стиля» в оратории, симфонии, оперы, не привела к искомому результату. «Патриотизм», понимаемый

как «приспособленная ко вкусам простых людей «национальная самобытность», «вытравливание» из среды «советских людей» свободного бесцензурного творчества, стало одним из важнейших идеологических принципов и причиной выхолащивания русского искусства.

Исполнительство удержалось в рамках настоящего искусства только благодаря исполнительским «школам» и отдельным выдающимся исполнителям: Э. Гилельсу (1916–1985), Л. Когану (1924–1982) Д. Ойстраху (1908–1974) и другим, которые продолжали работать в основном на классическом репертуаре и поэтому не привлекали особого внимания идеологов. И. Сталин (1878–1953) со временем убедился в важности международного престижа русской культуры, поэтому оказывал определенное покровительство мастерам-исполнителям и юным дарованиям. Первый Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей был учрежден Народным Комиссариатом просвещения в ознаменование 15-летия Советской власти и состоялся в мае 1933 года в Москве. С середины 1950-х гг. открывается «железный занавес» и начинается знакомство с культурой зарубежных стран. Власова Е. С. отмечает, что «весь последующий период осознался как развитие «советской русской музыкальной культуры после постановления ЦК ВКП(б) от 10.11 1948 г.». Практически не менялись и оценочные характеристики как отдельных периодов, так и создаваемых произведений» [3, с. 1].

Самым ценным нововведением СССР стала организация в 1958 году Международного Конкурса им. П. И. Чайковского, который до сегодняшнего дня является важнейшим творческим стимулом для всех российских музыкантов, давая им шанс послушать живую своих зарубежных коллег. Тем не менее, исполнение на концертах новых произведений «опальных» композиторов приводило к «давлению» на исполнителей, и, в зависимости от степени их «космополитических настроений» — оттоку выдающихся исполнителей за рубеж. Главные идеологи поняли, что исполнитель такой же творец, что и композитор: у него есть свои мысли, идеи, чувства, которые он доносит до слушателя тем очевиднее, чем большим творцом он является. М. Л. Ростропович (1927–2007) однажды сказал: «Я ведь играю не звуки, а эмоции, которые ощущал композитор, когда писал свое сочинение. Звуки — это не более чем провода. А в эмоции я включаюсь уже с первой ноты, как только начинает звучать оркестр. А вообще, секрет исполнения — это когда ты как будто сочиняешь музыку заново» [5].

Ежегодно проводимые с середины 60-х годов XX столетия за рубежом и у нас в России мероприятия, в том числе и различные Международные Конкурсы, музыкальные фестивали, посвященные русской музыке, Дни русской культуры, концерты были нацелены на узнавание народами друг друга мира в позитивном ключе, поскольку такие связи были взаимовыгодны для расширения международных связей, культурного кругозора. Однако, незначительное число контактов с зарубежными мастерами, общий идеологический и экономический курс государства, не позволили реанимировать в полной мере свободное искусство в России. В сегодняшней обстановке отсутствия непосредственных контактов обогащение «русского образа» новыми интонациями затруднительно, что безусловно приведет к упрощенному исполнительству русской музыки.

В этой связи огромное значение имеет понимание «патриотизма» как глубокого внутреннего убеждения каждого в необходимости сделать все возможное для восстановления достоинства русского человека, как уникального и незаменимого свойства личности, без которого невозможно говорить о национальной идентичности. Потребуется много усилий и времени, чтобы можно было увидеть своими глазами подъем национальной самобытной русской культуры. Для этого необходимо предоставлять условия для свободного творческого общения, наращивать усилия для раскрытия творческого потенциала музыкантов и не пытаться искусственно «педалировать», то есть усиливать звук, исходящий из сердца музыканта, будь он патриотом или космополитом. Главное сегодня для «власть предержащих» — не брать «фальшивые» ноты, а в среде творческих людей всегда найдутся те, чьи сердце и душа откликнутся на зов Родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буонаротти М. Сонет. [Электронный ресурс] — URL: <https://stihi.ru/2022/07/11/1985> (дата обращения: 11.08.2023).
2. Валери П. Об искусстве. — М.: Искусство, 1993. — 506 с.
3. Власова Е. С. Советское музыкальное искусство сталинского периода. Борьба агитационной и художественной концепций. Автореферат дисс. докт. иск. — М.; 2010. — 43 с. [Электронный ресурс] — URL: autoref-sovetskoe-muzykalnoe-iskusstvo-stalinskogo-perioda.pdf (дата обращения: 11.08.2023).
4. Лаптев Е. С. Патриотизм в операх советских композиторов. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48570681> (дата обращения: 11.08.2023).
5. Ростропович М. Л. Мстислав Ростропович: интервью из иных миров. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.liveinternet.ru/users/elfedium/post214140600> (дата обращения: 11.08.2023).
6. Рунг Э. В. Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 2 (40). — С. 305–314.
7. Толстой Л. Н. Христианство и патриотизм / Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — Т. 39. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры; 1956. — С. 27–80.
8. Унамуну М. Искусство и космополитизм // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. — М.: Прогресс, 1986. — 640 с.
9. Шестова Т. Л. Античные истоки современного космополитизма // Век глобализации. — 2019. — № 3. — С. 108–122.

УДК 81'42

Щербак Нина Феликсовна,
кандидат филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
alpha-12@yandex.ru

ГЕНДЕР В ЗАПАДНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (О ПОБЕДИТЕЛЯХ ИЗВЕСТНЫХ КИНОФЕСТИВАЛЕЙ)

Статья посвящена анализу фильмов «Тар» и «Священный паук» с применением оптики гендерных исследований и социальных теорий языка, предложенный Ходжем, Крессом, Н. Феаклафом. Оба фильма являются собой яркие представители исследования гендерных различий и изучения вопроса идентичности.

Ключевые слова: гендер, Ходж, Кресс, Феаклаф, кинематограф, социальные теории языка.

Shcherbak N. F.

GENRE IN WESTERN CINEMA (ABOUT FAMOUS FESTIVAL WINNERS)

The article is devoted to the analysis of two films with the use of the tools of the gender studies and social language theories (offered by Hodge, Kress, N. Fairclough). Both films considered are good examples of the gender study research and the study of people's identity.

Keywords: gender, Hodge, Kress, Fairclough, cinema, social language theory.

«Тар» и «Священный паук» — фильмы-победители Каннского и Венецианского фестивалей 2022 года, проанализировать которые хотелось бы, примерив, насколько это возможно, инструменты, используемые для анализа теоретика социальных теорий языка (Н. Феаклаф, Ходж, Кресс) [7, с. 25], [9, с. 223], [10, с. 23–24].

Социальные теории языка (вслед за ван Дейком, Норманом Феаклафом, Мишелем Фуко) [1, 6, 7, 11], ставят своей задачей вскрыть механизмы определения социальных ролей в обществе посредством языковых средств, или других знаковых систем. Таким образом, вскрывая, и наглядно демонстрируя, как моделируются определенные объекты знаний посредством языковых средств, объекты, которые вовсе не существуют в объективной (или даже ментальной) реальности, но навязываются ей.

Работы Жилия Делеза [3, 4, 5, 8] исключительно релевантны для нашего исследования, так как помогают проследить, как решается данное позиционирование в рамках художественной реальности, например, как принцип «повторения» позволяет начисто изменить традиционную идею «репрезентации» кино или изображения, помогая, таким образом, понять, что реальность кино или книги строится вовсе не по принципу «показать» то, что хочется сказать, а по принципу — эмоционального и образного воздействия. То есть в мире кино создается целый ряд образов, интенсивностей, используется техника повторения мотивов и других средств выражения, далеких от традиционной идеи репрезентативности, в принципе. Ярким примером таких «новшеств» (вернее будет сказать, «новых зон акцента») являются параметры музыкальные, например, мультипликация, «малый» или «большой взрыв», аккумуляция, и так далее [3, 4].

Гендерный аспект — еще один важный момент для анализа данных фильмов. Теоретики гендерных исследований постулируют, что люди проявляют себя в обществе в роли мужчины и женщины, вне зависимости от пола, изучению этого вопроса посвящено огромное количество исследований, которые вскрывают, например, свойство человека позиционировать себя совершенно по-разному, иногда, например, даже вне гендера, как «all souls», а вовсе не как типичного представителя того или иного пола. Проблематика порой приобретает весьма странные формы, которые в некоторых случаях словно разрушают само представление о гендере [2]. Гендер как понятие не был введен для того, чтобы подрывать традиции или постулировать безнравственность, но ставил своей целью понять сложную природу человека, его длительную адаптацию к социальным ролям, и сложности психологического развития и становления.

Фильм «Тар» Тодда Филда (США, Австралия) (главная роль — Кейт Бланшет) и «Священный Паук» Али Аббаси (главная женская роль, приз Каннского фестиваля, Зара Амир Эбрахими) — совершенно разные по содержанию, но в общем-то объединены, как это часто бывает с Каннским и Венецианским фестивалями, злободневностью, определенного рода продажностью темы, нестандартностью, способностью тронуть. И еще одно важное отличие — фильмы отражают то напряжение, между ценностями Запада и Востока, которое очевидно, и на протяжении долгого времени изучаемо. Запад, с его политической корректностью, признанием радикального феминизма, определенными свободами, которые даются для выбора своего пути. И Восток, с его, с одной стороны, традиционным, патриархальным мышлением, с другой стороны, с его мудростью и мистическим видением мира, в основе которой лежит священная книга Коран.

О чем оба эти фильмы? Во многом, об обществе, и о женщинах. Но о мужчинах там тоже многое сказано. В общем-то проблематика соотнесения женского и мужского, гендера и пола, сексуальности и капитала — налицо.

В некоторой степени оба фильма нашей традиции противопоставлены. Первый фильм — ярко американский, с известной австралийской актрисой в главной роли, которая играет женщину-дирижера, занимающую фактически мужскую позицию в обществе — руководитель огромного оркестра Берлинской филармо-

нии. Гендерный перекос, откровенная гомосексуальность, напористость, невращения, гибель одной из влюбленных обожательниц, способность очаровываться молодыми учениками и музыкантами оркестра, возможно, все же мало для раскрытия образа. Вот она — властная, в мужском костюме, стоит у пюпитра, вот она бросает пламенные взгляды на молодую скрипачку, чья партия была сыграна слишком выигрышно и неожиданно задела ее воображение. Вот ей приходится выстоять самоубийство одной из не слишком здравых учениц. По ходу фильма, возникает внутренний спор по поводу надуманности данного сюжета. Не слишком ли он тенденциозен?

Особо тенденциозна яркая сцена объяснения, которую Тар публично устраивает своему ученику во время прослушивания. Она убеждает его, что он не может игнорировать Баха просто потому, что тот гетеросексуален и, в общем-то, нормален (с нашей точки зрения, не с западной). В самой идее обсуждения Баха в этом ключе — яркая доминанта западной культуры, в которой рефлексия в отношении гендера является нормой, общепринята, а само понятие гендера, как известно, слишком размыто, или, напротив, дотошно изучено.

Проведя небольшой опрос среди студентов, отметим, что фильм молодому поколению нравится. Во-первых, для любого зрителя узнаваема «дирижерская душа», с ее вседозволенностью, безграничностью, трансцендентностью, с определенной свободой личности музыканта, которая как бы существует во внешнем мире. С другой стороны, посягать на оценку «реальности» тоже было бы неправильно. Режиссер создает этакий прообраз сильной женщины, радикальной, смелой, истеричной, грубой, но и цельной в профессии, который, возможно, привнесет дополнительные ноты в создаваемый стереотип западной женщины, которая совершенно независима в выборе фактически всего. Тар показана во всей сложности своей неоднозначной натуры.

Странным становится продуманное навязывание женщине такой профессии маскулинности. Проблеме маскулинности в западной литературе посвящено много исследований. Так, некоторые авторы нарочито объясняют, что гомосексуалист может быть вовсе не фемининным или женственным мужчиной, а наоборот, ему свойственна яркая мужская индивидуальность. В этом смысле, гендерные исследования помогают изменить стереотипы, увидеть проблематику комплексного конструирования человеческой личности.

Почему главная героиня должна быть столь сильной? И внешне столь собой? Столь взбалмошной? Столь независимой? В общем-то, конструктор довольно убедительный и не совсем ординарный. Или это только конструктор? Сфабрикованный образ на потребу зрителя, который хочет увидеть размытость гендера, ощутить свободу и, собственно, вседозволенность?

Итак, в какой-то момент складывается ощущение, что женская фигура в фильме — сверхчеловечна и неоднозначна. Она, действительно, полна внутренних противоречий, эмоций, которые как нельзя лучше отражают соответствующую профессию и человеческую личность. «Насилие может исходить и от женщины тоже», — говорит нам этот яркий фильм, в основе которого радикальный феминизм и рефлексия по поводу его мифологизации и позиционирования.

Второй фильм отличается ярко выраженной идеей анализа традиционной культуры и нарочитым позиционированием ее как сугубо отрицательной, порочной, даже — звериной. Рассмотрим те механизмы, которые режиссер использует.

«Паук» не просто шокирует, он, действительно, задевает за живые струны, иначе было бы странно. Фильм коррелирует с последними событиями в Иране, и поэтому тема «выгоды» страны и традиционной исламской культуры видеть «женщин без тела» — одна из причин успеха фильма на Западе. Почему-то критика пишет о том, что «как кино» «Паук» сделан слабо. Но разве есть жесткие критерии оценки произведения искусства, это ведь не математика?

По сюжету фильма его героиня — молодая журналистка, приезжает из Тегерана в святой город с целью расследования убийств. Ее не поселяют в гостинице, то есть ведут себя так, как, якобы, обычно ведут себя с женщиной в исламской обществу, если она движется по городу в одиночестве. Но факт остается не просто фактом. Именно там, в этом городе, орудует маньяк-убийца, которого так долго не могут найти официальные силы полиции.

Интересно, что героиню играет известная актриса Зара Абир Эбрахими, которая сначала работала в картине как кастинг-директор, а потом получила главную роль.

На авансцену выходят факты, которые в социальной теории языка называются экзoфорической референцией, то есть по ходу съемок и выпуска фильма, реальность кино начинает напрямую реферировать к объективной реальности, на глазах преломляя ее, создавая собственный реальный или псевдо-реальный мир под воздействием кинематографа.

Сыграв в фильме, и получив приз за «Лучшую женскую роль» в Каннах, в какой-то момент главная актриса вынуждена была покинуть Иран и эмигрировать во Францию. Ее обвиняют в разврате и предательстве страны, которая показана в фильме как страна насилия и покрытия убийства.

Судьба режиссера фильма тоже весьма интересна. Съемки не проходили в Иране, а были перенесены в Иорданию. Сам режиссер как будто бы восстанавливает историю мужского исламского общества, своей Родины, переместившись из Ирана сначала в Копенгаген, а потом в Швецию.

Итак, налицо, с одной стороны, достаточно неоднозначные осуждения кино и его системы ценностей, с другой стороны, определенного рода позиционирование западной культурой «ужасающих традиций Востока и ислама».

Злодеяния маньяка в фильме показаны воочию. Его намерение очищать город от грязи в лице проституток, и женщин, которые так зарабатывают на жизнь, основана на реальных событиях, но не является новой идеей в кино, или в жизни. В XIX веке Джек Потрошитель совершал что-то сходное по масштабности, только дело было в Викторианской Англии, где была принята норма «двойных стандартов». В истории кино существует множество фильмов нуар, в которых тема повторялась и развивалась. Но история на этот раз показана тоньше и спланирована лучше. Причина вновь в соответствующем подтексте и определенного рода желании позиционировать страну и священный город именно так. Ярко

выраженный западный подтекст «угнетения женщин на востоке» и планомерного зверского убийства женщин на Востоке под предлогом религиозных табу и возмездия — налицо. И здесь сложно поспорить, потому что в фильме эти злодеяния показаны с помощью техники сериального «повторения», так точно определенной Жилем Делезом, и неоднократно использованной в новой музыке и кинематографе.

После того, как очаровательная и по-настоящему красивая «все сама расследую» героиня засаживает маньяка в тюрьму, притворившись одной из женщин, которых он, как обычно, затаскивает к себе домой, в городе начинаются протесты, в которых явно и отчетливо звучит одна мысль, страшная, преступная, крамольная: главный герой все делал правильно, он очищал святой город от нечистот. Режиссер без колебания расписывает и показывает скрытую поддержку общества, которое, если не пропагандирует насилие, то явно покрывает злодея. Даже жена главного героя, ужаснувшись и поплакав о жертвах, в какой-то момент (после слез и причитаний) объясняет сыну, что отец не делал ничего плохого. В конце фильма появляются и «всему порука» герои, завсегдатаи традиционного общества, которые сообщают маньяку прямо в камере, что никакой смертной казни не будет, а его просто вывезут на машине, тайно и спасительно. Герой радуется, и совершенно не ожидает что несмотря на то, что ему пообещали спасение, его все-таки запросто предадут, вздернут на виселице, совершенно забыв о том, что именно ему так складно и мирно обещали. Тот же скрытый намек на псевдо-правдивость и непрозрачность общества контроля.

В конце фильма сын маньяка, прямо у себя дома, повторяет для полиции сцены, совершенные отцом, утрированно показывая «как все было». Он как будто бы уже и готов «продолжать» начатое дело своего папаша, хотя только недавно плакал от ужасных новостей, которые полиция и газеты разнесли по всему святому городу. Помнится, в известном американском фильме это было передано не надрывно и всерьез, а с юмором, дескать, тяга к убийству «передается по наследству».

Миллионы женщин в любом обществе (для этого не нужно обращаться так нарочито к мусульманскому миру), терпят насилие и становятся жертвами убийства, в той или иной мере. Это сугубо феминистическая идея, часто критикуемая. В фильме она показана утрировано. Мусульманский мир узнаваем, но, конечно, аргумент в пользу того, что реалии показаны слишком предвзято, — очевиден. В фильме мусульманский мир словно — единственный, в котором происходят такого рода преступления, покрываемые обществом. Сходным образом, католическая церковь, например, нередко демонстрировала, на что способна англиканская, вскрывая те преступления, которые происходили в монастырях в Великобритании. В фильме, таким образом, показана практика зверя и его окружения, каждый представитель этого мира только претендует на звание человека.

Дополнительно в фильме раскрыта тема причин появления такого героя. Война, неудачная жизнь строителя. В какой-то момент складывается ощущение, что главного героя, это отродье ужаса, по большому счету, даже можно понять, или хотя бы — объяснить поведение, найти причину, отнести и к нему чело-

вечно, не взирая на смертную казнь, которую он заслужил. В этом определенный и яркий психологических компромисс теорий, призыв к поиску психологических определений, алгоритма определения психики. Это усиливает впечатление от фильма, заставляя думать о нем, как о событии.

Размышляя над тем, что лучше из двух зол, запрещать все, карать неудобное и грязное, или разрешать все, что Богу не угодно — понимаешь, что ответить на эти вопросы, все равно что найти способ примирения Запада и Востока. В этом прелесть обоих фильмов. Два экстремальных полюса западной и традиционной культуры как будто бы не могут найти точки соприкосновения, обе обречены на жесточайший провал, который смертоносен.

Красивое лицо главной героини в пенджабе дает определенную надежду. Это она расследовала дело, и одержала победу, смогла поймать преступника в ловушку. В чем-то это напоминает восточную сказку, с не очень счастливым концом. Но здесь как раз и есть выход в трансцендентное, вечное, потому как ничего не реализовано, а лишь намеком показано, как тень спасения. В этой героине и есть чистота того общества, которое эту чистоту так постыдно ищет, словно сообщает нам режиссер. Его конструкт Ирана своеобразная компенсация, похоже, собственного опыта, против которого ничего нельзя возразить. Если для женского образа восточных сказок — соблазн является способностью будоражить душу без какого-либо реального воплощения, то для современного общества и кинематографической сцены он, в этой традиционной культуре, полностью нивелирован, нарочито сведен к нулю. Фильм, таким образом, становится фильмом об обществе, которое предполагает лишь погибель в самом реальном смысле слова, благодаря своей отсталости, книжности, догмам и нарочито подавлению личности.

Пропасть, впрочем, образуется и между реальностью и кинематографическим миром, реализованном с помощью фантазмагоричного образа маскулинной женщины в американском фильме «Тар». Она словно перекочевала из литературы в жизнь, и пугает обывателя своей жестокостью.

При этом в обоих случаях зритель понимает, какой гендер является орудием смерти, а какой жертвой — совсем неважно. Оба режиссера хотят и видят гиперреальное в этой страшной жизни, без прикрас, и без надуманностей, но оба режиссера волей-неволей создают и свою творческую сказку, без которой нет в этой жизни никакого выхода в человеческое.

Артур Шопенгауэр, немецкий философ — пессимист, писал о том, что спасение человека может быть только благодаря нравственности и искусству. В этом смысле оба фильма — события. Рассказать о жизни и ее бедах — важный момент творческого, человеческого, нравственного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстров В. Ю. Предисловие // Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974 учебном году. — СПб: Наука, 2005. — С. 5–12.

2. Гапова Е. В либеральном контексте феминизм попадает в ловушку. [Электронный ресурс]. — URL: <https://gorky.media/intervyu/v-liberalnom-kontekste-feminizm-popadaet-v-lovushku/> (дата обращения 10.02.2022).
3. Делез Ж. Различие и повторение. — СПб: Петрополис, 1998. — 384 с.
4. Лаврова С. В. Логика смысла Новой музыки. Опыт структурно-семантического анализа на примере творчества Х. Лахенманна и С. Шаррино. — СПб: СПбГУ, 2013. — 280 с.
5. Лаврова С. В., Щербак Н. Ф. Выразимые и невыразимые элементы музыкального и литературных языков. Роман «Ада» Владимира Набокова и Новая Музыка. — СПб: Вестник СПбГУ. — 2015. — Сер. 15. — Вып.2. — С. 19–33.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — Университетская книга, 1997. — 573 с.
7. Фуко М. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Перевод с французского А. В. Шестакова. — СПб: Наука, 2005. — 446 с.
8. Deleuze G. Cinema 2, L'Image-temps, Les Editions de Minuit, Paris. 1985. — 349 p.
9. van Dijk T. Society and discourse. How social contexts influence text and talk. — Cambridge: CUP, 2009. — 299 p.
10. Fairclough N. Media discourse. — London, 1995. — 320 p.
11. Foucault M. The order of things. The archeology of the human sciences. Vintage, 1994. — 449 p.

УДК 1(470)»18»:215

Байрон Александр Александрович,
кандидат философских наук, старший преподаватель
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина,
beiron87@mail.ru

В. Д. КУДРЯВЦЕВ-ПЛАТОНОВ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ

В статье рассматриваются взгляды В. Д. Кудрявцева-Платонова на роль и значимость рациональности в философии. Автор анализирует в учении мыслителя, во-первых, само значение рациональности, мышления как метода познания сущего; во-вторых, основные начала познания, обеспечиваемые благодаря данному методу в философии; в-третьих, конкретные инструменты мышления, с помощью которых на основе этих начал философия познаёт действительность. Делается вывод о признании Кудрявцевым-Платоновым рациональности, объективного мышления главнейшим методом познания истины, составляющим саму сущность философии.

Ключевые слова: В. Д. Кудрявцев-Платонов, разум, логика, мышление, рациональность, философия.

Bairon A. A.

V. D. KUDRYAVTSEV-PLATONOV ABOUT RATIONALITY IN PHILOSOPHY

The article examines the views of V. D. Kudryavtsev-Platonov on the role and significance of rationality in philosophy. The author analyzes in the teachings of the thinker, firstly, the very meaning of rationality, thinking as a method of knowing what is; secondly, the basic principles of knowledge provided by this method in philosophy; thirdly, specific thinking tools with which, on the basis of these beginnings, philosophy learns reality. It is concluded that Kudryavtsev-Platonov recognized rationality, objective thinking as the most important method of knowing truth, which makes up the very essence of philosophy.

Keywords: V. D. Kudryavtsev-Platonov, reason, logic, thinking, rationality, philosophy.

Едва ли кто-либо станет отрицать, что одна из главных вещей, острый дефицит в которых испытывает сегодня наше общество, — это рациональность.

События в сфере политики, экономики, образования, медицины и т. д., происходящие ныне и в России, и в остальном мире, ясно показывают, что в жизни современного социума становится всё меньше и меньше разумного подхода к действительности. В связи с этим немудрено, что в обществе возрастает спрос на рациональное мышление^{*}.

Здесь, впрочем, возможно распространённое нынче возражение, что рациональность — понятие многозначное. Действительно, когда произносится слово «рациональность», может идти речь о различных его трактовках [11]. Однако не подлежит сомнению, что основное, первичное значение этого понятия связано с его происхождением от латинского «ratio» (разум). Разум же, в свою очередь, по своему основному и первоначальному значению есть ни что иное, как способность к абстрактному мышлению, прежде всего — в сфере познания абсолютного, бесконечного, божественного [12].

За объяснение мира средствами рациональности и изменение его к лучшему с опорой на результаты данного объяснения «ответственны», как известно, две сферы — наука и философия. Причём в большей степени вторая, а не первая, в силу большей «всеобъемлющести», широты охватываемого ею, которое включает не только «этот», доступный опыту, материальный мир, но и «тот», надматериальный, сверхчувственный. Впрочем, и в философии в наши дни наиболее модными являются такие направления, как позитивизм, постмодернизм, аналитическая философия и т. п., в которых не очень-то высоко ставится рациональность в «классическом» смысле этого слова. Отсюда чрезвычайно востребованной в наши дни становится философия, в которой рациональность — и притом в изначальном, этимологически «основном» значении — выступает основой познания сущего, и наиболее актуальными становятся идеи тех мыслителей, которые отводили рациональности это подобающее ей место в своих воззрениях. Одним из таковых является представитель Московской духовной академии Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов, 195-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2023 году.

В целом о понимании В. Д. Кудрявцевым-Платоновым философии мы уже писали ранее в другом исследовании [1]. В данной же статье мы постараемся найти ответ на следующие три главных вопроса: 1) насколько существенное значение, согласно Кудрявцеву-Платонову, имеет рациональность, мышление, как метод познания сущего в философии; 2) каковы основные начала познания, обеспечиваемые благодаря этому методу и 3) с помощью каких конкретно «инструментов» мышления на основе этих начал философия познаёт действительность.

Что касается первого из вопросов, то Кудрявцев-Платонов исповедовал воззрения на сущность философии, согласно которым она является, по сути, «укоренённой» в рациональности. Прежде всего, философию он рассматривает как науку, и не просто как науку, но высшую науку, «науку наук», «царицу наук» [7, с. 33]. Наука же есть знание рациональное [7, с. 196]. Но даже независимо от этого и общее мнение о философии, и её история единогласно свидетельствуют, что её

---

^{*} Об этом свидетельствует как личный педагогический опыт автора, так и его общение с самыми разными людьми в самых различных обстоятельствах жизни.

методом должна быть логика, мышление, иными словами, рациональность [7, с. 198]. И это вполне оправдывается задачами философии, т. к. её предметом выступает мир идеальных сущностей, который невидим для нас и о котором мы, стало быть, можем что-либо знать только посредством мышления [7, с. 199].

Нужно отметить, что церковный деятель выступает как уверенный «оптимист» в гносеологии [5, с. 11]. Согласно ему, даже если в философии существовали примеры неудачных попыток доказательства каких-либо положений на основе рациональности, из этого ни в коем случае нельзя заключать о несостоятельности разума вообще. Ибо «ничто не говорит, чтобы недостаточные доказательства, по устранении их недостатков и более правильной постановке их, не могли сделаться достаточными» [8, с. 23]. Но для этого нужна определённая пронизательность. Поэтому, констатирует мыслитель, философия «есть столько же наука... сколько и искусство смотреть на все предметы с высшей, рациональной точки зрения» [7, с. 119].

По второму из поставленных нами вопросов необходимо сказать следующее. Согласно Кудрявцеву-Платонову, в любой науке все положения, входящие в её состав, должны быть рационально обоснованы. Только так можно прийти к основным началам всякого рода познания [8, с. 1]. Таковых родов мыслитель называет три: знание обыденное, в котором доказательству подлежат лишь положения, не соответствующие доводам «здравого смысла», в той или иной степени признаваемым абсолютным большинством людей; знание научное, в котором доказательству подлежит всякое положение, за исключением не подлежащих доказательству в границах отдельной науки её исходных аксиоматических положений, и, наконец, знание философское, в котором рационально обосновывается истинность не только всякого утверждения, полученного посредством логического вывода, но и первичных, самоочевидных положений и которое, таким образом, одно может быть названо в полном смысле слова знанием [8, с. 2].

В рамках философского познания Кудрявцев-Платонов выделяет, в свою очередь, три ступени: эмпирическое, рациональное и идеальное познание, и главной ступенью является как раз второе. Так, достоверность бытия внешнего мира, данных органов чувств, лежащая в основе познания эмпирического, удостоверяется только разумом [6, с. 47–48]; также и в рамках высшей, «идеальной» ступени познания, относящейся к трансцендентным сущностям и сочетающей «чувство божества» и его последующее рациональное осмысление, оно имеет решающее значение [3, с. 89]. Поэтому совершенно закономерными предстают слова мыслителя: «рациональное мышление есть единственный орган нашего познания в точном смысле слова <...> Поэтому, отвергая возможность знания рационального, посредством понятий <...> мы отрицаем возможность не только известной формы познания, но возможность знания вообще» [10, с. 319].

Однако главная проблема для рационального познания — проблема обоснования первоначальных, самоочевидных истин мышления, существование которых необходимо должен признать разум, дабы, доказывая все положения из других, не впасть тем самым в «дурную бесконечность». Как же решает эту проблему Кудрявцев-Платонов?

В вопросе о пути к познанию самоочевидных первооснов мышления философ полностью разделяет метод сомнения Р. Декарта [4, с. 280]. Он признаёт, что бытие нашего «я», которое выражает найденное французским мыслителем положение «мыслью, следовательно, существую», «есть истина всеобщая, необходимая и не подлежащая сомнению» [8, с. 47–48]. Кроме этого, по его убеждению, к числу таковых истин должно быть отнесено противостоящее бытию «я» бытие «не-я» (т. к. сомневающийся в соответствии какого-либо мнения объективной действительности тем самым признаёт бытие этой объективной действительности) и идея истинного знания и бытия (предполагаемая познаваемым нами несовершенством нашего собственного бытия и знания) [8, с. 50–51].

Но, согласно Кудрявцеву-Платонову, эти три положения «составляют только отправной пункт для философии», задача которой есть рациональное познание сущего «во всей его широте» [8, с. 58]. Нужно найти способ, которым могло бы быть осуществлено это дальнейшее «развёртывание» знания. Причём этот способ должен быть столь же несомненен, как и те коренные истины, к раскрытию которых он прилагается.

Таковым несомненным способом познания мыслитель признаёт «те приёмы правильного мышления, которые указывает нам логика и которые составляют самую природу нашего разума» [8, с. 59], т. е. прежде всего — логические законы тождества, противоречия, исключённого третьего и достаточного основания. Незыблемость этих законов обусловлена тем, что само сомнение в чём-либо, которого требует метод Декарта, возможно лишь при признании истинности этих законов, должно «отталкиваться» от них, иначе это уже не сомнение, а произвольное, бессмысленное отрицание [8, с. 59]. Отсюда всякая попытка заподозрить эти законы в «неистинности» изначально предполагала бы их истинность и, таким образом, разрушала бы саму себя. Поэтому именно разум, формальная логика есть несомненный критерий философской истины.

Относительно третьего вопроса, являющегося предметом нашего рассмотрения — с помощью каких же конкретно инструментов, применяемых мышлением, философия познаёт действительность — Кудрявцев-Платонов не заявляет чего-либо неожиданного или фантастического. Согласно ему, инструменты мышления — это абстрактные категории, формы мысли, главной из которых является понятие — единичная мысль о чём-либо. Именно понятия есть «первоатомы», «первокирпичики» мышления. Лишь на основе понятий возникают более сложные формы мысли — суждения, умозаключения и т. д. Поэтому в своей статье «Метафизический анализ рационального познания» Кудрявцев-Платонов подвергает теоретическому анализу именно понятие.

Понятия, согласно мыслителю, делятся на два вида: понятия на основе данных опыта и понятия-категории [9, с. 3]. Оба эти вида понятий объективно отражают действительность. Так, общие понятия, формирующиеся на основе данных опыта, благодаря самой своей «общести», тому, что им соответствует некоторое количество однородных предметов, отражают нечто реально существующее, а именно, то являющееся общим в предметах, которые ими объёмлются [9, с. 38]. Что же касается понятий, которые выражают присущие не некоторым, а всем

без исключения предметам признаки и которые Кудрявцев-Платонов называет категориями: сущность, количество, качество и др. — то их объективное значение основано на том же самом, что и у общих понятий: они отражают то общее в вещах, которое реально существует, и, таким образом, также являются одним из двух главнейших инструментов познания посредством рациональности, и притом познания не только конечных вещей, но и первопричины всего существующего [9, с. 170].

Но не означает ли опора философии на абстрактные понятия её определённую отстранённость, отчуждённость от реальной действительности? Согласно Кудрявцеву-Платонову, вовсе нет. Философ может относиться к действительности скорбно или иронически, но он не должен быть отрешённым от жизни, так как реальный мир есть отражение того мира идей, который он исследует [2]. Поэтому задача философии — напоминать людям, что среди всех мерзостей реального мира, во всей его бессмыслице всё же можно найти нечто разумное, и это разумное стремится к своему осуществлению. И, тем самым, вселять в людей оптимизм.

Завершая рассмотрение проблемы рациональности в философии согласно учению В. Д. Кудрявцева-Платонова, мы можем сделать определённые выводы:

1) Рациональность, объективное мышление, по Кудрявцеву-Платонову, является главнейшим методом познания истины, составляющим саму сущность философии;

2) Основными началами философского познания выступают: принцип «*cogito, ergo sum*» Р. Декарта, установленные на его основе истины о существовании субъекта, внешнего мира и абсолютного начала, а также законы и правила формальной логики, с помощью которых осуществляется дальнейшее познание сущего посредством мышления;

3) Главнейший инструмент рационального познания в философии — понятия мышления, подразделяемые на два вида: понятия на основе данных опыта и понятия-категории. Как первые, так и вторые отражают то общее, что объективно существует в вещах, и потому могут служить основой получения достоверного знания о действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрон А. А. В. Д. Кудрявцев-Платонов о философии // Вестник РХГА. — 2020. — № 3. — С. 123–131.

2. Байрон А. А. Учение В. Д. Кудрявцева-Платонова об идеях // XXV юбилейные Царскосельские чтения. Материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. С. Г. Еремеева. — СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 9–13.

3. Бекжанова Е. С. Религиозная вера и рациональное познание в теистической системе В. Д. Кудрявцева-Платонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2015. — № 4 (48). — С. 84–89.

4. Декарт Р. Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1950. — 712 с.

5. Корнилов С. В. Философская школа Московской духовной академии: В. Д. Кудрявцев-Платонов // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. — 2018. — Т. 16. — № 1–2. — С. 11. [Электронный ресурс]. — URL: http://https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35648060_51327493.pdf. (дата обращения: 30.06.2023).
6. Кудрявцев-Платонов В. Д. Начальные основания философии. — М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1891. — 347 с.
7. Кудрявцев-Платонов В. Д. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Исследования по введению в философию и по гносеологии. Вып. 1. — Серг. Посад: Братство препод. Сергия, 1893.
8. Кудрявцев-Платонов В. Д. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Исследования по введению в философию и по гносеологии. Вып. 2. — Серг. Посад: Братство препод. Сергия, 1893.
9. Кудрявцев-Платонов В. Д. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Исследования по введению в философию и по гносеологии. Вып. 3. — Серг. Посад: Братство препод. Сергия, 1893.
10. Кудрявцев-Платонов В. Д. Философия религии. — М.: ФондИВ, 2008. — 573 с.
11. Леонтьева Е. Ю. Рациональность и её типы: генезис и эволюция. — М.: Изд-во МПСИ, 2006. — 256 с.
12. Швырёв В. С. Разум. [Электронный ресурс]. — URL: <http://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362b18945da235640b8c36> (дата обращения: 30.06.2023).

УДК 272

Белов Янис Александрович,
бакалавр теологии, магистрант
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
riga.mockow@mail.ru

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОВОРА

Работа рассматривает проблемы Римско-католической церкви после проведения Второго Ватиканского собора, затрагивая кризис веры, доктринальные учение, авторитет церкви в обществе, вопросы будущего церкви и ее проповеди в современных реалиях второй четверти XX века и начало XXI века и нового тысячелетия.

Ключевые слова: христианство, Римско-католическая церковь, Второй Ватиканский собор, церковь и глобализация.

Belov Y. A.

ROMAN CATHOLIC CHURCH AFTER THE SECOND VATICAN COUNCIL

The work considers the problems of the Roman Catholic Church after the Second Vatican Council, touching upon the crisis of faith, doctrinal teachings, the authority of the church in society, questions of the future of the church and its preaching in modern realities of the second quarter of the 20th century and the beginning of the 21st century and the new millennium.

Keywords: christianity, the Roman Catholic Church, the Second Vatican Council, the church and globalization.

Вторая мировая война, социальный и экономический кризис в христианской Европе внесли определенные сдвиги в религиозную жизнь верующих церкви. Период до Второго Ватиканского собора был для церкви временем ее триумфа, а затем ее возможности сохранились в распространяющемся по миру протестантизму и быстро растущему исламу. Поэтому церковь была закрытой и консервативной. Но еще Папа Римский Пий XII, выходец из старинного патриархального рода, принадлежавший к «черной знати», понимал, что если не начать реформы, то церковь не сможет существовать в XX послевоенном столетии

и иметь тот авторитет и силу, который была когда-то у Ватикана. Эту высокую миссию возложил на себя следующий папа, Иоанн XXIII. Святейшей Папа Иоанн XXIII ставил перед собой очень важную задачу объединить западную капиталистическую Европу и восточную коммунистическую, потому что паства церкви жила как по ту, так и по эту сторону. «Матери и отцы семейств ненавидят войну. Церковь, мать всех без различий людей, вновь поднимает свой плач, который слышан из глубины веков, из Вифлеема» [1, с. 6–7]. Послевоенный мир стремительно менялся и старые социальные, теологические, богослужебные положения церкви уже не отвечали запросам миллиардной церкви. Работа Второго Ватиканского собора впервые коснулась жизни не только Европы и Северной Америки, но и жизни юго-восточной Азии, Африканского континента, Латинской Америке. Территорий, в которых стали образовываться новые государства постколониального периода, где католическая паства живет со своей верой и потребностями новых государств. В немалой степени именно на их потребности необходимо было ответить церкви после II мировой войны.

Созыв собора для решения новых проблем была непростой задачей — созвать епископов из разных епархий, разного социального статуса, национального происхождения и темперамента. Для делегатов Старого света созыв собора был чем-то формальным: соблюсти церемониал и принять то, что было предложено папой и римской курией.

Понтификат Папы Иоанна XXIII и созыв собора можно охарактеризовать как установление диалога между разными странами, континентами и конфессиями, а также взаимопонимания между верующими одной единой церкви. Стоит отметить, что такого понимания не хватает в Православной церкви между поместными православными церквями, так как в Православии нет единого центра принятия решений, но есть соборный разум, который был не столь эффективен в XX веке и привел к печальным последствиям в веке XXI. Поэтому единство и понимание, достигнутое во втором Ватиканском соборе, многое дало для будущего церкви.

Папа Иоанн XXIII заложил фундамент в основание будущего собора и установил крепкую опору для будущего церкви. Но воплощать в жизнь идеи собора предстоит следующему понтифику святейшему отцу Павлу VI, при котором начинается экуменическая деятельность с другими христианскими церквями в рамках проведения собора. Стоит отметить совершенно новые взаимоотношения между Римско-католической церковью и Православием после великого раскола 1054 года. Важной вехой во взаимоотношениях стало взаимное снятие анафемы и установление диалога, отказ от прозелитизма и признания благодатности служения обеих церквей. «Итак церковь, единое стадо Божие, словно знамя, поднятое для народов». [2, с. 329–330].

Встреча папы и вселенского патриарха в Иерусалиме была эпохальным событием, но Ватикан понимал важность тесного диалога с Московским патриархатом не только потому, что это была крупнейшая православная церковь, но и то, что это была сфера влияния СССР на Польшу и западную Украину, где проживала многомиллионная паства Католической церкви. Диалог и тесное со-

трудничество с Московский патриархатом, которое начал римский Понтифик Иоанн XXIII продолжил и его приемник по кафедре Папа Павел VI.

Уникальность собора проявилась и в том, что в его работе приняли участие церкви, которые в недавнем прошлом вошли в унию с Ватиканом, и при этом сохранили свою автономию, признав верховную власть папы над собой. Также участие в соборе принимали церкви полностью независимые от Рима, но в качестве наблюдателей. В рамках собора и после него Римский Папа впервые посещает свою паству за пределами Италии и европейского континента.

Работа собора давала возможность привлечь к церкви внимание как к институту, который готов меняться. Сегодня эти изменения — экуменические, литургические, теологические, дипломатические и миссионерские, — помогли сохранить церковь и возвысить ее авторитет. В современном секулярном мире авторитет и значимость Католической церкви и непосредственно Римского Папы очень и очень значительна. Нередко можно видеть как многие политики после своего избрания обязательно посещают Ватикан, чтобы получить аудиенцию у Папы и это не простая дипломатическая формальность. Ватикан, а вместе с ней вся Римско-католическая церковь является не только местом спасения и молитвы для верующих, но местом для многих политических событий мира, на которые она влияет. Важными решениями прошедшего собора стало привлечение мирян к богослужбной жизни церкви, а также возможность получения образования в папских академиях всем желающим и даже не католикам.

Понтификат Папы Павла VI завершил и воплотил в жизнь идеи собора, идейными его продолжателями будут следующие папы. Папа Иоанн Павел I за свое самое короткое правление успел лишь отказаться от папской коронации заменив ее интронизацией. Хотя его идеи в служение церкви людям найдут отклик и воплотятся в жизнь в новом тысячелетии в наше время. А вот правление самого молодого на момент избрания Папы Иоанна Павла II действительно можно назвать периодом после Ватиканского собора, потому что именно при нем церковь развернется на 180 градусов и ее путь отныне будет поистине революционным, при этом с нотками консерватизма, которые только добавляют ей статус и уважения. С именем папы Иоанна Павла II безусловно связана общая борьба церкви против авторитаризма, коммунизма и несправедливых выпадов капиталистического мира, именно он в Европе первым заявил о важности социального равенства, прав и свобод человека, его уникальности и важности для Бога и всего мира. Падение коммунизма, а вместе с ним железного занавеса, дало возможность для новой миссии церкви в восточной Европе, а правление папы впервые называется служением. Даже представители иных конфессий чувствуют значимость и авторитет Католической церкви в лице Папы Иоанна Павла II, защиту их права, свобод и достойного человека уважения. При этом Папа не уступал сильным мира всего в вопросах семьи, брака, тех ценностей, которые даны в книгах Священного писания. Римская церковь, после проведения собора открывшись миру и новым преобразованиям в жизни церкви, оставалась достаточно консервативна, что давало возможность сохранить непоколебимыми основы церкви и ее дальнейшее существование.

Церковь после Второго Ватиканского собора должна была обновиться и стать более открытой к вызовам времени, но новые веяния и продолжающаяся секуляризация давали о себе знать по мере приближения церкви и мира к новому тысячелетию человеческой цивилизации. Непокколебимый и твердо держащий оборону Папа Иоанн Павел II, приблизился к своему почтенному возрасту и это не позволяло должным образом отвечать на вызовы современности. Европа, переросшая в Европейский союз, выдвигала новые модели жизни человека в веке XXI, которые противоречили некоторым доктринам церкви. Настроения чрезмерного либерализма и веяния французской революции в веке XIX нашли понимание и легализацию в новой политической системе Европы, а благодаря глобализации нашли поддержку на всех континентах мира.

Избранный на святой Престол Папа Бенедикт XVI, епископ из центральной Европы и убежденный католик, консерватор и традиционалист, старался при своем понтификате сгладить острые углы, избежать конфликта с сильными мира сего и в то же время показать силу и мощь Церкви святого апостола Петра, не подвластной времени и изменяющимся политическим реалиям мира. «И христианство и Запад представляются универсальными сами по себе, и это возможно так и есть».

Громкие скандалы в церкви, связанные с епископством церкви, давали возможность оказывать давление на Папу Бенедикта XVI. Несмотря на все старания папы найти поддержку в консервативных кругах и других христианских конфессиях, например в лице Русской православной церкви, которая всячески поддерживала курс Ватикана на сохранение духовно-нравственных ценностей и скептическое отношению к секулярной системе XXI века, было сделано все, чтобы в 2013 году Папа Бенедикт XVI отказался от Престола святого Петра, что шокировало весь христианский мир.

Новый папа, монах францисканец итальянского происхождения, родом из Аргентины, Хорхе Марио Бергольо, кардинал и епископ Аргентины становится новым главой Католической церкви. Впервые в истории церкви со времен апостольской проповеди епископ Рима идет в народ, а не наоборот, как было ранее. Папа Франциск — глубокий консерватор и блюститель канонов церкви, и при этом призывает к любви и состраданию ко всем. Этот посыл воспринимается многими очень радостно, но при этом некоторые воспринимают открытость церкви буквально. «Сексуальное воспитание, сохраняющие здравую стыдливость обладает высочайшей ценностью» [9, с. 208].

Совсем недавно католические епископы в Германии на совместной конференции приняли решение по благословению однополых союзов, с поправкой, что это не венчание, которое есть таинство в католической церкви, а то, что это благословение в церкви, что однако противоречит канонам и доктрине церкви, а также постановлениям Ватиканского собора в XX веке. В Ватикане по этому поводу пока тихое молчание, потому как резкие высказывания могут вызвать раскол в церкви, да и в обществе, что ударит по имиджу церкви.

Сегодня кризис веры в европейском сознание, кризис ценности семьи, глобальным кризис взаимоотношения народов и государств требует нового и все-

стороннего рассмотрения, что для пожилого папы Франциска неподъемная работа, требующая соборного разума церкви. Отсюда назрела необходимость в созыве Третьего Ватиканского собора. Собор должен явиться вселенским, то есть совместным с православными церквями, дохалкидонскими церквями и всеми христианами, для кого весьма дорого будущее Христианской церкви в веке XXI и для будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбериги Д. История II Ватиканского собора. II том. Формирование соборного сознания / пер. А. Бодров, А. Зубов. — М.: Изд. ББИ, 2005. — 764 с.
2. Альбериги Д. История II Ватиканского собора. III том. Сформированный собор / пер. А. Бодров, А. Зубов. — М.: Изд. ББИ, 2005. — 700 с.
3. Альбериги Д. История II Ватиканского собора. V том. Собор — поворотный момент в истории Церкви. Четвертый период и завершение собора / пер. А. Бодрова, Зубов. — М.: Изд. ББИ, 2005. — 882 с.
4. Архиепископ Волоколамский Питирим. Паломническое путешествие по святым местам раннего христианства // Журнал Московской патриархии. Изд. ЖМП, 1972. — 77 с.
5. Архиепископ Волоколамский Питирим. Интронизация папы Римского Иоанна Павла I // Журнал Московской патриархии. — Изд. ЖМП, 1978. — 79 с.
6. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). — М.: Изд. ББИ, 2007. — 163 с.
7. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Сущность и задачи богословия. Попытки определения в диспуте современности / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). — М.: Изд. ББИ, 2007. — 144 с.
8. Серова О. В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX — начало XX века. Книга вторая. 1870–1894. — ЯСК, 2021. — 984 с.
9. Франциск папа Римский. Апостольское обращение о любви в семье. — Изд. Францисканцев, 2016. — 254 с.

Гребнев Владимир Леонидович,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
grebnev.vl@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПАРЕМИЯХ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье речь идет о нравственно-правовых ценностях, приводится краткая характеристика исторически обусловленных этапов формирования представления о природе нравственности, выявляется потенциал влияния нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс, показывается огромный потенциал паремий библейского происхождения в формировании нравственно-правовых ценностей.

Ключевые слова: нравственность, нравственно-правовые ценности, нравственное воспитание, паремии, паремии библейского происхождения.

Grebnev V. L.
REFLECTION OF MORAL AND LEGAL VALUES
IN PAROEMIAS OF BIBLICAL ORIGIN

The article deals with moral and legal values, provides a brief description of the historically conditioned stages of the formation of the idea of the nature of morality, identifies the potential of moral and legal values to influence the law-making process, shows the huge potential of Biblical paroemias in the formation of moral and legal values.

Keywords: morality, moral and legal values, moral education, paremia, paremia of biblical origin.

В настоящее время формирование мировоззрения человека осуществляется главным образом за счет усвоения ценностей, которые позиционируются информационной средой. Но если информационная среда агрессивная (а часто это именно так), то мировоззрение человека формируется без необходимой духовно-нравственной основы. Как справедливо заметил Д. Н. Полохов, «приходится часто наблюдать, как обесцениваются многие понятия, о которых раньше говорили и писали с особым пиететом. Особенно это заметно на примере

того, что принято называть нравственностью и духовностью» [12, с. 110]. Нравственность или естественный нравственный закон имеет всеобщий характер, о чем указано в Новом Завете в словах Апостола Павла (Рим. 2, 14–15).

Практически все нравственно-правовые ценности отражаются через язык каждого отдельного народа, который передает их в своих пословицах, поговорках, в других фразеологизмах. Язык накапливает все культурные ценности, которые ярко представлены в том числе в паремиях. Пословицы и поговорки любого народа являются результатом их умственной деятельности на протяжении многих поколений, они обобщают опыт людей в форме законченных суждений, выводов, учений и образно определенных объектов. Паремии оказывают заметное влияние на формирование нравственных и правовых ценностей. Нравственные ценности выстраиваются в своеобразную «пирамиду» ценностей, основу которой составляют неосознанно осознаваемые жизненные ценности, такие как воля к жизни, потребность в пище, сне и другие витальные ценности. На вершине пирамиды ценностей находится высшие ценности, в частности — нравственные и правовые. Примечательно, что даже высшие ценности исторически меняются: отпадают прежние, появляются новые. Реализация ценностей заключается в следовании требованиям, вытекающим из этих ценностей, в подчинении повседневной жизни требованиям общества. Отсюда — тесная связь нравственных и правовых ценностей.

Нравственность как вечное и социально значимое явление, появилась в человеческом обществе одновременно с появлением самого общества. Начиная с древности и до настоящего времени мыслителями и педагогами-практиками отмечалось, что нравственное воспитание жизненно важно для человека. Так, древнегреческий материалист Демокрит подчеркивал, что «воспитание перестраивает человека и создает ему вторую природу» [10, с. 173]. Марк Аврелий отмечал, что «люди существуют друг для друга» [11, с. 129]; Эпикур указывал на то, что «мы не столько нуждаемся в помощи наших друзей, сколько в уверенности, что эту помощь мы от них получим» [11, с. 129]; Платон отмечал: «мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого» [11, с. 131]. Отечественные мыслители также подтверждали важность нравственного воспитания для человека и общества. Так, А. С. Хомяков в своем труде «Об общественном воспитании в России» обращает внимание на то, что воспитание есть «то действие, посредством которого одно поколение приготовляет следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа» [18, с. 351].

К. Д. Ушинский нравственное воспитание считал наиважнейшим для развития общества и человека: «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще» [17, с. 256]. У педагога звучит призыв — обратиться к народным богатствам русского языка, в котором он видел залог счастья человека и общества: «Изучение же родного языка в народной литературе, в народных песнях, в творениях народных писателей, в живой народной речи должно постоянно противодействовать чуждым элементам и претворять их в русский дух» [16, с. 95]. Здесь мы видим прямое

указание на нравственные основы традиционного фольклора, в частности — паремий (поговорок и пословиц).

В XX веке в педагогической науке продолжились поиски оптимального решения важной задачи нравственного воспитания. Поскольку в стране произошли значительные перемены в мировоззрении, связанные со сменой власти, изменились и задачи воспитания, в том числе — нравственного. Задаваясь вопросом о цели воспитания, А. С. Макаренко утверждал, что достойной задачей может стать «создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохраняя свою индивидуальность» [9, с. 39]. Таким методом педагог считал воспитание в коллективе, а также воспитание в труде. Известный отечественный педагог Ш. А. Амонашвили справедливо убежден, и мы с ним солидарны, что «суть нравственной основы самостоятельности заключается в том, чтобы люди помогали друг другу достигнуть успеха, преодолевать затруднения, творить благо на пользу обществ» [1, с. 37].

Отечественная педагогика целостно и разносторонне развила концепцию нравственного воспитания и с учетом потребности общества ее корректировала. Однако, начиная с 1990-х годов и до настоящего времени в образовательной практике произошел достаточно заметный сдвиг в сторону «чистого» обучения в ущерб воспитательной работы. Г. Ю. Ксензова справедливо заметила, что «переориентация учебных заведений в основном на «чистое» обучение, применение в массовой практике обучающих технологий, ориентированных только на формирование знаний, умений, навыков, не может не сказаться (и уже сказывается, разумеется, отрицательным образом) на уровне воспитанности молодежи» [7, с. 7]. На основе сформулированного автором деятельно-отношенческого подхода было введено определение воспитания: «воспитание — это развитие нравственного самосознания, нравственной позиции, реализующейся в нравственном поведении человека» [7, с. 182]. Деятельно-отношенческий подход действительно важен для социализации подрастающего поколения.

Как мы наблюдаем в настоящее время, в результате глобализации сомнительные в плане нравственности стереотипы поведения, а порой безнравственные и даже противоправные, захватили внимание значительной части молодежи. В молодежной среде стали утверждаться идеи и практика крайне опасного нарушения права в форме экстремизма и терроризма. В основе этих опасных явлений лежит агрессия, как внешняя, так и внутренняя (аутоагрессия). По мнению А. Н. Творогова, на участие молодежи, подростков в экстремистских течениях влияют «трудный возраст, конфликты в семье, экономическое положение, трудности в социальной адаптации, проблемы в общении со сверстниками» [15, с. 4–5]. Наблюдается опасная тенденция — популярность в подростковой и молодежной среде сообществ «Колумбайн» и «Синий кит», которые вовлекают в свои ряды нравственно неокрепших молодых людей, приводя их на путь правонарушения в самых крайних формах — убийства и самоубийства. Помимо радикально противоправных и абсолютно безнравственных сообществ в подростковой и молодежной среде широко распространены околоскриминальные

субкультуры, в частности, движение «А.У.Е.», много заимствующее из криминальной субкультуры: жаргон, татуировки, музыку, манеру поведения и специфические ценности, сформировавшиеся в местах лишения свободы. Также следует указать на подростковые и молодежные группы деструктивного поведения, прежде всего — группы субкультур «зацепинг», «руфинг» и подобные им группы экстремалов, которые Роскомнадзор отнес к скрытой форме суицидального поведения. Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в российском обществе до настоящего времени недостаточно эффективно решается задача нравственно-правового воспитания подрастающего поколения.

А. Ю. Кузубова справедливо подчеркивает огромный потенциал влияния нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс, отмечая, что «законотворчество должно отражать национальное, религиозное, этническое своеобразие, воплощать преимущественно христианские традиции народов, населяющих Россию» [8, с. 315]. В последние годы правоведы стали чаще обращаться к проблеме согласования права и нравственных ценностей, в частности, А. А. Иванов и С. С. Малахова провели сравнительный анализ юридических категорий «традиционные духовно-нравственные ценности» и «правовые принципы», отметив, что «несмотря на частое тождество в названии правовых принципов и традиционных ценностей, а также их возможное определение, как неких идеи, влияющих на деятельность законодателя и правоприменителя, данные категории совершенно различны. В отличие от общесоциальных принципов права, которые опосредуют проникновение социальных норм в область юриспруденции, содержание традиционных ценностей изначально носит сугубо социальный характер, на который влияние юриспруденции представляется крайне незначительным» [4, с. 55–56].

Представляется, что одних усилий образовательных учреждений в направлении формирования нравственно-правовых ценностей будет недостаточно, даже с учетом введения в 2021–2022 годах новых федеральных государственных образовательных стандартов, увеличивающих количество часов на обучение и воспитание, на привитие духовно-нравственных основ жизни в обществе. Важно привлекать все общество, в том числе — Церковь, науку, общественность в целом. В нашем случае мы можем предложить образовательным учреждениям ценнейший источник духовности и нравственности, в том числе и правовой — это паремии библейского происхождения. Этой теме посвящено наше диссертационное исследование, поскольку в Библии содержится богатейший клад мудрости, а паремии (в нашем рассмотрении — это пословицы и поговорки) являются ценнейшими формулами воспитания духовности, нравственности во все времена.

Пословицы определяют как «меткое образное изречение назидательного характера, типизирующее самые различные явления жизни и имеющее форму законченного предложения» [3, с. 62]. Следует обратить внимание на то, что В. П. Аникин отождествляет пословицы и притчи, он пишет: «притча — старинное название пословицы. Народ усматривал сходство пословицы с небольшим иносказательным рассказом нравоучительного характера» [2, с. 30]. Слово

«притча», по мнению святителя Василия Великого, происходит от слова «притечь» — «прийти» и обозначает оно короткий поучительный рассказ или путевое изречение, которое служит указателем пути, руководствует человека на путях жизни, дает ему средства к благополучному течению по этим путям. Из этого следует, что пословица (притча) — является мощным средством нравственного воспитания. Пословицы отличаются от других жанров тем, что их свод значительно шире, чем любой другой жанр, они охватывает самые разные стороны действительности. В пословицах широко употребляются сравнения, имеющие разнообразные формы выражения. Также пословицы своеобразны по своим стихотворным размерам. Формат пословицы очень благоприятен для отражения нравственных и правовых ценностей. Пословицы являются важной частью национального достояния, живого наследия, накопленного народом на протяжении веков, они позволяют лучше узнать характер и дух народа, в том числе и его нравственно-правовые ценности.

К пословицам тесно примыкают поговорки. Более краткие, чем пословицы, поговорки не специально исполняются, а «употребляются в живой разговорной речи кстади, к случаю» [6, с. 78]. Они заметно отличаются от пословиц. Так, М. А. Рыбникова отмечает, что «пословица — это словесный образ; поговорка — это «заготовки» выразительной речи... Поговорка дет образ; окольным путем в переносной форме характеризует явление...» [14, с. 519]. Поговорки имеют конкретное содержание, по мнению А. А. Потебни, они являют собой «иносказательный образ» «отдельно взятого лица», качества, действия» [13, с. 108]. Е. А. Костюхин также указывает на различие пословиц от поговорок: «пословица — это суждение, грамматически законченное предложение, а поговорка — лишь устойчивое выражение, идиома (чужими руками жар загребать, в трех соснах заплутаться)» [5, с. 235]. Поговорка может быть преобразована в пословицу, например: «Хитрый Ермил двух зайцев убил».

При всем различии, пословицы и поговорки имеют много общего, в частности, они представляют собой предложения, отвечающие синтаксическим правилам: имеют одинаковый порядок слов, построены в соответствии со структурой простого или сложного предложения. Пословицы всегда являются знаками и в то же время моделями различных типичных ситуаций и взаимоотношений между вещами или явлениями в реальной жизни. Истинной темой любой пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а инвариантная пара противоположных суждений, к которым сводится смысл использования образов в данной пословице. В пословицах и поговорках наиболее концентрирована система бинарных оппозиций, например, противопоставляются физически различные объекты: большой-маленький, хороший-плохой, старый-новый и т. д.. Каждая пословица может быть истолкована как выбор между двумя альтернативами.

Благодаря универсальности своей семантики и структуры, пословицы и поговорки способствуют не только воссозданию универсальной, региональной и национальной картин мира, но также подчеркивают особенности ментали-

тета людей, их многовековой человеческий опыт и представления о нравственных и правовых ценностях. При использовании паремий снимается проблема истинности высказывания, та как человек говорит не от себя, а ссылается на чужой, объективированный опыт, по этой причине, исследование паремий разных народов, позволяет оставить представление не только о ментальной специфике национального мышления у того или иного народа, но также особенности их нравственно-правовых ценностей.

Значительная часть паремий (поговорок и пословиц) в русском языке и в языках христианских стран уходит корнями в Библию, несет в себе нравственно-дидактический заряд огромной силы. При том, что паремии библейского происхождения обеспечивают семантический и прагматический универсализм, они значительно отличаются в разных языках от исходного текста. В связи с особыми историческими путями развития России, поздним синодальным переводом Библии, паремии библейского происхождения, бытующие в отечественной традиции, заметно отличаются от таковых в европейских странах. Поскольку со временем паремии претерпевают заметную трансформацию, порой такую, что теряется их первоначальный, в том числе библейский исток, важно выявить и представить этот исток, который способен стать действенным источником духовно-нравственного становления личности школьника.

Итак, рассмотрев исторически в общих чертах представления выдающихся мыслителей древности и современности о значении нравственности в жизни как отдельного человека, так и общества в целом, выделив особую важность формирования нравственно-правовых ценностей, мы показали ту негативную ситуацию в области права, которая сложилась в стране в последние годы. Особенно опасная ситуация сложилась в подростковой и молодежной среде, где во многом под влиянием деструктивных идей и направленных усилий извне происходит не только утрата духовных, нравственных основ формирования личности, но и попрание высшей ценности — жизни, как своей, так и других людей. Поскольку в современном российском обществе начались процессы оздоровления, в том числе и в сфере образования, где в значительной степени формируются нравственно-правовые ценности, представляется не только уместным, но и необходимым оказывать благотворное влияние на процесс воспитания подрастающего поколения через знакомство их с паремиями (поговорками и пословицами) библейского происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш. А. Как живете, дети? — М.: Просвещение, 1991. — 175 с.
2. Аникин В. П. Предисловие. Старинные русские пословицы и поговорки. — М.: Детская литература, 1983. — 32 с.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 1999. — 168 с.

4. Иванов А. А., Малахова С. С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. — 2022. — № 2 (18). — С. 49–56.
5. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору: учеб. пособие для вузов. — М.: Дрофа, 2004. — 336 с.
6. Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество: учеб. для филол. спец. ун-тов. — М.: Высш. шк., 1983. — 448 с.
7. Ксензова Г. Ю. Психологические основы воспитательной деятельности учителя. — М.: Центр «Педагогический поиск, 2004. — 224 с.
8. Кузубова А. Ю. Потенциал влияния нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2021. — Т. 7 (73). — № 4. — С. 313–317.
9. Макаренко А. С. О воспитании / сост. и авт. вступит. статьи В. С. Хелемендик. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
10. Материалисты Древней Греции М. А. Дынник. — М.: Издательство Госполитиздат, 1956. — 240 с.
11. Мы живем среди людей: кодекс поведения / авт.-сост. И. В. Дубровина. — М.: Политиздат, 1989. — 383 с.
12. Полохов Д. Н. Православное понимание нравственности // Труды Саратовской православной духовной семинарии. — 2010. — № 4. — С. 110–158.
13. Потенция А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица, Поговорка. — Харьков, 1914. — 175 с.
14. Рыбникова М. А. Русская поговорка // Избранные труды. — М., 1958. — С. 515–526.
15. Творогов А. Н. Экстремизм. Терроризм. Подросток. — Ульяновск, 2018. — 44 с.
16. Ушинский К. Д. Родное слово // Журнал Министерства народного просвещения. — 1861. — Ч. 110. Май. — С. 90–99.
17. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Русская школа / сост., предисл., коммент. В. О. Гусаковой; отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — С. 249–313.
18. Хомяков А. С. Об общественном воспитании в России // Полное собрание сочинений: в 8 т. — М., 1900. — Т. 1. — С. 350–377.

УДК 264–4

Монахиня Афанасия (Ерохина Ирина Валерьевна),
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
ответственный по работе Молодежно-спортивного
и Паломническо-экскурсионного отделов Монастырского благочиния
Подольской епархии Московской митрополии;
руководитель Духовно-просветительского центра
им. святителя Алексия Московского при Владычнем монастыре г. Серпухова,
mon.afanasia@gmail.com

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦАРСТВЕ НЕБЕСНОМ В ГИМНОГРАФИИ

Настоящая статья рассматривает проблему развития богословской мысли в ветхозаветном представлении о Царстве Небесном в гимнографических текстах древних и современных авторов. Сформированные за многие столетия богослужебные тексты Православной Церкви, отражают глубину богословской мысли авторских трудов подвижников благочестия. Это позволяет переосмыслить концепцию «Царство Небесное» не только со стороны богословских наук, но и через призму гимнографического творчества. Также такой новый взгляд позволит современным гимнографам правильно отразить учение Православной церкви о концепции «Царство Небесное» в своем творчестве.

Ключевые слова: православное богослужение, гимнография, песнотворчество, песнопения подвижного богослужебного круга Православной церкви, Постная триодь, Цветная триодь, Минея, «Царство Небесное».

Nun Athanasia (Erokhina I. V.)

OLD TESTAMENT IDEAS OF THE KINGDOM OF HEAVEN IN HYMNOGRAPHY

This article examines the problem of the development of theological thought in the Old Testament concept of the Kingdom of Heaven in the hymnographic texts of ancient and contemporary authors. The liturgical texts of the Orthodox Church, formed over many centuries, reflect the depth of theological thought in the writings of devotees of piety. This makes it possible to rethink the concept of the 'Kingdom of Heaven' not only from the perspective of the theological sciences, but also through the prism of hymnographic works. This new perspective will also enable contemporary hymnographers to correctly reflect the teaching of the Orthodox Church on the concept of the «kingdom of heaven» in their work.

Keywords: orthodox worship, hymnography, hymnody, hymns of the movable liturgical circle of the Orthodox Church, the Lenten Triodion, the Flowery Triodion, the Minea, the Kingdom of Heaven.

Необходимость изучения концепции Царства Небесного в развитии православной богословской мысли, требует подробного рассмотрения идеи «Царство Небесное», как результата молитвенного Богообщения, которое выразилась в гимнографических текстах Православной церкви. Богослужебные тексты, написанные в первую очередь святыми и подвижниками благочестия, прошедшими путь религиозно-аскетической жизни, способствуют более глубоко осмыслить те основы христианской духовной жизни, которые открыты в Священном Писании. При этом значимость литературных трудов древних и современных авторов гимнографических текстов возрастает по мере развития богословских наук в нашей стране. Сформированные за многие столетия богослужебные тексты Православной церкви, отражают глубину богословской мысли концепции «Царство Небесное», и в частности ветхозаветные представления о Царстве Небесном в гимнографии. Поэтому одним из важных направлений изучения гимнографических текстов, является разработка комплексной модели ветхозаветного понятия концепции «Царство Небесное» на основании исследования православных гимнографических текстов. Для этого, во первых — необходимо определить метод научного исследования, который максимально глубоко и наглядно отобразит концепцию «Царство Небесное» в гимнографических единицах, во вторых — необходимо проанализировать святоотеческое учение о «Царстве Небесном» в Ветхом Завете, в третьих — выявить гимнографические тексты, отражающие сущность учения, и в заключение — построить модель концепции «Царство Небесное» на основании гимнографических текстов.

Для разработки концепции «Царство Небесное» в ветхозаветном понимании был выбран научный метод «Сравнительный метод в ключе концепции», который позволяет делать сравнительный анализ различных идей в наглядной табличной форме, и на основании проведенного сравнения строить различные модели или проводить сравнительные анализы для подтверждения гипотезы, опровержения ее, а также для определения последовательности шагов в исследовании. Так же этот метод удобен при сравнении одной идеи или концепции у разных авторов, а также подключать в комплекс противоречивые идеи для сравнения и создания комплексных моделей. Этот метод имеет 4 последовательных шага:

1. Необходимо провести сбор информации из различных источников в определенной богословской, философской или иной идее исследуемой концепции, которая впоследствии послужит материалом для исследования;

2. Необходимо выстроить по категориям в табличной форме отдельные составляющие предмета исследования, при этом выбирается ключевая идея, как главная мысль для исследовательского изучения;

3. Необходимо провести исследование отдельных частей предмета в рамках ключевой идеи для выявления сходства, различия или последовательности смысловых идей концепции;

4. На основе полученных результатов построить модель конкретной концепции или сделать вывод на основании проведенных исследований взаимодействия литературных единиц.

1. Сбор информации для формирования ключевых идей модели.

Ветхозаветное представление в концепции «Царств Небесное» согласно святоотеческому наследию и библиистике имеют в себе 4 главных периода, а именно сотворение человека «из персти» и «поселение» его в Райских наслаждениях; бытие человека в Эдеме и прямое Богообщение; грехопадение через нарушение «постнической» заповеди, повреждение человеческой природы первородным грехом и приобретение смертности и изгнание из Эдема; жизнь на грешной земле с исполнением Заповедей Божиих данных через пророка Моисея. В связи с этим формирование концептуальных идей можно определить следующим образом: **Рай, как Царство Небесное до грехопадения; Грехопадение и измена Богу, Первородный грех; Реализация греховности, как потери Царства Небесного, приобретение смертности; Заповеди Божии, как возможность войти в Царство Небесное.**

2. Выстраивание гимнографических единиц в акцентировании ключевой мысли.

Для построения ветхозаветной концепции «Царство Небесное» с помощью гимнографических текстов необходимо использовать цитаты из Библии, в качестве ключевых взглядов на данную концепцию, а гимнографические единицы — в качестве сравниваемых, из которых впоследствии будет формироваться модель.

Согласно библейской истории мир творится прекрасным для любой формы жизни. Но главная цель творения мира — поделиться Божественной любовью с венцом Своего творения — человеком. Создание Рая, как храма Божия на земле, в центре которого Алтарь — Эдем, позволило человеку максимально приблизиться в Богообщении к Богу. И впоследствии распространить Божественный Эдем по всей земле.

Рай, как Царство Небесное до грехопадения		
<u>Ключ</u>		
Библия (2:15)	Постная Триодь. (Канон в Неделю Сыропустную)	Служба мч. Юрию Новицкому.
И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его [1].	Ради богáтства благасти, Ты садиши, Создáтелю и Гóсподи, райскую сла́дость во Еде́ме, повелева́я ми наслажда́тися красных и сла́дких, и немимотеку́щих плодо́в [4].	Новое чудо видим и прехвальное, како дивный мученик Христов, смерть от богоборцев приим, в Небесную Церковь радуюся входит, моляся о всех нас [3].

Преображение новосозданного человеческого существа осуществлялось во внутреннем совершенствовании. Это осуществлялось в постоянном Богообщении, и в исполнении единственной Заповеди Божией — не есть плода от древа «...еже разумети доброе и лукавое» [1]. Но будучи совершенным человеком по сотворению, но несовершенным по внутреннему состоянию, свободным по проявлению деятельной и мыслительной части человеческого существа, человеческий «индивидуум впервые определяется как личность, лицо (Person), субъект права» [3, с 232], и самостоятельно принимает решение о нарушении закона перед Богом, вкусив запретный плод.

Грехопадение и измена Богу. Первородный грех.		
<p>Ключ Бытие (3:17) Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о кото- ром Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей [1].</p>	<p>Постная Триодь (Великий Канон преподобного Андрея Критского) Погубих первозданную доброту и благолепие мое, и ныне лежу наг и стыждуся [4].</p>	<p>Служба мч. Юрию Новицкому. Богоро- дичен Пречистую Богоро- дицу, воспоим во псал- мах и песнях хвалеб- ных, Та бо рождеством Христа дарова избав- ление от смерти всему миру [3].</p>

Будучи самореализующимся, человеческий индивидуум, принимает решение не только нарушить Божий закон, но и познав глубину порока, обвиняет Бога в его же совершенном зле, рождая при этом полный разрыв с добродетелью и Богообщением, приобщаясь все больше к знаниям о пороке. Первородный грех рождает не только разрыв с Богом, но и дает всему живому на земле смертность. «Царство Небесное» скрывается в вечности, а человек самореализуется на смертной земле. Концепция «Царства Небесного» полностью меняет свое понимание. Если до грехопадения «Царство Небесное» было постоянным местом самосовершенствования в Боготребывании человеческого индивидуума, то после приобщения злу — концепция «Царства Небесного» меняется кардинально, уходя в духовные сферы пребывания. Человек стал пронизан насквозь грехом, о чем свидетельствует эпизод, об убийстве первенцем прародителей Каином своего брата Авеля всего на всего по зависти, и уже не смог пребывать в Богообщении, т. к. святость и грех два несовместимых понятия.

Реализация греховности, как потеря Царства Небесного и приобретения смертности.		
<p><u>Ключ</u> Бытие (3:17) И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его [1].</p>	<p>Постная Триодь (Великий Канон преподобного Андрея Критского) Яко Ка́ин и мы, душе́ ока́йнная, всех Соде́телю дея́ния скве́рная, и же́ртву порóчную, и непотре́бное жити́е принесо́хом вку́пе: те́мже и осуди́хомся [4].</p>	<p>Служба мч. Юрию Новицкому. Богородичен. ...егда найде грех и озлобление на землю нашу,/ беззаконие восста на добродетель... [3].</p>

Родившись впервые, грех поглотил все мышление человеческого индивидуума. Обосновываясь на грешной земле, он забыл свое предназначение в Богообщении и жизни в «Царстве Небесном» в вечности. Совершенствуясь в пороках общества того времени, забыло Бога, не смотря на серьезные катаклизмы как Всемирный потоп, разрушение Вавилонской башни и появление различных наречий языков. Только через много веков богоизбранный народ под предводительством пророка Моисея получили Божии Заповеди на горе Синай, получая ограничения от греха для реализации ветхозаветной концепции «Царство Небесное».

Заповеди Божии, как возможность войти в Царство Небесное.		
<p><u>Ключ</u> Исход 20: 2–17 Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим... [1].</p>	<p>Постная Триодь (Великий Канон преподобного Андрея Критского) Пове́ржена мя, Спа́се, пред враты́ Твоими, поне́ на ста́рость не отри́ни мене́ во ад тща́, но пре́жде конца́, я́ко Человеколюбец, даждь ми прегреше́ний оставле́ние [4].</p>	<p>Служба мч. Юрию Новицкому. Тропарь. Законоположнику и Творцу всяческих/ истинно послужил еси,/ законоучителю милосердия, святыи мучениче Юрие ...[3].</p>

3. Анализируя гимнографические тексты согласно ключевой библейской мысли, необходимо сделать вывод, что ветхозаветная концепция «Царство Небесное» глубоко отражена в гимнографическом наследии древних и современных авторов и точно передает глубину библейской мысли.

Необходимо отметить, что новозаветные тексты рассматривают ветхозаветную концепцию «Царство Небесное» уже со стороны Воскресшего Спасителя мира, избавившего человеческий индивидуум от повреждения первородным грехом, и соответственно показывают не исход из рая из-за грехопадения, а преобразовав человеческое существо в духовном подвиге «во Христе» восходит в «Царство Небесное».

Так сравнивая тексты Триоди о сотворении мира и человека с текстами из службы мученику Юрию Новицкому становится очевидно в первом случае Бог создает «райскую сладость в Эдеме» [4], в другом случае эту красоту «Царства Небесного» мученик через страдания и исполнение Заповедей Божиих приобретает, становясь святым.

Принимая во внимание важность первого грехопадения человеческого индивидуума, а также обетования о спасении его от греха гимнографические тексты открывают в Триоди удивительные покаянные строки в каноне преподобного Андрея Критского «Погубих первозданную доброту и благолепие мое, и ныне лежу наг и стыжуся» [4]. И в противовес духовного плача появляется реализованное через Богоматерь спасение человеческого общества «Та бо рождеством Христа дарова избавление от смерти всему миру» [3].

Так же библейское повествование, обращая внимание на формирование общества в период после грехопадения, указывает на склонность по отношению к порокам всего общества «Яко Каин и мы, душею окайнная, всех Содетелю деяния скверная, и жертву порочную, и непотребное житие принесохом вкупе: темже и осудихомся» [4]. Новозаветные гимнографические единицы открывают в этой части библейского повествования тайну христианской жизни о последовании за Христом в прощении и христианской любви.

4. Проведя анализ гимнографических текстов древних и современных авторов в соответствии с сотерiologicalким учением и текстологией Ветхого завета, выстраивается ветхозаветная модель концепции «Царство Небесное». При этом необходимо отметить, что современные гимнографические единицы не нарушают традиционный для Русской Православной Церкви строй мысли и текста, при написании своих молитвословий.

Ветхозаветная модель концепции «Царство Небесное» в гимнографических текстах древних авторов:

Ради богатства благодати, Ты садиши, Создателю и Господи, райскую сладость во Едеме, повелевая ми наслаждаться красных и сладких, и немимотекущих плодов => Погубих первозданную доброту и благолепие мое, и ныне лежу наг и стыжуся => Яко Каин и мы, душею окайнная, всех Содетелю деяния скверная, и жертву порочную, и непотребное житие принесохом вкупе: темже и осудихомся => Повержена мя, Спасе, пред враты Твоими, поне на старость не отрини мене во ад тща, но прежде конца, яко Человеколюбец, даждь ми прегрешений оставление.

Ветхозаветная модель концепции «Царство Небесное» в гимнографических текстах мученику Юрию Новицкому современных авторов:

Новое чудо видим и прехвальное, како дивный мученик Христов,

со смертью от богоборцев прием, в Небесную Церковь радуясь входит, молясь о всех нас => Пречистую Богородицу, воспоим во псалмах и песнях хвалебных, Та бо рождеством Христа дарова избавление от смерти всему миру => Егда найде грех и озлобление на землю нашу, беззаконие восста на добродетель => Законоположнику и Творцу всяческих истинно послужил еси, законоучителю милосердия, святой мучениче Юрие.

Сравнительный анализ ветхозаветной концепции «Царство Небесное» по двум разным гимнографическим источникам с одной стороны молитвословия Постной триоды авторами текстов которой явились Христофор Протосигрит и преподобный Андрей Критский, с другой стороны современная служба мученику Юрию Новицкому, показал, что при правильном сборе информации в источниках можно построить тематические модели изучения гимнографических единиц, в разном ключе и понимании, а также сравнить их. В данном исследовании с помощью ключевой мысли проанализирован собранный материал в табличной наглядной форме, что позволило сразу выявить преимущества и недостатки взаимодействия литературных единиц у древних и современных авторов. Также подробный разбор выстроенных гимнографических текстов по научному методу «Сравнительный метод в ключе концепции» позволил повторно проанализировать собранный материал и распознать сходства и различия, на основе которых была построена ветхозаветная модель концепции «Царство Небесное» согласно библейскому повествованию, как главному смысловому ключу.

Построение различных тематических моделей в критериях отдельных богословских идей с помощью гимнографических текстов, является одним из наиболее эффективных способов понимания богослужебных молитвословий на церковнославянском языке в церкви, при написании новых гимнографических текстов, а также при разработке учебных материалов. Практическая реализация модели концепции «Царство Небесное» через гимнографические тексты в Литургической практике будет способствовать духовно-нравственному совершенствованию как священнослужителей, так и христиан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М. Издательство Московской Патриархии, 2010. — 1376 с.
2. Воскресенский С. В., Масленников Д. В. Идея блага и образ правовой теологии в философии религии Гегеля. — СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2021.
3. Мон. Афанасия (Ерохина). Служба мученику Юрию Новицкому. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.academia.edu/95514048/Служба_новому_мученику_Юрию_Новицкому [Электронный ресурс] (дата доступа: 23.01.2023).
4. Триодь Постная. [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/sluzhby-predugotovitelnyh-sedmits/ (дата доступа: 13.06.2023).

УДК 130.2

Железняк Дарья Романовна,
магистрант Северо-Кавказского федерального университета,
soul.darya@bk.ru

**МИФОЛОГЕМЫ «ЧЕЛОВЕКОБОГ» И «БОГОЧЕЛОВЕК»
КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОГО ПОИСКА
«В ЧЕЛОВЕКЕ ЧЕЛОВЕКА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье автор обращается к проблеме художественного поиска «в человеке человека» в художественной антропологии творчества Ф. М. Достоевского: на материале романов «Идиот» и «Бесы». В них Достоевский произвел два величайших антропологических эксперимента при создании образов Мышкина и Кириллова. Писатель в названных романах ищет человека в человеке путями человекобожества и богочеловечества. Обращение к методологии экзистенциального литературоведения дает в данном случае возможность увидеть глубинное родство особого художественно-антропоцентрического метода Достоевского с вектором его мировоззренческих интенций и религиозно-философских исканий.

Ключевые слова: художественно-философская антропология, экзистенциал, «богочеловек», «человекобог».

Zheleznyak D. R.
MYTHOLOGEMES «HUMAN-GOD» AND «GOD-HUMAN»
AS THE BASIS OF ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL SEARCH
«HUMAN IN HUMAN» BY F.M. DOSTOYEVSKY

In this article the author is focused at the problem of searching for «human in human» in the artistic anthropology of F. M. Dostoevsky's literature, based on the novels «The Idiot» and «The Demons». In that novels Dostoevsky produced two of the greatest anthropological experiments in creating the images of Myshkin and Kirillov. The writer in these novels is looking for a person in a person along the paths of human-Godhead and God-humanity. Appeal to the methodology of existential literary criticism in this case makes it possible to see the deep kinship of Dostoevsky's special artistic-anthropocentric method with the vector of his worldview intentions, religious and philosophical quests.

Keywords: artistic-philosophical anthropology, existential, «human-god», «god-human».

Ф. М. Достоевский вошел в отечественную и мировую литературу с новым словом о человеке: данное слово диалогично, многоголосо, иногда молчаливо, но всё оно целиком об одном — о человеке: человеке и мире, человеке и смерти, человеке и вечности и всегда — о человеке «в перспективе Бога» [12, с. 18]. Культура, являющаяся по своей природе символическим событием, всегда восходит так или иначе к мифу о человеке. Миф, по А. Ф. Лосеву, это «в словах данная чудесная личностная история» [14, с. 195]. Так, антропос — есть микротеос «живой жизни» мифа. И эстетика — человекомерна, то есть эстетическое «интересует» не мера вообще, но человеческая мера. Достоевский по-особому актуализировал экзистенциальный аспект в изображении человека, разрабатывая свою художественную феноменологию русского субъекта. Для писателя помыслить о человеке, мире или Боге — значит обратиться к ним с вопросом, поместить их в сферу всеобщего вопрошания, утверждая тем самым личную художественную установку — «найти в человеке человека» [7, с. 65]. В данной работе мы обратимся к двум совершенно особенным героям, представляющим собой интереснейшие антропологические эксперименты писателя: это художественные образы Льва Николаевича Мышкина (роман «Идиот») и Алексея Нилыча Кириллова (роман «Бесы»). Достоевский, обнажая экзистенциальный опыт «предела», идет в этих романах к «человеку в человеке» двумя путями (здесь мы не останавливаемся на образе Страврогина и его inferнальном начале): через «богочеловека» Мышкина и через «человекобога» Кириллова. Хотя к опыту Богочеловечества Достоевский обратится снова и в своем фантастическом рассказе «Сон смешного человека», и в романе «Братья Карамазовы», а опыт человекобожества актуализируется в его творчестве постоянно: он выделяется уже в позиции «подпольного человека», в Раскольникове и, конечно, в образе Великого Инквизитора, явившего собой кризис человекобожеского гуманизма.

Изучение мифологии в литературе, по мнению А. Ф. Лосева, — «важнейшая задача постижения особой природы художественности произведения и творчества писателя» [15, с. 564–566]. Необходимо отметить, что мы понимаем мифопоэтику в нашей работе вовсе не как «условную» схему, устойчивую парадигму миропонимания, но как *архитектоническую* систему координат, где каждому субъекту дано утвердить собственное место в целом эстетического события. Мифологемы являют себя в личностях — через антропологемы. Мы здесь обращаемся к термину «архитектоника», который понимается как структура эстетического объекта, что точно соответствует концепции М. М. Бахтина. Архитектоника не равна структуре текста. Под структурой мы, вслед за литературоведом Ежи Фарино, понимаем ту «внутриреческую взаимоподчиненность всех выделяемых свойств этого текста и его мира и их устремленность к систематике (упорядоченности по определенным критериям) и к взаимосемантизации» [16, с. 47]. А архитектоника имеет отношение к содержанию художественного видения, и ее связь с композиционными, структурными, жанровыми формами имеет детерминирующий характер. Все словесно-эстетическое оформление — и в первую очередь сюжетно-композиционная система, становится выражением творческой рефлексии автора, действующей в ценностном плане эстетического

бытия. На наш взгляд, возможно перенесение данной конструкции на эйдети-ческую теорию для продуктивного ее понимания. Если следовать утверждению Лосева, что «Эйдос — наглядное изваяние смысла», а «Логос — метод этого изваяния...» [13, с. 216], то при переносе данных категорий на эстетический объект и архитектонику выводится следующее: вся полнота художественного слова как Логоса, структурно организованного в художественном целом композицией, нарративом и др., осуществляет событийную жизнь эйдоса, интенционально направляющего всякую динамику развертывания смысла в процессе творческой рефлексии. Лосевский «эйдос» как первое полагание точных пределов смысла, где «до сих пор был только вечно бьющий источник смыслового оформления, но не самое оформление» [14, с. 523]; может быть соотнесен с бахтинским событием эстетического видения, где архитектоника действует как ценностная структура оформленного смысла. Микрокосм эйдоса расцветает символически в эстетическом событии, которое познает себя и бытийно утверждает свои границы в жанре. Итак, рассмотрение художественного произведения архитектурно возможно только при помещении центра внимания исследователя на событийные (в русле философии «события бытия» Бахтина) моменты авторского ответственного «поступания», на герменевтику жанра, понимаемого как способ художественного завершения, на бытие эстетического объекта в его целостном виде.

Обратимся к роману «Идиот» Ф. М. Достоевского и к образу князя Мышкина. Сложность изображения положительно прекрасного «богочеловека» (так как таков в полной мере только сам Христос) в художественном пространстве романа «Идиот» отражается в самой специфике сюжетных коллизий, сходящихся и расходящихся вокруг главного героя. В письме племяннице от 29 марта (10 апреля) 1868-го г. Достоевский заметит: «Идея слишком хороша, а на выполнение меня, может быть, и не хватит <...> идея одна из тех, которые не берут эффектом, а сущностью» [8, с. 292]. Так, сущность идеи — это именно то, на что Достоевский «поставил» в этом романе.

Архетипическая ситуация «пришествия Бога» к людям находит свое выражение в возвращении к «жизни» князя Мышкина, что сопровождается его попытками войти в хаос человеческого существования со своей позицией «для-другого», воплотившись в «земном», человеческом облике. Через особую карнавальную диалогичность героя формируется моноцентризм романа, выраженный в общем структурном движении к Мышкину как к центру всех сюжетных и персонажных линий. Говоря о поэтике карнавала в романе «Идиот», нельзя не отметить его связь со святоотеческим мотивом юродства в феномене «перевертывания», заложенном в субстанциональной амбивалентности природы Мышкина. Важно отметить, что центростремительность структуры романа «Идиот» определена самим замыслом автора о Мышкине как носителе особого «проникновенного» слова о другом.

В мае 1868-го г. Достоевский встречается с тяжелой утратой — во время пребывания семьи Достоевских в Европе умирает его трехмесячная дочь Софья (первый ребенок писателя): «никогда я не был более несчастен, как во все это последнее время», — пишет он А. Н. Майкову [8, с. 302]. Но Достоевский про-

должает работу: 21 июля (2 августа) 1868 г. он напишет: «Работать напрягался ужасно, но не мог: душа нездорова. Теперь сделаю последнее усилие на 3-ю часть. Если поправлю роман — поправлюсь сам, если нет, то я погиб» [8, с. 310]. Состояние писателя может отчасти обуславливать и тот апокалиптический тон романа в последних его частях. Чем ближе к конечной части — тем сильнее развивается в нем трагический пафос потери Бога и мотив всепоглощающей смерти. Если в первой части моноцентризм выступает как структурообразующий композиционный принцип, то во второй части этот принцип постепенно дополняется иным структурообразующим движением — выходом на поверхность множества побочных голосов, деконструирующих одноцентричность художественной структуры. На смену мифологеме «пришествия» в мир живого и бессмертного Богочеловека, вложенной в качестве нравственного основания в образ Мышкина, приходит мифологема «смерти Бога». Миссия князя становится его бременем, взятым поневоле, что по ходу романа развивается в трагическую катастрофу коммуникативной беспомощности «положительно прекрасного человека». Мотив приближающейся потери Бога, символом которой является в произведении картина Ганса Гольбейна, вносит тотальный беспорядок в романский мир и исключает возможность установления того *со-гласного* «порядка вещей», который предчувствовал и искал Мышкин.

Между тем Достоевский напишет Майкову, что 4-я часть романа — вся его надежда: «никогда еще в моей литературной жизни не было у меня ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чем та, которая выяснилась теперь у меня для 4-й части» [8, с. 321]. Поэтому особенно значимой становится динамика смыслоформирующей доминанты «Воскресения», просвечивающейся через образ Мышкина, связывающей «начала» и «концы» романа. В этом смысле Мышкин предстает в романе не просто как модель принципиально невоплощенного богочеловека, но это образ, пронизанный духом «живой жизни», что эйдетически организует ценностную структуру произведения как эстетического объекта и объясняет очевидную «инаковость» героя, граничащую с вземной синтетичностью. Мы сталкиваемся здесь с уникальным голосом-сознанием «вопящего в пустыне», оторванного от почвы, а потому и неспособного полноценно «установиться» этического идеала. Но ни нравственная насыщенность образа, ни внерациональные интенции к богопознанию, имманентно в нем действующие, не спасают героя от катастрофы, так как неукорененность князя в «русском Христе», которого он пытался проповедовать, делает его всюду чужим. Весьма точно описала это Т. А. Касаткина, формулируя главный вопрос романа «Идиот»: «что выйдет у «вполне прекрасного человека», решившего (или рассчитывающего) на рай на земле, если он не Бог» [11, с. 165]. Мышкин — не Христос, потому как сама миссия у Христа иного порядка: Он — воплощенный Богочеловек, несущий Слово, которое не десакрализуется, не профанируется дискурсом человекомерности. Но именно в этой амбивалентности князя, где становится видимым сопряжение складывающегося «идеала» и принципиальной его невоплощенности, абсолютной безусловности Богочеловека и невозможности им в полной мере стать, образ раскрывает свой неизмеримый художественный потенциал.

Раскрытие идеи человекобога по праву принадлежит Достоевскому, и особой апокалиптической остроты эта идея достигает в образе Кириллова, занимающего одно из важнейших мест в характерологии Достоевского, так как решительное «человекобожеское» вопрошание Кириллова требует особого исследовательского внимания. О будущих «Бесах» в письме из-за границы А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. Достоевский писал следующее: «Писал я Вам или нет о том, что у меня есть одна литературная мысль (роман, *притча об атеизме*), пред которой вся моя прежняя литературная карьера была только дрянь и введение и которой я всю мою жизнь будущую посвящаю? Ну так мне ведь нельзя писать ее здесь ... Без России не напишешь» [9, с. 44]. Писателю для будущего романа-трагедии нужна Россия. Как и «идиоту» была необходима Россия, русский Христос без почвы оказался невоплотим.

Кириллов, кристаллизованный через глубину собственной жажды Бога, которого он отчаянно пытался найти не вне себя, а в себе, не выносит абсурда мира, распявшего Христа, и убивает себя во имя грядущего «человекобожества». Угнетенный осознанием неразрешимости абсурда человеческой жизни, где, с одной стороны, «Всё хорошо, всё. Всем тем хорошо, кто знает, что всё хорошо» [5, с. 188], а с другой — «вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке» [5, с. 471]; герой буквально тащит сам себя на смерть. В нем экзистенциальное самосознание доходит до внутреннего предела невыносимости собственного рационально познаваемого положения в мире, и это в нем — несомненно большее, чем просто теория, «мозговой выверт», как назвал это Верховенский. Болезненность, корень которой в непримиримой логике абсурда, просвечивает сквозь образ Кириллова, угнетенного осознанием неразрешимости поставленных им вопросов. Либо душа человека бессмертна, и «живая жизнь» действительно есть, либо все «человеческое» абсолютно условно: Бога нет и все позволено.

Вяч. Иванов понимает «человекобожескую» идею в ее духовной трагичности, в связи с люциферовым духом. Отсюда и его рецепция образа Кириллова, столь привлекавшего других исследователей Достоевского: «обезумев от разрыва всех вселенских связей, он совершает, в пустынной гордыне духа, свою антихристову, свою анти-голгофскую жертву, богочеловек наизнанку — «человекобог» [10, с. 443]. Отношение к проблеме «человекобога» у Иванова было крайне осложненным: отвергая «человекобожеское» начало в его сложившемся виде, он допускал, как и Н. А. Бердяев, возможность трансформации его в свою светлую противоположность.

Кириллов взвалил на себя непосильную ношу — преодолеть абсурд мира своеволием и жертвой. Свобода воли понимается, таким образом, как невыносимая и безысходная обязанность, которую герой сам на себя возложил. Кириллов вводит метафизическую границу, преодоление которой сделает его «человекобогом», но в итоге приводит к некоторому жуткому искажению его природы. Здесь просвечивает имманентная тяга героев Достоевского к антропологической беспредельности, их причастность к типу «Человека Безграничного», который выделял С. С. Хоружий в русле своей теории синергийной антропологии [3, с. 111].

Но Кириллов соглашается умереть «за ложь», тем самым признавая и принимая подавляющую силу того самого «дивалова водевиля». Праведник-самоубийца Кириллов, которого посещают минуты «вечной гармонии» (спасительные минуты амехани, которые даются автором романа именно ему), ищет не трансцендентного Бога, а личную веру. Только она и может спасти его от давления абсурдной логики, а присутствие в таком мире трансцендентного Бога только усиливает абсурдность до предела. В подготовительных материалах к «Бесам» можно встретить запись самого Достоевского о том, что в Кириллове заложена «народная идея — сейчас же жертвовать собою для правды», но «весь вопрос в том и состоит», — пишет он: «что считать за правду» [6, с. 303]. Эта заметка является крайне значимой. Отчаяние богооставленности человекобога привело к искажению образа, к перевертыванию того, что составляет главное, к ошибке в правде.

Обратимся к главной мысли, вынесенной Кирилловым, в то время как его «Бог всю жизнь мучил»; она состоит в следующей фразе: «Вся свобода будет тогда, когда будет все равно, жить или не жить. Вот всему цель» [5, с. 93–94]. Здесь жизнь и не-жизнь оказываются равнозначны, но не в перспективе бессмертия, а в некоторой конечной, смертной перспективе. *Свобода-к-смерти* завладевает всем потенциалом героя, но «человекобожеская» теория оказывается обреченной, и потенциально способный на «жизнь» метафизик Кириллов погибает, постигая торжество смерти субъекта без корня в Божественном. А Христос — Бог живых, Бог бессмертных, Бог свободных-к-жизни. Бердяев пишет о нем: «Свобода Кириллова, пожелавшего стать Богом, кончается страшной, бесплодной гибелью» [1, с. 375]. Кириллов, алчущий обрести Бога и не находящий его, стоит в позиции экзистенциальной разомкнутости к смерти. Наряду с аскетической природой, детской простотой и желанием спасти человечество от «страха смерти», героя раскалывает парадоксальное искажение, которое не дает ему преодолеть абсурдный ужас человеческого существования, лишённого божественного порядка, в пользу того, что «*все хорошо*». «Человекобожеское» искажение природы образа только подталкивает его провозгласить своим самоубийством торжество смерти и никогда уже не дойти до «*живой жизни*», которая в образе кирилловского «листа», в его любви к детям, в молитве «всему», в «минутах вечной гармонии» все-таки блеснула в романе светом своей истинности.

С. Н. Булгаков в своей статье, вошедшей в знаменательный и эпохальный сборник «Вехи», развернул мифологему «человекобога» с точки зрения духовно-религиозного состояния русского народа и русских героев-интеллигентов. Не раз прямо апеллируя и к роману «Бесы», и к «Пушкинской речи», и к творчеству Достоевского в целом, философ проводит границу между спасительным христианским подвижничеством и человекобожеским героизмом, ставящим себя на место Провидения и приписывающим себе «большую ответственность, нежели может понести» [4, с. 73]. И здесь проглядывает образ Кириллова, провозгласившего своим самоубийством торжество одиночества бунтующей человеческой субъектности, мечущейся в бессознательной тоске по Богу: «И эта мятущаяся тревога, эта нездешняя мечта о нездешней правде кладет на нее свой особый отпечаток...» [4, с. 102].

В художественной философии Достоевского над всем сияют «живая жизнь», бессмертие души, Богочеловек Христос, что по сути своей есть одна единая высшая, живая и главная в творчестве писателя идея. Кириллов веру в эту «главную» идею в полной мере обрести не смог, потому что единственно истинного Богочеловека в мире убили, и земная потеря осталась невозполнимой. И это Кириллов понимает абсолютно рационально, смерть Христа лишена у него главного — будущего Воскресения; что не оставляет ему шанса поверить, хотя бы в силу абсурда, и приводит к трагическому, апокалиптическому отказу от бессмертия в пользу вечности, когда «времени больше не будет, потому что не надо» [5, с. 188].

Итак, образы Мышкина и Кириллова в романах «Идиот» и «Бесы» несут в себе отпечатки художественной рефлексии поиска «в человеке человека» Достоевского. При этом, богоискательство и человекоискательство у писателя не просто коррелируют, а взаимно переходят друг в друга: поиск человека в человеке не может быть вынесен вне поиска Бога человеком и человека Богом. Метод имманентной диалектики вскрывает богочеловеческий и человекобожеский пути, детерминируя специфику «тоски по Богу» как экзистенциала в данных художественных произведениях. В обоих образах наличествует сплетение «живой жизни» с эсхатологическим, апокалиптическим началом, и в этой амбивалентности выражается сама суть откровения о человеке Достоевского. Оба рассмотренных нами героя имеют в романах особый эпифанический опыт, обнаруживающий их пороговость. В «Идиоте» центральное место занимает без вины виноватый князь, не готовый к тому, что в человеческую историю раз и навсегда вписан голгофский крест. В «Бесах» появляется идейный Кириллов, не желающий принять этот крест как путь к Спасению человека, а решивший вписать в историю мира свой собственный крест своеволия. Но Бог прорывается в человеке не через невольное бремя миссии, не через своевольное самообожение, а через синергийное должествование — в его человеческом призвании, в его предвечной свободе, которая просто не способна действовать никак иначе, чем творчески проламывая приписывающий всем и вся разум как детерминанту и приглашая его к содействию в рамках живого события-бытия. Используем здесь цитату философа В. В. Библихина: «На молниеносный миг, на мгновение молнии Бог прорывается в человеке, человек распускается в Бога ... через это определяется, что такое человек» [2, с. 225]. Именно в этих «последних», «проклятых» вопросах — судьба человека Достоевского, в творчестве которого никакая идея не может существовать вне становящегося слова о человеке, эстетически воплощающегося в самом его методе художественного философствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. — М.: Издательство «Э», 2016. — 512 с.
2. Библихин В. В. Собственность. Философия своего. — СПб.: Наука, 2012. — 536 с.

3. Богданова О. А. Синергичная антропология как продуктивный метод литературоведческого анализа (на примере повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка») // Новый филологический вестник. — 2012. — № 1 (20). — С. 109–117.
4. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — М.: РИПОЛ классик, 2022. — С. 37–103.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. — Т. 10. Бесы: Роман в 3 ч. / текст подгот. Н. Ф. Буданова. — 519 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — Т. 11. Бесы. Глава «У Тихона»: Рукописные ред. / текст подгот. И. А. Битюгова и др. — 415 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — Т. 27: Дневник писателя, 1881. Автобиографическое. Dubia / текст подгот. и примеч. сост. А. М. Березкин и др. — 463 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. — Т. 28, кн. 2. Письма, 1860–1868 / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто и др. — 616 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — Т. 29, кн. 1. Письма, 1869–1874 / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. — 573 с.
10. Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 4. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. — Брюссель, 1987. — 800 с.
11. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.
12. Касаткина Т. А. Богословие Достоевского: проблемы понимания и описания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). — С. 16–33.
13. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. — М.: Правда, 1990. — С. 195–390.
14. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. — 919 с.
15. Лосев А. Ф. О мифологии в литературе // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / под ред. Е. А. Тахо-Годи. — М.: Водолей, 2013. — С. 564–570.
16. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с.

Курилов Виктор Алексеевич,

кандидат философских наук,

кафедра философии

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«РЕЛИГИЯ И ТРЕЗВОСТЬ»**

Коллективная монография «Религия и трезвость» — это интеллектуальный плод творческого союза исследователей религиоведов и последователей религиозных учений. Благодаря такому концептуальному подходу авторам удалось выразить в тексте нелинейную оптику пестрых актуальных проблем религиозной жизни. Проблемное тематическое поле данной монографии очень разнообразно: от трезвеннического религиозного движения Иоанна Чурикова, этики трезвости Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, трезвого образа жизни последователей Православной Церкви Божьей Матери Державная, нефиитов-пятидесятников в Магаданской области, отношения последователей Бахаи к алкоголю; и до христианских миссионеров в Японии, роли монахов в развитии пивоварения, религиозного фактора в пенитенциарной системе Российской Федерации, проблем атеистического воспитания в Советском Союзе.

Однако, несмотря на такой широкий спектр проблем религиозной жизни общества, изложенных в монографии, авторам удалось сохранить логическую последовательность структуры и целостность содержания.

Понятие трезвость раскрывается как многогранное явление духовной жизни общества, которое в каждой авторской статье эксплицирует одно из своих значений и смыслов. Сущность духовной и телесной трезвости стала для монографии тем семантическим ядром, в орбиту которого притягиваются нарративы авторов.

На наш взгляд, особенно ценно для читателей «Религии и трезвости» знакомство с этическими доктринами малоизвестных для широкой аудитории религиозных объединений. В монографии представлено концептуальное понимание трезвости религиозными учениями Иоанна Чурикова и Иоанна Колоскова (авторы — М. С. Гетто, В. А. Егоров, В. И. Казачков, В. В. Сняжков), Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (авторы — С. Ю. Ангаманов, В. А. Егоров), Православной Церкви Божьей Матери Державная (авторы — М. Ладов, И. Попов), Бахаи (автор — И. Г. Верещагин).

Хотелось бы остановиться на статье последователей учения Православной Церкви Божьей Матери Державная М. Ладова и И. Попова «Трезвенничество как образ жизни в идеологии и практике последователей Православной Церкви Божией Матери Державная». Данный текст посвящён истории и современному состоянию рефлексии аскетического сознания, направленной на абсолютный запрет употребления веществ оказывающих наркотическое воздействие. Авторы особенно подчёркивают, что трезвый образ жизни является не самоцелью, а необходимым условием на пути к религиозному и моральному совершенствованию. При этом М. Ладов и И. Попов проводят терминологическое различие понятий трезвенничество и трезвение. Если трезвенничество выражает медико-биологический аспект природы человека (воздержание от употребления веществ оказывающих наркотическое воздействие на организм человека), то трезвение — это проявление духовной природы человека (воздержание от злых мыслей, слов, поступков и настрой на добродетель). Таким образом, как говорят сами последователи учения Православной Церкви Божией Матери Державная: отказываясь от земного вина, причащаемся небесному».

Безусловно, авторская аргументация в пользу абсолютного отказа от алкоголя носит дискуссионный характер и вряд ли найдёт поддержку среди широких народных масс трудящихся. Более того, даже в среде профессионального медицинского сообщества полный отказ от употребления алкоголя чаще всего критикуется. Если говорить о представителях религиозных объединений, то требование полного отказа от веществ, оказывающих наркотическое воздействие, как правило, развивается в узкой аскетической среде.

Можно соглашаться с антиалкогольной аргументацией последователей учения Православной Церкви Божией Матери Державная, можно не соглашаться с их точкой зрения — это дело личных убеждений.

Однако мы остановимся вот на каком моменте. Дело в том, что согласно мысли авторов, проблема алкоголизма носит исключительно субъективный характер. Люди хотят пить, вот они и пьют. Стоит им не захотеть, бросить употреблять алкоголь и они заживут качественно иной жизнью. Одним словом, всё зависит от воли субъекта. К сожалению, в статье отсутствует анализ объективных условий алкоголизации общества. Конечно, можно всё объяснить кознями врага рода человеческого и уповать на развитие волевых качеств и/или силу молитвы. Но, для нас, основной вопрос можно сформулировать так: почему все знают, что алкоголизм это плохо, но при этом алкоголизм древнейший спутник человечества? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понимать — алкоголизм имеет объективные (независимые от индивидуального сознания основания в общественной среде). Прежде всего, алкоголизм — социальная болезнь: следствие социальной патологии, а не причина морального вырождения личности. Из этого следует: недостаточно волевых усилий индивида по отказу от употребления алкоголя, в первую очередь необходимо изменить социальную среду, преобразовать общественное бытие. Алкоголизм и наркомания — это социальная патология, исцелить которую невозможно без понимания диалектического единства социальной среды и индивидуального сознания.

Очень содержательные статьи, посвящённые региональной специфики распространения и ассимиляции протестантизма: в Японии второй половины XIX века (автор — А. Д. Бертова) и среди автохтонных народов Северо-Востока Российской Федерации (автор — А. И. Поспелова).

Особого внимания заслуживает статья профессора А. И. Поспеловой «Новая реальность протестантизма: борьба с «духом водки» и ревитализация анимизма у неофитов-пятидесятников в Магаданской области». На уникальном материале бытовой религиозности коренных народов Северо-Востока России автор раскрывает динамику религиозного сознания. В центре внимания А. И. Поспеловой миссионерская деятельность протестантских объединений среди коряков. После убедительной аргументации и богатой фактографии автор приходит к выводу, что миссионерская деятельность объединений пятидесятников в гуще автохтонных народов Северо-Востока России привела к ревитализации анимистических верований, которые приобретают формы христианской культовой деятельности, где сакральность шамана переносится на пастора. Наполнение анимистическим смыслом культовой деятельности современных пятидесятников приводит к развитию неошаманизма. Такой процесс можно назвать модернизацией промысловых культов и анимистических представлений автохтонных народов Северо-Востока России, в результате прозелитизма современных протестантских объединений.

Исследование А. И. Поспеловой лишний раз подтверждает научную истину: из религиозного комплекса становятся востребованными только те элементы, которые непосредственно связаны с жизненным укладом общества.

Интересный фокус проблемы трезвости мы наблюдаем в статье «Роль монахов в развитии искусства пивоварения» (автор — М. М. Фатеев). Дело в том, что абсолютизация принципа отказа от алкоголя может развиваться в фанатичное следование букве религиозного учения: поменять местами цель и средство, а дисциплину превратить в самодовлеющую ценность. Об этом и не только, с некоторой долей доброй иронии, пишет автор.

Поскольку религия является подсистемой духовной жизни общества, постольку в религиозном сознании, в превращённой форме, отражаются и конструируются социально-экономические, политические, идеологические проблемы жизни общества. Проявлению и функционированию религиозного сознания в социально значимых сферах посвящены три заключительные статьи коллективной монографии.

Роль религиозного фактора в отечественной пенитенциарной системе исследуется в статье «Религиозный фактор и проблема разрушения тела человека, находящегося в местах лишения свободы» (автор — П. Ю. Белов).

Пётр Юрьевич Белов является «духовным профессионалом» (действующим клириком РПЦ МП) или, если пользоваться советской терминологией, — служителем культа, который хорошо знаком с внутренними проблемами российской пенитенциарной системы в силу своей профессиональной деятельности (тюремного служения). В своей статье П. Ю. Белов приводит ряд интересных наблюдений и рекомендаций по поводу роли религиозного фактора в жизни осуждённых

преступников и сотрудников мест заключения. По мысли автора деятельность представителей религиозных объединений, которую санкционирует государство, может содействовать моральному воспитанию и оздоровлению нравственного климата всех «населенников» мест заключения. На первый взгляд, кажется всё очевидно: заключённый верит, что злоупотреблять спиртными напитками, сквернословить плохо и запрещается предметом его религиозной веры, — поэтому он перестаёт сквернословить и злоупотреблять. Воспитательная задача священнослужителя в такой ситуации заключается в том, чтобы помочь своим подопечным на этом благом пути к здоровому образу жизни и «углубить» их сознательную веру.

Можно согласиться с тем, что священнослужитель может положительно воздействовать на моральное сознание осуждённых и сотрудников мест заключения, не нарушая при этом основополагающий конституционный принцип — свободу совести. Однако в статье не хватает глубокого анализа объективных условий пенитенциарной системы и рекомендаций по исправлению российской исправительной системы. Моральные проповеди в религиозной форме и убеждения, основанные на вере, сами по себе не достаточны для эффективного перевоспитания и социальной адаптации заключённых. Религиозное сознание — это отражение и восполнение должным сущего социальной среды. А из этого следует сама невозможность перевоспитать человека без качественного преобразования его социального окружения. Более того, религиозно окрашенное воспитательное воздействие на сознание «населенников» мест заключения может выработать покорность, смирение перед отчуждёнными социальными силами (всё во власти божьей), привести к утрате веры в собственные силы и развитию иных форм социальной патологии.

С нашей точки зрения, влияние религиозного фактора на моральный климат и физическое здоровье в местах лишения свободы может быть выявлено только после глубокого анализа объективных законов функционирования пенитенциарной системы в условиях современного российского общества. Индивидуальная работа с осуждёнными преступниками и сотрудниками мест заключения (воспитательное воздействие священнослужителя на сознание этих социальных групп риска) — являясь субъективным фактором — должна стать необходимым дополнением для научного изучения роли и значения религиозного компонента в условиях пенитенциарной системы современного российского общества, а никак не его теоретико-методологической основой.

трудностям публичного распространения религиозного учения в нерелигиозной среде посвящена статья «Газета «Трезвый Мир» как пример современного СМИ, посвящённого теме трезвения» (автор — В. В. Сиянков).

Большой теме — политическая идеология и религия — посвящена статья «Атеистическая пропаганда посредством системы здравоохранения в Советском Союзе во второй половине XX века» (автор — В. А. Курилов). Тема трезвости в советский период имеет свою специфическую оптику. Дело в том, что атеистическое сознание рассматривалось официальными идеологами как одна из сторон «трезвого» научного мировоззрения. «Трезвым атеистическим убе-

ждениям» советская пропаганда противопоставляла «опьяняющий дурман» религиозного мирозерцания, от которого, согласно логике этой бинарной оппозиции, и следовало «отрезвить», освободить сознание «нового человека» — строителя коммунизма.

Основываясь на всём вышеизложенном можно сделать следующий вывод — коллективная монография «Религия и трезвость» в целом состоялась. В ходе коллективной работы исследователи религиоведы и последователи религиозных учений стали лучше понимать логику друг друга, а читатели получили возможность узнать много нового и сделать собственные умозаключения.

Будем надеяться, что «Религия и трезвость» — это начало большого пути, смело шагая по которому авторы и читатели сделают немало научных открытий на страницах новых коллективных трудов серии «Религия и тело».

Религия и трезвость / Отв. ред. Егоров В. А. — СПб.: Изд-во АМК, 2023. — 224 с. — (Религия и тело) — ISBN 978–5–94396–257–8

УДК 32.019.51

Иерей Максим Мищенко (Мищенко Максим Александрович),
аспирант Московской духовной академии.
помощник ректора Смоленской православной духовной семинарии
по научной работе,
makekaresus@yandex.ru

ХРИСТИАНСКАЯ МИССИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ РОМАНА ЯКОВСОНА

В настоящей статье представлена аналитика такого современного феномена, как христианская миссия в сети Интернет, в частности, миссионерские практики в рамках платформы «социальных сетей». Основной миссионерский принцип христианской Церкви: Церковь должна коммуницировать с реальной или потенциальной паствой. Сфера коммуникации в настоящий момент сконцентрирована в социальных медиа. Два отдельных положения — настоятельный призыв христианской Миссии и соцсети как центр коммуникативных процессов — образуют логическое утверждение о необходимости пребывания Церкви в социальных сетях. Феномен «церковного блога» оценивается с точки зрения теории коммуникации Р. Яковсона.

Ключевые слова: социальные сети, интернет, христианство, миссионерство, коммуникации, миссия, Церковь.

Mishchenko M. A.

CHRISTIAN MISSION IN SOCIAL NETWORKS FROM THE POINT OF VIEW OF THE THEORY OF COMMUNICATION BY ROMAN JAKOBSON

This article presents an analysis of such a modern phenomenon as the Christian mission on the Internet, in particular, missionary practices within the platform of «social networks». The main missionary principle of the Christian Church: The Church must communicate with the real or potential flock. The sphere of communication is currently concentrated in social media. Two separate provisions — the urgent appeal of the Christian Mission and social networks as the center of communication processes — form a logical statement about the need for the Church to be in social networks. The phenomenon of the «church blog» is evaluated from the point of view of R. Jacobson's theory of communication.

Keywords: social networks, Internet, Christianity, missionary work, communications, mission, Church.

Введение

Современная христианская Миссия столкнулась в настоящее время с глобальной проблемой. Возникла необходимость сформулировать стратегию миссионерского служения в медиапространстве современной цифровой культуры. «Великое поручение» Господа Иисуса Христа (Мф. 28:19–20) является безусловным миссионерским императивом для последователей христианской Церкви. Церковь обязана коммуницировать с реальной или потенциальной паствой. Если масштабный сегмент коммуникаций сосредоточен в области социальных медиа, следовательно, христианская Миссия должна полноценно присутствовать в означенной сфере. Но область социальных сетей далеко не так однозначна и однородна.

Сформировалась уникальная коммуникативная ситуация, предопределившая постановку вопросов относительно присутствия христианской Миссии в социальных сетях [см. 9]. Насколько необходима строгая регламентация деятельности православных миссионеров в цифровом пространстве социальных сетей? Разве тематические сообщества или православные группы в ведущих социальных сетях не интегрировались полноценно в сетевую субкультуру и не заняли собственную нишу с лояльной аудиторией? Стоит ли полностью перенести институт христианской Миссии из режима «офлайн» в «онлайн»? Ответы на данные вопросы возможны лишь при детальном описании текущего поведения воцерковленных христиан в плоскости социальных сетей.

Прежде чем выстраивать структурированную стратегию миссионерской деятельности в сетях, надо понимать, не способствует ли коммуникативная платформа как таковая изменению классической миссионерской традиции. Оказывает ли сетевая культура негативное влияние на облик христианской Миссии? Со стороны некоторых консервативных клириков исходит резкое неприятие Миссии в социальных сетях и нравственное порицание чрезмерной увлеченности молодого священства средствами цифровой коммуникации. В глазах «умудренного сединой» священства молодое поколение священнослужителей чересчур пристрастилось к сетевой субкультуре с ее «мемами, лайками, репостами» и не сумели преодолеть соблазна современного «цифрового обмирщения». Насколько этот отеческий упрек оправдан и не является ли он ретроградным морализаторством? Является ли интуитивное прозрение глобальной смены классического миссионерского подхода ввиду влияния сетевой платформы действительным? На этот вопрос мы попытаемся ответить, основываясь на теоретических исследованиях в области коммуникации за авторством отечественного лингвиста Романа Якобсона (1896–1982) [2, с. 636].

Теория коммуникативных актов Р. Якобсона

Роман Якобсон — одна из ключевых фигур в лингвистике 20 века, повлиявшая на развитие современной теории коммуникации. Взяв за основу классическую прагматистскую теорию знака, выдвинутую американцем Пирсом, Р. Якобсон построил общую модель коммуникации и коммуникативного акта [6, с. 193–231]. Примечательно, что такие классики лингвистики прошлого века, как

Соссюр, интересовались статичным состоянием языка; язык как система регул (правил), социально утвержденных [см. 5]. Р. Якобсона заинтересовал язык в своей динамике — т. наз. речевая деятельность. Им была введена усовершенствованная модель коммуникативного акта, характеризующаяся большим эвристичным потенциалом. Стоит отметить, что эта модель тоже грешила спекулятивностью и не до конца отражала весь спектр функций и значений коммуникации, всю сложность коммуницирования. Для Р. Якобсона была важна ситуация идеального коммуникативного акта, предполагающая возможность полноценного понимания сообщения как назначения коммуникации. Но ученый, конечно же, знал, что идеальное понимание возникает при соблюдении нескольких условий, доводящих реальную ситуацию до условной абстракции [6, с. 194–195].

Идеальное понимание возможно при использовании одного кода (языка), наличии идентичного опыта (памяти) между отправителем и реципиентом, существовании единственного, или общего, контекста. В конечном итоге, идеальная коммуникация напоминала программируемый код, протокол команд и указаний, что скорее было не коммуникативной вершиной, а одной из вариаций сложной системы коммуникативных актов. В дальнейшем было продемонстрировано, что процесс понимания связан с использованием сложнейшей системой динамичных кодов, отчего адекватное толкование сообщения всегда будет смещаться, то есть не будет до конца идеальным, чистым. Кроме того, известно, что даже язык программирования как язык четких команд все равно не приводит к чистой коммуникации, идеальной ситуации сообщения (баги, вирусы, и пр.).

Для нас важен не поиск идеальной коммуникации, а введенная Якобсоном структура коммуникативного акта. Структура любого сообщения предполагает наличие фундаментальных компонентов: адресант (отправитель); сообщение: контекст (содержание, референт, информация), канал (платформа, тот физический, психологический контакты между актерами), код (язык); адресат (получатель) [6, с. 198].

Надо заметить, что, хотя любое сообщение структурно несет в себе все компоненты, в определенных речевых ситуациях какой-то из компонентов находится в «спящем» состоянии, что называется на «нулевой степени». Исходя из превалирования в конкретной ситуации коммуникативного акта какого-то элемента структуры, Якобсон вводит понятие «функций языка». Когда в структуре сообщения один элемент довлеет над остальными, мы наблюдаем конкретную языковую направленность, особенную функцию коммуникации. Конечно, в реальной речи мы сталкиваемся с такими ситуациями, когда сообщение несет не одну, а несколько функций [6, с. 198].

Шесть языковых функций и их проявление в блогосфере

В традиционной модели языка, особенно четко описанной К. Бюлером [7, с. 19–90], различались только эти три функции — эмотивная, конативная, референтная. На основании авторской структуры коммуникации Р. Якобсон маркировал уже шесть языковых функций [6, с. 203]. Обратимся к их подробному описанию.

Эмотивная концентрируется на отправителе; несет в себе экспрессивное назначение как выражение определенных чувств, настроенности реципиента [6, с. 198–200]. Идеальное эмотивное сообщение состоит из междометий, эмоционально окрашенных знаков. Дает возможность произвести впечатление. Именно эта функция связана с субъективной информацией, отвечает за эмоциональный окрас любой коммуникации. Вся художественная литература определяется не только поэтической функцией, но и эмотивной, ведь беллетристика пытается раскрыть душу, создать индивидуальный образ, вызвать определённые эмоции. Интересно, что эмотивная функция в пределах интернета более всего реализована в социальных сетях и у блогеров. Социальные сети ввиду своего функционала предполагают детальную субъективизацию (индивидуализацию) образа. Именно посредством аккаунта и его информационного наполнения современный человек демонстрирует свою идентичность. А к примеру, качественный блогер дает максимально индивидуальную («живую») картинку, предельно субъективируя свой образ. Сам функционал социальных сетей, их платформенная особенность, состоящая из сотни ползунков, где конкретизируются различные параметры «жизненного мира» — их первичное коммуникативное ядро. То есть любой пользователь соцсетей, исходя из платформенной специфики, максимально субъективно себя репрезентирует. И соответственно самое нейтральное пользовательское сообщения будет окрашиваться в эти личностные тона на базовом уровне.

Конативная (апеллятивная, или усвоения) связана с выделением получателя (адресата) [6, с. 200–201]. Это — призыв, императив. Он располагается вне логической двойственности истинного-ложного. Любая религиозная проповедь маркирована этой функцией, ведь гомилия — это божественный вдохновенный вызов, призыв к действию или моральному выбору. Просто исходя из того, что религиозный дискурс императивен в своей сути, он не подлежит научной критике, ведь функционирование религиозного языка апеллирует к внелогичным формам.

Коммуникативная (референтная) акцентирует свое внимание на самом содержании сообщения. Она сконцентрирована на контексте, или референте, коммуникации. Повседневная речь в своем прикладном, прагматичном аспекте основывается именно на этой языковой функции.

Фатическая определяется самим каналом или инструментом передачи сообщения [6, с. 201]. Она связана с самой возможностью сообщения и способом ее реализации. Фатическая функция занята самим наличием сообщения: налаживание или прерывание коммуникации, проверка канала (платформы) коммуникации. «Именно фатическая функция языка является единственной функцией, общей для них и для людей. Эту функцию первой усваивают дети; стремление вступать в коммуникацию появляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения» [6, с. 201].

Мы используем громадный спектр различных сообщений (диалоги, риторические формулировки), которые пытаются выполнить одну задачу — контроль и регулирование коммуникации как таковой. Эта функция, кстати, объединяет

нас с говорящими птицами (поддержка коммуникации как таковой). Общеизвестно, что дети в своем языковом развитии начинают именно с этой функции. Именно в социальных сетях усиливается значение фатической функции, ведь большая часть сообщений состоит именно из этих риторических форм «взаимного поглаживания». Важно отметить, что в сетевом мышлении фатическая функция преобразуется и усовершенствуется в принцип «лояльности». В данном случае акцент смещается: простой поддержки или установки контакта недостаточно, необходимо вовлечение адресата, закрепление его на определенном канале.

Функционал (комментарии, лайки, репосты), таким образом, не только обеспечивает обратную связь, но и гарантирует глубокое включение в работу контакта, канала. В конечном итоге, некогда господствующая, референтная, функция сменяется фатической; по причине господства социальных сетей и их функционала. Для усвоения или популяризации определенного сообщения требуются совершенно иные, отличные от классических, требования, связанные с усовершенствованием фатической функции. То же самое касается и миссионерской проповеди в сетевых сообществах; она будет индивидуализироваться, при этом уровень ее успеха будет зависеть не от качества содержания или мастерства подачи, а исходя из степени вовлеченности аудитории, фиксированности публикации на определенном контакте, источнике, адресанте.

Метаязыковая как раз занята идентичностью высказывания, поиском точных формулировок [6, с. 201–202]. Надо помнить, что это не просто узкая сфера «языка о языке». Метаязыковая функция возникает в бытовой речи в каждый момент, когда возникает ситуация непонимания, когда референтная функция заводит коммуникацию в тупик. С этого и начинается прощупывание, проверка самого кода; насколько правилен и адекватен используемый язык.

Поэтическая сосредоточена на самом сообщении как таковом, не опосредованная референтом, контактом или адресатом [6, с. 202–203]. Самое интересное, что вершина религиозного дискурса совмещает в себе типично конативную и, как ни странно, поэтическую функцию языка. Для примера, библейские Псалтырь, «Песнь песней», или классические мистические трактаты Святых отцов (Григорий Богослов, Симеон Новый Богослов). Якобсон считал, что везде, в любом речевом акте, где существует самая элементарная стилизация, уже наличествует поэтическая функция.

Как же критиковали теорию языковых функций Р. Якобсона авторитетные исследователи? Советский семиотик Ю. М. Лотман оспаривал модель Р. Якобсона, указывая на то, что коды двух людей не могут быть абсолютно идентичны, при этом язык не может быть рассмотрен отдельно, его следует рассматривать как код с присущей ему историей. Согласно Ю. Лотману при полном совпадении кодов, то есть взаимно однозначном соответствии сказанного и воспринятого, потребность в коммуникации исчезла бы, а процесс коммуникации превратился бы в передачу команд [4, с. 186–189]. В работе «Реквием по масс-медиа» французский мыслитель Жан Бодрийяр поддерживает модель коммуникативных актов за авторством Р. Якобсона, считая его теорию объективной и научной,

но поясняет, что она «довольствуется формализацией эмпирических данных, абстрагированием от очевидного и от переживаемой реальности, то есть от идеологических категорий, используемых для объяснения определённого типа социальной связи — того, в котором один говорит, а другой — нет, в котором один имеет право на выбор кода, другой же — свободен единственно подчиниться ему или уклониться» [1, с. 213].

Действие языковых функций в церковном блогинге

Все из перечисленных элементов коммуникативного акта теории Р. Якобсона в современной сетевой культуре получили необходимую модификацию, а соответственно и сами функции языка были подвергнуты видоизменениям. Прежде всего, трансформация коснулась эмотивной и фатической функций. Господство референтной и конативной функций подвергается сомнению. Кроме того, на основании указанных изменений можно подтвердить правоту классического маклюэновского выражения «средство коммуникации есть сообщение» [см. 3], даже несмотря на то, что самой* максиме М. Маклюэна уже более полсотни лет и она сама за этот небольшой пережил времени пережила новую («цифровую») коммуникативную революцию. Коммуникативные средства действительно не только способствуют изменению содержания, но и сами претендуют на роль сообщения.

Итак, на коммуникативную сцену выдвигаются, как уже говорилось, раздвигающиеся — фатическая и эмотивная. В действительности, тот расцвет электронных социальных сетей обязан усилению этих функций, и наоборот, без всеобщей увлеченности сетевой сферой мы бы не увидели того доминанта эмотивной и фатической функций. Тот же самый религиозный (миссионерский) дискурс, основывающийся на конативной и референтной функции, в социальных сетях трансформируется, сообразуясь с протоколами эмотивной и фатической.

Образ безвестного проповедника-пророка, декларирующего Божью весть и призывающего к моральному выбору (нравственный императив конативной функции), в ответ на реальную проблему этического падения, социального разложения (референтная функция), уходит в небытия, подменяется иной фигурой. Это фигура конкретного пользователя, индивидуализированного персонажа, где фундаментально анонимная декларация-весть (Люби! Покаяйся! Верь!) максимально приватизируется, оказывается симптоматикой ограниченного круга детализировано прописанных персонажей. Происходит смещение с процесса усвоения Декларации на состояние вовлеченности в канал связи с адресантом Декларации.

Потребители сетевого контента на интуитивном уровне не фокусируются на содержании (референте) проповеди, но сосредотачиваются на каналах-контактах ее передачи, концентрируясь на личностных аспектах, индивидуализированных чертах отправителя. Учитывая сложность сетевого мышления и коммуникативного поведения в цифровой культуре, когда у стандартного пользователя насчитываются десятки или сотни каналов общения, и коммуникативный опыт связан с рецепцией множества разно адресных сообщений,

возникает весьма противоречивая, даже абсурдистская картина. Именно оттуда идет такое расхожее понятие, как «клиповое мышление», ведь именно в контексте пролиферации коммуникативных каналов сообщения должны приобретать специфические черты, направленные на ускорение, лаконичность, понятность. В действительности, наш коммуникативный опыт насчитывает множество специфических связей и контактов, имеющих исключительно фатический характер. Мы также крепко вовлечены в какие-то специфические индивидуализированные каналы, где господствует эмотивная функция. Можно ли в подобных условиях говорить о нашем богатом коммуникативном и духовном «экспириенсе»?

Оказывается, что среднестатистический сетевой христианин и его коммуникативный опыт в большей степени состоит из специфических маркеров, закрепляющих нас к определенным кругам или сообществам, индивидуализирующих нас до статуса центра притяжения конкретных черт и характеристик. Все меньше — референтного, и больше — фатического. В сетевых сообществах нет анонимного христианства, ищут сугубо индивидуализированные и популяризованные опыты его изложения и коммуницирования с ним: от Осипова, Бабкина, Островского, Ткачева, Кураева. В этом и заключается содержательные трансформации христианского дискурса ввиду инструментального давления принципов и формата сетевых платформ.

Заключение

Влияние блогеров на интернет-пользователей в РФ, для которых сетевая культура в значительной степени заменил традиционные средства массовой информации для получения новостей, растет максимальными темпами. Появилось целое новое поколение молодых городских блогеров, способных донести свои видеоролики и текстовые посты до миллионов людей. YouTube и прочие социальные сети стали важнейшим источником контента в российском сегменте Интернета. Безусловно, самый популярный контент связан с развлечениями, рэп-баттлами, комедийными шоу, музыкальными обзорами, техническими руководствами, исследовательскими экспериментами и подростковыми «челленджами», а не с политическими и социальными вопросами, не говоря уже о профессиональной проблематике. Однако мнение церковных блогеров становится важным и для простых верующих, принадлежащих к Русской Православной Церкви в современной России. Самый популярный контент, содержащий материалы о русском Православии, был создан не медиакорпорациями, религиозными организациями или профессионалами в области СМИ, а блогерами, которые комментируют новости, выражают свое мнение о текущих событиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. — С. 194–226.

2. Иванян Э. А. Якобсон Роман Осипович // Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. — М.: Международные отношения, 2001. — С. 636.
3. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — М.; КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. — 462 с.
4. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — С. 186–189.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. яз. под ред. А. А. Холодовича; ред. М. А. Оборина; предисл. проф. Н. С. Чемоданова. — М.: Прогресс, 1977. — 696, [2] с.
6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–231.
7. Bühler K. Die Axiomatik der Sprachwissenschaft, «Kant-Studien». 38, 1933, S. 19–90.
8. Sapir E., Language, New York, 1921.
9. Stahle H. Russian church in the digital era: mediatization of orthodoxy. — Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2021.

УДК 1(091) (495)

Савинов Родион Валентинович,
кандидат философских наук, доцент
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
savrodion@yandex.ru

**«ВЕРШКИ» И «КОРЕШКИ»:
ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ «ФИЛОСОФИИ»
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Работа рассматривает проблему изучения т. н. «византийской философии» в русской историографии XX века. Показано, как, начиная с 1930-х гг., формируются различные подходы к осмыслению этого феномена, как в различных моделях определяется место философии в византийской культуре и интеллектуальном пространстве. Последними по времени значимыми подходами обозначены разработки В. М. Лурье и Г. Каприева, которые сопоставляются друг с другом. Показаны как сильные, так и слабые стороны этих подходов. Намечены ключевые возможные аспекты продолжения изучения византийской мысли, указаны основные методологические требования для дальнейших шагов.

Ключевые слова: византийская философия, богословие, патристика, средневековье, методология, историография, институционализм

Savinov R. V.

**«TOPS» AND «ROOTS»: THE PROBLEM OF METHODOLOGY
AND PROSPECTS FOR THE STUDY OF BYZANTINE «PHILOSOPHY»
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

The work considers the problem of studying the so-called «Byzantine philosophy» in Russian historiography of the 20th century. It is shown how, starting from the 1930s, various approaches to understanding this phenomenon have been formed, how the place of philosophy in Byzantine culture and intellectual space is determined in various models. The most recent significant approaches are the developments of Vadim Lurie and George Kapriev, which are compared with each other. Both strengths and weaknesses of these approaches are shown. The key possible aspects of the continuation of the study of Byzantine thought are outlined, the main methodological requirements for further steps are indicated.

Keywords: Byzantine Philosophy, Theology, Patristics, Middle Ages, Methodology, Historiography, Institutionalism

Одной из актуальных историографических проблем в настоящее время является проблема т. н. «византийской философии» как специфической формы интеллектуальной культуры, присущей грекоязычным и негрекоязычным регионам Восточно-Римской империи, а впоследствии — Византии. Аналогичные попытки осуществлялись и осуществляются и в российской науке. Доклад посвящен проблеме подходов, которые могли бы способствовать развитию дальнейших исследований данной темы.

1. Формирование самостоятельных моделей византийской интеллектуальной культуры относится к 1930-м гг. С одной стороны, этот шаг предпринят А. Ф. Лосевым, с другой стороны — Г. В. Флоровским. Фундаментом этих трактовок становится вопрос об интеграции философского античного наследия в новую христианскую духовность — характер этой интеграции и определяет «византизм».

1.1. Исходный тезис А. Ф. Лосева заключается в отрицании возможности синтеза между античным и христианским мировоззрением.

«Быть может, наиболее любопытную параллель надо провести между *орфически-дионисийскими воззрениями и христианскими*. В последнее время различные ученые много говорили о связи христианства с этими культами и верованиями, доходя до полного отождествления той и другой религиозной стихии. *Это нужно считать прямо близорукостью и наивностью...* Платонизм с этой точки зрения есть сплошная «прелесть». И тут не может быть никакого сравнения с христианством, основанным на мистике и умозрении действительно чистого духа» [5, с. 73, 76].

Этот общий тезис получает дальнейшую разработку в указании на три анафемы, которым подвергается платонизм, воплощающий для Лосева всю античную картину мира, и отторжение этого наследия от христианского миропонимания [5, с. 860–873]. Таким образом, в модели Лосева не может быть и не существует никакого «патристического синтеза», есть только противодействие христианства и язычества, тогда как пути христианского богословия вели в направлении, исключающем крупные синтетические построения, подобные философским синтезам платонизма или аристотелизма [6, с. 55–64]. Максимум, который готов был признать Лосев, это то, что каппадокийцы «от античной неоплатонической диалектики, хотя зависимость эта, как мы видели, только формально понятийная, структурная, но никак не зависимость по содержанию, то есть не зависимость содержательно-личностная» [6, с. 55–64].

1.2. Противоположную модель развивал *прот. Г. В. Флоровский*, который, продолжая развитие в русской богословской науке патрологические модели, выдвинул идею существования в истории христианской мысли определенных авторитетных комплексов идей — «синтезов», которые связывают между собой, с одной стороны, противоположные богословские тенденции, с другой стороны,

все более интегрировала античное наследие в христианскую культуру. Развивая, как было сказано, патрологическую модель, Флоровский отмечает, что богословские и философские проблемы оказываются иницированы вероисповедными формулировками, которые создавались на вселенских соборах. И обозначенные на соборе формулы, давая начало дискуссиям, затем становятся основой для теологического синтеза, дающего начало следующему этапу развития богословского сознания. Первый Вселенский собор дал начало дискуссиям, которые привели к каппадокийскому синтезу и его легитимации на Втором Вселенском соборе. Следующим рубежом стал Халкидонский собор, который поставил вопросы христологии и антропологии, а также обозначил начало нового периода — византийского, развивающего новые темы.

«Халкидонским собором кончается история православного александринизма и православного антиохинизма, и начинается новая богословская эпоха, — эпоха византийского богословия. И в нем претворяется в целостный синтез многообразное предание прошлого. Как и в эпоху арианских смут, церковное решение предваряет богословский синтез. Как Никейским собором только открываются троические споры, так и теперь Халкидонский собор открывает, а не замыкает христологический период в богословии. О Халкидонском вероопределении также спорят, как спорили о Никейском символе: это только темы для богословия, — и правило веры должно раскрыться в творческий и умозрительный *богословский синтез*» [11, с. 7].

Однако, пути формирования этого синтеза были различны:

«В VI-м и VII-м веках кристаллизуется церковная культура... Творческое напряжение чувствуется в неких глубинах. Оно яснее в аскетике, чем в богословии. Но из нового аскетического опыта рождается новый богословский синтез, новая система. Она открывается пред нами в творениях преподобного Максима. Именно он, а не Дамаскин, подводит творческие итоги раннего византийского богословия. Этим и объясняется его мощное влияние в последующие века... Теократический синтез в стиле Юстиниана оказался двусмысленным и преждевременным. И он распадается» [11, с. 42].

2. Развитие византинологии и исследований византийской мысли как в русском зарубежье (арх. Киприан (Керн), прот. Иоанн Мейендорф и др.), так и в Советском Союзе (С. С. Аверинцев, В. В. Бычков, И. П. Медведев, Г. М. Прохоров и др.) показало, что лосевская трактовка византийской культуры как модели, противостоящей античности, не была поддержана и не получила продолжения. С другой стороны, определенное ограниченное значение имела и трактовка прот. Г. В. Флоровского, направленная на выявление интеллектуальных «синтезов» и их актуализацию уже в современных условиях (концепция т. н. «неопатристического синтеза»). Вместе с тем, сложились противоречивые подходы к трактовке византийской культуры вообще, что оказывало влияние и на понимание философии в ней.

2.1. Развитие идей «неопатристического синтеза» в русском зарубежье в результате ряда преобразований приходит к идее глубокой культурной связи византийского и европейского миров, что было с особой силой сформулировано арх. Киприаном:

«Если говорить о духовной культуре и просвещении византийском вообще и о культурном значении изучаемого нами Паламы, в частности, то было бы неправильно рассматривать это вне европейского культурного фона. Не следует выделять византийский мир, как бы он ни был своеобразен, из общего контекста европейской культуры. Бесспорно, и об этом достаточно говорилось выше, Византия стоит, благодаря своему внутреннему ладу и своей истории, несколько особняком от западноевропейской культуры, но эту обособленность не следует чрезмерно заострять и воздвигать между этими двумя культурами непроницаемую стену. В истории средневековой культуры и в особенности в духовных исканиях Византии и Зап. Европы не только нет совершенной отчужденности, а, наоборот, существует между ними тесная связь. Несмотря на разницу культур, уже достаточно к XI–XII в. в. обозначившуюся, несмотря на психологически-вероисповедную рознь и взаимное отталкивание, образованные умы и Запада, и Востока жили одними и теми же интересами и искали в том же направлении» [4, с. 42].

Несомненно, в этом можно было бы видеть своеобразную «апологию» византийской духовности как на фоне более критичных исследований сер. XX в. (Татакис, Престиж, Вольфсон и др.), так и по сравнению с трудами представителей «Новой теологии», которые искали в греческих работах собственное прошлое. Это предопределило своеобразный результат данного развития: почти полную интеграцию византинологического дискурса в патрологию в трудах *о. Иоанна Мейендорфа*. С одной стороны, в ряде трудов [9, 10] он не выделяет византийскую эпоху как особую проблему патрологии, однако, в своем «Византийском богословии» [8] предлагает в целом этот этап развития православного Предания как единый и внутренне цельный синтез.

2.2. В параллель этому направлению развивалась модель, представленная рядом советских историков и философов, прежде всего, С. С. Аверинцевым и В. В. Бычковым. Для С. С. *Аверинцева* Византия — это, прежде всего, особое коммуникативное пространство, топос, где люди по новым принципам организуют жизнь и свое отношение к миру. Византия стояла на фронтире средневекового мира, она открывает эту эпоху — ее эпоху! — и с завершением ее истории в 1453 г. мы получаем право говорить о завершении Средних веков вообще. С ней уходят организованность общественного пространства на основах гармонии церкви и царства (симфония) и христианского универсализма (синтез). В целом ряде различных работ им обосновывается мысль, что византийская мысль образует единство с целым средневековой словесности, и формирует единый культурный фон, отражающий подъемы и спады социального и политического бытия Византии. С другой стороны, для *В. В. Бычкова* византийская мысль

является частью еще более широкого культурного, преимущественно эстетического, понимания действительности, в котором «эстетическое выступает, таким образом, некой универсальной характеристикой всего комплекса неутилитарных взаимоотношений человека с миром, основанных на узрении им своей изначальной причастности к бытию и к вечности, своей гармонической вписанности в Универсум» [2, с. 9]. Таким образом, эстетика (в лосевском духе) выступает в качестве универсального культурного пространства, в котором могут встретиться любые артефакты, способные удовлетворят выдвинутым критериям.

2.3. Таким образом, в обоих направлениях исследования византийской интеллектуальной культуры, при всех несомненно выдающихся и чрезвычайно значимых результатах, проявила себя тенденция редуцировать своеобразие интеллектуальной, в частности, философской проблематики к различным сопутствующим философии формам культуры: богословским вопросам, образованности, литературной деятельности или формированию культурных ценностей. Примечательно, что обе тенденции будут говорить о «синтезе» (о. Иоанн Мейендорф [10, с. 133–134], В. В. Бычков [2, с. 7]), понимая под ним момент полной внутренней интеграции различных элементов и тенденций. Наряду с этим, растет количество исследований, которые обозначают некоторые феномены, несводимые к словесности, эстетизму или образованности (работы Д. С. Курдыбайло, Г. И. Беневича, Л. Г. Тоноян и др.). Это на новом уровне ставит вопрос о методологии и объекте изучения византийской интеллектуальной культуры и, в частности, ответа на вопрос о присутствии в ней философии.

3. В качестве ответа на эту проблему, которая волнует не только российское исследовательское сообщество, появляются почти одновременно два исследования: «История византийской философии. Формативный период» В. М. Лурье (2006) и работа болгарского исследователя Георгия Капривея «Византийская философия. Четыре центра синтеза», изданная в 2001 г. и ставшая почти спустя два десятилетия доступной в русском переводе Г. В. Вдовиной (изд. *Теоэстетика*, 2022). В настоящее время, наряду с работами ранее упомянутых исследователей, это ключевые модели, которые задают и определяют актуальные подходы к исследованию византийской интеллектуальной культуры. По своему характеру они представляют собой противоположности, которые условно мы можем обозначить как «корешки» и «вершки».

3.1. Подход, разработанный В. М. Лурье, основывается на подразумеваемой повсюду критике классической модели «синтезов», который должен был бы совмещать контрасты и устранять противоречия, создавая некую авторитетную целостность. Прежде всего, он отказывается признать существование философского синтеза: в Византии было две философии — «античная», бытовавшая как часть образованности (Аристотель и Платон), и «христианская», которая опиралась на базовые догматические формулировки и была «служанкой богословия». Автор полагает наиболее значимым именно этот второй тип философии, который, по его оценкам, пережил Византию на два столетия. Далее, автор утверждает, что формирование идей и различных концепций не носило целенаправленного характера поиска синтеза и примирения противоречий. Ключевые тенденции

складываются из единичных столкновений и дискуссий, компромиссов и критики, которые богословы адресуют не только и не столько преданию, сколько друг другу. Поэтому интеллектуальное пространство Византии складывается из огромного числа переплетений и взаимосвязей, напоминающих громадное корневище, на котором вырастает, по мнению В. Лурье, православное церковное сознание, стержнем которого оказался преп. Максим Исповедник — создатель «новой онтологии» и нового языка богословия [7, с. 348]. Стоит привести и еще одну цитату: «Если мы хотим изучать процессы развития богословской мысли (которая, в отличие от богооткровенной истины, всегда развивается и это развитие имеет историю). Нам необходимо изучать кинетику этих процессов. Значит — необходимо внимательно изучать все нестабильные и переходные доктрины...» [7, с. 536]. Его модель, поэтому, можно обозначить как модель «корешков».

3.2. Примечательную параллель к этой концепции образует модель и методология Георгия Каприева, которую мы можем назвать моделью «вершков». Следуя классическому определению, данному еще Флоровским, формирование «византизма» он помещает в период IV–VI вв., завершая его становление кодификацией Юстиниана, которого, однако, он оценивает в целом позитивно. Ключевая особенность формирующихся в этот период тенденций — установление внутренних связей между разнородными культурными тенденциями, поэтому классические дихотомии, по Каприеву, не работают в случае «византизма». С одной стороны, «философия и теология находятся в непосредственном контакте и взаимозависимости. Нет автономной философии, как нет автономии ни у какого знания, нацеленного на богопознание» [3, с. 36]. С другой стороны, «византиское богомыслие и патристика — не следующие друг за другом феномены, они не разделены никаким временным разрывом» [3, с. 32]. Эти связи, согласно Каприеву, конституируют специфическую связность византийской мысли, определенное тем, что «христианское переосмысление понятий осуществляется в единой и конкретной сотериологической перспективе. Терминология опиралась на персоналистические метафизические предпосылки, глубоко чуждые эллинской философии» [3, с. 42–43]. Именно потому, что византийская интеллектуальная культура континуальна, в ней можно выделить некие «вершины» или «центры синтезирующей деятельности» [3, с. 44], в которых получает воплощение эта культура и которые получают особый статус в рамках этой континуальности. Методология Каприева обнаруживает связь с принципами исторической теологии Х. У. фон Бальтазара, который, говоря о своем проекте исторической теозетики, пишет, что созерцание формы этого синтеза может происходить «в изначально кристаллизовавшемся центре формообразования... Поэтому всякий раз нужно предпринимать усилие, чтобы из компактного, но предельно точно переданного общего контура были вычленены и прояснены общие компоненты. При этом необходимо выступают на первый план некоторые константы, которые переходят с образа на образ, и, возможно, проясняются» [1, с. 6–7].

3.3. Несмотря на очевидную противоположность подходов, которые предложены В. М. Лурье и Г. Каприевым, можно выделить ряд общих мест, характеризующих эти подходы: во-первых, акцентирование биографической стороны

развития византийской мысли, при более или менее выраженном невнимании к тому, в рамках каких институтов развивались те или иные концепции; во-вторых, выделение «верхней», метафизическо-богословской части данных концепций при сравнительно небольшом внимании к проблемам логики, космологии и психологии, хотя именно эти области античного наследия имели наибольшее влияние на содержание богословских построений; в-третьих, патрологический «ангажемент», исходящий из однородности явлений, отражающих проблематический «consensus patrum» и уравнивающий учения IV века, VI века и IX века. Все это полагает определенные пределы плодотворности идей В. М. Лурье и Г. Каприева, и ставит вновь вопросы методологического характера — как исследовать византийскую мысль?

4. Первая закономерная проблема, которая встает — это фиксация объекта исследования. Не только В. М. Лурье, но уже Г. В. Флоровский и др. авторы показали, что философия в Византии и не только в ней, но и в других средневековых обществах, существует внутри более широких контекстов, для которых некоторая совокупность философских концептов и моделей служит своего рода инструментами для организации этих контекстов. Поэтому представляется справедливым точка зрения Э. Жильсона. Тот, кто предпочитал говорить не о «средневековой философии», но о «философии в Средние века», при этом, как раз необходимо понимать, что эта самая философия существует не в виде конкретных «классических» школ и учений, а в разобранном виде, в качестве множества сведений, мнений и отдельных текстов, с которыми интеллектуал может встречаться в самых разных случаях: от предмета благочестивых размышлений до поиска объекта опровержения и критики.

Значит, первый шаг в определении объекта исследования — это определение характера и формы бытования философского содержания в различных контекстах, где это содержание могло быть релевантно тем или иным задачам. При этом, очевидно, захватываться должны не только вопросы метафизики, но и проблемы психологии, физиологии, космологии, этики, логики, риторики, и таковое содержание следует искать не только в школьных комментариях, но и в аскетических сочинениях, медицинских, астрономических и географических трактатах, исторических работах, не исключая, конечно, и трудов по различным догматическим вопросам.

5. Вторая закономерная проблема, которая возникает перед исследователем — это определение круга институциональных условий, в которых бытовал и воспроизводился комплекс информации о философии, о различных метафизических, психологических, этических и проч. моделях. Очевидно. Кроме проблем, связанных с вопросами образования, здесь также возникает перспектива изучения различных форм конфессиональной полемики с еретическими учениями, с исламскими, а затем католическими аргументами против византийского православия. Поскольку эта полемика, затухая или разгораясь, не прерывалась никогда, постоянно обнаруживая новые цели, свод этой апологетической литературы и институты, связанные с ее созданием, распространением и применением (а мы встречаем эти работы переведенными на армянский, грузин-

ский, сирийский языки) — это еще один важный фактор в истории развития византийской мысли. Наконец, и византийское благочестие имело во многом интеллектуальный характер, как показывает пример тех же преп. Максима Исповедника или патр. Фотия, что ставит вопрос о формах идейного обмена между интеллектуалами и типах организации этого обмена (на этом построены исследования И. П. Медведева).

6. Наконец, третья закономерная проблема в этом контексте — это определение моделей организации информации в пространстве византийского мышления. Над мышлением исследователей византийской культуры по-прежнему тяготеет странный образ «синтеза», который должен в некой единичной концепции соединять самые разнородные тенденции, формировать некий авторитет, имеющий универсальное («вселенское») значение. Как эта модель была выдвинута Г. В. Флоровским, так она продолжает действовать, что мы видели и у В. М. Лурье, и у Г. Каприева. При этом, остается большим вопросом, является ли этот идеал «синтеза» присущим самой византийской мысли. Именно здесь проявляются две «не-византийские» тенденции: с одной стороны, перенесение модели доктринального синтеза, характерного для IV в. (каппадокийцы) на более поздние построения, которые вполне не носят такого характера (преп. Максим Исповедник, патр. Фотий), с другой стороны, сказывается навязывание византийской мысли стили тридентских *doctores ecclesiae universales* — доктринально определенных авторитетных авторов, решения которых положены в основу новых соборных определений, и потому — новых догматических формул. Учитывая, что догматическое развитие восточного христианства завершилось с Седьмым Вселенским собором в VIII в., соотв. модель «синтеза» вступает в противоречие с исходной предпосылкой единства Предания.

Таким образом, прологом к изучению византийской мысли в любой ее форме должна быть деконструкция различных «синтезов», как искусственных (в случае преп. Максима Исповедника), так и *ad hoc* (в случае, напр., преп. Иоанна Дамаскина) и попытка установить те формы систематизации и организации информации, которые присущи самой византийской мысли. Из этого же следует и необходимость разрыва наличной тесной связи между изучением византийской мысли и патрологией именно потому, что последняя основана на выделении и фиксации такого авторитетного набора учений, прежде всего, догматического характера, и составляет — со своей стороны — радикальную деструкцию содержания византийской интеллектуальной культуры.

7. Однако, какую форму могло бы иметь обобщение различного исторического, культурологического, эстетического, интеллектуального материала, посвященного византийской мысли? С одной стороны, образец такого обобщения предложен прот. Иоанном Мейендорфом в работе «Византийское богословие», где удачно систематизированы ключевые области, разрабатывавшиеся византийскими интеллектуалами. С другой стороны, еще ждет своего создания «Византийский лексикон» (базовый материал может быть основан на TLG), который охватывал бы ключевой понятийный материал и предметно представлял бы

развитие и объем смыслов, которые функционировали в византийском культурном пространстве.

Таким образом, во многом еще предстоит осознание того, что чтение текстов, созданных византийцами — это особая и специальная задача не только с филологической, но и с философской, богословской, исторической стороны. Рассматривать следует не только лишь «вершки» или «корешки» этого древа, но воспринимать весь его величественный и стройный вид.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальтазар Х. У. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II. Сферы стилей. Ч. I. Клерикальные стили / пер. О. Хмелевской. — М.: Изд. ББИ, 2020. — 380 с.
2. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. — Киев: Путь к истине, 1991. — 408 с.
3. Каприев Г. Византийская философия. Четыре центра синтеза / пер. с болг. Г. В. Вдовиной. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. — 704 с.
4. Киприан (Керн), арх. Антропология св. Григория Паламы. — Киев: Общ. любителей прав. литературы, 2006. — 434 с.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. — М.: Искусство, 1992. — 656 с.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
7. Лурье В. М. История византийской философии. Формативный период. — СПб.: Аxioma, 2006. — 553 с.
8. Мейендорф И., прот. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / пер. с англ. В. Марутика. — Минск: Лучи Софии, 2001. — 336 с.
9. Мейендорф И., прот. Иисус Христос в восточном православном богословии. М.: Т. 8, 2014. — 318 с.
10. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. Конспект лекций. — Минск: МедиаЛ, 2018. — 352 с.
11. Флоровский Г. В., прот. Восточные отцы V–VIII вв. Париж, 1933 (репр.: — М.: Паломник, 1992). — 260 с.

УДК 111.1

Сурков Александр Георгиевич,
магистр философии, аспирант
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
asurkov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУБЪЕКТ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье исследуется информационный субъект как деятельный субъект, деятельность которого связана с информацией. Это исследование предпринимается в контексте классической традиции философского анализа единства формы и содержания, выполненного как для информации, так и для субъекта. Рассматривается методология обучения информационного субъекта как синтез новых элементов его структуры в рамках «субъектной активности». Также исследуется связанная с обучением трансформация форм информационного субъекта (деятельности и восприятия информации).

Ключевые слова: информация, информационный субъект, обучение, усвоение информации, синтез знания, структурализм, единство формы и содержания.

Surkov A. G.

AN INFORMATION SUBJECT UNDER CLASSIC PHILOSOPHICAL TRADITION

In this article an informational subject is investigated as an active subject which activity is bound to information. This investigation is undertaken within classic philosophical tradition context of the form-value unity made both for information and activity. The information subject learning methodology is considered as a synthesis of new elements of the object's structure within its «subject activity». A knowledge related information subject's form (activity and information perception) transformation is investigated as well.

Keywords: information, information subject, learning, assimilation information, knowledge synthesis, structuralism, the form and value unity.

Введение

Категория субъекта пронизывает все слои философской мысли. Г. Измаилов считает, что «когда говорят об отличительных чертах современной философии, непременно указывают на ее поворот к субъекту», [5, с. 168]. В связи с этим не-

сомненный интерес на современном этапе представляет изучение нового «вида» субъекта — субъекта информационного. В качестве самого простого обеспечения первого шага к изучению данного вопроса видится контекст классической философской традиции.

Рассматривая историю изучения субъекта, П. Рикер утверждает, что «принято считать, что картезианское *cogito* открывает эпоху современной субъективности, потому что именно благодаря *cogito* «я» впервые была отведена роль основания, то есть решающего условия возможности философствования» [11, с. 13]. Но он далее очерчивает «границы притязаний» этого «я» — «для того, чтобы продолжить философствовать, эту же уверенность [о существовании «я» в качестве исходной истины] следует лишить ее главенствующего положения» [11, с. 14]. Последнее замечание в нашем случае справедливо, так как здесь мы информационный субъект полагаем предметом объективного исследования.

Вместе с субъектом Р. Декартом определяется и субстанция, понимание которой тесно переплетается с пониманием субъекта как такового. А. Давыдов проясняет, что «субстанции Р. Декарт даёт дефиницию ... как вещи, которая не нуждается для существования ни в чём другом, кроме самой себя» [4]. В таком виде субстанция не представляет для нас интереса. Будучи причиной себя в себе самой и только в себе самой, она никак не будет «откликаться» на внешние информационные воздействия.

В классической немецкой философской традиции можно выделить четыре различных подхода к субъекту и субъектности. Это концепция трансцендентального субъекта Канта, «философия Я» Фихте, тождество субъекта и объекта Шеллинга и теория Абсолютного субъекта Гегеля». Трансцендентальный субъект имеет рассудок, который согласно Канту «всегда занят тем, что расследует явления с целью найти в них какое-нибудь правило» [7, с. 146]. То есть такой субъект «открыт» для явлений и деятелен. Гегелевский Абсолютный субъект представляет собой онтологически активное начало. Человеческий субъект, будучи обусловлен Абсолютным, также деятелен. Для философии Фихте, как утверждает М. Быкова, «суть субъективности усматривается в активности» [3, с. 153]. За пределами классической традиции, например, у материалиста Маркса мы также видим, что «именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все» [10, с. 102]. То есть признание активности субъекта — общеполитическая точка зрения.

В современном философском дискурсе эта точка зрения также поддерживается и даже получает дальнейшее развитие в направлении придания активности фундаментального статуса. Например, А. Давыдов считает, что «Будучи ядром и основанием всего сущего, онтологически понимаемый субъект подразумевает под собой некую созидующую силу, определённую активность» [4]. А. Ильин полагает, что «активность нельзя расположить рядом со всеми остальными, так как она, будучи основанием развития субъекта, занимает место фундамента, на котором формируются остальные качества» [6].

Большая российская энциклопедия определяет субъект как «...носителя практической или познавательной деятельности, направленной на объект» [2]. Обобщая, заключаем, что, несмотря на серьёзные концептуальные различия

в понимании субъекта разными мыслителями, все они сходятся в том, что их субъект деятелен.

В современной научной литературе выделяются множество различных прикладных субъектов. Все они функционируют в рамках соответствующих специальных наук в объеме соответствующих понятий. И общим свойством всех таких субъектов также является деятельность, но исследуемая в рамках предметной понятийной области каждого «прикладного» субъекта.

Наблюдая природу субъекта с точки зрения единства формы и содержания, содержанием тут является деятельность субъекта, формой (далее по тексту — деятельностной формой) — прикладное понятие, в рамках которого данная деятельность воспринимается. Уточним, что мы не отождествляем субъекта как такового с человеком. Отметим также, что предлагаемый подход не претендует на полное и всестороннее раскрытие природы субъекта, а лишь представляет один из методов его исследования.

Природа информации подробно рассмотрена в [12, 13], где был произведен ее анализ также с точки зрения единства формы и содержания. В случае информации, ее содержанием выступает выявленное различие, рассмотренное в соответствии некоторому данному а priori прикладному понятию как форме (далее по тексту — информационная форма), делающей возможной представление различия в рамках этого понятия.

Данный подход не нов. Например, у Аристотеля в «метафизике» при обсуждении сущности мы видим, что «сущность — это форма, находящаяся в другом, так что составная сущность получается из этой формы и из материи; примером такой формы является вогнутость» [1, с. 242]. Таким образом «информационная вогнутость» в понимании аристотелевской сущности получается из понятия вогнутости и материи (точнее ее различий) как имеющей «форму вогнутости».

О специфике информационного субъекта

Кратко говоря, *информационный субъект* — это то, что (кто) воспринимает явленные ему различия по имеющейся у него информационной форме как информацию и действует соответственно воспринятой информации в рамках деятельностной формы, «связывая» таким образом информацию и бытие. Иначе говоря, это — субъект, «воспринимающий» явления информационной природы. Информационный субъект воспринимает различия, находясь в некотором состоянии, обладая определенными качествами, структурой и способностями. Следствием восприятия информации субъектом является как специфическая информационно обусловленная деятельность субъекта, так и изменение состояния / внутренней структуры субъекта.

Что же полагает субъекта именно информационным субъектом? Очевидно, наложение обоих контекстов: он должен быть деятелен по своей природе (как любой субъект), и его деятельность должна иметь информационную природу. Это накладывает на субъект определенные требования.

Первое требование заключается в том, что активность по восприятию информации должна быть в деятельностной форме субъекта. То есть, подобно кан-

товскому гносеологическому субъекту, информационный субъект всегда готов воспринимать информацию. Перефразируя вышеупомянутый тезис Канта, скажем, что информационный субъект всегда занят тем, что расследует различия с целью найти в них соответствие какому-нибудь известному ему понятию.

Восприятие информации предполагает ее наличие. Создание (становление) информации также производится информационным субъектом, что предполагает его способность к обнаружению различий и их последующему становлению в качестве информации. Также у субъекта должно «присутствовать» прикладное понятие для использования в качестве информационной формы. У антропологического информационного субъекта для этих целей есть сознание и рассудок.

Второе требование заключается в том, чтобы субъект тем или иным образом обуславливал свое бытие полученной информацией. Такое информационно-обусловленное изменение информационного субъекта будем называть усвоением информации. Простейший метод реализации данного требования заключается в использовании специфики материального носителя информации (с которым взаимодействует информационный субъект) как физической причины изменения состояния информационного субъекта.

В. Корогодин связывает усвоение информации с построением на ее основе некоторого деятеля (оператора), своими действиями увеличивающего вероятность наступления некоторого заданного события [8], реализуя таким образом «связь информации и бытия». В целом можно согласиться с такой точкой зрения. Восприятие информации обуславливает конструирование на ее основе цепочки синтезов новых элементов и/или связей внутренней структуры субъекта, либо перевод субъекта в некоторое состояние, если структуру менять не требуется. Деятельность таким образом сконструированной цепочки синтезов является содержанием процесса усвоения информации. Усвоенная информация (синтезированные элементы и связи) модифицирует бытие субъекта, что отражается как на содержании его деятельности, так и на его деятельностной форме.

Информационный субъект воспринимает информацию сам. Но формы, необходимые ему для восприятия информации, он может создавать самостоятельно и/или брать извне. Исследование процесса формообразования у информационного субъекта требует отдельного рассмотрения, здесь лишь ограничимся кратким обзором имеющихся возможностей.

Обучение

Основная возможность формообразования у информационного субъекта — обучение. Обучение здесь понимается как модификация структуры субъекта, соответствующая некоторому синтезу, основанному на внешнем (обучающем) воздействии. Изменение структуры субъекта меняет его информационную и деятельностную формы. Поэтому для обучения необходимо, чтобы структура информационного субъекта допускала возможность изменения своей структуры вообще. Далее, в зависимости от типа обучения субъект должен иметь методологию изменения своей структуры. Основных типов можно назвать два: внешний и внутренний. Программирование как «внешний» тип обучения пред-

полагает возможность Другому как «внешнему программисту» произвольно в одностороннем порядке изменять структуру «предмета программирования» (в данном случае нашего информационного субъекта). Пример внешнего программирования: гипноз, некритическое восприятие масс-медиа (иначе называемое «зомбирование»), обслуживаемые человеком информационные комплексы (обслуживаемые командой программистов-разработчиков).

Саморазвитие — другой (внутренний) тип обучения. Здесь структура информационного субъекта меняется самим субъектом за счет синтеза новых элементов и связей своей структуры. Здесь возможно воздействие Другого как учителя, но он здесь лишь содействует вышеуказанному синтезу, представляя «правильную» («истинную») деятельность на поступившие различия, используемые для создания информации. Важная особенность саморазвития — самостоятельный синтез информационным субъектом новых элементов и связей своей структуры. Здесь мы можем иметь дело с открытиями новых структурных элементов как нового знания, для которых наш субъект может выступать в качестве учителя других информационных субъектов.

Синтезу предшествует «критический этап» усвоения информации. В его рамках информация соотносится с наличным знанием на предмет (само-)согласованности (непротиворечивости), верой, «здравым смыслом», аксиологическими и этическими принципами (если они присутствуют в структуре деятельностной формы информационного субъекта) и иными проверками, которые субъект может содержать в своей деятельностной форме. Если какая-либо проверка неуспешна, то последующий синтез не производится.

Синтезу и проверке способствует структурность представления информации. Информация всегда «информация-о», т. е. содержит указание на свой предмет. В рамках анализа информации мы находим предмет, о-котором информация представлена, остальное в информации представляет собой предикат (задача обоснования возможности такого представления и соответствующего анализа не самоочевидна, но мы здесь «забегаем вперед» и исходим из положительного на нее ответа. Л. Флориди сформулировал похожую задачу в качестве самостоятельной проблемы философии информации [14, с. 37]). Таким образом мы получаем структуру из нескольких элементов и связи(–ей) между ними. Тогда простейший процесс синтеза может состоять в следующем. Ищутся соответствующие (тождественные по смыслу) представленным в информации элементы в структуре информационного субъекта. Если какого-либо элемента нет, он может быть синтезирован. Если связь в структуре информационного объекта есть, она сопоставляется с той, что содержится в информации. Если связи не совместны (например, субъект знает, что в кошельке 20 монет, а согласно полученной информации — 50), то информация либо отвергается, либо структурная связь замещается на полученную в информации в зависимости от деятельностной формы, которая определяет приоритет. Если связи совместны, новая связь синтезируется (например, предмет был в понятии мягким, а стал еще и мокрым).

У антропологического информационного субъекта есть разум, и синтез фактически происходит вследствие следования мысли структуре информации. Раз-

ум фокусируется на предмете информации, после чего мыслит представленные структурой информации предикаты. Схваченное в мысли, синтезируется разумом соответствующее обновление структуры антропологического информационного субъекта, и мы говорим, что информация усвоена. Если разум не может помыслить, следуя представленной информации, то ее усвоения не происходит.

Знание имманентно субъекту, так как представлено элементами и связями его структуры и потому неотторжимо от него. Для появления знания «за пределами» передающего субъекта требуется нечто, что способно «передать» (экспортировать) фрагмент структуры знания другому информационному субъекту. Так как оба субъекта (получатель и отправитель) представлены предметами материального мира, то взаимодействие между ними возможно только по законам материального мира с использованием материальных сущностей, различия которых будут интерпретироваться как информация («носители» информации).

Мы уже говорили, что синтез знания может управляться информацией. Для самого синтеза используется деятельностная форма. Информационная форма определяет трансформацию представленных различий материального носителя информации в синтезируемую определенность структуры. Основная задача здесь обеспечить тождественность синтезированного и оригинального фрагментов структур знания. Этого можно достичь, применяя «согласованные» информационные формы («носящие» и «считывающие» различия с носителя информации). В качестве примера такой формы для антропологических информационных субъектов можно привести язык и письменность. Для информационных систем общего случая для обмена информацией существуют стандартизированные протоколы передачи информации.

Заключение и выводы

Знание является неотъемлемой частью «Я» субъекта. В. Лекторский говорит, что «возникновение «Я», его самосознания и рефлексии должно быть понято как результат процесса формирования познавательного опыта, как следствие развития определенных объективных отношений данного субъекта к миру материальных предметов и других людей» [9, с. 132], что может быть рассмотрено как результат последовательного усвоения информации.

Также подчеркнем, что синтез новых элементов и связей структуры информационного субъекта идентичен появлению нового знания, поэтому в контексте саморазвития информационный субъект выступает как субъект гносеологический. В данном контексте деятельность субъекта по усвоению информации представляется его гносеологической активностью. Данное обстоятельство дает понимание природы связи субъектов гносеологического и информационного, а через нее — информации и эпистемологии.

Процесс усвоения информации позиционируется гораздо шире, чем может показаться с первого взгляда. Этот процесс присутствует, например, при «фиксации результатов» (синтезе знаний) эмпирического опыта, когда существенные различия определены, и они надлежащим образом отождествлены с анализируе-

мыми понятиями, обобщаются, т. е. образуются понятийные связи, что позволяет трактовать их как информацию, а синтез знаний — их усвоением. Информационный подход, таким образом, позволяет глубже и детальнее взглянуть на то, как человек познает (добавляет новое знание). Т. е. первоначально синкретическое «познающее» действие в виде «черного ящика» здесь раскрывается и «получает» дополнительные шаги и детали.

Еще раз отметим, что информационный субъект не обязательно должен быть представлен человеком. Данная проблематика породила знаменитый «тест Тьюринга» как метод достоверного определения человеком факта информационного взаимодействия именно с машиной (имеющей достаточно высокий уровень развития искусственного интеллекта). Эта задача потом полноценно оформилась в соответствующую философскую проблему, которую Л. Флориди сформулировал следующим образом: «может ли <...> человеческий интеллект быть в полном объеме и полноценно реализован не-биологически» [14, с. 38]. Как возможна интеграция человека и машины (искусственного интеллекта, реализованного «не биологически»), с моей точки зрения, представляет собой важную философскую проблему информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / Сост. и подг. текста С. И. Еремеев. — СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. — 832 с.
2. Большая российская энциклопедия. Субъект. [Электронный ресурс]. — URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4171057> (дата обращения: 07.03.2023).
3. Быкова М. Ф. Концепция субъекта в философии Фихте // Историко-философский ежегодник. — 2006. — № 2006. — С. 151–179. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-subekta-v-filosofii-fihhte> (дата обращения: 01.02.2023).
4. Давыдов А. А. «Субъект» и «Субстанция»: к прояснению понятий // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, № 1. — С. 94–99.
5. Измаилов Г. В. Лейбниц и Гегель: понятие субстанции как субъекта // Историко-философский ежегодник. — 2005. — № 2004. — С. 168–186.
6. Ильин А. Н. Антропология субъекта // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» при МГУ и РГНФ. — 2010. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Pyin/> (дата обращения: 01.05.2023).
7. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосского. — М.: Наука, 1999. — 655 с.
8. Корогодин В. И. Информация и феномен жизни. Избранные труды: в 2 т. — М.: Наука, т. 2. — 2012. — 400 с.
9. Лекторский В. А. Субъект объект познание. — М.: Наука, 1980. — 358 с.
10. Маркс К. Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики / соч., изд. второе. — М.: Гос. изд. политич. литературы, 1955. — 677 с.

11. Рикер П. Кризис cogito. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/data/2011/05/30/1212618504/Рикёр%20П%20-%20Кризис%20Cogito.pdf> (дата обращения: 27.05.2023).
12. Сурков А. Г. О природе информации и информационных процессов // Вестник РХГА. — 2023. — Т. 24, вып. 1. — С. 57–65.
13. Сурков А. Г. Философско-антропологический взгляд на информацию и информационные процессы / Сб. матер. XXV научно-практической конференции «Modernity: человек и культура» / Отв. ред. В. А. Егоров. — СПб.: Изд. РХГА, 2023. — С. 78–84.
14. Floridi L. The Philosophy of Information — Oxford: University Press, 2011. — 410 p.

Ушенко Александра Николаевна,
магистрантка

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина,
zwibel1709@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЗЛА В УЧЕНИИ В. И. НЕСМЕЛОВА

В статье рассматриваются концептуальные построения В. И. Несмелова, касающиеся темы зла. Выявляется проблемное соотношение Разума и Блага, анализируется категория свободы воли. Совершается попытка полноценной оценки феномена зла в построениях мыслителя, выявляются проблемные вопросы.

Ключевые слова: русская религиозно-философская мысль; Несмелов; теодицея; этика.

Ushenko A. N.

THE PROBLEM OF THE EVIL IN THE TEACHINGS OF V.I. NESMELOV

The article discusses V. I. Nesmelov's conceptual constructions concerning the topic of evil. The problematic relationship of Reason and Good is revealed, the category of free will is analyzed. An attempt is made to fully assess the phenomenon of evil in the constructions of the thinker, problematic issues are identified.

Keywords: russian religious and philosophical thought; Nesmelov; theodicy; ethics.

Профессор Казанской Духовной академии Виктор Иванович Несмелов (1863–1920) в своем учении стремился философски выразить то, что открывает в человеке христианство. Центральным местом его рассуждений является человек и «загадка», сокрытая в нем. Под «загадкой человека» понимается сосуществование и одновременное восприятие его духовной и естественной природы. Природы эти находятся в диссонансе, в несоответствии друг с другом, порождая в сознании человека множественные противоречия. Но не только в себе человек обнаруживает болезненную раздвоенность, но и во всем мире в качестве противоречия между должным, которое присутствует в сознании человека, и сущим, эмпирически проявляющимся. Данная «поврежденность» понимается как закономерное следствие грехопадения, а потому тема зла является основополагаю-

щей для всей концепции. Для ясности нашего изложения сперва кратко обговорим основные положения учения.

Философия понимается Несмеловым в качестве специальной науки о человеке как о носителе разумных основ и выразителе идеальных целей жизни. Интересно то, как Несмелов определяет религию и философию, где первое есть жизнь по вере в Бога, а второе — мысль об истинной жизни по истинной вере в Бога. Из такого понимания предмета философии, такого сближения философии и религии, формулируется не только антропологическая акцентуация учения Несмелова, но и крайне своеобразный познавательный пафос, темы которого мы коснемся чуть ниже. Таким образом, мы наблюдаем учение о центральности духовного опыта человека и антропологическое понимание философии.

Итак, основная проблема нашего мира кроется в «загадке» человека. Ее можно обрисовать следующими положениями. Действительная жизнь человека определяется природой его физического организма. При этом человек непрерывно ощущает в себе образ идеальной жизни, аналогов которой эмпирически он не обнаруживает, к тому же осознает, что эта идеальная жизнь невозможна в условиях наличествующего бытия. Мы наблюдаем антропологический дуализм, следствием из которого становится и онтологический. Актом грехопадения человек «повредил» не только собственную природу, но и природу сущего. На человеке лежит ответственность за содеянное, при этом человек непрерывно ощущает в себе сознание «инаковости» своего предназначения. Из этого заключается, что человек стремится утвердить себя в качестве безусловной сущности, так как сознает свое «я» как сущее в метафизическом смысле слова, из-за обнаружения в себе одновременного существования двух миров: чувственного и сверхчувственного. Феномен личности интерпретируется мыслителем как следствие морального сознания, притом личность существует только в физическом мире, но природой своей выражает истинную природу Безусловного. Несмелов пишет: «Нравственная воля человека представляет собой поразительное чудо для мира, — одно только развитие нравственной жизни может выражать собою исключительное значение человека» [1, с. 388]. Что касается соотношения телесного и духовного в человеке, то, как можем мы понять, духовному отдается главенствующая роль, более того, утверждается, что телесность хоть и дана человеку, но создается телесный организм именно духом.

На этих положениях строится и гносеология Несмелова. Человек обращается к познанию, по мысли Несмелова, желая определить свое место в мире. Именно акт само-осознания, которому мыслитель отдает главенствующее значение, принуждает человека к познавательной деятельности. Знание и вера в учении Несмелова сближены, если точнее, тождественны: «Знание есть собственно вера, но только не вообще вера, но вера в высшей степени её основательности» [1, с. 103].

Так как в моральном сознании человек неустраимо стремится к идеальному, безусловному бытию, то отсюда с императивностью, не подлежащей оспариванию, человек приходит к утверждению реальности безусловного бытия, образ которого жив в человеке. В этих положениях мы можем наблюдать «антропо-

логическое доказательство бытия Божьего»: по Несмелову, образ безусловного бытия не создается человеком в каких-либо абстракциях мысли, а реально дан человеку природой его личности, а потому самым фактом своей идеальной личности человек непосредственно утверждает существование Бога, как истинной Личности.

Проблеме зла у Несмелова выделено обширное место: практически весь второй том «Науки о человеке» тем или иным образом обращается к этой теме. Важнейшим тезисом выступает то, что Несмелов признает возможность и действительность духовного служения злу: «В человеческой жизни существует не просто лишь недостаток полного совершенства, но в ней существует несомненное противоречие моральному сознанию и осуществление того, что не должно существовать. Такое развитие человеческой жизни составляет подлинное зло нашего мира, и в нем заключается несомненная вина человека» [2, с. 209]. И тут перед нами встает значительный проблемный вопрос, который, думается, усложняет проблематику «загадки человека»: каким образом возможен выбор зла, при условии неумолкающего голоса морального сознания? Какую роль в этом процессе играет разум и какие психологические процессы (в смысле словоупотребления Несмелова) сподвигают человека к подобным действиям? Еще острее встает этот вопрос при условии, что до грехопадения проблемы «поврежденности» не существовало. Разумеется, все это обращает нас к теме свободы, которая дана человеку.

Свобода воли человека интерпретируется мыслителем как свобода идти к Богу, или же идти от Бога. Человек на протяжении всей жизни беспрестанно выбирает исключительно между этими двумя константами, которые, конечно, принимают различные образы. Нам категорически важно отметить, что Несмелов, как критик классической концепции бессознательного, практически устраняет категорию «невольных прегрешений»: для Несмелова каждый человеческий шаг есть его сознательный выбор. Сознательный, хоть и далеко не всегда осознаваемый. Под «невольные прегрешения» в концепции Несмелова частично подпадают лишь те, которые вызваны определённым недомыслием/незнанием, но даже они не «невольны» в полном смысле слова, так как это все же сознательные шаги. Проблема неполной осознаваемости своих деяний, как и проблема недомыслия, должна разрешаться познавательной деятельностью. Но, опять же крайне важно отметить, что познание никак не ограничивает возможность и желание идти «от Бога». Это положение является примечательным, так как разрушает классическое представление о тождестве Разума и Блага: пути познания никаким образом не ограничивают свободу воли, никаким образом не устраняют тягу ко злу, они лишь дают возможность осознания собственной греховности и причинно-следственных связей. Это, во многом, слом классических представлений, который мог бы действительно задать новый путь для рассмотрения темы зла. Но должного развития эта мысль не получает: в главе «Происхождение зла в мире и условия возможности спасения» [2, с. 608] Несмелов во многом возвращается на классические и догматические позиции, так что лишь имплицитно можно усматривать следы его самобытных построений.

Однако для нас именно положения о сознательном выборе пути от Бога, о том, что познание не гарантирует путь Добра, являются наиболее значительным. Нельзя отрицать, что эта мысль Несмелова крайне зыбкая в его построениях: во-первых, он сам ее не всегда придерживается; во-вторых, она не только не отвечает на имеющиеся вопросы, не только ставит новые, но и оставляет мыслителя вовсе без какой-либо точки опоры. Возможно, именно поэтому идейные наследники Несмелова не принимали именно этой части его учения (например, проф. В. В. Зеньковский). Действительно, при признании тождества Разума и Блага, возможна вполне конкретная формулировка путей спасения и исправления. В классических представлениях человек в актах познания встаёт на путь добра, его склонность свершать зло уменьшается, разумность блокирует негативные тенденции (яркой иллюстрацией такого подхода служит как раз система Зеньковского, которая, конечно, не лишена неразрешимых проблематичностей). У Несмелова же мы наблюдаем совсем другую картину: нет пути, который бы уменьшил возможность свершать зло. Познание необходимо не для становления на путь Преображения, а для осознания собственного падения, для возможности взятия полноценной ответственности, для возможности простить самого себя. В этом крайне своеобразный, во многом героический, познавательный пафос Несмелова.

В этом же отношении крайне интересны построения Несмелова о Страшном суде, который, можно сказать, обрисовывается как настоящий триумф человеческой свободы воли: «Ввиду этого все грешные люди, как и все падшие духи, уклонившиеся от истинной жизни и даже враждовавшие с ней, с откровением в мире Божия царства сами увидят, что они находятся вне его, и сами же увидят, что создавать жизнь, несообразную с Божиим царством, как в силу особых условий будущей жизни, так и особенно в силу чувственного присутствия в мире самого Бога и Творца всего мира, никакой возможности не будет. А между тем они все-таки должны будут существовать, и сами они вполне ясно увидят, что как не в их власти было прийти в бытие, так не в их же власти будет и прекратить свою жизнь. Следовательно, они должны будут существовать такой жизнью, сравнительно с которою смерть была бы только желанным благодеянием для них» [2, с. 833]. Далее Несмелов вновь возвращается к более догматическим представлениям, но нельзя не отметить, что в его концепции еще до Суда люди сами себя осудят, точнее выберут, пойдут ли они каяться (путь к Богу), или воздержатся/устыдятся (путь от Бога).

Не менее интересна интерпретация Несмеловым акта грехопадения. Мыслитель, действуя в рамках своей логики, придерживается позиции «антиюридизма» и настойчиво отрицает понимание грехопадения как акта противопоставления человека Творцу. Он отмечает, что все последствия греха прародителей (т. е. двойственность антропологическая и онтологическая) не есть наказание за вину, а есть закономерные следствия человеческого выбора. Несмелов пишет: «она (Ева — прим. автора) преступила Божию заповедь только по несчастной ошибке, т. е. не на зло Богу, не в видах намеренного противодействия воле Его, а лишь на мнимое добро себе самой, именно в видах достижения того высоко-

го ведения, которого люди, несомненно, желали и к которому они, несомненно, стремились, но которого в действительности они пока еще не имели» [2, с. 660]. «Несчастливая ошибка» — тот редкий случай «невольного» греха: сознательного, но неосознанного. Крайне необычно то, как Несмелов интерпретирует возникший стыд наготы: по его мысли, стыд этот не есть следствие грехопадения, а есть его прямое продолжение: «Они хотели смотреть на себя как на особые, высшие существа, а на самом деле видели в себе только физическую природу животных» [2, с. 663]. Человек устыдился не своего греха, но своей близости к миру животных, что унижало его высокие притязания, и потому человек поспешил скрыть свое сходство, прикрыть наготу. Размышляя над библейским текстом далее, Несмелов заключает, что возможность помилования для прародителей была, но они сами выбрали другой путь. Несмелов предполагает, что, если бы первые люди стали молить о прощении, велика была бы вероятность его достижения, но они не прибегли к этому пути, так как сами себя не могли простить, так как «они думали не о том, что они погибали, а только о том, что они — виновны пред Богом, т. е., другими словами — они думали не о себе, а только о Боге; стало быть, они любили Бога больше себя, и потому-то именно они не могли простить себе своего преступления» [2, с. 666]. То есть, мы видим продолжение упорства во грехе, продолжение пути «от Бога», хотя и исходящее из любви к Богу. Из этого мы можем заключить занятное положение, что стыд не есть маркер раскаяния, а, наоборот, есть маркер упорства во грехе. С момента грехопадения человек неизменно «вязнет» во зле, выбирает путь «от Бога», непрестанно его сознательно свершает, не всегда осознавая следствия. Человек, можно сказать, находится в настоящей ловушке, где нет подсказок для правильного образа действий, так как он свободен, свободен в том числе и от наказаний. Человек обречен лишь на закономерные следствия собственных поступков. Все тяготы человеческого бытия — следствие непонимания последствий тех или иных действий. Действительно поразительно огромная роль выделяется Несмеловым для человека: покуда человек сам себя не сможет простить, Прощение ему дано не будет. Но все же отмечается, что, хоть первичные интенции должны исходить от человека, что именно человек выбирает пути, но окончательно разрешить и устранить зло одними силами человеческими невозможно: «Загадочное сознание безусловного идеала в условной нашей жизни означает только то, что человек носит в себе постоянное осуждение себя и сознание, что своими силами он не может осуществить того, к чему немолчно зовет его нравственное сознание. Нам нужно спасение от этой невыносимой двойственности, и это спасение может быть осуществлено только Тем, кто осуществил в мире спасительный закон всеобщего воскресения и преображения» [2, с. 703].

Итак, мы имеем следующую картину. В результате «несчастной ошибки» человек «запустил» цепочку следствий, которые как бы «раздваивают» мир. Человек не в силах окончательно разрешить это противоречие, но именно он должен своей свободой «начать» этот путь. И под начинанием пути имеются в виду не попытки ведения более праведной жизни, не попытки постоянно выбирать «путь к Богу», а полное осознание своих выборов, взятие за них от-

ветственности и акты само-прощения. Это примечательная смена ракурса: человек не в состоянии жить праведнее, чем он живет, ибо он закрепощен самим собой; но он в состоянии действовать сознательно и осознанно. Познание никак не уменьшает вероятности выбора «от Бога», но оно позволяет понимать этот выбор, что открывает возможность прощения. То есть человек не должен стремиться каким-либо образом улучшить этот мир, он должен его понять, признать и, можно сказать, простить. Разработка этой линии мысли, в отличие от многих других, представленных Несмеловым, практически не осуществлена в трудах последующих философов. Ибо, конечно, почва, которую дает Несмелов, весьма зыбкая — легко соскользнуть в некоторое обожение человеческой воли и свободы, в обожение человека. К тому же именно при таком ракурсе рассмотрения острее встает вопрос того, почему человек волит «от Бога». В ряде случаев это есть «недомыслие» полной картины, но, по мысли Несмелова, возможно волить «от Бога» и при условии полной разумности. В таком случае мы оказываемся без какой-либо точки опоры. Психологические построения подразумевают, что мотиватор этого пути — болезненное эго, стремящееся к возвеличиванию, но это скорее уточнение вопроса, чем ответ на него. Как человек, осознавая все следствия своего выбора, может выбрать путь «от Бога», при этом исходя из любви к Нему же? Это уже есть некоторое подтачивание понимания любви и Любви в христианстве. Человек справедливо осудит себя за содеянное — и это получится новым злом, ибо добром было бы простить себя и молить о прощении. Если «путь разума» в принципе не обладает компетенцией по уменьшению зла, то «путь этики», путь морального сознания, точно так же не способен со всей полнотой установить человека «на путь истинный».

«Несмеловский человек» оказывается в действительно трагичном положении. Резюмируем. Спасение невозможно, покуда человек не сможет простить себя самого, ибо это было бы нарушением свободы воли человека. Человек не может ограничить свои греховные тяготения рациональным путем, так как путь познания лишь помогает осознавать имеющиеся факты и частично прозревать следствия поступков. Человек не может быть уверен, что голос его морального сознания приведет его к действительно истинному пути, так как всегда есть вероятность «устыдиться» своего падения. Положительный результат возможен в случае синтеза рационального и морального, но, учитывая природу сознания, как ее описывает Несмелов, нет совершенно никакой гарантии, что человек в принципе имеет возможность это контролировать. Человек не может искупить свои грехи, так как он не наказывается за них, он лишь пожинает следствия своих деяний. Единственный путь — простить и быть прощенным, но сама его возможность легко может ставиться под вопрос, ибо, любя что-либо больше себя самого, человек будет воспринимать свои деяния как непростительные. Картина, конечно, весьма удручающая. Однако, позволим себе это предположение, положение вещей заметно бы изменилось, если бы обнаружилась действительная причина возникновения «болезненности эго». Детский вопрос «почему», «почему человек становится на путь зла», здесь предельно уместен, ибо без этого элемента мы не имеем возможности для формирования какого-либо

образа действия, который бы соответствовал наличному положению вещей. Путь, где Разум и Добро движутся в едином потоке, где познание выступает гарантом улучшения, раскритикован слишком основательно, чтобы считать его актуальным. Альтернатива, даваемая Несмеловым, открывает новые горизонты в понимании человека и человеческого, а также органично может быть вписана в текущую философскую парадигму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несмелов В. И. Наука о человеке // Наука о человеке в 2 т. — Т. 1. — СПб, Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. — С. 15–413.
2. Несмелов В. И. Наука о человеке // Наука о человеке в 2 т. — Т. 2. — СПб, Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. — С. 418–858.

УДК 123.1

Шилина Галина Анатольевна,
аспирант факультета философии и антропологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
mr.sulich@mail.ru

«БУРЯ И НАТИСК И. КАНТА» : ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХА НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В числе причин, определивших дух и стиль немецкой классической философии, есть та, которая очевидно обнаруживает ее корневую принадлежность к национальной идее возрождения свободы в Германии. Речь идет о движении романтически настроенных философов и поэтов-»штюрмеров» «Буря и натиск» второй половины XVIII века, стоявших у истоков возрождения духа немецкого народа. В статье прослеживаются пути возникновения и точки соприкосновения образа «истинного немца» с идеями о свободе немецких мыслителей-классиков. Особое внимание уделяется «пруссским истокам» этого движения и влияние на него личности и философии И. Канта.

Ключевые слова: метафизические основания свободы, возрождение духа, национальная идея, образ «истинного немца».

Shilina G. A.
«STORM AND ONSLAUGHT» BY I. KANT: PHILOSOPHY OF FREEDOM AS
A REFLECTION OF THE SPIRIT OF NATIONAL CONSCIOUSNESS

Among the reasons that determined the spirit and style of German classical philosophy, there is one that obviously reveals its root affiliation to the national idea of the revival of freedom in Germany. We are talking about the movement of romantically minded philosophers and poets-»sturmerners» «Storm and Onslaught» of the second half of the XVIII th century, who stood at the origins of the revival of the spirit of the German people. The article traces the ways of origin and the points of contact of the image of the «true German» with the ideas of freedom of German classical thinkers. Special attention is paid to the «Prussian origins» of this movement and the influence of the personality and philosophy of I. Kant on it.

Keywords: metaphysical foundations of freedom, revival of the spirit, national idea, image of the «true German».

Немецкая классическая философия по устоявшемуся определению включает имена четырех философов: И. Канта (1724–1804), И. Г. Фихте (1762–1814), Г. В. Гегеля (1770–1831) и Ф. В. Й. Шеллинга (1775–1854). Эта философия, несмотря на ярчайшие отличия в характере и творчестве ее представителей, может рассматриваться в относительном единстве ее стиля и духа, которое складывается из единой задачи исследования свободы в разных аспектах, четко выраженной гуманистической направленности их философии, научно-теоретического подхода к изучению истории и использования диалектического метода как способа мышления. Немецкая философия критикует, но и преобразует метафизику, делая ее подходом к концептуальной целостности. Отсюда сходное понимание роли философии в развитии мировой истории и культуры. Философам выпало прожить жизнь в эпоху культурного кризиса Германии, и все они стали свидетелями «развития плода просветительства», так как приняли в этом процессе самое непосредственное участие. Речь идет о поисках философами путей, ведущих к обретению самосознания и самоидентификации немецкого народа, его «Volkstum» (нем. — «народного духа»), ставшего со временем ключевым понятием философии национализма. Поэтому, в числе причин, определивших единство духа и стиля немецкой классической философии может быть названа и та, которая обнаруживает ее корневую принадлежность к национальной идее «возрождения свободы» в Германии.

Национальное самосознание формируется из двух компонентов: осознания себя как части целого (нации) и бессознательного сопереживания своего единства с ней. Отсюда ясно, что никакие «патриотические» призывы и обязанности не в силах заставить человека ощутить себя, допустим, немцем, поскольку бессознательная часть нашего «я» формируется в раннем детстве, через язык и усвоение ментальных особенностей как способа существования человека в обществе. Необходимо сделать ремарку, что если нацию рассматривать как единый организм, то национальное самосознание в нем будет, образно говоря, ядром клетки национального сознания. Конечно, «тело» «растет», видоизменяется, стареет. «Качество» этого ядра определяет уровень сознания, а, значит, всего, что составляет индивидуальность «тела» нации, его «форму»: и ментальное фреймирование, и способность к освоению метафизических оснований свободы. Фреймы ментальности составляют основной интерес нации-то, что нация считает наиболее важным для своего существования, и в данном случае представляют собой набор концепций различных сторон жизненного опыта, образуя менталитет. Фреймами, определяющими немецкий менталитет в XVIII веке стали философия и язык [18, с. 4].

Анализируя и сопоставляя различные философские, исторические и литературные источники этого периода можно выявить общие моменты, составляющие суть поисков национальной идентичности в Германии: от попыток «раскачать» самосознание немцев до надежды ее обретения. Поскольку литература направляет эти попытки на лучшие стороны человеческих эмоций и чувств, то она легко и непринужденно корректирует мышление и мировоззрение человека. Патриотический пафос, появившийся в немецкой литературе этого периода

«<...> выражал новое переживание немцев, отражавшее ощущение их национальной идентичности. Именно так воспринимаются строки из стихотворения Ф. фон Штольберга «Mein Vaterland», написанного в 1774 году: «Ich bin ein Deutscher! Stürzet herab, der Freude Tränen, dass iches bin!». «Я немец! Лейтесь, слезы радости, от того, что я таков!» (Пер. — Ш. Г.)). Не случайно Гете назвал немецкое движение «литературной немецкой революцией» [15, с. 4].

Такова была изначальная идея формирования самосознания немецкой нации через литературу, которая после встречи Гердера и Гете в Страсбурге в 1770 году оформилась в своего рода манифест, обращенный к немецкой просвещенной публике «О немецком характере и искусстве» (1773). В нем утверждалась необходимость возвращения к своим исконным, ментальным корням, живущим в образах из старинных немецких легенд, песен и баллад. Исследователи утверждают, что произведения в псевдоисторическом духе появлялись еще в 40-х годах XVIII века и основывались на знаменитой характеристике германцев римским писателем Тацитом [16, с. 8], трактовавшимся порой весьма вольно:

«В 1743 г. поэт Иоганн Элиас Шлегель (1719–1749) представляет публике трагедию «Герман», которая стала первой немецкой национальной драмой, выдержанной в народных поэтических традициях, поэтому неудивительно, что песня начиналась с хвалебной песни старым немецким добродетелям, вольно трактуя Тацита. В 1749 г. знаменитый просветитель, автор «Оснабрюкской истории» Юстус Мёзер (1723–1798) закончил работу над эпической драмой «Арминий», в которой решительно отвергал упрек Тацита в адрес германцев в дикости и варварстве» [8, с. 305].

Необходимо отметить, что в силу объективных причин формирование самосознания немцев как единой нации было существенно заторможено по сравнению, например, с Англией и Францией. Одной из причин была ментальная неоднородность государства. В середине XVIII века в Германии еще не существовало понятия «немецкая нация»: на огромной территории бывших покоренных германским племенам баварцев, швабов, тевтонов и саксов жили потомки полабских славян, пруссов, лангобардов, венедов. Более двухсот государственных образований и более полусотни вольных городов, не считая личных родовых рыцарских владений. составляли 9 курфюршеств во главе с королями, князьями и другими титулованными правителями, избирающими императора [14]. При каждом таком правителе существовал дворец или замок, собственный «двор», культурный коэффициент которого зависел целиком от прихотей и вкусов местного «царька».

Отсюда ясен «разброс» и характер культурных центров Германии: музыканты стремились в Вену, ко двору князя Эстерхази, архитекторы — в Дрезден, художники — в Мейсен, поэты — в Вюртемберг. Философы в этом смысле выглядели более независимыми, поскольку были связаны с университетскими годами. Немецкий язык как часть культуры не пользовался популярностью при

дворе императора Фридриха II. Таким образом, и в культурном, и в государственном отношении, Германия этого периода представляла собой жалкое зрелище. На этом фоне возникает множество движений патриотическо-литературного характера, которые активно противодействовали затхлой атмосфере императорского двора, настроенного в культурном отношении профранцузски. Настоящей «бомбой», заложенной под национальное объединение Германии, стало разделение страны по религиозному признаку. Борьба лютеран и католиков в значительной мере подорвала доверие к религии вообще и «всколыхнула» проявление ментальных черт у некоторых из покоренных ранее рыцарями — католиками местных племен, например, пруссов, потративших на отстаивание своей свободы больше сил, чем другие народы. Однако, благодаря М. Лютеру на основе южно-немецкого и саксонского языков была заложена основа общенемецкого национального литературного языка.

Интерес к изучению национальных характеров возник во Франции XVII века, когда дипломаты, путешественники, политические и религиозные деятели, побывавшие в разных странах, стали делиться друг с другом мнениями о типичных представителях разных народов. Французская литература вообще пользовалась большой популярностью, а идеями Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) увлекались практически все просвещенные люди Германии. Поэтому, неудивительно, что перепиской Ш. Л. Монтескье (1689–1755), Вольтера (1694–1778) и Ж. Б. Боссюэ (1627–1704) заинтересовались в немецких просвещенных кругах. И вот уже Фридрих Карл Мозер (1723–1798), в прошлом один из членов «Союза Роши», публикует в 1765 году свою работу «О немецком национальном духе», где дает немцам характеристику, вызвавшую в Германии бурное обсуждение. Эту работу следует признать началом борьбы просвещенных людей за объединение народов Германии в единую нацию и формирование общенационального самосознания. (Спустя две сотни лет в Германии при разрушении Берлинской стены, собравшиеся там люди скандировали фразу из этой работы: «Мы — единый народ!» [15, с. 6]).

Спустя два года после публикации Мозера молодые и просвещенные немцы образовали литературный союз патриотов Германии, который просуществовал до 1785 года под характерным названием «Буря и натиск», и имел существенное значение для развития идей самоидентификации немцев и собирания образа «истинного немца». В этом «образе» немалую роль сыграли характеристики немцев, данные философами Кантом, Фихте и Гегелем. Таким образом, как основная идея, «самоидентификация», в период XVII–XVIII вв. составила «первую фазу развития национального движения в Германии» [8, с. 305]. Однако, национальная идентичность была интересна лишь тонкой прослойке интеллигенции, «тогда как для основной массы населения были характерны конфессиональная и территориальная самоидентификация» [8, с. 306].

«Эмбриональное состояние» самосознания немцев в этот период отмечается практически всеми исследователями немецкого менталитета. Отсюда становится понятным итог деятельности «бурных гениев», «штюрмеров» — немецкого движения молодых литераторов, поэтов, философов «Sturm und Drang», взяв-

шим название из пьесы «Буря и натиск» драматурга Ф. М. Клингера (1752–1831): «штюрмеры» лишь обозначили проблему упадка национального самосознания, раскрыли ее болевые точки, но не сумели ничего изменить в практической жизни людей. К началу XIX столетия, по словам Ф. К. Мозера, немцы оставались все таким же «великим» и «презираемым» всеми нациями народом, «достойным сожаления», как и полсотни лет назад. Однако, И. Г. Гердер (1744–1803), организатор и зачинатель движения «Бури», его «идеолог» И. Г. Гаман (1730–1788), И. В. Гете (1749–1832), Ф. Г. Клопшток (1724–1803), Г. Э. Лессинг (1729–1781) и другие «штюрмеры» «работали на ниве просвещения» немецкого народа «не покладая рук», и «движение достигло своего апогея около 1770 года», охватив «всю образованную публику» Таким образом, цель общественного движения «буря и натиск была достигнута, а <...> собрание воедино немецкого просвещенного общества успешно состоялось» [4, с. 42].

Все они были большей частью друзьями (а некоторые, как Клингер и Гете, дружили с детства), были образованы, молоды и вдохновлены собственными идеями будущего расцвета Германии. «Бурные гении» мечтали через культуру «раскачать бюргерское болото» равнодушия, пробудить достоинство человека, возродить национальную гордость. Им удалось осуществить настоящий прорыв в немецкой культуре: люди ходили на спектакли, читали книги и отдельные статьи. Замечательные произведения поэтов, драматургов, прозаиков И. В. ф. Гете, Г. Э. Лессинга вошли в «золотой фонд» Германии и всего мира. Гораздо хуже обстояли дела с другими формами культуры и искусства. Музыканты И. С. Бах (1685–1750), Й. Гайдн (1732–1809), В. А. Моцарт (1756–1791), Л. Бетховен (1770–1827), пытались «достучаться» до сознания людей новыми формами музыки, несущими мощный драматический посыл видения реальности. Хуже всего обстояло дело с художественным творчеством. По словам П. Кристеллера (1863–1931), художники

«<...> не могли подняться выше среднего уровня», поскольку в этот период к национальному немецкому художественному искусству не было никакого философского интереса, а значит, не было и обоснования отразлевой идеи национального подъема [10, с. 150].

Самую серьезную роль в развитии идеи возрождения самосознания сыграла плеяда философов-классиков: И. Канта И. Г. Фихте Ф. В. Й. Шеллинга, Г. В. Гегеля, вклад которых в развитие немецкого самосознания бесспорен. Все они искали свободы, но каждый из них шел своим путем: Кант определял свободу как метафизическое свойство, априорно присутствующее в человеке в виде морального закона, определяющее независимость от чего-бы то ни было, в том числе, и от собственной чувственности. Кант был в своих высказываниях относительно «немецкой ментальности» наиболее осторожен. У Фихте свобода реализуется через нравственность, а начало ее лежит в самосознании, в зазоре между абстрактным субъектом, и объективной реальностью. Философ в разных аспектах рассматривает «национальное превосходство» немцев перед другими народами. Шеллинга волнует природная наполненность человеческой свободы,

способность человека сочетать в себе противоположные категории Добра и Зла, его «инаковость» с Богом. Гегель связывает свободу с «духом» человека и рассматривает понятия «нация» и «дух» в государственном измерении. Таким образом, фокус понятий: «свобода», «возрождение народа», «немецкий дух» был у философов «классического периода» различен.

Причина этого различия не только в том, что и сами они были ментально разными: Кант был пруссом, Фихте-саксонцем, Гегель и Шеллинг-немцами, из земли Вюртемберг, но и в том, что в вопросе самоидентификации немцев, затрагивающем все субфреймы: язык, культуру, поведение, мировоззрение — каждый из философов выбрал наиболее важное для него лично согласно собственному менталитету. Кант отдавал предпочтение мировоззрению, Фихте-поведению, Гегеля и Шеллинга занимали язык и культура. По мнению Фихте,

«<...> средство спасения <...> состоит в образовании совершенно новой самости, существовавшей прежде, пожалуй, только как исключение у отдельных лиц, но никогда как всеобщая и национальная самость, и в воспитании нации <...>» [17, с. 63].

Таким образом, национально-автономная «самость» некогда покоренного германцами народа саксов, к которому принадлежал этот философ, и прочих народов, населявших в XVIII веке Германию, должна быть трансформирована в общенемецкую «самость» путем «воспитания масс» — таков общий вектор движения возрождения «немецкого духа». «Воспитывать массы» философы-классики предполагали по-разному, каждый в соответствии со своим пониманием свободы и «немецкого духа», однако «буря и натиск», как совершенно четкая интонация, предвещающая разрушение и смерть, всегда сопровождала идею «возрождения немецкого духа». Ее символом в некотором роде может служить гравюра А. Дюрера «Рыцарь, дьявол и смерть». Рыцарь, ради славы и будущего огнем и мечом покоряющий народы, равнодушно вззирающий на смерть и разрушения — вот образ настоящего немца, спасителя Германии, потомка херусков, издавна закрепленный в менталитете немцев. Стремление к резкому переходу от «неистовства» к демонстрации порядка и размеренной организации во всем призвано парализовать чужую волю, лишить человека собственного мышления, что отмечает в «Феноменологии духа» и сам Гегель. По-видимому, подобный психологический триггер возник в процессе постоянных захватнических войн, когда «придя с мечом», немцы быстро устанавливали порядок на захваченной территории и население, видя определенный экономический подъем, быстро онемечивалось. «Онемечивание» после окончательного утверждения захватнических притязаний Немецкого (Тевтонского) ордена на Пруссию, произошло примерно за II века до рождения Канта, но тут возник другой казус: пруссы стали через немцев влиять на всю Германию. Как это происходило?

Эту немецкую склонность к разрушению хорошо ощущали потомки покоренного рыцарями пруссов: кенигсбержцы, ученики Канта, его Tischgesellschaft — Ленц Я. М. Р. (1751–1792), И. Г. Гаман (1730–1788) и И. Г. Гердер (1744–1803), ставшие активными участниками «Бури и натиска» [13, с. 1]. И они успешно

противостояли ей благодаря четко просматриваемой гуманитарной космополитической позиции, стремлению ко всеобщему миру как высшей ступени осмысленной деятельности человека. В этой «успешности» есть немалая заслуга Канта, которого, по свидетельству Н. Карамзина, М. Мендельсон назвал «все сокрушающим Кантом» [11, с. 222], а Х. Арендт уточняет, что Кант «есть «сокрушитель любого убеждения в том, что человек способен знать так называемые метафизические предметы и что возможна метафизика как «наука», обладающая той же степенью достоверности, что и другие науки» [1, с. 64]. Следует особо отметить роль И. Гердера, как не только яркого философа-теоретика культуры, но и удивительно харизматичную личность, влияющую на умы современников, и даже на такую мощную личность как Гете. По словам Н. В. Гоголя, он был одним из «величайших зодчих мировой истории» [3, с. 690].

Более того, пруссы-кантианцы сумели изменить взгляды Гете, снискавшего в этой связи на почве своей политической индифферентности немало шипов от своих немецких поклонников. Очевидно, что эти «штюрмеры», несмотря на очевидную разницу характеров и взглядов, обладали ярко выраженной прусской ментальностью: были склонны к отстаиванию собственного мнения и полной независимости от чужого, обладали четкой направленностью интересов и покоряющей харизмой, любили общение, комфорт, но при этом обладали скромностью. Все они испытывали влияние философии Канта, поскольку ценили его трудолюбие, честность во всех делах, разделяли его жизненные принципы, и, несмотря на многие расхождения по части философии, были о нем как о человеке самого высокого мнения.

Большинство их общих знакомых, разделявших убеждения участников общества или знавших о нем, были хорошо знакомы с Кантом, вели с ним переписку, читали его труды, и так или иначе, наблюдали развитие идей Канта в его учениках. Философ отрицал разделение людей на «просвещенные» и «непросвещенные», разделяя их только по типам. Эта концепция хорошо просматривается в соотношении свободы и гуманности, которая «в мировом масштабе призвана дать человеку истинную свободу». Именно Кант впервые заявил, что «вхождение человека в мир культуры расширяет его поле свободы», тем самым обосновав взгляд на культуру как на базовую ценность всего человечества. Штюрмеры берут на себя триединую задачу: дать каждой самостоятельной личности свое место в обществе, каждому художнику — свободу самовыражения, а потребителю культурного продукта — удовольствие от художественного изображения «правды жизни». Как видим, «штюрмеры» претендовали на личностную позицию творца и жаждали перемен в сознании общества по части социальных отношений.

Еще одной точкой соприкосновения Канта со «штюрмерами» можно назвать его мысли по отношению к природе прекрасного. Кант писал, что «прекрасное в искусстве должно создавать впечатление правдивой естественности». С этим согласен один из «столпов» музыкального искусства того времени композитор К. В. Глюк (1714–1787): «Простота, правда и естественность — вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства» [5].

И. Гердер также отходит от «классического» понимания искусства как слепого «подражания природе», называя такое искусство «обезьянничанием» (Nachaeffung) и вместе со «штюрмерами» Я. Ленцем и И. Гете доказывает необходимость изображения «правды жизни». Позиция отхода «штюрмеров» от «идеального» вызвала в литературных кругах шквал критики, однако лишь укрепила их в правильности выбранного пути:

«Я. Ленц прямо критикует концепцию Ш. Бате, руководимого вкусом и «удовольствием» подражания «прекрасной природе», когда пишет: Настоящий художник не творит с помощью силы своего воображения, как ему нравится, то, что господа любят называть, прекрасной природой. Он занимает свою позицию — и тогда он должен творить в соответствии с ней» [6, с. 106].

Критики упрекали их в излишней экзальтации, профанации прекрасного, замене его эстетикой безобразного. Тогда Гердер, в полном соответствии со своим прусским характером, начинает «бить врага на его же поле»: обобщает все свои знания и создает собственную концепцию, которая, по его мнению, доказывает важную роль культуры как способа формирования гуманности. Однако, государство, которое Гердер недвусмысленно называет «полипом», отнимает у людей их «деятельный, изобретательный, свободный дух», поэтому границы государств должны быть разрушены.

Эта идея наиболее близко подходит к кантовскому «вечному миру», но с другой стороны — в силу выдвижения Гердером Германии на роль «спасителя Европы» (и исключения им права цыган на самоопределение) мы отмечаем в его личности начало формирования «нового типа прусскости», приведшей Европу к Бисмарку. И этот тип тем больше отходит от позиций Канта (что и потом случилось в действительности), чем больше сближается с позицией Гегеля. Причиной этому можно назвать найти в точном наблюдении Шиллера: «Гердер склоняется к крайнему материализму, если только не привязан к нему всем сердцем» [3, с. 688].

Материализм победил и погубил Гердера как философа, сделал его неискренним, хотя он сам этого не понимал. Разрыв сознания на веру и атеизм не может дать цельности самосознания. В этом была его трагическая ошибка. Вот как Гердер пишет о «возрождении» немцев, благодаря их прекрасным качествам, но эти качества уже типичного «пруссачества»: смеси прусской честности и бюргерского порядка [12]: настоящая военная машина, стоящая «твердо» и «непоколебимо»:

«Тем больше чести немецкому народу, что и в этих опасных обстоятельствах, сложившихся исторически, он стоял твердо и непоколебимо, как крепкая стена, как заслон, обеспечивая свободу и независимость Европы, всего христианского мира немецкая честность и любовь к порядку способствовали спокойствию и благосостоянию» [3, с. 538].

Можно отыскать еще множество связей Канта с идеями штюрмеров, как и подтвердить их обсуждения через переписку и воспоминания, но есть еще

нечто существенное, что связывает философа со всеми «бурными гениями»: это их преклонение перед «формой». У Канта это выражено особенно жестко в его «Критиках», но если отбросить сугубо философские рассуждения о форме, то задача облечь мысли в форму в культуре образует поэзию. Восхищение поэзией Кантом и всеми «штюрмерами» дало толчок к возникновению всех их культурологических концепций. Проблема творения в неподходящих условиях убогой культурной атмосферы постоянно ими обсуждалась и вылилась в возмущение данным положением. Невозможность «воспитания» слушателя и зрителя на старом классическом репертуаре бросила вызов времени горячим сердцам образованной молодежи. Все остальное для Канта уже не будет иметь такого значения в движении штюрмеров, как прикосновение к этой «высшей форме искусства» через друзей, литературу или философию-неважно! Кант, в отличие от многих философов умел ценить все изящное и прекрасное и получать от этого наслаждение.

С Кантом «штюрмеры» сходились прежде всего по вопросу оценки «гения» и его роли в искусстве, которую философ раскрыл в «Критике способности суждения» за 1790 год, спустя 5 лет после распада движения «Буря и натиск», хотя они обсуждали эту тему в доме у Канта задолго до его возникновения. «Что такое гений?» — спрашивает исследователь немецкого менталитета Грета Ионкис из Кельна. И сама же дает ответ: — «Дух. Дух немцев сумрачный, трагический» [9]. Кант и Гердер начали философское исследование этого вопроса, получившего затем развитие в ментальном аспекте у Гегеля. Гердер пишет и о «духе»:

«В работе И. Г. Гердера о У. Шекспире отчетливо прослеживается, как вместо правил нормативной поэтики, в особенности правил о «трех единствах», на первый план выступило единство «духа» гения и его творчества» [6, с. 111].

В дальнейшем, И. В. Гете, Ф. В. Шеллинг и Г. В. Ф. Гегель в значительной степени отталкивались от этого труда в своих концептуальных построениях научной эстетики, а посему, можно согласиться с тезисом, что

«<...> основной этап в развитии научной эстетики XVIII века представлен Г. В. Ф. Гегелем, И. В. Гёте, И. К. Ф. Шиллером и другими мыслителями, <...> особенно велика в этот период оказалась роль И. Канта» [7, с. 1].

Весьма интересной представляется метафизика свободы у Шеллинга.

«В ней свободе <...> находится последний потенцирующий акт, посредством которого вся природа преобразуется в ощущение, в интеллигенцию, наконец, в волю. В последней, высшей инстанции нет иного бытия, кроме воления. Воление есть прабытие, и только к волению приложимы все предикаты этого бытия: безосновность, вечность, независимость от времени, самоутверждение. Вся философия стремится лишь к тому, чтобы найти это высшее выражение» [19, с. 101].

Развивая мысль о свободе во всей новоевропейской философии, Шеллинг кладет в основу бытия волю. Философ пишет: «реальное самополагание, исконное и основное воление, которое само делает себя чем-то и есть основа и базис всякой сущности» [19, с. 105]. Этот момент содержания самого себя как *prigius*, основания в самом себе абсолютном объясняет онтологию свободы как воли в ее историческом и нравственном аспекте. Интерпретация кантовского «основания свободы» в философии Ф. Шеллинга «открывает двери» его «философии тождества». Основа всякой сущности есть природа, которая не есть сущность существующего. Природное начало присуще всем. То же можно сказать и о «природной» основе Бога, который содержит это природное начало в себе, но это начало-не есть его сущность в абсолютном рассмотрении. Таким образом, космополитичность — та форма человеческого существования, которая наиболее близка к Абсолютной. В этом Шеллинг близок к идеям Гердера, как никто другой. Самопознание — это конкретное постижение себя внутри самого себя, обнаружение себя и своего мировоззрения как истины

Совсем другое просматривается как исходящая первоначальная идея у Фихте. Философ считал ошибкой, что кантовская перспектива «вечного мира» основывалась на разрушении культурных и политических барьеров, а идея автономности свободы человека -на далеких от практической жизни метафизических «иллюзиях», поэтому не мог согласиться и со «штюрмерами», с их выпуклой идеей героического индивидуализма в культуре:

«<...> штюрмеры слишком большое значение придавали исключительности и индивидуальности человека, превозносили «великую индивидуальность» и расценивали ее действия как героизм, нисколько не беспокоясь о политических и общественных интересах»-[6, с. 111].

Мировоззрению Фихте чужд взгляд Канта на эволюционное происхождение мира и человека: рассуждая о фазах истории, он исключает всяческий прогресс, делая акцент на ментальных способностях народа. «Просвещенные» или «непросвещенные» народы — это не стадии развития общества, а ее ментальный показатель. Кроме того, он исключал возможность «воспитания народа» через культуру, считая, что любое обучение в данной области будет насилием над природными склонностями человека, и как следствие — уводить от аутентичного проявления его свободы. Эта разница в методах достижения национального самосознания и возрождения немецкого духа заметно «проложила пропасть» между молодым Фихте и штюрмерами, которые ко времени «расцвета» его философии давно утратили юношеский пыл. Фихте считал, что все произведения искусства синтетичны, в них нет никакого личного опыта человека, поэтому даже оценку произведений следовало бы производить только в профессиональных кругах, чтобы исключить «чуждое влияние». Фихте самым кардинальным образом порывает с ключевой идеей Канта и Гердера о всеобщем мире на основе гуманизма и культуры и кладет «во главу угла» идею национальной свободы.

Фихте не отвергает личную свободу, но делает необходимым условием возрождения всего народа ее социальное и экономическое измерение. Раздро-

бленность и фрагментарность бытия отдельного человека, его личная автономия не могут служить интересам общества, поскольку человек служит «изменением самого себя». Оценить его пользу могут только другие, поэтому взгляд «Другого» необходим человеку, чтобы осознать себя человеком. Объединяясь по принципу рода, человек уступает ему свою индивидуальность, получая взамен определенные правила поведения, призванные охранять основополагающие принципы общества, связанные прежде всего с экономическим и социальным благополучием. Нарушая право собственности и вообще правила, принятые в обществе, человек теряет право на достоинство, становясь безнравственным.

Опуская многочисленные воспоминания о Фихте, как о человеке экзальтированном, идущим на крайности, а порой и производящем впечатление «страшного», «жестокоего» человека, можно сказать, что его «Наукоучение» (1808) и «Речь к немецкой нации» (1808) произвели такое впечатление на немцев, которого не смогли добиться штурмеры. Они возродили интерес к проблеме национального самосознания, ментальных ценностей, среди которых на первом месте стояли типичные проявления немецкого менталитета: склонность к порядку и подчинению. Однако, это касалось исключительно тонкой просвещенной прослойки населения. У бюргеров, помимо штурмеровской литературы, были в изобилии псевдогерманский фольклор, и отрывки из римской истории и мифов, но не было никаких серьезных знаний о самих себе, а попытки Канта без основательного и системного анализа дать характеристики нации выглядели как осторожные наблюдения натуралиста. Шеллинга интересовал процесс самопознания, самоопределения, он писал о субстанции, как об активном субъекте собственного саморазвития. Но это была пища для ума интеллигенции, а не для простых бюргеров.

Лишь с Гегеля пришло осознание, что немцам для «возрождения» необходим поводырь: лицо, которое взяло бы на себя ответственность за свои призывы и поступки людей, на них откликнувшихся (такими лицами стали только Бисмарк и Гитлер). Фихте таким лицом не был, а потому его речи немцы восприняли как угрозу их спокойному существованию. Сам Фихте считал иначе:

« <...> дух мой собирает вокруг себя образованную часть всей немецкой нации, из всех тех земель, по которым она рассеяна, учитывает и разумеет положение и обстоятельства, общие для всех нас, и желает, чтобы частица той живой силы, с которой охватят Вас, быть может, эти речи, осталась и в немом отпечатке, который только и попадет на глаза здесь отсутствующим, и дышала в нем, и воспламеняла повсюду души немцев к решимости и к действию» [17, с. 150].

Саксонец, конечно, был прирожденным оратором, но этого было мало, чтобы случилось «возрождение». Фихте послушали, поаплодировали — и все! Его ментальная горячность вызывала у немцев глухое раздражение, и приостановило карьеру. Но до разговора о его ментальности дело так и не дошло: саксы ко времени Фихте давно «онемечились», а их ассоциация с потомками «древних германцев» — например, немцами из Баварии, не вызывала никакого отторже-

ния ни у «истинных немцев», ни у представителей остальных покоренных германцами и онемеченных рыцарями племен. Таким образом, наиболее радикальные призывы эпохи Просвещения, произведенные в пользу немецкой нации, в целях возрождения ее самосознания, исходили, по иронии судьбы, от представителя некогда покоренных ею народов, и поэтому, в силу ментального несоответствия, навсегда остались «немым отпечатком» в памяти народов Германии, в полном соответствии с пожеланиями их автора.

Сочетание «необходимости» и «свободы» увлекала Фихте в философии Канта, который по своему добросердечию взялся помогать молодому философу, что нисколько не мешало тому критиковать многие положения кантовского идеализма. По мнению Фихте, использование власти (даже как грубой силы) не противоречит личной свободе человека, поскольку умножает значимость всего народа, а следовательно, и конкретного человека, как его представителя. Но чтобы оценить усилия государства, человек обязан подняться на вершины самопознания. Таким образом, Фихте полностью не отрицал индивидуализм, поскольку именно через человеческую единицу происходит реализация свободы. Поэтому определенная «коррекция» индивидуума от власти в национальных интересах необходима для продуктивной работы государства. «Свобода» и «необходимость» составляют основу закона и истекающей из разумного подчинения закону нравственности в-целом. В этом отношении Фихте как нельзя лучше предшествует идеям Гегеля.

В центре внимания Гегеля-народ и народы в своем историческом и государственном развитии. Теоретическую базу их развития Гегель рассматривает через дихотомию понятий «свободы» и «необходимости». Свобода господствует над необходимостью и ассимилирует ее, делая своей составной частью. Рассматривая принцип перехода необходимости в свободу Гегель иллюстрирует это социальными отношениями «господства-рабства»: «<...> самосознание, которое свободе предпочитает жизнь, вступает в отношение рабства <...>». Гегель отказывает «услужающему» в «самости», отсюда делается вывод о немецкой нации как нации «господ».

Гегель дает немцам собственную нелюбимую характеристику, поскольку полагает, что Германия и ее граждане далеки от совершенства. Однако рассматривая немецкую нацию в историческом развитии и сравнении, он рассматривает Прусское государство как вершину теоретического разума, в котором человек может достичь самопознания. Для этого у Пруссии есть все: язык, культура, философия, история, практическая жизнь. Разумеется, Гегель далек от мысли искажать остатки прусского менталитета в современной ему Пруссии, объединившей множество территорий. Речь идет о Прусском государстве, а не о маленьком курфюршестве столетней давности. Образец, заданный Пруссией как государством другим народам Германии (и мира) объясняет превосходство немцев перед другими (славянскими) народами.

Гердер раньше Гегеля выдвинул идею современного национального государства, но у Гердера она основывалась на семье, как малой единице народа. Идеи, связанные с милитаризацией, войной, Гердер, Кант и «штюрмеры» катего-

рически отметили, поскольку находили в них потенциальное саморазрушение. В этом «штюрмеры», не могли согласиться с Гегелем. Таким образом, «разнос» Гердера и Гегеля, несмотря на их общее увлечение «крупной формой» поисков самосознания в государстве и рассмотрения его в историческом ключе, выразился в их полярных позициях относительно способа осуществления свободы: через универсальные параметры цивилизации, сочетающей в себе материальные и общие ценности для всех крупных государств; и в выдвижении на вершину культуры конкретного государства, влияющего как авторитетный источник на все остальные национальные образования. Нация, согласно Гегелю, обладающая совершенным разумом, становится источником постоянного обогащения культуры, делает ее неиссякаемой.

Следовательно, Гегель уверил немцев в том, что совершенное немецкое общество «братьев» призвано стать вершиной человечества. Эта заманчивая идея принудила немцев смириться с мыслями создания национального имперского государства Пруссии во главе с Бисмарком, а затем, и с фюрером, о недостижимости идеалов свободы и демократии в пользу буржуазно-прагматического мышления. Таким образом, эпохе немецкого романтического идеализма пришел конец. О катастрофе для Германии и всего мира, которую обнаруживает утрата идей «штюрмеров», сегодня напоминает лишь тезис из гердеровской «Истории искусств»:

«Придет время, когда никто уже не будет спрашивать в Европе, иудей ты или христианин, ибо и иудей тоже будет жить по европейским законам и способствовать процветанию государства. Лишь варварское устройство государства могло помешать ему жить так до сих пор и могло обращать его способности себе во вред» [3, с. 504].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/doc30601958_458140833?hash=CfxhcVM4WVbquo9hxFIBxdrvAxDgg0Zi9Kxh24FmIqz&dl=VVkSzOtrqTJ69oOhz40qwGYhxMXshzlewzsZG7oqSBc (дата обращения: 05.08.2023).
2. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Колл. авт.: Гальцов В. И., Исупов В. С. — Калининград: Книжное издательство, 1996. — 538 с.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер; [пер. с нем. А. В. Михайлова]. — 2-е изд., испр. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 760 с.
4. Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990. — СПб.: Наука, 2003. — 470 с.
5. Ермишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/466770-kristof-villibald-gliuk-prostota-pravda-i-estestvennost-vot-tri-veliki> (дата обращения: 05.08.2023).

6. Ерофеева Н. Е. Бурикова С. А. Я. М. Р. Ленц и эстетика литературы «Бури и натиска». [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-m-r-lents-i-estetika-literatury-buri-i-natiska> (дата обращения: 05.08.2023).

7. Загороднева Ю. А. Учение И. Канта о «гении». [Электронный ресурс]. — URL: <http://sibac.info> (дата обращения: 05.08.2023).

8. Заиченко О. В. «Германский миф»: немецкие интеллектуалы в поисках «общего прошлого» и национальной идентичности. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25934179> (дата обращения: 05.08.2023).

9. Ионкис Г. Истоки менталитета немцев и их Ordnung. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/2/324/8904/istokimentalитета-nemcev-i-ih-ordnung?lang=ru> (дата обращения: 05.08.2023).

10. Кристеллер Пауль. История европейской гравюры / Пер. А. С. Петровского. — М.: Гос. изд-во «Искусство», 1939. — 518 с.

11. Круглов А. Н. Русские свидетельства об Иммануиле Канте. [Электронный ресурс]. — URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/russkie-svidetelstva-ob-immanuile-kante.pdf> (дата обращения: 05.08.2023).

12. Медведева Т. С. Репрезентация концепта ORDNUNG в немецкой языковой картине мира // Вестник Удмуртского ун-та. Филологические науки. — 2007. — № 5 (2). — С. 105–114.

13. Мотрошилова Н. В. Иммануил Кант: повседневность, Tischgesellschaft в единстве с философией в эпоху Просвещения. [Электронный ресурс]. — URL: <https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/n-v-motroshilova-immanuil-kant-1> (дата обращения: 05.08.2023).

14. Петренко С. П. Германия 18 века: начало формирования немецкой нации. [Электронный ресурс]. — URL: <https://asnka.ru/raznoe/germaniya-18-veka-nachalo-formirovaniya-nemeczkoj-naczii-tema-nauchnoj-stati-po-istorii-i-arheologii-chitajte-besplatno-tekst-nauchno-issledovatelskoj-raboty-v-elektronnoj-biblioteke-kiberl.html> (дата обращения: 05.08.2023).

15. Степаненко О. А. Национальная идентичность как сюжет немецкой художественной литературы. [Электронный ресурс]. — URL: [https://natsionalnaya-identichnost-kak-syuzhet-nemetskoj-hudozhestvennoy-literatury%20\(5\).pdf](https://natsionalnaya-identichnost-kak-syuzhet-nemetskoj-hudozhestvennoy-literatury%20(5).pdf) (дата обращения: 05.08.2023).

16. Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии/ [Электронный ресурс]. — URL: <https://prussia.online/books/o-proishozhdenii-germantsev-i-mestopolozhenii-germanii> (дата обращения: 05.08.2023).

17. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / И. Г. Фихте; пер. с нем. А. А. Иваненко. — СПб.: Наука, 2009. — 350 с.

18. Флакман А. А. Немецкий язык как отражение ментальности его носителей. [Электронный ресурс]. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002850271> (дата обращения: 05.08.2023).

19. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 2. — 636 с.

ПРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ИДЕЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 340.11

Баган Владислав Владимирович,
иерей, кандидат богословия, кандидат юридических наук,
доцент Смоленской православной духовной семинарии,
baganvlad@mail.ru

ДОКТРИНА С. С. КОТЛЯРЕВСКОГО О РЕЛИГИОЗНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Представленная статья является анализом философско-правовых взглядов русского историка, мыслителя и правоведа Сергея Андреевича Котляревского. Несмотря на глубинные историко-правовые исследования, наследие С. А. Котляревского остается далеко не полностью изученным. С. А. Котляревский является одним из дореволюционных авторов, незаслуженно забытых в современной науке. Правовая концепция С. А. Котляревского плюралистична. Котляревский находит возможность примирить в рамках собственной правоведаческой модели различные источники и направления: школу возрождения естественного права, психологическую теорию права, традиции позитивистского правоповедения, исторической школой права.

Ключевые слова: правоповедение, правосознание, философия права, С. А. Котляревский, религиозная философия, православное государство, библейская теократия.

Bagan V. V.

THE DOCTRINE OF S. S. KOTLYAREVSKY ON THE RELIGIOUS ORIGIN OF LEGAL CONSCIOUSNESS

The presented article is an analysis of the philosophical and legal views of the Russian historian, thinker and jurist Sergey Andreevich Kotlyarevsky. Despite in-depth historical and legal research, the legacy of S. A. Kotlyarevsky remains far from being fully studied. S. A. Kotlyarevsky is one of the pre-revolutionary authors, undeservedly forgotten in modern science. The legal concept of S. A. Kotlyarevsky is pluralistic. Kotlyarevsky finds an opportunity to reconcile various sources and trends within his own legal model: the school of the revival of natural law, the psychological theory of law, the traditions of positivist jurisprudence, and the historical school of law.

Keywords: jurisprudence, legal awareness, philosophy of law, S. A. Kotlyarevsky, religious philosophy, Orthodox state, biblical theocracy.

К началу XX века российские либеральные теоретики развивали идею правового государства. Обоснованием источников верховенства права больше всего занимались философы-идеалисты: Борис Чичерин, Владимир Соловьев и их преемники. Наиболее систематизирована тема правового государства в работе Сергея Котляревского «Власть и право: проблема правового государства». Это объемное исследование заслуживает более тщательного изучения. Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939), выходец из дворянского сословия Саратовской губернии, был одним из ведущих российских социальных философов и общественным деятелем при зарождении русского либерализма [5, с. 143–192].

Сергей Котляревский был религиозным идеалистом, метафизиком-персоналистом и либеральным теоретиком, чьи идеи были ближе всего к идеям Сергея Трубецкого (1862–1905), Евгения Трубецкого (1863–1920) и особенно Павла Новгородцева (1866–1924), его старших коллег по Московскому университету и Московскому психологическому обществу. Он сочетал философский идеализм с широким культурно-историческим подходом к либерализму. Проницательный исследователь религии и общества, он пришел к убеждению, что либеральная гражданская культура уходит своими корнями в свободную и динамичную духовную жизнь. В своем эссе 1905 года «Предпосылки демократии» [2, с. 104–127] он описал тип религиозного сознания, способствующий развитию и углублению либерализма: «одухотворение человеческой жизни — вот истинная предпосылка принципа «царства свободы». Невозможно представить без религии, устанавливающей связь между земным и небесным» [2, с. 126–127].

Неудивительно, что автор этих строк глубоко ценил автора «Многообразия религиозного опыта» [1]. Через Уильяма Джеймса Котляревский очень заинтересовался прагматизмом [3], ценя его за представление о широких возможностях человеческого опыта, а не о догматических ограничениях той или иной монистической идеологии. Он считал, что прагматический подход ко всему спектру человеческого опыта, включая мораль и религию, может способствовать развитию целостного, сбалансированного и либерального мировоззрения. Прагматизм является теми общефилософскими рамками, в которых Котляревский мыслит свой проект «Власть и право: проблема правового государства» [4].

Одна из важнейших тем «Власти и права» заключается в том, что сама идея правового государства не является специфической для современного конституционализма, а принадлежит «культурному наследию человечества» [4, с. 44]. «Он проходит сквозь века, как искание закона, как устремление человеческого духа — замолкающего, восстающего, никогда не умирающего; только те политические и социальные формы, в которых она воплотилась... умирают и обречены на смерть» [4, с. 233]. В третьей главе своего исследования («Исторические воплощения») Котляревский следует этим вечным поискам все более правового государства и его относительных, исторических приближений. Его тезис состоит в том, что правовое государство предполагает определенное правосознание.

Его особенно интересует, как религиозные идеи и институты повлияли на развитие этого сознания и его основного морального убеждения, что власть должна быть ограничена законом.

Котляревский находит древние корни правового государства в библейских теократиях. На первый взгляд эта родословная может показаться весьма проблематичной, ведь теократия и правовое государство могут сочетаться только как полярные противоположности. Сам Котляревский как нельзя более критично относился к теократическим течениям современной общественной мысли, начиная с размышлений о «свободной теократии» за авторством Владимира Соловьева. Однако необходимо различать различные значения термина «теократия», учитывая исторический контекст. То, что было ретроградным в более поздний исторический период, вполне могло быть прогрессивным в более ранний период. Котляревский утверждает, что в известном смысле под теократией может пониматься ограничение светской власти волей Бога в лице его земных представителей. В этой концепции религиозная санкция дается светской власти лишь условно и может быть отозвана, и в этом случае она превращается в санкцию на свержение провинившегося правительства. «Здесь при защите религиозных норм может сохраняться относительная безопасность граждан, как в другие эпохи и обстановка она сохраняется при правовых нормах» [4, с. 123–124].

Лучший пример этого типа теократии можно найти у древних евреев. Котляревский различает два типа теократических идеалов в еврейской традиции: священнические и пророческие. И то, и другое способствовало развитию правосознания, хотя Котляревский считал пророческо-мессианскую традицию более значимой, особенно в ее религиозном универсализме, в ее горячей вере в нравственный миропорядок, в ее призыве к личной и общественной праведности. Богородивший властный голос пророков действовал как сдерживающая сила против произвола власти [4, с. 127–128]. Израильские цари должны были править не деспотически, а согласно воле и закону Бога; «это не столько монархическая власть, сколько монархическое служение» [4, с. 132]. Таким образом, теократия, как она изображена в еврейской Библии, «сама обеспечивала определенный правовой порядок, хотя и внеправовыми нормами: воля земного правителя была конкретно ограничена высшей божественной волей» [4, с. 131]. Наиболее важной была вера в то, что божественные веления не являются чем-то внешним по отношению к человеческой природе, а подтверждаются совестью. «Таким образом, теократия, ограничивая государственную власть своим именем, ограничивает ее нормой, вытекающей из самой человеческой природы, можно сказать, из ее естественного закона» [4, с. 133–134]. Котляревский придавал большое значение правосознанию древнего Израиля, развивавшемуся рядом с иудейским монотеистическим религиозным идеалом. «Многое из этого духовного богатства было унаследовано и переработано грядущими веками: многое из него оставило след в истории европейского государства и его утверждении правовых принципов» [4, с. 134].

Котляревский утверждал, что христианство также внесло большой вклад в идею правового государства. Первым из них была идея свободы вероиспо-

ведения; требование, выдвинутое раннехристианскими апологетами против языческого Рима. Они защищали это требование как соответствующее правовым принципам, признанным самим Римом, принципам, которые не позволяли христианам беспричинно быть лишенными свободы. Христианские апологеты призывали Рим уважать его собственные правовые принципы, и тем самым, по мнению Котляревского, они способствовали углублению его правосознания. В то же время сама церковь стала более авторитарной, иерархической и репрессивной — психологические черты, «которые не остались без большого влияния на отношение христиан к власти и государству» [4, с. 177–178]. Внешне церковь одержала важную победу в 313 году, когда Миланский эдикт предоставил свободу вероисповедания всем римским гражданам. «Но скоро начнется другой период», когда церковь воспользуется своей новой властью и привилегиями, чтобы подавить религиозную свободу, которую она отстаивала ранее. Здесь лежат корни средневековой нетерпимости, однако сама власть церкви могла также ограничить власть государства, как это известно в отлучении Амвросием Медиоланским императора Феодосия от Церкви в 390 году [4, с. 178].

Уравновешивающая сила Церкви и государства породила «средневековый дуализм», который, по Котляревскому, так отличал католический Запад от православного Востока и включал «государственное всемогущество» [4, с. 179–180]. Однако власть церкви рисковала скомпрометировать свое духовное призвание и самобытность, поскольку брала на себя светские обязанности в сильно децентрализованном феодальном мире. Церковь осознавала опасность внутренней секуляризации и пыталась противодействовать ей несколькими способами: монашество (особенно с реформой Ключни и основанием нищенствующих орденов); реформы папы Григория VII (1073–1085), которые утверждали верховенство папы и осуждали инвеституру мирян, симонию и церковные браки; систематизация канонического права. Эти далеко идущие меры позволили церкви сохранить свое единство и независимость [4, с. 197–200].

Через свои монашеские, церковные и правовые реформы средневековая церковь пыталась соединить аскетизм и теократию. Вслед за святым Августином он считал, что духовная власть над миром оправдывается только аскетическим отвержением мира. Котляревский считал, что это своеобразная комбинация, имевшая далеко идущие последствия для последующего развития правового государства. Церковь стала удерживать власть как функцию, а не как собственность — *ministerium*, а не *dominium*, по выражению Бернара Клервоского [4, с. 199]. Это резко отличало духовную власть от власти светской, которая еще была «родовой», но которая впоследствии также стала мыслиться как функция, служащая высшим (государственным) целям.

Далее Котляревский указывает на позднесредневековое соборное движение, которое, хотя и потерпело крах внутри церкви, стало важнейшим источником конституционных идей в политической мысли раннего Нового времени [4, с. 200–201]. Другие важные католические вклады в идею правового государства были естественное право и теория договоров [4, с. 204]. Что наиболее важно, церковь сохранила автономию религиозной сферы как своими духовно-

аскетическими реформами, так и своей институциональной властью против государства. В целом средневековому Западу удалось избежать того, что Котляревский называет «византийским цезарепапизмом», несмотря на определенные усилия в этом направлении со стороны Священной Римской империи. Он отмечает, что историки часто признавали, что дуализм церкви и государства был «весьма благоприятен для европейской свободы», и он явно с ними согласен [4, с. 205–206]. Верно, что и церковь, и государство стояли на теократической почве, и что государство превзошло церковь в преследовании ереси. Но внутри церковной сферы были пределы государственной власти, и в этом Котляревский видит зачатки свободы совести, с которой, говорит он, связаны все остальные свободы [4, с. 206–207].

Котляревский не оставлял сомнений в том, что его философия права нуждается в теистической метафизике. Его источник трансцендентен и может быть полностью постигнут только в религиозном сознании и опыте [4, с. 395, 411–412]. В связи с этим он вернулся к вопросу о теократии, напомнив, что это была первая форма законного ограничения власти, на стадии, когда право не было четко разграничено с моралью и религией. Но теократия давно изжила свое историческое оправдание и стала несовместимой с современным правосознанием в двух основных отношениях. Во-первых, «она возлагает на государство задачи, чуждые его природе, задачи, которые оно, таким образом, может реализовать только путем постоянного крайнего принуждения». Отсюда важность отделения церкви от государства и свободы совести, без которых невозможны полное развитие религиозного сознания, а тем самым и глубочайшее уважение к человеческому достоинству [4, с. 412–413]. Во-вторых, теократия принижает религиозный идеал, слишком тесно отождествляя его с временным и относительным. Следует искать правильный баланс между религиозным материализмом и религиозным спиритуализмом. Правовое государство есть ступень на пути к реализации божественной человечности. Представление Котляревского о правовом государстве вполне укладывалось в понятие «оправдания добра» В. С. Соловьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джеймс У. Многообразии религиозного опыта. Пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович и М. В. Шик. — М.: Наука, 1993. — 431 с.
2. Котляревский С. А. Предпосылки демократии // Вопросы философии и психологии. — Кн. 77. — 1905. — № 2. — С. 104–127.
3. Котляревский С. А. Прагматизм и проблема терпимости // Вопросы философии и психологии. Кн. 103. — 1910. — № 3. — С. 368–379.
4. Котляревский С. А. Власть и право: Проблема правового государства. — М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, Тип. «Мысль» Н. П. Меснянкин и Ко, 1915. — 417 с.
5. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 3. — М.: Зерцало-М, 2015. — (серия «Русское юридическое наследие»). — 464 с.

УДК 37.017

Бильченко Евгения Витальевна,
профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
yevzhik80@gmail.com

**ОТ АНТИ-ЭДИПА К КОМПЕТЕНТНОСТНОМУ СУБЪЕКТУ:
ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

В работе анализируется кризис неолиберальных реформ в отечественном образовании и выдвигается гипотеза о том, что злоупотребление «лично ориентированным подходом» в педагогике приводит к утрате личности и превращению ее в набор компетенций (модульный субъект). Цель работы — сравнить классическую отечественную модель знания и постмодерную западную модель компетенций, вскрыть внутреннюю динамику развития англосаксонского постмодернизма в педагогике от креативного номада (Анти-Эдипа) до деструктивного «модульного субъекта» (тела-без-органов). Применяется метод философской транскрипции педагогики и художественной транскрипции философии: когнитивная и компетентностная педагогики представлены как проявления трансцендентализма и прагматизма. В работе доказывается, что чрезмерная прагматизация приводит к вестернизации российского образования и к утрате аутентичных традиций высокого академизма.

Ключевые слова: Анти-Эдип, модульный субъект, номад, тело-без-органов, постмодернизм, трансцендентализм, прагматизм.

Bilchenko Y. V.

*FROM ANTI-OEDIPUS TO A COMPETENT SUBJECT: A PHILOSOPHICAL VIEW
ON THE CRISIS OF LIBERALISM IN CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION*

The paper analyzes the crisis of neoliberal reforms in domestic education and puts forward a hypothesis that the abuse of the «personally oriented approach» in pedagogy leads to the loss of personality and its transformation into a set of competencies (modular subject). The purpose of the work is to compare the classical domestic model of knowledge and the postmodern Western model of competencies, to reveal the internal dynamics of the development of Anglo-Saxon postmodernism in pedagogy from the creative nomad (Anti-Oedipus) to the destructive «modular subject» («body

without organs»). The method of philosophical transcription of pedagogy and artistic transcription of philosophy is applied: cognitive and competency-based pedagogy are presented as manifestations of transcendentalism and pragmatism. The paper proves that excessive pragmatization leads to the westernization of Russian education and the loss of authentic traditions of high academicism.

Keywords: Anti-Oedipus, modular subject, nomad, «body without organs», postmodernism, transcendentalism, pragmatism.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена системным кризисом неолиберальных реформ в современной России и, как следствие, кризисом системы глобалистического образования, построенного на принципах Болонского процесса и компетентностного подхода, разработанного англосаксонскими педагогическими элитами (Н. Хомский, Р. Уайт, Р. Рорти, Дж. Равен) [14, с. 44–45] на основе позитивизма и прагматизма с целью максимальной утилитаризации образования в странах периферии транснационального мира. Отметим, что данный подход практически не используется в университетах Лиги плюща и в ряде других высших учебных заведениях в центральных регионах Запада.

Несостоятельность чисто прагматического подхода в оптике подготовки специалиста по философии в частности и гуманитария в целом становится все более очевидной. Философский Логос, в его многообразии и текучести, в борьбе противоположных идей, в диалоге и полемике, невозможно подчинить жесткой прикладной структуре выработке «компетенций». Поэтому все более актуальными являются исследования, основанные на попытке сближения между собой классического и неклассического образования в России, на переосмыслении основанной на гумбольдтовской традиции высокого академизма классики советского образования и его сочетании с высокими дигитальными технологиями современности. Единство во многообразии, диалог идентичностей и культур, строгая компаративистика и демаркация понятий с целью подбора наиболее релевантных современной эпохе терминов и определений для обозначения современных форм насилия над субъектом (в том числе, в сфере образования и особенно — неолиберального глобалистического насилия под видом мнимой аполитичности) остаётся весьма значимой повесткой педагогических реформ.

Методологический синтез традиции и новации в условиях завершающегося постмодерна трудно осуществим, так как в современном обществе произошел существенный сдвиг в определениях, что есть традиция, а что — новация. Меняется также представление о том, что есть власть (гегемония), а что сопротивление ей. По сохранившейся в научном сообществе постмодерной инерции в качестве условной «традиции» (дискурса власти) берется консервативная модель «закрытого» общества, образования, субъекта, берущая свое начало в модерном Левиафане. Естественно, что традиции приписываются все негативные качества, связанные с «трайбализмом» (Поппер и другие): цензура, жёсткая сила приказа и подавления, командно-административные методы управления, засилие «тоталитарной» идеологии, массовость и унификация, дискриминация личности, сциентистское образование, технократизм. И, наоборот, «инновационными»

и «свободными от политики и власти» полагаются все модели социума, личности и школы, берущие свое начало в либеральном и неолиберальном дискурсах. Здесь сразу речь идёт о «логике культуры», «личностном подходе», «диалогичности», «многообразии» идентичностей и независимости человека, ориентированного на креативную самореализацию.

Между тем, отрицательный опыт последних лет показал: вожденное общество Ф. Фукуямы, общество «конца идеологии», явилось не столько прекращением любых идеологических поисков, сколько установлением царства единственной идеологии, не называющей себя так: идеологии неолиберального глобализма. Мнимая аполитичность неолиберальных проектов, закамуфлированных под «артистические», «гендерные», «экологические» и т. д. действует путем мягкой силы и заводит пользователя в лабиринт манипулятивных стратегий, связанных с обольщением, смущением, внушением, введением психики в состояние пребывания в негативном, бега по замкнутому кругу, чувства отсутствия альтернативы. Человек в таком обществе — глубоко несвободен, но не имеет слов для описания собственной несвободы, поскольку растворяется в потоке раскодированных желаний, превратившихся в анонимную машинную трансгрессию. Речь идёт, таким образом, об универсальной, тотальной биовласти, захватившей все сферы деятельности личности под видом «защиты прав и свобод». Эстетика становится принудительным жестом, замещающая собой этику в качестве репрессивного желания.

То, что ранее полагалось новацией, формой сопротивления традиции, — либерализм — принимает консервативные черты и становится гегемонией. То же, что ранее полагалось традицией, гегемонией, противящейся любым новациям, — консерватизм — приобретает либеральные качества и становится сопротивлением. Консерватизм в масштабах мира — больше не власть, либерализм в масштабах мира — больше не контркультура. Новация трансформируется в форму личностного закрепощения, традиция — в форму личностного сопротивления миру. Деконструкция охватывает все сферы современности, разрушая привычные бинарные оппозиции и стереотипы, смещая полюса и акценты, переставляя местами способы эмансипации субъекта и способы его детерминации.

Мы недаром ввели психоаналитический термин «желание», ибо с его помощью мы намерены сохранить постсобытийного субъекта — личность, формирующуюся на стыке модерной и постмодерной моделей культуры, в условиях метафизического сдвига в российском культурном самосознании, уже оторвавшиеся от инерции постмодерного неолиберализма как от прошлого, но ещё не примкнувшего к метамодерному будущему радикализированной до уровня внутреннего глубинного переживания аутентичности традиции. На этом распутье формируется великое «накануне», коим, безусловно, предстает субъект российского образования.

Наша задача состоит в том, чтобы сравнить два пути, по которым может двигаться современный российский субъект, отраженные в двух моделях педагогики: когнитивной (знаниевой) и личностно ориентированной (компетент-

ностной). Они активно конкурируют за человека, создавая разные его идеалы: речь идёт о популярных в современной гуманитарной мысли образах Эдипа и Анти-Эдипа. Существенно, что в работе мы осуществляем двойную деконструкцию: философскую транскрипцию педагогического Логоса и художественную транскрипцию философского Логоса. Первый шаг деконструкции — философизация педагогики — представляет собой репрезентацию знаниевой и компетентностной модели образования как проявлений двух более общих картин мира: трансцендентализма (универсализма, модерна) и феноменологизма (релятивизма, постмодерна) соответственно. Трансцендентализм выражается через гегельянскую тотальность, а феноменологизм — посредством внесения в нее отличия (дерридианского жеста *DifferAnce*). Второй шаг деконструкции — эстетизация философии — переводит трансцендентализм и феноменологизм как целостные мировоззренческие конструкты в область искусства и позволяет сравнивать между собой трансцендентальную эстетику модерна и релятивную эстетику постмодерна в качестве образцов для философского-педагогического мышления.

Итак, что же даёт нам в контексте сравнения классического и неклассического образования, картины мира, теории прекрасного фрейдистский термин «желание»? В качестве основного источника по философии радикального субъекта метамодерна, которая нам видится перспективным вектором педагогических реформ, обратимся к одной из последних работ А. Бадью «Неэкспрессивная диалектика», которая во многом повторяет выводы Ж. Делеза, Ж. А. Миллера, С. Жижека и З. Баумана, но делает это на новом диалектическом витке развития мысли [1]. Бадью выделяет два типа общества, которые в работах предшественников представляли как модерное и постмодерное, эдипальное и постэдипальное, дисциплинарное и трансгрессивное, догматическое и циничное, общество «закрытого шва» директивной цензуры и общество «открытого шва» либеральной цензуры, Паноптикон и Синоптикон, Левиафан и Ризома, симптом и фантазм. Бадью их называет, соответственно: общество Закона и общество Желания [1]. Дискурс Закона связан с консерватизмом и реактивным политическим процессом. Он есть запрет на грех, указующий на сам грех. Дискурс Желания связан с либерализмом и революционным политическим процессом. Он есть эмансипированный грех. Революционный политический процесс и революция — это не одно и то же. Более того: революционный политический процесс как событие представляет собой искажение, апроприацию и нивелиацию стихийного революционного избытка.

Иными словами, своих детей убивает не сама революция, а революционный политический процесс, связанный с продвижением к власти ее отдельных акторов. Мысль после метаморфозы гуманизма Г. В. Ф. Гегеля — не новая, но привлекает внимание та категоричность, с которой Бадью в качестве репрессивных способов обращения с человеком связывает между собой консерватизм и либерализм, полагая, что обе этих модели общества, модель Закона и модель Желания представляют собой «экспрессивные» (названные в языке, выраженные) реалии бытия, образующую тотальную связку, спайку тавтологически замкну-

тых на себя нарративов, по кольцам которых движется субъект от диктатуры у революции и обратно к диктатуре.

Радикальный разрыв с образовавшимся замкнутым кругом символических означающих (номинаций) может осуществить не названный в языке, неноминированный, неэкспрессивный субъект, способный присутствовать в бытии (to be present), но не давая себя представлять (but not represented) [1]. Не разделяя полностью философского радикализма А. Бадью, всё же, отметим следующее: его радикальный субъект как символ состояния экзистенциального абсурда может служить образцом некоей мета-позиции как предпосылки осуществления трансцензуса при сравнении современной и постмодерной моделей общества, личности и образования. Общество Закона и общество Желания — это те модели социума, в которых проходят становление знаниевая (Закон) и компетентностная (Желание) стратегии воспитания, классическая и неклассическая картина мира, трансцендентальная и релятивная эстетики соответственно.

Если для Алена Бадью обе этих модели общества, как либеральная, так и консервативная, являются одинаково репрессивными и составляют смычку, замкнутый круг, препятствующий разрыву, то в нашей оптике источник репрессивности смещается с консервативной на либеральную модель. Постмодерная стратегия дифференциации, по нашему мнению, приводит к превращению Другого в волюнтаристский жест утраты отличия как такового, смерти автора и потери индивидуальности. В образовании это отражается в парадоксе, согласно которому злоупотребление личностно ориентированным подходом в педагогике разрушает личность. Отказ от тотальности ради индивидуальности приводит к потере не только структуры, но и самой индивидуальности. И наоборот: ограничение личностно ориентированной тенденции приводит к самореализации индивидуальности через дух целого.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу, нам необходимо не только представить модерн и постмодерн в качестве относительной бинарной оппозиции, где смещаются понятия власти и оппозиции, гегемонии и контркультуры, но и показать внутреннюю гетерогенность постмодерна. Делая это, мы избавляемся от обвинений в типизации феномена постсовременности, с одной стороны, и разграничиваем важные компоненты постмодерного мира, не позволяя неолиберализму идеологически присвоить их: глобализацию и глобализм, постструктурализм и неопрагматизм, критическую теорию и метафизику «дивного нового мира», шизодидного и модульного субъекта как двух ипостасей делезовского Анти-Эдипа: номада и «тело без органов», бродягу и туриста. С точки зрения философии современные (знаниевые) стратегии классической педагогики основаны на подавлении желания и формируются вокруг Эдипа — рационального страдающего субъекта, известного как «человек образованный» (В. С. Библер) [3, с. 23], носитель метафизической идентичности «фотоальбома», накладываемой слоями, восстанавливаемой постепенно, поэтапно и планомерно, от истоков к настоящему (З. Бауман) [2, с. 89]. Его идентификация осуществляется путем последовательного «листания» пластов культуры в их исторической последовательности и направлена на вытеснение Чужого в мир инферно

(монструозное). Становление человека в знаниевой парадигме — это планомерный процесс перехода от частного к общему, от эмпирической конкретики к абстрактным умозрительным действиям. Индуктивный подход к планированию личности, часто обвиняемый в стандартизации и анонимности, тем не менее, опирался на серьезную мировоззренческую базу философской диалектики. Так, хрестоматийно известная иерархия методов педагога-классика И. Лернера (иллюстративный, поисковый, проблемный) [13] воспроизводит логику саморазвертывания Абсолютного Духа в трансцендентальной философии Г. В. Ф. Гегеля [6]: абсолютное бытие, наличное бытие, для-себя-бытие (или же: бытие-для-другого, в-себе-бытие, для-себя-бытие). Этим стадиям соответствуют стадии символического искусства, классического искусства и романтического искусства в гегельянской эстетике [5], или же: миметическая, аналитическая и символическая стадия в эволюции символической формы Э. Кассирера (образ, слово, понятие; объективация, репрезентация, сигнификация; выражение, преставление, значение; мифология, религия, наука) [10, с. 47].

Классическая система образования Эдипа зиждется на убеждении в том, что личность может осуществить себя только посредством целого. Микроистория конституируется в макроистории. Человек растворяется в космосе, но его «Я» при этом расширяется до космических границ. Самореализация возможна лишь через самоотдачу: на этом строятся все классические представления о солидарности, универсальности, любви, соборности, — как в русской, так и в зарубежной классической философии. И эти системы давали свои позитивные плоды. Единство онтогенеза и филогенеза позволяет рассматривать детство, отрочество и юность Эдипа как последовательные стадии развития мирового искусства: архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, литературы. Эти же возрастные периоды коррелируют с метаисторическими периодами: языческой архаики, античности и христианского модерна [5]. В русской философии (Карсавин и другие) данные тезис, антитезис и синтез предстают в качестве универсальных стадий взаимоотношения человека с Богом: первоединство, разъединение и воссоединение. Стоит ли вспоминать, что платоновский субъект, сходный с радикальным субъектом А. Бадью, призванный проявить «заботу о себе» — это не только субъект самопознания, постижения мировой мудрости посредством чтения и философствования, но и субъект воспоминания, восстанавливающий изнутри свой самости весь исторический процесс, от истоков до наших дней? Единство микроистории и макроистории в классической философии и педагогике, возможно, и пренебрегало индивидуальными частностями, но позволяло на почве универсализма выстроить именно такого, целокупного, целостного, гармоничного платоновского субъекта, чей внутренний мир строится на неразрывности колец Борромео Ж. Лакана (Реального, Воображаемого и Символического), на согласованности составляющих семиологической системы мифа Р. Барта (означающее, означаемое и знак), на сцепке онтологической диалектики мифа А. Лосева (имя, история, чудо).

Постмодерные стратегии разрывают целостность платоновского субъекта (Эдипа) и вносят отличие в тотальность ради формирования Анти-Эдипа, или

номада, — «креативного субъекта», «человека культуры», носителя клипового мышления «видеокассеты», человека-ризомы, скользящего (плавающего) означающего, где одни кадры реальности быстро сменяются другими, где нет ничего подлинного и онтологического [2; 3; 7; 8]. Посмотрим, как постепенно трансформируется и деградирует постмодерная стратегия эмансипации. Если стихией Эдипа был театр, коим являлось модерное общество спектакля, то стихией Анти-Эдипа становится перформанс, перформативный дискурс гиперреальности. Деятельность Эдипа всегда строится на метафоре Генерала, на запрете, налагаемом на желания за счёт того, что Закон даёт имена вещам и вытесняет за свои пределы всё чудовищное, невыносимое, доязыковое, неназванное, бессознательное, Реальное, связанное с необычным сочетанием элементов: например, розы и жабы (вспомним знаменитую метафору Сергея Есенина). Далее Реальное сублимирует, очищается от «скверны» и, путем метафоризации преподносится: переводится из формата Трагического в формат Возвышенного, из собственно Реального в Символическое. В модерне мы наблюдаем эффект пафоса, как в его аристотелевском понимании (драма), так и в его гегельянской трактовке (подвиг). Сублимация — это процедура одухотворения архетипа, выражения бытия в языке (Юнг, Хайдеггер), когда дионисийское, хтоническое и чудовищное становится чудесным, аполлоновским, ясным. Отвечает за сублимацию метафора — поэтическая дистанция сцены, цензура, подмостки, пьедестал. Эдип — это вечный памятник герою мифа на высоком пьедестале.

Анти-Эдип есть роденовский жест удаления постамента, прямой выход Реального наружу, трансгрессия. Место Анти-Эдипа — мостовая, где будуар маркиза де Сада, по удачному выражению Ж. Делеза, соседствует с Академией Платона [7]. Деятельность Анти-Эдипа строится на вольном выходе и свободном течении желаний, образующих поверхность, экран, ризому, по которой данный номадический субъект скользит, переключая коды. Анти-Эдип не боится погружаться в бессознательное, в пустоту, в Ничто, в зияние, пытаясь не столько «венчать белую розу с черною жабой», называя вещи, сколько оставаться неназванным, неноминированным вакуумом в символической структуре. Этим он схож с радикальным субъектом Бадью. Анти-Эдип постоянно десублимирует, отказывается от любой метафоры, проповедует гиперреализм и стремится остаться в пустыне Реального, в отчуждении, как от Закона, так и от Желания. Анти-Эдип — это перформанс прямо посреди улицы. Что же мешает Анти-Эдипу всегда оставаться ироничным кочевником, исповедуя анархический дискурс? Дело в том, что, по нашему мнению, Анти-Эдип обречен, поскольку анархический дискурс всегда подавляется гегемонией, не будучи в состоянии вытерпеть самого себя и дать позитивную программу действий: номад не может долго удерживаться в пустоте, в свободе от всего, в неноминированном вакууме. Он боится Реального и охотно отдает свою свободу машине желаний. В результате ему дают имя, — и в этом состоит глубочайшая трагедия постмодернизма.

Номинация Анти-Эдипа — это и есть процесс апроприации раннего постмодернизма гегемонией неолиберального глобализма, коммерциализации бунта, превращения первых хиппи в хипстеров капиталистической системы. Это — ко-

нец контркультуры и начало стилизации гегемонии под контркультуру, удачно определенное Жижекком как «либеральный коммунизм» [9]. Подмена происходит в результате эскалации стремления внести отличие в тотальную картину мира, деконструировать «метафизику», разгром которой всегда завершается новой метафизикой, — еще более тотальной, чем предыдущая. Внесение отличия — это некий прокол, разрыв, *Punctum*, жест субъекта, желающего выйти за пределы структуры, завершающийся смертью субъекта и торжеством новой структуры. Так, христианство стремится внести отличие в виде времени в замкнутое пространство языческого космоса, но оборачивается тотальной гегельянской историей. М. Хайдеггер пытается внести отличие в тотальность времени в виде *Dasein* [15, с. 396], но это заканчивается тотальностью бытия. Э. Левинас пытается нарушить тотальность хайдеггерианского бытия при помощи Другого [12, с. 118–120], но это завершается волюнтаризмом Другого в дерридианстве. В результате ревизии левиноизма со стороны Ж. Деррида из философии диалога был изъят краеугольный камень святости — Бог, универсальность, самость [8]. Диалог перерос в чистый плюрализм, а осознание множественности и относительности других привело к нигилизму и цинизму, к отчуждению и пустоте.

В результате романтический диалог превращается в неопрагматический мультикультурализм — функциональный придаток глобализма, который посредством времени руководит замкнутыми идентичностями в пространстве как хабами циркуляции капитала. Наконец, Делез при помощи номиналогии пытается внести отличие в темпоральность самой ризомы [7], но это оборачивается фатальностью «конечности», обреченностью опыта пустоты у Анти-Эдипа, который из бродяги, независимого циничного человека, одинаково отстраненного, как от государства, так и от капитала, превращается в слугу капитализма — туриста, «тело без органов», носителя бунта на продажу, в коммерциализированный симулякр контркультуры. Революция состоялась, но Анти-Эдип, не имея позитивной программы действий, растворяется в собственных кодах, испытывает шок от встречи с пустотой Реального и потому добровольно отдает свою свободу Другому в лице транснациональной машины желаний, формируя собой её придаток, «тело без органов», превращаясь из циничного, но честного, бродяги (номадического субъекта) в тривиального фланера, туриста, героя общества потребления. Апроприация движения новых левых неолиберальным глобализмом состоялась, постмодернизм в его аутентичном понимании умер («рок умер»).

В общественном педагогическом пространстве трагедия либерализации постмодернизма особенно заметна на примере школы диалога В. С. Библера, выражающей иллюзии горбачёвской эпохи. Группа «Архе» попыталась внедрить новый метод образования — синхронизацию, — основанную на уподоблении истории философии истории искусств и деконструкции гегельянской линейной истории в сторону одновременности разновременных дискурсов культуры как «мира впервые» («точки удивления») [3, с. 32]. Подразумевалось, что в этой «точке» субъект сможет осуществить радикальный разрыв с тотальностью и выйти навстречу чистому феноменологическому бытию, где разные коды культуры

говорят синхронно, взаимно нейтрализуя друг друга и провоцируя некую конструктивную пустоту, зияние как предпосылку творчества. В результате желанная гетерохронность обернулась утратой единой для всех коммуникантов точки опоры, разрушением общего начала, которое играло бы роль судьбы или посредника в общении. По сути, мы имеем дело с феноменом постэдипального общества — со смертью Бога, когда всё становится дозволено, а, значит, исходя из знаменитого парадокса Лакана, не дозволено ничего [11, с. 81].

Универсальные ценности были изъяты из общения, и пустота стала репрессивной: в ней остались лишь растерянные другие для других, отчужденные и атомарные, готовые отказаться от своей свободы ради личного покоя. Примечательно, что многие поздние сторонники школы Библера — это представители западных политических сил, которые занимаются стратегиями бизнес-коммуникаций. Отношение к миру как к путешествию унома трансформируется в отношение к миру как к потреблению у туриста, и по мере нарастания релятивации предметом потребления становится для туриста другой человек, оцениваемый исключительно как «модуль» — удобное в деловом общении качество, представляющее собой бездушную «компетенцию». В результате шизоидный субъект раннего постмодерна выхолащивается в прагматический субъект позднего постмодерна. Последний становится приоритетом утилитарного непозитивистского образования, которое транслирует страны англосаксонского мира на постсоветскую периферию.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ современной и пост-модерной систем формирования личности позволяет нам сделать вывод о постепенной деонтологизации на пути от Эдипа к Анти-Эдипу и о внутренней трагедии самого Анти-Эдипа, который изнома превращается в буржуазный модульный субъект. Апроприация постмодернизма гегемонией проявилась в несостоятельности анархического субъекта Делеза и в крахе утопии диалога культур, обернувшейся утилитарно-прагматическим образованием. Данная тенденция заставляет нас критически переосмыслить компетентностный подход и вновь вернуться к знаниевой модели, но вернуться на новом диалектическом витке, не на уровне «монструозного» модерна, возврат к которому уже невозможен, а на уровне метамодерна, идеалы которого иллюстрирует философия радикального субъекта А. Бадью, платоновского субъекта Д. Платоновой-Дугиной и наша собственная проектная программа, подробное раскрытие которой требует следующего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Политика: неэкспрессивная диалектика. [Электронный ресурс]. — URL: <http://left.by/archives/2873> (дата обращения: 03.07.2023).
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Зигмунт Бауман; пер. с англ. М. Л. Коробочкина. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 188 с.

3. Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) / Владимир Соломонович Библер // Библер В. С. Одиссей. Человек в истории. — М.: Наука, 1989. — С. 21–59.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике: Часть третья. Система отдельных искусств / Перевод Б. С. Чернышева, П. С. Попова, Ю. Н. Попова, А. М. Михайлова. — Т. 3. — М.: Искусство, 1971. — 621 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике: Часть вторая. Развитие идеала в особенные формы прекрасного в искусстве / Перевод Б. Г. Столлнера. — Т. 2. — М.: Искусство, 1969. — 326 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Логика / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [пер. с нем. Н. Дебольского]. — М.: АСТ, 2022. — 448 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома («Тысяча плато», глава первая) / Жиль Делёз, Феликс Гваттари // Восток. — 2005. — № 11/12 (35/36). [Электронный ресурс]. — URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 03.07.2023).
8. Деррида Ж. Письмо и отличие / пер. с франц. В. Лапицкого. — СПб.: Академический проспект, 2000. — 428 с.
9. Жижек С. Никто не должен быть отвратительным / Славой Жижек. [Электронный ресурс]. — URL: https://scepis.net/library/id_683.html (дата обращения: 03.07.2023).
10. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 томах. — М.; СПб: Университетская книга, 2002. — Том 1. — 272 с.
11. Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа. — М.: Гнозис, 2006. — 416 с.
12. Левинас Э. Время и Другой / Эммануэль Левинас; пер. с франц. А. В. Парриба // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — С. 21–122.
13. Лернер И. Я. Философия дидактики и дидактика как философия. — М.: Издательство РОУ, 1995. — 44 с.
14. Поликанова Е. Г. Исторический аспект развития компетентностного подхода в образовании // Вестник ЧитГУ. — № 4 (49). — 2008. — С. 44–48.
15. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В. В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 391–406.

УДК 371.132

Дорохова Влада Николаевна,

преподаватель колледжа

Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,

casskada@yandex.ru;

Дронина Татьяна Евгеньевна,

преподаватель колледжа

Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,

droninatiana@yandex.ru

ПРАКТИКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ

В данный момент в нашей стране набирает обороты развития федеральная образовательная программа «Профессионалитет», позволяющая студентам колледжей стать квалифицированными специалистами в своей области. Одной из характерных черт данной программы является акцент на практику во время процесса обучения. Рассказывая об особенностях практик в нашем образовательном учреждении, мы подчеркиваем их важность, характерные особенности, а также тот факт, что прохождение практик позволяет студентам овладеть навыками и компетенциями, которые станут основой для становления личности квалифицированного специалиста.

Ключевые слова: компетентностный подход, практико-ориентированное обучение, компетенции.

Dorokhova V. N., Dronina T. E.

PRACTICE AND STUDENT'S PROFESSIONAL FORMATION

Nowadays the federal educational program «Professionalism» is gaining momentum in our country, which allows college students to become qualified specialists in their field. One of the characteristic features of this program is the emphasis on practice during the learning process. Talking about the features of practices in our educational institution, we emphasize their importance, characteristic features, as well as the fact that the passage of practices allows students to master the skills and competencies that will become the basis for the formation of a qualified specialist's personality.

Keywords: competence-based approach, practice-oriented learning, competencies.

В национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г. определены основные направления совершенствования законодательства в области образования. Этот документ определяет цели и задачи воспитания и обучения. И один из блоков целей и задач доктрины направлен на «подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоёмких технологий» [4]. И казалось бы, система среднего профессионального образования призвана обеспечить страну квалифицированными кадрами, но актуальным является вопрос о трудоустройстве выпускников. Безусловно, работодатель хочет иметь профессионально-компетентного работника, следовательно, стратегия развития среднего профессионального образования направлена на повышение конкурентноспособного специалиста на рынке труда. Таким образом, компетентностный подход является актуальным в среднем профессиональном образовании и составляет основу Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования. Еще одна из причин низкого процента трудоустройства выпускников среднего профессионального образования — это то, что работодателю нужны специалисты с опытом работы, а выпускники, как правило, его не имеют. Следовательно, можно полагать, что в профессиональной подготовке специалиста особое внимание уделяется подготовке обучающихся к конкретной трудовой деятельности, основанной на использовании полученных ими практических умений и знаний из различных областей науки и практики, что составляет цель практико-ориентированного профессионального образования [3].

В колледже РХГА практико-ориентированное обучение достигается путем прохождения учебной и производственной практики студентов. За весь курс обучения студенты проходят шесть учебных практик, пять производственных практик по профилю специальности и преддипломную практику. Цель — формирование у будущего специалиста полной готовности к профессиональной деятельности.

Выпускник среднего профессионального образования — это, прежде всего, субъект профессиональной деятельности. А это значит, что существует единство личностного и профессионального начал в человеке и в его деятельности [3]. Выпускник должен быть сформирован как личность, которая была бы способна решать профессиональные задачи. В профессиональной деятельности педагога порой встречаются самые неожиданные и нестандартные задачи. И усиление триады знания-умения-навыки опытом деятельности более действенный и актуальный путь формирования профессионального специалиста.

Так, например, учебная практика «Прикладные аспекты методической работы педагога дополнительного образования» не только знакомит с системой методической работы в учреждениях дополнительного образования, но погружает студентов в эту работу. Методическая деятельность является одним из направлений профессионально-педагогической деятельности преподавателя и занимает третье место после преподавания и воспитания. Методическая работа — это

деятельность по повышению уровня профессиональной компетентности педагога в организации и реализации воспитательно-образовательного процесса; обмене опытом между членами педагогического коллектива, выявлении и пропаганде актуального педагогического опыта [2].

Практика построена таким образом, чтобы студенты могли погружаться в трудовые операции, эффективно применять знания, формировать опыт и навыки. Так, например, студенты самостоятельно разрабатывают предметно-развивающую среду для своего объединения, защищают каждый компонент предметно-развивающей среды, получают от специалистов-практиков обратную связь, через которую видят свои сильные и слабые стороны профессиональной компетенции создавать в кабинете (мастерской, лаборатории) предметно-развивающую среду [5], прописанной в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования (рис. 1).

Любой работодатель хотел бы специалиста, который в совершенстве владеет такой профессиональной компетенцией как разрабатывать методические материалы (рабочие программы, учебно-тематические планы) на основе примерных с учетом области деятельности, особенностей возраста, группы и отдельных занимающихся [5]. База практики не только показала эту компетенцию через работу методиста — студенты исправляли ошибки в действующих дополнительных общеразвивающих программах педагогов данной базы практики. Но и сами самостоятельно разрабатывали один структурный компонент дополнительной общеразвивающей программы — рабочую программу с календарно тематическим планом (рис. 2). Приобретение реального профессионального опыта выполнения поставленных задач позволяет решать проблему плохой профессиональной компетентности молодых специалистов, которая мешает быть конкурентоспособными на рынке труда.

Одна из главных актуальных проблем дополнительного образования — это набор контингента в объединение. Студенты «пропустили через себя» всю тяжесть данной проблемы. Реализация задания «Реклама» раскрыла, показала и доказала студентам важность в становлении будущего специалиста быть субъектом профессиональной деятельности (рис. 3). А это значит, развивать не только профессиональное начало, но и личностные качества. Безусловно, педагогу приходится решать самые разные задачи и одна из нестандартных задач для педагога — умение презентовать свою программу. Двойственность данной задачи в том, что с одной стороны, необходимо красиво показать суть программы для учащихся, а, с другой стороны, важно заинтересовать родителей, которые «размышляют фигурой» стоят за принятием решения ребенка. И вот тут проявление личностных качеств важно, как никогда, таких как: харизматичность, оптимизм, эрудированность, креативность, умение коммуницировать и др.

Одной из важных профессиональных компетенций является компетенция умение проводить исследование в области дополнительного образования детей [5]. Перед студентами поставили ряд проблем дополнительного образования, и студенты провели мини-исследование на одну из предложенных тем, а затем, подготовили выступление по результатам проведенного мини-исследования (рис. 4).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Примечательно, что данное задание было дано за долго до практики, так как на подготовку исследования необходимо время. Практическая значимость задания в том, что студенты исследуют реальные проблемные зоны дополнительного образования детей. Что способствовало мотивации выполнения исследовательской деятельности.

Анализ практики «Прикладные аспекты методической работы педагога дополнительного образования» позволил выявить следующие позитивные моменты: соответствие подготовки студентов по набору компетенций, что в свою очередь, сократит адаптационный период выпускников среднего профессионального образования на работе, а это приводит к повышению конкурентоспособности на рынке труда.

Педагогическая практика (то же, что учебная практика) — организационная форма обучения, имеющая своей целью научить студентов творчески применять в педагогической деятельности научно-теоретические знания и практические навыки, полученные при изучении педагогики, психологии, частных методик и специальных дисциплин, а также способствовать развитию у будущих учителей интереса к научно-исследовательской работе в области педагогических наук. В процессе проведения педагогической практики предусматривается изучение всех сторон жизни учебного заведения (учебно-воспитательная работа, организация внеаудиторной работы), а также проведение занятий под руководством методиста. По итогам педагогической практики студенты представляют отчет. Итоги практики обсуждаются на заключительной конференции. При проведении практики и подведении итогов ее участники руководствуются требованиями к практическим занятиям и к квалификации преподавателя [1, с. 189].

На четвертом году обучения студенты встречаются с так называемыми пассивными и активными видами практик, связанных с иностранным языком. Пассивная практика представляет собой учебно-ознакомительный процесс, во время которого студенты наблюдая за занятиями преподавателя-предметника, знакомятся с педагогическим процессом. Отмечая некоторые особенности проведения занятий/мероприятий на иностранном языке, у студентов формируется представление о том, что такое иностранный язык в школе, какое место занимают уроки на иностранном языке в образовательном процессе, как провести занятие так, чтобы объяснить тему и при этом уложиться во временные рамки, не нарушить порядок требований, использовать различные методические приемы и не забыть про развитие четырех видов речевой деятельности, ведь при обучении иностранному языку это является одной и основных целей. Основной целью обучения иностранному языку считается формирование и развитие коммуникативной компетенции. В данном случае, мы обобщаем и не делим данную цель на общеобразовательные, воспитательные, практические и развивающие аспекты. Но следует помнить, что коммуникация это в первую очередь взаимодействие и общение, а наша речь является способом донесения мысли до слушателя, поэтому не стоит забывать о таком понятии как речевая компетенция и об ее месте в процессе обучения иностранному языку.

Речевая компетенция входит в состав коммуникативной компетенции. Означает владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи. Следует говорить о количественном и качественном составе речевой компетенции. Она может быть большей или меньшей. Однако речевая компетенция, как и языковая компетенция, является не самоцелью, а промежуточным звеном на пути к коммуникативной компетенции. Она подлежит усвоению в объеме, необходимом и достаточном для решения задач взаимодействия в процессе общения в соответствии с нормами изучаемого языка, узусом и традициями культуры этого языка. Содержание речевой компетенции для разных уровней и этапов обучения зафиксировано в государственных образовательных стандартах [1, с. 251].

Действительно, это может показаться достаточно сложным процессом, но во время обучения у студентов на четвертом курсе по учебному плану стоит ряд дисциплин, который с теоретической стороны помогает сформировать базу знаний, которые, впоследствии, студенты могут применить на практике.

Активная практика — это очень трудоемкий процесс (рис. 5). На данном этапе происходит подготовка и проведение уроков иностранного языка, анализ занятий как своих, так и своих одногруппников и выработка компетенций, которые в дальнейшем станут основой для становления развития личности профессионала. Здесь также стоит помнить про то, что помимо знаний в области использования различных методов обучения, форм проведения занятий и прочих требований и трудностей, существуют также психологические проблемы,

Рис. 5

как у студентов, так и у обучающихся. Предположим, что если у студента есть ряд психологических трудностей, связанных с общением, в процессе активной практики он просто обязан их преодолеть, чтобы наладить коммуникацию как между собой и обучающимися, так и между самими обучающимися в целом. «Мне кажется, что любое взаимодействие с людьми базируется в первую очередь на психологическом аспекте. Я все равно считаю, что занятие-это не только про факты и упражнения, психологический контакт очень важен и от него зависит продуктивность занятия. Говоря о проведении занятий, очень важно быть готовым как к особенностям группы учащихся, так и осознавать свои особенности поведения. Лично я бы выделила в данном вопросе проблему недостатка знаний для взаимодействия с детьми с ОВЗ, трудными учащимися и др. У меня была практика с такими детьми и можно сказать, что психологический дискомфорт был лично у меня, так как я боялась сделать что-то неправильно как раз из-за недостатка знаний о том, как правильно и экологично взаимодействовать. Поэтому мне кажется, что такая подготовка важная для педагогов любых учреждений, даже если они не специализируются в этой конкретной категории.» Так выглядит мнение студентов. А теперь возникает еще одна трудность — коммуникативный процесс должен осуществляться на иностранном языке.

Нами был проведен опрос студентов 4 курса, связанный с их мнением по поводу наличия практик в образовательном процессе. Было опрошено 47 студентов 4 курса. Единогласно все опрошенные высказали мнение, что практика нужна и важна. Так, одна из студенток выразила свое мнение: «Исходя из нашего опыта, к непредвиденным ситуациям можно подготовиться, но предугадать ход событий на занятии на 100% невозможно. Важно быть уверенным в выбранной теме и изучить больше, чтобы исключить недостоверную информацию и понимать то, о чем ты говоришь. Лично для меня только этот способ является полезным и действенным — важно быть уверенным, добавлять свое понимание данной темы в ход занятия. Таким образом, можно улучшить свой личный уровень знаний по различным темам, соответственно, эти знания будет возможно дать учащимся более подробно и полноценно. Работая с нашей школой, все ответы на вопросы мы можем получить непосредственно от педагогов и методистов базы практики. Чаще всего они касаются внутренних регламентов и правил учреждения, консультации и составление характеристики классов, с которыми мы будем взаимодействовать. Из минусов, так повезти может не всегда».

Безусловно, студенты приходят в образовательное учреждение на практику только на время. Но и за это время они могут дать обучающимся знания, которые помогут сформировать языковую картину мира, и сами понять, что такое быть педагогом и насколько они готовы к тому, чтобы соответствовать требованиям квалифицированного специалиста в области образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. — 141 с.
3. Блинов В. И. Методика профессионального обучения: учебное пособие для вузов; под общей редакцией В. И. Блинова. — М.: Юрайт, 2023. — 219 с.
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 N 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771684> (дата обращения: 30.05.2023).
5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 13 августа 2014 г. № 998 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 44.02.03 Педагогика дополнительного образования» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/420216962> (дата обращения: 30.05.2023).

УДК 371.132

Зубова Александра Витальевна,
студентка 3 курса
колледжа Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
ralsminn@mail.ru;
Савка Нелли Михайловна,
студентка 3 курса
колледжа Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
nellysavka@mail.ru

РОЛЬ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется мнение студентов колледжа РХГА о роли практики в образовательном процессе и как она влияет на профессиональное становление студентов. Также в статье указан перечень практик (с подробным описанием), которые проходят студенты в процессе обучения в колледже. Подробно раскрывается понятие компетенция, дается пример ряда компетенций, которыми могут овладеть студенты в процессе развития своей профессиональной личности.

Ключевые слова: компетенция, системно-деятельностный подход, учебная практика, производственная практика.

Zubova A. V., Savka N. M.

THE ROLE OF PRACTICE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

This article analyses the opinion of the College of the RCHG students about the role of practice in the educational process and how it affects the professional development of students. The article also contains a list of practices (with a detailed description) that students undergo during their college studies. The concept of competence is disclosed in detail, an example of a number of competencies that students can master in the process of developing their professional personality is given.

Keywords: competence, system-activity approach, educational practice, Workpractice.

Известный российский педагог П. П. Блонский писал, что «педагогике невозможно научить книгами и книгами... Также необходима практика, но не копирующая (такая практика убийственна), а творческая и осознающая» [1].

Заканчивая обучение, любой студент, как специалист, должен обладать навыками и умениями, позволяющими беспрепятственно работать с обучающимися любых возрастов. Для достижения данной цели в средних и высших профессиональных учебных заведениях не только дают теоретические знания, но и предусмотрены производственные и учебные практики. И если теория насыщает знаниями в разных областях, то практика должна как бы дать возможность отработать эти знания — ритуальное дополнение к теоретической подготовке, или же практика как самодостаточная значимая составляющая профессионального становления личности специалиста.

Нами было принято решение провести социологическое исследование с целью определения роли практики в образовательном процессе.

Объектом данного исследования являлись студенты 2–4 курсов колледжа РХГА (93 студента).

Предметом исследования — практика и ее роль в образовательном процессе. Метод исследования — анкетирование.

Для реализации данной цели нами была создана анкета для студентов колледжа РХГА. Анкета была составлена следующим образом: первая часть анкеты являлась формализованной с закрытыми вопросами. Вторая часть анкеты была составлена в соответствии с требованиями анализа ситуации по методике преподавания иностранного языка студентам предлагалось ответить на вопросы. В анкете приняли участие 93 студента со второго по четвертый курс.

В колледже РХГА имени Ф. М. Достоевского на специальности педагогика дополнительного образования проводятся практики: учебные и производственные.

Цикл практик начинается уже на втором курсе обучения. Характерная особенность первой практики состоит в том, что студенты выходят на производственную практику «Пробные занятия по программам дополнительного образования детей» прежде, чем идет начитка теоретического материала. Но перед данной практикой, студентам предоставляется возможность понаблюдать за работой профессионалов — через прохождение учебной практики «Погружение по программам дополнительного образования детей» и «Практика полной недели по программам дополнительного образования детей», где студенты посещают ряд экскурсий/занятий, проводимых в различных формах, что позволяет студентам увидеть работу специалиста, проанализировать методы, приемы, формы, используемые специалистом, задать вопросы «здесь и сейчас» и получить профессиональные ответы от специалиста-практика. В свою очередь, это позволяет студентам грамотно разработать экскурсию/занятие: разобрать проблемные моменты, увидеть «подводные камни», которые могут встретиться во время проведения экскурсий/занятий, подобрать методы, приемы для данного вида экскурсий/занятий, у студентов формируется общее представление о способах взаимодействия с аудиторией.

Таким образом, производственная практика «Пробные занятия по программам дополнительного образования детей» включает в себя самостоятельную подготовку и проведение двух экскурсий в государственных музеях города Санкт-Петербурга (далее — музейная практика), а также в ходе данной практики студенты проводят свои первые занятия для учащихся разных классов. Музейная практика проводится самостоятельно студентами для своих одноклассников. Для качественного проведения экскурсии необходима предварительная подготовка, которая создает условия для формирования умения составлять и оформлять конспект занятия в соответствии с предъявленными требованиями, но так как теоретического блока по методике проведения экскурсий у студентов второго курса еще нет, то, безусловно, огромную роль играет наставничество специалиста с базы практики и руководство методиста колледжа по практике. Для выяснения роли специалиста базы практики и методиста колледжа по практике студентам были заданы следующие вопросы: оказывал ли вам реальную помощь в период практики методист со стороны колледжа. Анализ ответов студентов показал, что более 50% студентов выявляют роль помощи методиста практики со стороны колледжа (рис. 1).

Оказывали ли Вам реальную помощь в период практики руководители со стороны колледжа?

Оказывали ли Вам реальную помощь в период практики руководители со стороны колледжа?
93 ответа

Рис. 1

Анализируя ответы на закрытый вопрос «Основные проблемы, с которыми Вы сталкивались в ходе прохождения практики», где присутствовали варианты ответа «Недостаточная поддержка от руководства практики колледжа» и «Недостаточная помощь работников со стороны базы практики»:

- Недостаточная поддержка от руководства практики колледжа — 21,5%;
- Недостаточная помощь работников со стороны базы практики — 25,8%.

Полученные показатели подтверждают вышеупомянутые данные о том, как важны поддержка и руководство методиста колледжа и, в то же время, отображают проблему недостаточной помощи специалистов баз практик (что подтверждается анализом исследований других ВУЗов, например, «Производственная практика глазами студентов технического ВУЗа (по материалам социологического исследования)» Ивановского государственного энергетического университета; «Отчет о результатах анкетирования студентов «Оценка производствен-

ной практики» Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского) [2].

Вторая часть производственной практики «Пробные занятия по программам дополнительного образования детей» включает проведение занятий по краеведению для обучающихся школ. Студенты подбирают материал к занятию, соответствующий теме; адаптируют материал в соответствии с психолого-возрастными особенностями и индивидуальными возможностями обучающихся. Таким образом, уже с первых практик (до теории методики преподавания экскурсии/занятия) студенты учатся планировать занятия по различным темам, ставить цели и формулировать задачи. Пробуя себя в роли педагога, студенты используют в ходе занятия разнообразные методы и приемы изложения материала, а это ничто иное, как профессиональные компетенции (далее — ПК), которые прописаны во ФГОС среднего профессионального образования. Компетенция — способность и готовность обучающегося (выпускника) применять полученные знания, навыки и умения, имеющиеся личностные качества в практической (профессиональной) деятельности [4].

Компетентность — (от лат. *competere* — добиваюсь, соответствую, подхожу) — обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции [2]. Например, ПК 1.1. Определять цели и задачи, планировать занятия и так далее. Параллельно с этим студенты работают в ЭИОС (электронной информационной образовательной среде академии), анализируя свои экскурсии, и тем самым формируют умение оценивать собственную профессиональную деятельность и овладевают приемами саморефлексии профессиональной деятельности, например ПК 1.6. Оформлять документацию, обеспечивающую образовательный процесс. И ПК 1.5. Анализировать занятия.

В процессе создания своей экскурсии студенты демонстрируют умение пользования ИКТ для поиска информации. В ходе экскурсии студенты используют разнообразные методы и приемы изложения материала — что является общими компетенциями (далее — ОК), например, ОК 5. Использовать информационно-коммуникационные технологии для совершенствования профессиональной деятельности.

По данным анализа делаем вывод, что данная практика является основой для приобретения первых общих и профессиональных компетенций и незаменимым опытом первой профессиональной деятельности.

Аналогично практикам второго курса, третий курс начинается с учебной практики наблюдения, где после наблюдения за работой специалиста делается подробный анализ, который помогает учесть особенности методики преподавания. Но, так как у студентов третьего курса уже год ведется методика преподавания, то во время производственной практики студентам предоставляется возможность вести более самостоятельную деятельность: разработка конспектов с опорой на теорию, хотя наставничество специалиста базы практики и руководство методиста колледжа является необходимым.

Уникальной практикой для формирования ОК и ПК специалиста в области дополнительного образования является учебная практика «Организация

досуговых мероприятий». Студентам впервые предоставляется возможность провести мероприятие с использованием системно-деятельностного подхода. Системно-деятельностный подход — это организация учебного процесса, в котором главное место отводится активной и разносторонней, в максимальной степени самостоятельной познавательной деятельности школьника [4].

Студенты самостоятельно организуют проведение мероприятия, определяют методы, оценивая их эффективность для конкретного мероприятия. Во время практики развиваются навыки работы в команде, взаимодействия с руководством и коллегами. Например, ОК 6. Работать в коллективе и команде, взаимодействовать с руководством, коллегами и социальными партнёрами.

Созданы условия для развития студентами умения мотивировать деятельность учащихся, организовывать и контролировать их работу, так как иногда приходится помогать и наталкивать на идеи участников, а также стимулировать их деятельность, помогать развивать идеи, искать проблемы и их решения.

Но самой сложной и серьезной практикой является «Летняя практика». Данная практика проводится в детском оздоровительном лагере. Сложность в том, что студенты «один на один» остаются со своими знаниями, умениями, компетенциями, которые им необходимо применять самостоятельно на протяжении трех недель. Учебный план образовательного процесса колледжа РХГА для успешного прохождения данной практики предусматривает серьезную дополнительную предварительную подготовку, которую обеспечивает практика-погружение «Инструктивный лагерный сбор». В ее ходе студентов обучают основам вожатского мастерства, проводят медицинский инструктаж и объясняют, как вести себя в непредвиденных ситуациях. Как итог, студенты должны демонстрировать владение набором правил, используемых для разрешения неожиданных различных ситуаций. Эти компетенции очень важны работодателю, так как любой работодатель хочет иметь специалиста, который работает в многозадачности, умеет быстро и грамотно выйти из затруднительного положения. Студенты, не имеющие практического опыта, именно на данной практике приобретают нужные компетенции.

Летняя практика нас только ожидает, но мы уже можем сделать относительно нее несколько прогнозов.

После проведенных с детьми трех недель мы ожидаем в лучшей степени сформировать умение справляться с нестандартными ситуациями, научиться определять цель и задачи досуговых мероприятий, планировать организацию конкурса, олимпиады, соревнования, выставки и других форм досуга, проводимых в лагере. Также эта практика способствует осознанию сущности и значимости будущей профессии, мотивирует на получение педагогического образования. Например, ОК 1. Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес.

Неотъемлемой частью профессии педагога является работа с документацией. Этому учит профессиональный модуль «Методическое обеспечение», который, в свою очередь, делится на теоретическую и практическую часть. Практика-погружение «Прикладные аспекты методической работы педагога дополнитель-

ного образования», проводимая на четвертом курсе. После ее прохождения мы ожидаем научиться разрабатывать дополнительную общеразвивающую программу в соответствии с требованиями, анализировать и структурировать педагогический передовой опыт и создавать предметно-развивающую среду. Ценность данной практики в том, что без полного погружения в рабочую профессиональную атмосферу (которая создается на практике методистом колледжа по практике и специалистом базы практики) наработка данных компетенций невозможна.

Следующей практикой на четвертом курсе является учебная практика-погружение «Преподавание по программам дополнительного образования детей на иностранном языке». Во время данной педагогической деятельности практиканты наблюдают за занятиями на иностранных языках, проводимыми разными преподавателями. Во время наблюдения студенты заполняют дневник, и затем обсуждают с методистом различные методы и формы проведения занятий, приемы и средства, используемые в современном обучении, выявляя оптимальную методику преподавания иностранного языка. Как показывает опрос среди студентов второго и третьего курса колледжа РХГА, большинство предполагает, что самым проблематичным будет непосредственное использование иностранного языка во время ведения занятий. Многие также предположили, что трудности возникнут с методикой организации занятий на английском языке. После прохождения практики мы ожидаем свободно овладеть приемами организации занятий.

На следующей практике студенты приобретают первый опыт ведения занятий на иностранном языке. Благодаря возможности провести относительно большое количество занятий, мы сможем использовать в их ходе разнообразные методы и приемы изложения материала. Данная практика предусматривает самостоятельную работу, что создаст условия для рефлексии собственной деятельности и овладения приемами личностного саморазвития. При прохождении практики ведения занятий на иностранном языке важна взаимосвязанная работа с куратором, методистом практики и педагогом-предметником. Каждый педагог-предметник знает индивидуальные особенности своего класса и средний уровень владения иностранным языком, и поэтому может сориентировать практиканта по содержанию проводимых занятий. Также студенты могут проконсультироваться с преподавателем иностранного языка в колледже в целях нахождения оптимальной методики при проектировании занятий. Хорошо налажена связь с методистом колледжа, что позволяет правильно оформлять документацию и вовремя получать актуальную информацию, касающуюся практики. Более того, у студентов есть возможность реализовать на практике свои идеи относительно организации занятий. Много внимания уделяется созданию конспектов, что позволяет развить умение оформлять конспекты и правильно строить занятия. Например, ПК 2.5. Оформлять документацию, обеспечивающую организацию досуговых мероприятий.

Практика, которая показывает все компетенции, которые приобрели студенты во время образовательного процесса за весь курс обучения и которая

является важным завершающим этапом образовательного процесса — это производственная практика (преддипломная). Данная практика выявляет (или не выявляет) все проблемные поля в компетенциях студентов, позволяет оценить знания, умения, полученные студентами. будучи практикой, предусматривающей для студентов полное погружение в самостоятельную профессиональную деятельность, все же, поддержка, помощь со стороны специалистов баз практики и методиста колледжа практики является основой. А еще, на наш взгляд, важно прохождение преддипломной практики на таких базах, где работодатель рассматривает студентов как потенциальных сотрудников. Следовательно, прямая заинтересованность работодателя способствует качеству проведения практики (рис. 2).

Получили ли Вы в результате практики опыт работы по Вашей будущей профессии?
93 ответа

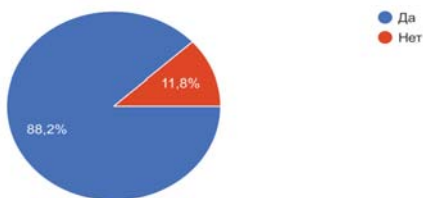

Рис. 2

Изучив учебный план колледжа РХГА мы обнаружили, что за весь курс обучения студенты пройдут 12 практик, и нами был поставлен вопрос о том, считают ли студенты достаточным прохождение 12 практик для приобретения компетенций (рис. 3).

Как вы считаете, является ли достаточным для приобретения умений и навыков проведение практик в процессе вашего... объема? – 10 практик за весь курс обучения
93 ответа

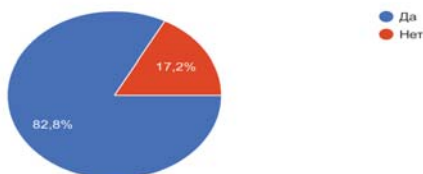

Рис. 3

Нами был поставлен вопрос: «Какой тип практики, на Ваш взгляд, лучше формирует профессиональные компетенции?» (рис. 4).

Какой тип практики, на Ваш взгляд, лучше формирует профессиональные компетенции?
93 ответа

Рис. 4

Анализ ответов показывает, что большинство студентов считают, что профессиональные компетенции лучше формирует производственная практика, так как она позволяет студентам овладеть теми самыми профессиональными компетенциями, которые являются уникальными. Второй по значимости ответ (26,9%) — «Летняя практика», так как она имеет особенную значимость для формирования у обучающихся не только знаний, умений и навыков, но и развития интереса к данной профессии.

Несомненно, важным для нашего исследования был вопрос: «Как Вы оцениваете итоги практики с точки зрения ее результативности?» (рис. 5). Радует, что 73,1% студентов ответили, что практика дала возможность применять знания, полученные в колледже. Но, в то же время, 48,4% респондентов ответили, что практика выявила пробелы в специальной теоретической подготовке. С одной стороны, это говорит о недостаточной подготовленности студентов, а с другой стороны, дает возможность наверстать упущенные знания. Третий по популярности ответ (29%) — практика помогает утвердиться в правильности выбора профессии, а это очень важно, так как наша профессия из сферы «человек-человек».

Как Вы оцениваете итоги практики с точки зрения ее результативности? (можно выбрать несколько)
93 ответа

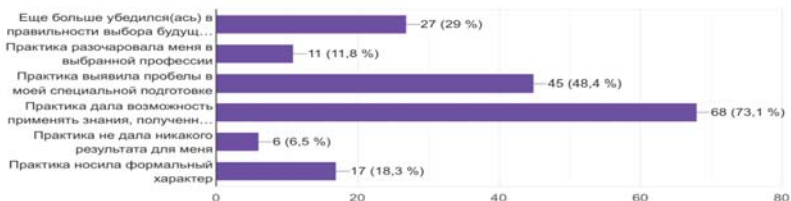

Рис. 5

Подводя итог, результаты нашего исследования показали, что в колледже РХГА имени Ф. М. Достоевского на специальности педагогика дополнительного образования проводятся практики, которые являются не только неотъемлемой частью процесса становления педагогом, но важной частью этого становления. На практике происходит закрепление и углубление полученных теоретических знаний; овладение необходимыми навыками и умениями по выбранной специальности, студенты также расширяют представления о будущей профессиональной деятельности, а самое главное получили представление о том, видите ли вы себя в роли педагога дополнительного образования. Выявлена роль методиста по практике от колледжа и ведущая роль специалиста базы практики на пути овладения компетенциями студентами.

Ну и конечно, было любопытно узнать, как студенты определяют для себя, что такое практика (рис. 6). И, как видно из диаграммы, 90,3% студентов считают, что практика — это получение профессиональных компетенций.

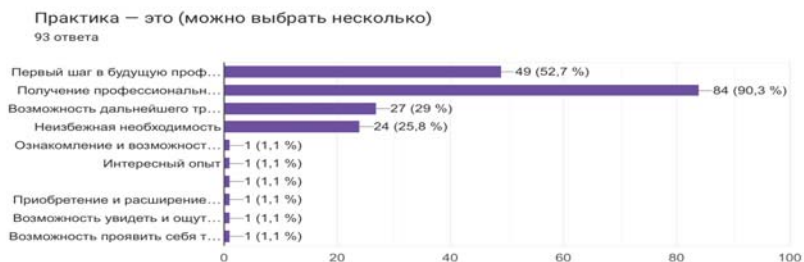

Рис. 6

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды / Ю. К. Бабанский, М. Ю. Бабанский. — М.: Педагогика, 1989. — 184 с.
2. Барина Т. М., Гарипова И. О., Каранова В. В., Леонова Н. П., Шкатова Е. А. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам: словарь-справочник / рец. В. Т. Кудрявцева, Е. М. Гоголева. — Магадан: Охотник, 2011. — 112 с.
3. Витковская М. И. Производственная практика и профессиональное становление студентов / М. И. Витковская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. — № 1. — 2012. — С. 181–189.
4. Лямзин М. А., Громкова М. Т. Словарь терминов и понятий дополнительного профессионального образования. — М.: ИРДПО, 2013. — 29 с.
5. Рыжикова А. М. Образовательные технологии обеспечивающие ФГОС. Системно-деятельностный подход — основа реализации стандарта второго поколения. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads> (дата обращения: 17.05.2023).

УДК 37.012.1

Ивлев Ярослав Сергеевич,
магистр философии, аспирант 2 курса
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
mongeneralis83@mail.ru

ТРАНСГУМАНИЗМ В ОБРАЗОВАНИИ

Данная статья освещает глубокое проникновение технологий в нашу жизнь и в сферу образования. Раскрывается суть трансгуманизма и его роль в получении знаний человека, а также его положительные стороны в виде эффективного инструментария для развития интеллектуальных и физических способностей людей, и негативные, могущие привести к потере человеком его образа и сути в качестве homo sapiens.

Делается вывод, что с развитием компьютерных технологий и интернета образование становится все чаще индивидуальным или обезличенным. Утрачивается значение воспитательных функций с уменьшением роли наставников, учителей и педагогов. В связи с этим ослабевает этическая сторона культуры как передачи личных навыков и опыта мастеров и профессионалов своего дела.

На горизонте в интеллектуальной сфере появляется искусственный интеллект и, в частности, нейросеть, способные в немалой степени заменить человеческий интеллект, а часто превышающий его. На рынке труда программы и техника конкурируют с человеком, что вынуждает его все чаще самообразовываться и обучаться новым знаниям.

Задача человека, как существа обладающего не только интеллектом, но также разумом, душой и этическими внутренними законами, сегодня состоит в том, чтобы контролировать бурное развитие интеллектуальных и физических способностей машин на пользу обществу. Современное образование при помощи новых технологий сегодня дает беспрецедентные возможности для получения знаний, при этом роль человека в цепочке получения знаний имеет большое значение как культурная преемственность.

Ключевые слова: образование, гуманизм, трансгуманизм, искусственный интеллект, нейросеть.

This article highlights the deep penetration of technology into our lives and into the field of education. The essence of transhumanism and its role in obtaining human knowledge are revealed, as well as its positive aspects in the form of effective tools for the development of intellectual and physical abilities of people, and negative ones that can lead to the loss of a person's image and essence as homo sapience.

It is concluded that with the development of computer technology and the Internet, education is becoming increasingly individual or impersonal. The importance of educational functions is being lost with a decrease in the role of mentors, teachers and educators. In this regard, the ethical side of culture as the transfer of personal skills and experience of masters and professionals in their field weakens.

Artificial intelligence and, in particular, a neural network are appearing on the horizon in the intellectual sphere, capable to a large extent of replacing human intelligence, and often exceeding it.

In the labor market, programs and equipment compete with a person, which forces him to educate himself more and more often and learn new knowledge.

The task of man, as a being possessing not only intelligence, but also reason, soul and ethical internal laws, today is to control the rapid development of intellectual and physical abilities of machines for the benefit of society. Modern education with the help of new technologies today provides unprecedented opportunities for obtaining knowledge, while the role of a person in the chain of obtaining knowledge is of great importance as cultural continuity.

Keywords: education, humanism, transhumanism, artificial intelligence, neural network.

Мировой цивилизационный прогресс невозможно «заморозить», сдерживать запретами, религиозными и моральными установками: он происходит постоянно за счет подвижности отдельных его элементов, факторов, способствующих его появлению. Такими факторами в локальном масштабе могут быть, например, установление диктаторского режима с закрытой системой экономики и особым политическим режимом как в Северной Корее или ядерная катастрофа с зоной отчуждения, как это произошло в Чернобыле в 1986 году, точнее, не сколько сами исторически важные события, а необходимость в определенных технологиях, запрос на то или иное техническое новшество, вызванное крайней необходимостью. Другими словами, в отдельно взятой стране должно случиться нечто экстраординарное, чтобы процесс внедрения новых, более совершенных чем ранее элементов человеческой цивилизации, начал свое поступательное движение. В отдаленных малонаселенных частях планеты, в странах с замедленным развитием, с жесткими религиозными или диктаторскими режимами как правило не происходит каких-либо значительных цивилизационных сдвигов, но тем не менее и в них за счет приобщения к плодам мировой цивилизации в бытовом укладе наблюдаются определенные преобразования. Так интернет, мобильная связь, телевидение, социальные сети, машинная техника сегодня являются естественными атрибутами жизни людей большинства стран, находящихся на периферии передовых технологий.

В целом, техника и технологии совершенствуются и обновляются все с более высокой скоростью, освобождая человека от тяжелого труда. Появление ее вызывает необходимость обучаться и образовываться, чтобы пользование благами цивилизации не вызывало затруднений. Результатом этого процесса становится улучшение качества жизни населения.

XXI век — это эпоха интернета, без которого уже невозможно представить жизнь современного человека. Дистанционное образование, а также многочисленные интернет-ресурсы становятся значительным источником получения знаний.

По большому счету, человек в силу своих исключительных интеллектуальных способностей в отличие от животных с самых древних времен всегда использовал свой ум для значительного усиления практических результатов своей деятельности. То, что не относится напрямую к физическим способностям тела человека, но подчинено человеческой воле в качестве инструмента для улучшения эффективности его деятельности, можно отнести к такому явлению современной жизни как трансгуманизм.

Так человек в роли всадника, благодаря подчинению лошади своей воле, стал способен преодолевать расстояния с гораздо более высокой скоростью, чем мог бы это сделать сам. Изобретение колеса позволило человеку решать грандиозные транспортно-грузовые задачи. Эти примеры относятся к трансгуманистическому инструментарию человека. Они улучшают базовые свойства и способности ограниченного в физических возможностях человеческого тела. В наши дни эффективность использования человеческих возможностей с помощью машин выросла многократно по сравнению с прошлыми веками.

Преемственность человеческих знаний в виде культуры в течение многих тысячелетий способствовала накоплению огромного массива информации на сегодняшний день. Чтобы научиться разбираться в накопленном поколением людей опыте управления физическим миром, необходимо правильно находить источники данных. Современные способы их получения позволяют делать это достаточно доступно и быстро. В XXI веке электронные источники получения знаний настолько прочно вошли в жизнь обучающихся, что в значительной степени замещают традиционное обучение при помощи учителей, педагогов, тренеров и наставников. Компьютер, интернет, техника и технологии сегодня являются мощными трансгуманистическими инструментами для получения знаний человеком. Трансгуманизм в сфере образования позволяет человеку расширять поиск нужной информации, совершать математические вычисления.

С другой стороны, совершенная вычислительная техника, базы данных и компьютерные программы, оптимизирующие и облегчающие получение нужного результата, избавляют обучающегося от многих умственных усилий и необходимости запоминать и делать самостоятельный анализ данных, что приводит к утере или ослаблению некоторых интеллектуальных способностей человека. Так печатные редакторы и онлайн-переводчики языков, клавиатура компьютера, а также вычислительные программы замедляют обучающемуся человеку

развитие целого ряда полезных навыков. Взамен этого требуется все больше опыта по управлению компьютерными программами, поиску нужных знаний из огромного массива имеющейся информации. Возникает необходимость нестандартного подхода ко многим решениям для получения оригинального результата. Чтобы разобраться в беспрецедентно большом объеме информационных ресурсов и максимально быстро усвоить нужные знания для реализации их на практике в наши дни необходимо внедрять трансгуманистические инструменты в систему школьного и высшего образования.

Для начала обратимся к терминологии ключевых слов: образование, гуманизм, трансгуманизм. В широком смысле слова, образование — процесс или продукт формирования ума, характера и физических способностей личности. Благодаря коммуникации между людьми создается накопление опыта, который имеет тенденции к росту из поколения в поколение, что приводит появлению культуры человека, которая является результатом формирования духовных и материальных ценностей общества в целом. Образование — это процесс передачи знаний, накопленных в культуре, новым поколениям. Оно целенаправленно осуществляется обществом через учебные заведения: детские сады, школы, колледжи, университеты и другие заведения, что не исключает возможность получения самообразования, в связи с широкой доступностью интернета.

Термин «трансгуманизм» имеет в своем корне слово гуманизм (от лат. *humanus* — «человечный») и предлог «транс» от лат. *trans* — предлог, обозначающий переход, изменение, что в общем контексте двухсоставного термина подразумевает собой качественное преобразование физики и метафизики человеческого бытия. При этом гуманизм как может быть этическим актом, так и философской системой мировоззрения [8].

Считается, что гуманизм — это прогрессивная жизненная позиция, которая без веры в Бога и вообще вне религии утверждает нашу способность и обязанность вести этический образ жизни в целях самореализации и в стремлении принести большее. Гуманизм — это также система построения гуманного человеческого общества, где высшей ценностью является жизнь человека, а ее материальные и нематериальные ресурсы направлены на то, чтобы сделать жизнь человека максимально комфортной и безопасной. По определению древнеримского политика и философа Цицерона гуманизм — это высшее культурное и нравственное развитие человеческих способностей в эстетически законченную форму в сочетании с мягкостью и человечностью.

Согласно классификации военного историка Ю. Н. Харари по критерию толкования термина существует:

- либеральный гуманизм (видящий высшую ценность в каждом отдельном человеке);
- социалистический гуманизм (высшая ценность в коллективе, а не отдельной личности);
- эволюционный гуманизм (представляет высшую ценность в виде *Homo Sapiens*, утверждает, что человеческий вид подвержен изменениям и может развиваться либо деградировать) [7, с. 281–283].

Однако, несмотря на очевидные благие цели, которые несут в себе идеи гуманизма, такие как этико-этические нормы и веру в достоинство человека, а также в его способности и возможности, некоторые российские и зарубежные мыслители и философы подвергают критике его ценностную парадигму.

Так, известный в США евангелический проповедник Т. Ла Хей считает, что современная философия образования помешалась на самопредставлении, самолюбии и самоудовлетворении, психологический человек концентрируется не на душе, а на своем «Я», отвергает идею греха и спасения и не стремится ни к чему большему, чем просто «хорошее самочувствие».

Русский философ и экзистенциалист Николай Бердяев считал, что атеистический гуманизм диалектически перерождается в антигуманизм, или «бестиялизм», что в идейном плане приводит к нищенству и марксизму, а в социальном — к антигуманным режимам нацистской или коммунистической России, где человек — это жертва правящего класса или нации во имя их могущества и общего блага. Это происходит из-за воли человека к абсолютному, которая или осуществляется в акте соединения с Богом, или приводит его к идолотворению и самоуничтожению. Однако «после Ницше, после дела его и судьбы его гуманизм уже невозможен, навеки преодолён» [1]. На смену гуманизма должно появиться обновлённое, просветлённое и очищенное от антропоморфизма, социоморфизма и натурализма, религиозное сознание.

Трансгуманизм, пожалуй, можно отнести к новому витку гуманизма, или даже представить его в виде надстройки над базисом гуманистических ценностей. Не так давно рождённый термин «трансгуманизм» стал ныне популярным не только в философских кругах, но и в отдалённых от них областях социальной практики. «транс», в данном случае, означает «выходящий за пределы гуманизма», превосходящий его по соответствию общественным ожиданиям и вообще, имеющий в виду «другого» человека. Трансгуманизм может быть общественным строем, политической позицией или философской концепцией, провозглашающей использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека для устранения тех аспектов человеческого бытия, которые трансгуманисты считают нежелательными — от страданий, болезней, старения и смерти.

Трансгуманисты изучают возможности и последствия применения новых технологий для улучшения физических и интеллектуальных качеств человека, путем конвергенции биологических, информационных, познавательных ресурсов и нанотехнологий [2].

В литературе впервые слово «transhumane» использовал Данте Алигьери в «Божественной комедии» (1312). В современном смысле термин «трансгуманизм» встречается впервые у биолога-эволюциониста Джулиана Хаксли в его работе «Религия без откровения» (1927) [10]. В духе своей эпохи, ознаменованной, в частности, проникновением методов естественных наук в биологию, становлением генетики как самостоятельного научного направления и началом освобождения повседневной жизни людей от влияния религии, Хаксли представлял «трансгуманизм» как новую идеологию, «веру» для человечества, входя-

щего в новую волну научно-технической революции. Близкие к Хаксли взгляды в это же время развивал генетик Дж. Б. С. Холдейн, физик Дж. Д. Бернал и популяризировал писатель-фантаст О. Стэплдон.

Тем не менее, большие ожидания и надежды трангуманистов на возникновение действующих реальных способов радикального изменения биологической природы человека в связи с недостаточным прогрессом быстро привёл к угасанию широкого интереса к идеям в этой области. Однако достижения науки в XXI веке снова обращают на себя внимание мировой общественности к сфере трансгуманизма. Если окунуться в историю герметического учения, возникшего примерно с 100-х годов нашей эры, то можно проследить характерные черты, присущие трангуманистическому учению, в которых разрабатывался образ совершенного человека, и который постепенно должен был лишиться таких черт, как эмоции, старение и неведение. Такое изменение качеств человека, воспринималось как награда Бога за этическое поведение. Теория эволюции после публикации «Происхождения видов» Чарльза Дарвина в 1859 году, привела к пониманию, что человек, возможно, не вершина развития живых существ, а промежуточное звено. Ницше так выразил эту мысль: «как от обезьяны произошёл человек, так из человека должен произойти сверхчеловек» [3, с. 931–933].

Человек эволюционирует значительно медленнее, чем приспособливается к своим расширяющимся и усложняющимся потребностям окружающую среду при помощи технологии. Однако трактуемое абстрактно и механически отношение человека, понимаемого как животное, и природы сформировало обезличенный образ киборга, измеряемый не только и не столько протезами, искусственной кожей и металлическим каркасом, сколько программируемостью и заменяемостью. Подобная, лишённая социального содержания понятия «человек», проекция киборга получила название «постчеловек». Первоначально термин введён трансгуманистами в 1999 году и воспринимался в западной массовой культуре позитивно. Тем не менее, консервативно настроенные футурологи считают, что приход «постчеловека» окончательно подорвет семейные отношения, половую дифференциацию. Фрэнсис Фукуяма, американский политолог и социолог, в книге «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции» за 2002 год, пишет: «Скорее это страх перед тем, что в конечном счете биотехнология принесет нам утрату нашей человеческой сущности... Таким образом, мы можем вдруг очутиться по ту сторону барьера между человеческой и постчеловеческой историей и даже не увидеть, когда мы перевалили водораздел, потому что перестанем понимать, о чем идет речь» [9, с. 87].

Трансгуманизм отличает решение, изменяющее самого человека, создание на его основе иной генерации людей, обладающих новыми качествами, слабо развитыми или несвойственными человеку как таковому. Если в эпоху Возрождения человек провозглашался существом равным Богу, Создателю мира, то теперь, с изменением божественных качеств, заложенных в человеке Создателем, он становится вне традиционной связи «Создатель — человек». Новый человек-робот становится не просто атеистом, он становится существом, не зна-

ющим Бога, ибо вера иррациональна, а новый человек — рационален изначально, в соответствии с цифровыми технологиями, которые будут заложены в нем.

Трансгуманистические инструменты и средства познания значительно изменили способы получения образования, которые не имеют аналогов в прошлом. Прежде всего, следует отметить изменение условий современного обучения; большинство сведений, на которые должен ориентироваться учащийся, не научные, несомненные, а недостоверные и непроверенные. Причем такие ненаучные, ложные или противоречивые сведения бывают как получаемыми от учителя, так и поступающими извне. Современный человек вошел в информационное пространство, где существует большое количество источников информации и средств связи, обеспечивающих обмен сообщениями между практически любыми точками земного шара. Это не средства получения массового знания, источником которого была школа и стоящие за ней наука и социальная практика, а средства массовой информации. В чем между ними разница?

Различие между знанием и информацией можно определить следующим образом: знания — это проверенный практикой общества результат познания действительности, главные особенности которого — систематичность и непротиворечивость, объективность и независимость от желаний и воли людей. Информация — это сведения любого характера, выражающие чаще всего мнения говорящих, их отношение к ранее высказанному, иногда имеющие сомнительную достоверность, а иногда даже противоречащие друг другу.

Основным средством массовой информации является Интернет — всемирная сеть, объединяющая пользователей друг с другом и с базами данных, и способная заменить физические носители источников знаний, такие как книги и журналы, на их электронные аналоги. Интернет стал частью учебного процесса, более основательной, чем радио и телевидение, претендовавшие на эту роль ранее, но так и оставшиеся техническими средствами обучения. Интернет позволил каждому учащемуся находить нужную информацию по любому запросу, что значительно увеличило вариативность при отборе достоверных и действительно полезных для образования сведений.

Возник диссонанс между школьными знаниями и информацией. Интернет оказался средством, позволяющим заменять естественную память человека внешней памятью — записной книжкой, хранящей не только личные записи и снимки, но и данные, известные всему человечеству. В результате у школьников стала утрачиваться память, а их знания, и без того не отличавшиеся прочностью и долговременностью, стали ещё более неустойчивыми и кратковременными, часто приводят в смятение учителей, ожидающих услышать от учащихся хотя бы сказанное учителем на уроке. Сегодня проблема состоит не в недостатке информации, а в ее правильном отборе для использования в качестве обучения.

Особенность образования в контексте концепции трансгуманизма определяется проблемой ценности знаний. В информационном обществе информация обретает стоимость. Это ни сколько стоимость образования или оплата преподавания, а то, что знания (как и информация) имеют различную ценность, где она определяется, как трудом, потраченным на их получение, так и возможностью их

использования. Первое составляет их «себестоимость», второе — «потребительскую стоимость» знаний. Эти два рода стоимости являются совершенно самостоятельными. Знания, на которые в своё время были затрачены значительные интеллектуальные ресурсы, ныне могут потерять всякую ценность, и наоборот, актуальная потребность в знаниях или в информации может удовлетворяться суррогатами ad hoc (для данного случая), созданными на скорую руку, но оцениваемыми неоправданно высоко. Эта шкала используется преимущественно учителями и преподавателями, а также авторами учебников, научным и образовательным сообществом, обществом в целом. Знания этой шкалы обычно являются фундаментальными.

Вторая шкала применяется в качестве главного критерия оценки полезности знаний и информации, их пригодность к использованию в повседневной жизни и предполагает получение прямого эффекта от их применения и свойственна обучающимся и работодателям. Оценка знаний здесь в большей степени носит прикладной характер. Так возникает идея элитарного образования и подготовки компетентных специалистов, получающих такое образование и занимающих ключевые позиции в современном обществе.

Третьей особенностью современного образования, как российского, так и мирового, является появление непрерывного образования и отделение образования от обучения. Непрерывное образование длится в течение всей жизни человека. В таком виде оно не может называться обучением, так как обучение — это процесс, который происходит в специально организованных условиях по учебному плану, имеющий цели, задачи, средства обучения и другие характеристики учебного процесса: объём занятий, продолжительность, а также способы проверки знаний. А самым важным отличием образования от обучения можно назвать то, что обучением руководит воспитатель, учитель или преподаватель, в то время как образование может проходить вне стен учебных организаций. Оно необязательно связано с учебными планами и определяется не полученными заданиями, а собственными интересами и задачами личности, вытекающими из ее жизненных потребностей. Также важным моментом является то, что источником образовательной информации служит любой носитель необходимых сведений.

Поиск информации в интернете сегодня становится главным фактором при получении образования современных людей, однако, и это не конечная инстанция в развитии наиболее эффективных способов получения знаний. В рамках тренда трансгуманизма в образовании на смену интернету постепенно готовится к внедрению нейронет или нейросеть — единый мировой электронно-биологический мозг, в котором взаимодействие его участников будет осуществляться на основе нейрокоммуникаций (передача данных о физиологических параметрах людей и данных об активностях мозга).

Произойдет антропоцентрично направленная коммуникация, объединенная сенсорными сетями. Конечной ее стадией станет полное слияние человека с физическим миром методом переноса человеческого сознания на искусственные носители и достижение цифрового бессмертия.

Коронавирусная ситуация в 2020 году в значительной мере способствовала «трансгуманизации» учебного процесса, в целом в мире. Так, в России, в частности, с помощью благотворительного фонда «Вклад в Будущее», было поручено перевести около полумиллиона школьников из тысячи школ на онлайн-обучение при помощи Школьной Цифровой платформы (персонализированная траектория цифрового обучения), тогда как в 2019 году это применялось лишь в 15 школах 5 регионов России).

С этической точки зрения цель самых распространенных религиозных учений в России, таких как христианство и ислам, и конечная цель трансгуманизма — бессмертие, совпадают, но пути их достижения в корне отличаются. Так, в православии достичь бессмертия люди должны вместе (соборно) с помощью Церкви и Бога. Более того попытка быть бессмертным без Бога, с точки зрения христианства оценивается как большой грех и искушение совершать порочные поступки, зная, что жизнь человека будет происходить в известной ему земной или физической сфере деятельности. Православие рассматривает трансгуманизм как богоборчество и воплощение слов дьявола-искусителя, обращенных к Адаму и Еве: «не умрете, но станете, как боги». Для ислама, например, трансгуманизм — это «харам» и «ширк», то есть то, что невозможно для верующего.

В России идеями трансгуманизма занимаются Институт философии РАН и Российское философское общество. На его базе было образовано «Российское трансгуманистическое движение», считающееся второй организацией в мире по численности после WTA», по сведениям РБК.

В российских школах в последние десятилетия сосуществуют две различные учебные практики — классическое среднее образование «советского типа» и педагогические инновации. В этих практиках прослеживаются очень разные, если ни сказать, антагонистичные цели, задачи, содержание и методы. Школьное образование советского типа ставило перед учащимися цель развить всесторонне развитую личность, наподобие целям древнегреческой гимназии. Знания при таком подходе нужны для понимания природы вещей, причинно-следственных связей явления, структуры мира. Классическая советская или российская школа способствует развитию гармоничной личности, обращение к идеалу, постижению мироздания. Классическая школа подразумевает идеал или образ, отсюда и смысл понятия «образование», и это главное, что отличает ее школы педагогических новаций.

Так называемая «школа двух коридоров» имеет историю, начиная с французской реформы образования 1870 года. Классическое образование («первый коридор») было предназначено для элиты, а пединновационная («второй коридор») для крестьян и пролетариата. Новая школа («второй коридор») готовил людей узкой специализации, способных выполнять определенные, не слишком сложные функции. Такое образование не было рассчитано на творческое развитие личности, комплексное мышление или независимое управление собственной жизнью. Советская система образования была устроена по принципам «первого коридора», однако уже в 1960-годы начались первые изменения. В 90-е годы XX века и в начале 2000-х годов система классического образования в Рос-

сии была в значительной мере разрушена. Нивелированы идеалы и авторитеты, в приоритете появились субъектно-субъектные отношения. Методология современного обучения изобилует количеством инноваций.

Например, интерактивное обучение в виде диалога учителя и ученика, провозирующее на высказывание личного мнения, в то время как в классической или советской школе новая тема вводится учителем. Школа неклассического типа образования подразумевает вводить тему вопросами к ученикам, притом, что ученики не имеют к этому моменту еще достаточных знаний и компетенций для того, чтобы правильно и грамотно и всеобъемлюще ответить на поставленный вопрос. Это приводит к тому, что формируется субъект, который, не имея полноты знаний и достаточного видения предмета, при этом имеет свое мнение об объекте или предмете.

Технологии в образовании, с одной стороны, помогают ускорению обретения знаний (например, вместо поездки в библиотеку достаточно, не выходя из дома, воспользоваться электронным аналогом в интернете. То же самое можно сказать про дистанционное оффлайн и онлайн обучение. Калькулятор избавляет от необходимости применять способности к умственным вычислениям, онлайн-переводчики помогают переводить тексты на различные языки, в связи с чем отпадает необходимость языковых знаний у человека и т. д.). С другой стороны, подобный «экзоскелет» хотя и помогает обрести человеку знания, может способствовать ослаблению интеллектуальных «мышц для собственного скелета человека» в виде знаний, навыков и опыта. Возможность обучающегося решать многие образовательные задачи в стенах своего дома, в значительной степени индивидуализирует общество.

Другой проблемой в российском образовании в XXI веке можно назвать нацеленность на возвращение общества потребления в условиях рыночной цифровой экономики. В 2007 году бывший министр образования А. А. Фурсенко прямо заявил о задачах правительства «воспитать квалифицированного потребителя». Для этого в современной школе внедряется ранняя профориентация. При таком подходе теряются цели и задачи, присущие классическому образованию: способность творить новое, независимо мыслить и принимать взвешенные решения. Если вернуться с нашей проблемой мысленно в Древнюю Грецию, то можно вспомнить, что в те времена дети свободных людей изучали «космос» во всех его проявлениях, а ранняя профориентация как раз была уделом рабов. Возникает законный вопрос, кого именно мы готовим себе на смену: рабов или мыслителей? Какое будущее ждет наших детей? Капиталистическая система, в рамках которой развивается сегодня Россия, подразумевает уже на стадии раннего и школьного обучения разделение общества на касты.

Однако в российском политикуме в последнее десятилетие возникло понимание для исправления социальной несправедливости классового общества и «свободного» рынка, и правительство страны организовало возможности для повышения доступности образования, карьеры. Чтобы помочь молодым людям найти себя, а также раскрыть собственный потенциал, принести пользу обществу, в 2018 году инициативой президента России Владимира Путина была созда-

на автономная некоммерческая организация «Россия — страна возможностей». Цель организации — создание условий для личностного и профессионального развития россиян, и создание действенных социальных лифтов. Поступить в один из ведущих вузов, пройти стажировку в ведущей компании, начать свое дело, познакомиться с единомышленниками и получить обратную связь от экспертов — все это может сделать любой житель страны, бесплатно участвуя в проектах. Платформа доступна для всех граждан вне зависимости от возраста и места жительства, попробовать свои силы и раскрыть потенциал могут все желающие — как школьники, так и пенсионеры. Подобных аналогов в мире у этого проекта в таком масштабе в мире трудно найти.

Один из самых известных примеров социальных лифтов на платформе «Россия — страна возможностей» — это конкурс «Лидеры России». В ходе реализации проекта назначения на высокие должности уже получили более 220 его победителей, которые заняли позиции заместителей федеральных министров, губернаторов, мэров городов, главврачей, ректоров, топ-менеджеров крупных компаний и высоких государственных управленцев. А всего за три года в проекте приняло участие более 600 тысяч человек. Участие в данном проекте было бы невозможным без компьютера и интернета, поскольку подразумевает регистрацию в личном кабинете и дистанционное тестирование. Так техника и технологии дают возможность социального роста.

В последние годы в России быстро развивается ИТ (Information Technology, с английского «информационные технологии») сектор. Потребность в специалистах ИТ сфере достаточно высокая, поскольку практически каждая современная российская компания нуждается в них для решения технологических задач, связанных с программным обеспечением и техническим обслуживанием интернет-сайтов компаний. Тотальное большинство таких специалистов работает дистанционно: работники ИТ сферы обычно не привязаны к месту работы, им достаточно компьютера и связь в интернет-сети. Так же избавлены от необходимости тратить время на поездки до места работы многие биржевые трейдеры, финансисты, блогеры, «стримеры» и т. д. Так трансгуманистические инструменты, такие как ИТ технологии позволяют сегодня решать множество задач, связанных с образованием, повышением квалификации, продвижением в социальном положении в обществе.

Компьютер и интернет сильно изменили образ жизни многих людей на нашей планете и сегодня являются одними из самых мощных и эффективных трансгуманистических инструментов в сфере образования и развития человеческих способностей в XXI веке, однако личный опыт педагогов по-прежнему имеет важное место для передачи знаний обучающегося. Также существует целый ряд профессий (водитель, пилот, врач, массажист и т. д.), где без практического навыка и личного наставничества преподавателя невозможно освоить ту или иную деятельность. С другой стороны «интеллектуальные машины» и в этих сложных видах деятельности могут справиться без человека. Автомобили и самолеты, медицинские роботы и аппараты с помощью «умных» технологий сегодня способны функционировать без человека, которому все чаще отводится

операторская наблюдательная функция. Человек нуждается в защите или страховке от непредвиденных случаев, способных случиться с машиной, поэтому необходим постоянный контроль со стороны человека, поэтому ближайшем будущем потребуется еще больше усилий по получению образования и практических навыков, связанных с созданием, обслуживанием и контролем машин.

Американская компания «OpenAI», занимающаяся разработкой и лицензированием технологий на основе машинного обучения, одним из основателей которой является предприниматель Илон Маск, в 2022 году выпустила ChatGPT — чат-бот с искусственным интеллектом от компании OpenAI, основанный на большой языковой модели GPT-3.5; способен работать в диалоговом режиме на естественных языках. Джеймс Винсент из «The Verge» расценил вирусный успех чат-бота ChatGPT как свидетельство того, что искусственный интеллект стал мейнстримом [11]. На сайте российского информационного агентства ТАСС 18 июля 2023 года появилась статья: «Генсек ООН считает, что вклад искусственного интеллекта в глобальную экономику к 2030 году составит до \$15 трлн» [5].

В этой статье указано, что генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш на заседании Совета Безопасности всемирной организации по проблематике искусственного интеллекта был «поражен и шокирован» развитием его развитием: «Скорость и охват этой новой технологии во всех ее формах абсолютно беспрецедентны», — сказал генсек ООН, отметив, что число известного популярного чат-бота ChatGPT «достигло 100 миллионов пользователей всего за два месяца».

Почти все в мире правительства, а также крупные компании и организации работают над стратегией развития искусственного интеллекта. Очевидно, что искусственный интеллект будет влиять на все сферы жизни.

Совет Безопасности ООН впервые в истории проводит заседание по проблематике искусственного интеллекта. Оно проходит в рамках председательства Великобритании в Совете Безопасности всемирной организации в июле. Генсек ООН считает, что организация должна стать площадкой, где будут выработаны мировые стандарты контроля и регулирования сферы искусственного интеллекта. Гутерриш также считает, что искусственный интеллект представляет угрозу человечеству, а долг ООН, записанный в Уставе, защищать будущие поколения от долгосрочных глобальных угроз.

России наиболее крупным научным и исследовательским центром в области искусственного интеллекта является Научный совет по методологии искусственного интеллекта Российской академии наук. К тому же Росстандарт предоставил открытый доступ более чем к 60 стандартам в сфере искусственного интеллекта в целях оперативного обеспечения ускоренных темпов развития отрасли искусственного интеллекта в России. Предложение было выдвинуто Сбербанком, который является центром компетенций федерального проекта «Искусственный интеллект», как сообщает пресс-служба банка. Первый заместитель председателя правления Сбербанка сообщил:

«Вывод стандартов в открытый доступ — часть масштабной работы государства и бизнеса, которая направлена на то, чтобы параллельно

с совершенствованием систем искусственного интеллекта динамично развивалась и регуляторика, а она должна обеспечивать как прогресс в этой жизненно важной области знаний, так и безопасность потребителей» [6].

Решение о предоставлении открытого доступа к стандартам в сфере искусственного интеллекта принято Росстандартом для содействия реализации утвержденной указом президента Российской Федерации Владимира Путина Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2023 года, одним из основных направлений которой является создание единых систем стандартизации и оценки соответствия технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта.

Предоставление открытого бесплатного доступа к международным и национальным техническим стандартам позволит оценить релевантность действующих стандартов, при необходимости вносить в них изменения и получать обратную связь от российского сообщества разработчиков искусственного интеллекта. Общественно-политическое интернет-издание «Газета.ru» пишет, что 14 июня Росстандарт предоставил открытый доступ более чем к 60 стандартам в сфере искусственного интеллекта в целях оперативного обеспечения ускоренных темпов развития отрасли искусственного интеллекта в России.

Российская IT-компания «Яндекс» также разработала собственную нейросеть «YandexGPT». В Яндекс Браузере появилась новая функция — нейросетевой пересказ текста. Она позволит сэкономить время на прочтение и меньше, чем за минуту можно ознакомиться с содержанием статей из интернета, не читая их полностью. Для этого достаточно нажать на кнопку «Пересказать кратко» в адресной строке. В ответ встроенная в браузер нейросеть YandexGPT обобщит суть материала в нескольких коротких тезисах. Блок с нейросетевым пересказом отображается прямо в интерфейсе поверх открытой страницы. Нейросеть YandexGPT умеет выделять главное в статьях на русском языке длиной до 30 тысяч знаков, а на чтение такого материала обычно уходит в среднем 15–17 минут. Это удобно, когда нужно просмотреть множество текстов, написать к ним тезисы или быстро найти ответ в тексте. Впервые тезисный пересказ с помощью YandexGPT появился 27 июня 2023 года на сервисе 300.ya.ru, который доступен из любого браузера [4].

Так российская IT-компания с помощью искусственного интеллекта помогает читателю освоить текстовый материал на порядок быстрее, чем при обычном прочтении.

Технологии, связанные с идеями трансгуманизма приведут к появлению нового типа человека, никогда прежде не существовавшего. Трудно предсказать, как будет выглядеть постчеловеческий мир в будущем, но он может оказаться намного более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний мир, и вряд ли сможет обойтись без социальных конфликтов. Возможно, что в будущем будет утрачено любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое «человек».

В XXI веке достижения науки в таких областях, такие как геномное профилирование, биомедицинская инженерия и генетическое модифицирование, могут не только значительно продлить продолжительность жизни человека, но и кардинально улучшить условия его жизни и, в том числе, качественно преобразить его интеллектуальные качества. Образование сегодня имеет явные тенденции к самостоятельному получению знаний с помощью компьютерных технологий и интернета. Активно развивающийся искусственный интеллект, в том числе нейросеть уже сегодня, а в будущем значительно чаще будет решать задачи на пользу человека, во много раз усиливая эффект и результативность человеческого гения. Роль человека (мастера, наставника, преподавателя, учителя) в получении знаний обучающимися студентами или учениками, имеет большое значение в качестве эталонного образа гармоничной и развитой личности с этически правильными установками. Технологии дают человеку возможность более быстро обучаться и решать все более сложные интеллектуальные задачи, однако без передачи личного опыта другим человеком, невозможно воспитать гармонично развитую личность, сохранить культуру и преемственность поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 639 с.
2. Вита-Мор Н. Расширение жизнь. — Плимутский университет. — 2012.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. — 512 с.
4. Яндекс добавил в браузер нейросеть YandexGPT — она перескажет статьи коротко и ясно. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yandex.ru/company/news/2023-07-06> (дата обращения: 27.05.2023).
5. Генсек ООН считает, что вклад ИИ в глобальную экономику к 2030 году составит до \$15 трлн. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/18304757> (дата обращения: 27.05.2023).
6. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/presscenter/news?portal:componentId=88beae40-0e16-414c-b176-d0ab5de82e16&navigationalstate=JBPNS_rO0ABXczAAZhY3Rpb24AAAABAA5zaW5nbGVOZXdzVmllldwACaWQAAAABAQ5MDIxAAdfX0VPRl9f (дата обращения: 27.05.2023).
7. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари; пер. с англ. Л. Сумм. — М.: Сидбад, 2019. — 530 с.
8. Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. — 2005. — Т. 14, № 1.
9. Fukuyama F. Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution. — 1st ed. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

10. Huxley J. Religion Without Revelation. [Электронный ресурс]. — URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.90330/page/n33/mode/2up> (дата обращения: 08.12.2022).

11. Vincent J. The Verge: «ChatGPT proves AI is finally mainstream — and things are only going to get weirder». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.theverge.com/2022/12/8/23499728/ai-capability-accessibility-chatgpt-stable-diffusion-commercialization> (дата обращения: 08.12.2022).

УДК 37.013

Саратовцева Надежда Валентиновна,
кандидат педагогических наук,
доцент Пензенского государственного технологического университета,
Saratovtseva.NV@mail.ru

УЧИТЕЛЬСТВО И НАСТАВНИЧЕСТВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье рассматривается содержание ключевых педагогических категорий: «учитель», «учительство», «наставник», «наставничество». Опираясь на трактовки видных педагогов, автор пытается выделить общее и особенное в их понимании. Авторская позиция заключается в том, что наставничество и учительство, исполненные по совести, помогают растущему человеку стать Человеком.

Ключевые слова: учитель, наставник, учительство, наставничество.

Saratovtseva N. V.
TEACHING AND MENTORING: GENERAL AND SPECIAL

The article discusses the content of the key pedagogical categories: «teacher», «teaching», «mentor», «mentoring». Based on the interpretations, the author tries to highlight the general and the special in their understanding. The author's position is that mentoring and teaching, performed in good conscience, help a growing person become a Human.

Keywords: teacher, mentor, teaching, mentoring.

В знак высочайшей общественной значимости педагогической профессии 2023 год в России был провозглашен как год наставника и педагога. Не секрет, что именно наставник и учитель — основа любого общества. Какие нравственные начала и навыки будут заложены ими в подрастающем поколении, таким и будет наше будущее.

В обывательском представлении понятия «учительство» и «наставничество» настолько смешались, что люди не видят в них различий, отмечая то, что они означают суть одного и того же образовательного процесса.

Попытаемся разобраться в толковании понятий «учитель», «наставник», «учительство», «наставничество».

Учитель — это понятие известное исстари. Оно употребляется в двух значениях. «Учитель — лицо, передающее другим освоенные им знания, умения и навыки, приобретенный жизненный опыт, свое понимание жизни и отношение к ней. В более узком смысле — должность преподавателя одного или нескольких учебных предметов в общеобразовательной школе» [4].

В широком понимании слово «учитель» употребляется для почтительно-го обращения к авторитету, к мудрому человеку. Часто этим словом называют видных деятелей — основателей научных школ и направлений. Так, это высокое звание по праву носят представители научных педагогических школ К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев, В. П. Вахтеров и др.

Интересно, что совпадение вышеуказанных трактовок слова «учитель» в отношении педагогов, свидетельствует об их педагогическом мастерстве.

Заметим, что еще с древнейших времен слово «учитель» всегда было священо. Им в Священном Писании называются те, кто проповедует христианские истины. Наивысший смысл звания «Учитель» и образец учительской деятельности в образе Иисуса Христа [7].

Функции учителя многообразны: помощь обучающимся в овладении знаниями, способами их приобретения, личностными качествами, взглядами и убеждениями. Кроме того, педагог — это всегда просветитель в общественной среде.

Под понятием «учительство» понимается «социально-профессиональная общность людей, выполняющая сложный умственный квалифицированный труд, получивших для этого высшее или среднее профессиональное (в основном педагогическое) образование и осуществляющих деятельность по обучению, воспитанию, развитию, социализации, профессиональной ориентации школьников» [3].

Слово «наставник» имеет несколько иное значение. Есть в нем что-то высокое. Наставник — это человек, который направляет и помогает, дает жизненные уроки из опыта. В толковых словарях В. Даля, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой содержится весьма солидарное толкование понятия «наставник». Оно объясняется словами «воспитатель», «руководитель» [9].

Наставничество — древнейший институт человеческих взаимоотношений. Древнегреческий философ Сократ считал миссией наставника пробуждение душевных сил подопечного. Наставник, по мнению этого известного философа, помогает в познании истины. Самый известный ученик древнегреческого философа Сократа, Платон (427–347 гг. до н. э.) считал, что взаимодействие наставника и ученика есть тесная духовная связь между ними (позже такие отношения стали именовать «платонической любовью») [6].

Есть мнение, что природа наставничества объясняется характером групповой деятельности древних людей. Самые простейшие формы наставничества для Homo sapiens заключались в знакомстве детей с секретами охоты, собирательства и т. д. Изменение условий жизни и появление новых видов хозяйственной деятельности требовали особых форм ученичества.

Традиционно роль наставника высока в религиозной практике. С первых веков христианства апостолы наставляли своих последователей, учили, давали

определенные советы и объясняли суть учения Христова [5]. Так, в чтении Священного Писания непременно нужен наставник. В Деяниях святых Апостолов рассказывается о случае, когда вельможа царицы Кандакии на вопрос святого апостола Филиппа понимает тот ли чтение пророка Исайи, ответил: «Како убо могу разумети, аще кто не наставит мя?» (Деян. VIII, 31).

С христианской точки зрения можно говорить о наставничестве можно как в широком смысле, так в и более узком смысле. В широком смысле под наставничеством, по свидетельству святителя Иоанна Златоуста и как нами уже было упомянуто выше, понимаются духовные наставники — священнослужители, поставленные по образу Христа Господа нашего, быть совершителями таинства Евхаристии и служить проводниками между Богом и человеком.

В узком же смысле к наставничеству, как проповеди о Христе, призван каждый из нас. Эта проповедь, прежде всего, осуществляется примером благочестивой жизни, искренне соответствующей проповеди Христа [2].

В Священном Писании наставничество предполагает служение. Господь наш Иисус Христос сказал: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24).

По большому счету наставничество находится в плоскости воспитания и соответствует великому поручению Спасителя: «Итак, идите, научите все народы...» (Мф. 28:19).

Наставничество похоже на отцовство. Отношение наставника к своему подопечному подобно отношению отца к сыну. Наставник, воспитывая ученика, вкладывает в него весь свой опыт, всю свою жизнь: «Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны» 1Фес.2:7–8).

Высшей целью наставничества является не просто воспитание ученика, но и помощь ему в становлении наставником для других людей: «И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим. 2:2).

По определению современных отечественных педагогов-исследователей (А. С. Батышев, С. Я. Батышев, Г. В. Гасилов, Л. В. Лебедева, А. С. Лобанов, И. И. Малкин, В. В. Пермяков и др.), наставник — это человек, имеющий ценный опыт и готовый им делиться с другими, менее опытными людьми. При этом отношения между ними полны взаимного доверия и энтузиазма.

В современной педагогической науке наставничество как метод адаптации и профессионального становления молодого специалиста занимает особое место. Большого внимания заслуживает мнение Гарета Льюиса. По его мнению, наставничество представляет собой отношения между людьми, которые характеризуются как поддержка, руководство [1]. Наставник наделен опытом, он коммуникабелен, готов оказать помощь своему подопечному в овладении профессией.

С. Я. Батышев, конкретизируя задачи и функции наставничества, подчеркивает, что «важной методологической проблемой является определение путей

и средств формирования личности учащегося в духе общественных потребностей и идеалов, выявление влияния условий окружающей жизни, выяснение их особого воздействия на личность» [1].

Таким образом, наставничество — это процесс развития личности, ее физических и духовных сил, интеллекта, социально-профессиональных компетенций, готовности к активной трудовой (служебной) деятельности.

Во все времена в педагогической науке проблема учительства и наставничества оставалась предметом особого внимания. Например, выдающийся педагог Я. А. Коменский (1592–1670 гг.), которого по праву считают отцом современной ему педагогики, обобщая свой собственный опыт богослова и учителя-практика считал, что никто «Не может сделать людей нравственными или благочестивыми, кроме нравственного и благочестивого учителя-наставника». Учитель — это пример для ученика, его наставник, друг. По мнению просветителя, «быть учителем — дар Божий, и если человек чувствует в себе это призвание, то может посвятить ему всю свою жизнь» [7].

Основоположник отечественной педагогики К. Д. Ушинский, размышляя о наставничестве, заметил явную зависимость профессиональной адаптации личности от уровня педагогического мастерства и знаний наставника [7].

Любопытен и ценен родительский опыт в дореволюционной России, когда от преподавателей ждали не только передачи знаний детям, но и привитие воспитанникам нравственных представлений. Другими словами, «их задача заключалась в формировании не ученого, а человека» [6].

Говоря о великих личностях истории, мы обязательно вспоминаем их учителей и наставников: Александра Македонского и Аристотеля, Петра I и Семеона Полоцкого. Эти незаменимые люди были у кузнецов и императоров, спортсменов и ученых. Все они вобрали опыт своих учителей и наставников. Сегодня без упоминания их имен не обходится ни одна церемония награждения. Не секрет, что за победителем всегда кто-то «стоит», и часто не один, а целая команда мастеров.

Наставничество как особый вид технологии передачи опыта и знаний использовалось и на производственных площадках. Так, в Московском техническом училище инженерами-механиками под руководством изобретателя и педагога Д. К. Советкина была предложена одна из первых систем наставничества в производственном обучении. Такой опыт получил международное признание. Отмечалось, что русское обучение ручному труду превратилось в науку. В советский период особые успехи в наставничестве поощрялись почетными знаками и званиями («Наставник молодежи» (1975 г.), «Заслуженный наставник молодежи РСФСР» (1981 г.)).

В современной России наставничество как эффективная форма корпоративного обучения и роста персонала, а также залог успешной карьеры, остается актуальным направлением в сфере образования и в профессиональной деятельности.

Понятия «учительство» и «наставничество», «учитель» и «наставник» связаны, но имеют и отличия. Общее для них то, что все они касаются сферы челове-

ческого развития. Учитель, как правило, имеет соответствующее педагогическое образование и обучает ученика тому предмету, которым сам владеет, например: математике, физике, русскому языку, рисованию и пр. Он же оценивает обучающегося по степени его усвоения новых знаний, умений и навыков.

Наставник — это слово по смыслу связано с глаголом «наставлять». Он, имея богатый жизненный и практический опыт в определенной сфере и передает его тому, кто желает им воспользоваться, советует, какой сделать выбор, что предпочесть чему, подсказывает выход из сложного положения и т. д. Хороший наставник не дает готовых ответов, а стимулирует мышление подопечного. Он не оценивает степень усвоения знаний своего подопечного с помощью тестов или контрольных работ. Высшая ценность наставничества — личностное развитие наставляемого.

В настоящее время наставничество вышло за пределы образовательных организаций и предприятий. Сегодня к наставникам все чаще обращаются в индивидуальном порядке, а также на уровне крупных компаний.

Хотя наставничество и связано с образованием, и в иных случаях предполагает одну из высших ступеней профессиональной педагогической деятельности, однако не каждый наставник является педагогом. Наставником может быть и близкий человек, и коллега по работе, и друг и т. п. И, наоборот, не каждый педагог может быть наставником.

Случаи, когда педагог является еще и наставником — идеальны. По нашему мнению, это возможно, когда профессия учителя для человека является призванием, а свое учительство им понимает как служение. Наставничество и учительство, исполненные по совести, помогают растущему человеку стать Человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. В., Бондалетов Е. В. Становление и развитие наставничества как формы корпоративного обучения персонала в России и за рубежом // Материалы Афанасьевских чтений. — 2019. — № 3 (28). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-nastavnichestva-kak-formy-korporativnogo-obucheniya-personala-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 29.04.2023).06.2023
2. Добыкин Д. Г. Наставник и наставничество в Священном Писании. [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Dobykin/nastavnik-i-nastavnichestvo-v-svjashhenom-pisanii/ (дата обращения: 12.04.2023).
3. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность: социологический анализ // Педагогический журнал Башкортостана. — 2013. — № 5 (48). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchitelstvo-kak-sotsialno-professionalnaya-obshchnost-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 11.04.2023).
4. Медведева О. А., Сусяков Т. Д. Современный образ идеального учителя // Вестник экспериментального образования. — 2018. — № 1 (14). [Электронный

ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-obraz-idealnogo-uchitelya> (дата обращения: 29.04.2023).

5. О необходимости наставника. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/iz-zapisnoj-knizhki-svjashhennika/txt08.html> (дата обращения: 12.04.2023).

6. Саратовцева Н. В. Духовные основы педагогического труда // Историко-педагогический журнал. Историко-педагогический журнал. — 2017. — № 2 — С. 205–210.

7. Саратовцева Н. В. Учитель в современном обществе // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. Научно-богословский журнал. — 2020. — Вып. 4 (18). — С. 121–129.

8. Учитель? Мудрец? Гуру? История наставничества в России и мире. [Электронный ресурс]. — URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ucitel-mudrec-guru-istoria-nastavnicestva-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 12.04.2023).

9. Шварева Л. В., Мельников П. Д. Понятие индивидуального наставничества в образовательном процессе Европы и России // Новосибирский временник. — 2021. — № 2 (4). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-individualnogo-nastavnichestva-v-obrazovatelnom-protsesse-evropy-i-rossii> (дата обращения: 29.04.2023).

УДК 008

Шахов Вячеслав Александрович,
доктор культурологии, профессор
Калининградского государственного технического университета,
shakhov1952@yandex.ru;
Гульнева-Луговская Нина Ивановна,
кандидат педагогических наук,
gulnevalugovskaya@mail.ru

НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается одна из глубоких проблем социума — утрата народной традиции и способов её реабилитации в современной России. Предлагается комплексный ряд исследовательских методологий, формирующих культурологический взгляд на стереотипы сознания и поведения людей через призму национальных традиций.

Ключевые слова: народная традиция, нематериальное культурное наследие, обычаи, обряды, ритуалы, самоидентичность, эстетические идеалы.

Shakhov V. A., Gulneva-Lugovskaya N. I.
*FOLK TRADITION AS A TOOL OF SPIRITUAL, MORAL AND CULTURAL
EDUCATION*

The article deals with one of the deep problems of society — the loss of folk tradition and ways of its rehabilitation in modern Russia. A comprehensive set of research methodologies is proposed that form a culturological view of stereotypes of consciousness and behavior of people through the prism of national traditions.

Keywords: folk tradition, intangible cultural heritage, customs, rituals, rituals, self-identity, aesthetic ideals.

«Не хлебом единым жив человек» — гласит русская народная пословица. Жизнь любой человеческой общности невозможно представить без ее духовной составляющей. Русский народ здесь не исключение. Во все времена славилась Россия своей духовностью, своей культурой, национальными традициями, обычаями и обрядами. Какую же роль играют они в жизни общества? Что мы зна-

ем о них? Почему, например, невесту наряжают в белое платье? а на Масленицу пекут блины и сжигают чучело масленицы? Почему во время трапезы в центре стола сидел глава семьи, а старший сын по правую руку от отца? Эти вопросы можно задавать бесконечно и всегда найдутся еще неизвестные нам элементы быта, труда и семейной жизни предшествующих поколений.

С момента создания Калининградской области история и культура прежнего населения не упоминались и не транслировались по известным причинам экзистенциального характера. И оказавшись землёй без истории, на которую масштабно прибывало население из разных областей СССР, Калининградская область становилась гуманитарной площадкой грандиозного культурологического проекта построения новой культуры на трофейной послевоенной территории. В силу мультинационального состава мигрантов и экономической ситуации послевоенного времени, так и ввиду отсутствия среди них старшего, «третьего поколения» — хранителей традиции, культура нового российского субъекта стагнировала вплоть до 1960 годов. Поэтому традиция в сфере обыденной культуры, являющаяся основным накопителем и транслятором стандартизированного социального опыта сообщества, вызвала особое рассмотрение Калининградскими учёными.

Как известно, объекты духовной культуры выделяют как нематериальное культурное наследие. В конце XX — начале XXI веков международным сообществом была выявлена проблема сохранения именно нематериального культурного наследия как важного фактора культурного разнообразия и устойчивого развития [4].

К формам нематериального наследия были отнесены устные традиции и формы выражения, в том числе язык, исполнительские искусства, игры, мифология, знания, навыки, ритуалы, обряды, ремесла, традиционные формы коммуникации.

Ключевым словом при определении нематериального наследия является традиция. Традиция включает в себя как объекты наследия, так и процессы, а также способы наследования, социальные механизмы передачи. Эпоха модернизации отрицает традицию как основу развития культуры. Она ведет к стремительному, неизбежному и опасному для самосознания общества вымыванию из актуальной культуры явлений и форм культуры традиционной, обеспечивавших еще сравнительно недавно самоидентичность и преемственность развития общества. Культурные традиции в сфере обыденной культуры являются основными накопителями и трансляторами стандартизированного социального опыта сообщества. Фактически традиции — это аналог «культурных текстов», только существующих в устной, фольклорной форме и аккумулирующих в себе всю совокупность норм и образцов социально рекомендуемого поведения, сложившиеся формы социальной организации, регуляции и коммуникации, нравы, обычаи, обряды и ритуалы. Вместе с тем традиции касаются в основном практико-действенной области жизни людей, как прагматической, так и культовой, и в меньшей мере затрагивают интеллектуально-образную сферу их бытия, где аналогичную функцию выполняет мифология.

В целом основной эпицентр действий традиций это регуляция межличностных и отчасти межгрупповых отношений, а также трансляция социального опыта, почти стопроцентная до появления общих и профессиональных учебных заведений, а позднее — регуляция и трансляция преимущественно обыденных норм поведения в частной сфере. С этой точки зрения систему традиций можно считать функциональной предшественницей системы образования.

Обращение к народной культуре, к своим истокам чаще всего происходит в переломные периоды развития общества, и мы сейчас переживаем именно такой период.

Русский критик, историк литературы XIX века С. П. Шевырев писал: «Воспитание каждого народа должно быть создаваемо на коренных основах его бытия. Какими же основами держится все бытие России? Две коренные основы нашей жизни: быт семейный и быт государственный. От их взаимного соприкосновения и дружественного действия зависит Россия во всех отраслях своего развития. Отсюда ясно, что и воспитание имеет быть утверждено на них, дабы принять характер народный» [7].

Формирование традиций, обычаев, обрядов русского народа, как и любого другого, происходило в процессе его исторической практики. Зародились они в глубокой древности, когда не было еще ни речи, ни, тем более, письменности и представляли собой различные ритуальные танцы и действия. Собираясь на охоту или рыбную ловлю, соплеменники разыгрывали эти процессы, готовя, таким образом, себя к трудным ситуациям и непредвиденным обстоятельствам. По мере совершенствования орудий труда, необходимость в ритуальных действиях отпала, и они стали составной частью празднично-обрядовой культуры народа. Параллельно с трудовыми, формировались семейно-бытовые обычаи и обряды. Со временем они украсились речью, музыкой, костюмированными представлениями и на протяжении многих веков определяли жизненный уклад людей. Постепенно традиции, обычаи, обряды изменялись, шлифовались, дополнялись новыми элементами. Все, что было лишним, громоздким, не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям — все это отсеивалось временем. А то, чего не доставало в существующем укладе, рождалось в глубинах народной жизни или заимствовалось у других народов и довольно быстро утверждалось повсеместно.

Традиции, обычаи, обряды передавались от поколения к поколению, укрепляли связь между ними, формировали культуру народной жизни. Приобщение к традиционно-народной культуре раньше происходило с младенческих лет: с колыбельной песни матери, с прибауток и сказок бабушки. Со временем ребенок включался в семейно-бытовые, трудовые (сельскохозяйственные), традиционно-народные праздники и обряды.

Ныне, в силу изменившихся социально-экономических, культурно-бытовых условий жизни, этот порядок разрушился. Поэтому, вырастают целые поколения «Иванов, родства не помнящих».

Чем чревата эта тенденция в целом и для нашего эксклавного Калининградского региона в частности, где нет «почвы» для сохранения народных традиций?

Во-первых, достаточно большой слой традиционной культуры исчезает из общекультурного пространства русского народа. Во-вторых, в результате этого, образуется некий вакуум в культурной жизни россиян, который в любое время может быть заполнен чем-то другим. В-третьих, разрывается духовно связующая нить, между разновозрастными группами людей. В-четвертых, снижение интереса у граждан к своим истокам нередко приводит к потере национального самосознания, к деструктивным явлениям в общественной жизни.

Для жителей Калининградской области такая ситуация может быть опасна тем, что они перестанут самоидентифицировать себя с россиянами, ощущать себя носителями российской культуры, русского менталитета. Отсюда следует, что проблема сохранения и развития народных традиций и обычаев должна решаться на государственном уровне. И здесь большую роль должны играть главные социальные институты: семья, школа, дошкольные и внешкольные учреждения.

Необходимость познания молодежью «преданий старины глубокой», для воспитания в них русской души подчеркивал исследователь русского быта и нравов И. П. Сахаров [6]. Эту мысль подтвердили в своих трудах и этнограф Н. И. Костомаров [5]. Благодаря их трудам, мы имеем сегодня богатый письменный материал по традиционно-народной культуре россиян, который широко используется учителями, воспитателями, организаторами досуга в их повседневной работе с детьми и молодежью. Начинать приобщение ребенка к культуре своего народа необходимо в семье. Именно, семья как основа существования всего рода человеческого, способна передать весь бытовой, трудовой и культурный опыт нации. В общении с младенцами и малыми детьми предпочтительны колыбельные песни, пестушки, прибаутки, потешки. Мерное покачивание ребенка в колыбели, плавное звучание слов, мягкость, нежность женского голоса ласкают его слух и быстро усыпляют. Кроме бытового назначения, колыбельные песни имеют и воспитательный смысл. Они дают первые представления об окружающем мире, знакомят с животными, птицами, зверюшками (кот, лисичка, серый волк, голубка), мифологическими персонажами (Дрема, Сон, Покой). Близкий и понятный ребенку мир звуков благотворно влияет на его психику и формирует у него эстетические чувства. Пестушки, потешки, прибаутки предназначены для того, чтобы потешить, позабавить, развеселить ребенка, т. е. наладить с ним контакт. Поэтому они являются важным средством социализации детей. Они используются при укладывании ребенка спать, пробуждении от сна, при снятии боли, при купании, во время игры. Например, умывая ребенка, приговаривают: «Водичка, водичка, умой мое личико, чтоб глазоньки блестели, чтоб щечки краснели, чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок».

Сколько мудрости в этой незатейливой пестушке! Водичка здесь не просто выполняет соответствующую функцию, а «умывает» ребенка так, что глазки блестят, щечки краснеют, роток смеется. Испытанное им эстетическое наслаждение от «водички» и самого процесса умывания будет помниться ребенком всю жизнь. Вот вам и пример ненавязчивого, естественного формирования гигиенической культуры у детей. В подростковом возрасте, детьми легко усваиваются

такие жанры музыкально-песенного фольклора, как заклички, веснянки, колядки, обрядовые песни. Они в большинстве своем посвящены смене времен года, природным явлениям, сельскохозяйственным работам, традиционно-народным праздникам. Чему учат они детей? Многому: любви и доброму отношению к людям, к природе и животным. Но, главное, чему учат детей эти жанры фольклора — это жить в гармонии с природой, с самим собой и всем окружающим миром. Например, во время затянувшегося ненастья, можно закликать солнышко: «Радуга-дуга! Не давай дождя, давай солнышка, светла ведрышка», в период засухи, попросить дождя: «Дождик, дождик пуще! Дам тебе я гущи, поливай весь день на мой ячмень», встречая весну на Сретенье, покликать: «Солнышко, солнышко! Покажись, покажись, из-за гор-горы — поднимись, поднимись!», на Масленицу — звать весну: «Весна, весна красная! Приди, весна, со радостью, с огромною со благостью!». В суете сегодняшнего дня, пение этих простых, архаичных песенок, может показаться пустым и ненужным занятием. На самом деле, они, по утверждению фольклористов, имеют магический характер и способны повлиять на ту или иную ситуацию. Зазывание весны закличками демонстрирует нам отношение к природе, как к живому существу, как к другу или близкому человеку, которого всегда ждут, и всегда рады видеть. Во время Святков дети, исполняя колядки, желая хозяевам: «Вот Вам двести коров, полтораста быков, семьдесят телушек, полон двор несущек...», в некотором роде предрекали им благополучие, процветание их домашнего хозяйства. Эти примеры из бытовой жизни людей лишней раз свидетельствуют о том, как мудро она была обустроена. В ней не было ничего лишнего, не было мелочей, все имело свой смысл, свое назначение. Человек при таком укладе жизни ощущал себя неотъемлемой частью многомерного и многообразного мира. Большую роль в воспитании подрастающего поколения играют пословицы, поговорки и скороговорки. По меткому выражению исследователя устного народного творчества В. Волиной: «пословицы кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги» [3]. С древнейших времен они служили средством передачи жизненных норм, социального опыта, средством воспитания положительных качеств: доброты, честности, смелости, чувства товарищества, дружбы и т. д. Пословицы и поговорки популярны и любимы народом, потому что способны передать всю гамму человеческих чувств: веселье, печаль, гнев, радость, озорство, удаль. Велика и познавательная их роль. Они знакомят детей с историей и философией жизни народа («жизнь прожить, — не поле перейти») с природными явлениями («будут дожди, будут и ведры»), с трудом и взаимоотношениями людей («труд при учении скучен, да плод от учения тучен», «кто не врет, тот спокойно живет»), отражают самобытность культуры страны.

Для развития четкой и ясной речи важно использовать в общении с детьми скороговорки. По определению В. Волиной: «скороговорки — это крошечные художественные произведения с многообразием сюжетных ситуаций. Им, как и пословицам, свойственны краткость, четкость, образность» [1, 2]. Они примечательны тем, что соединяют в себе веселую игру и хорошую школу для тренировки речи. Если ребенок плохо выговаривает шипящие буквы, то скороговорки

помогут ему в устранении дефекта. Например, скороговорка: «жужжит жуженица, жужжит кружится» служит прекрасным средством для развития речи и воображения ребенка. Он мысленно рисует себе целую картину природы: лето, солнце, тепло, жужжат пчелы, шмели, пахнет травами, на душе весело и светло. Другая скороговорка: «на дворе трава, на траве дрова» побуждает ребенка представить деревенский двор, покрытый пышным зеленым ковром, аккуратно сложенные в поленницу дрова, разгуливающих по двору кур, «фигурирующих» туда-сюда, стрекоз и т. д. Воображению детей предела нет и, безусловно, скороговорки способствуют его развитию. Необходимыми жанрами устного творчества в воспитании детей и подростков должны быть считалки, страшилки, пугалки. Считалки зародились в глубокой древности в бытовой жизни людей и были связаны со счетом. В те времена существовала вера в магию чисел, которая запрячала людям вести прямой счет приплода скота, добытой дичи, собранного урожая. Поэтому счет вели иносказательно, например: ази — раз, двази — два, ... пятом — пять, ... и т. д. Десять называлось «крест» и отмечалось зарубкой на доске. Сюжеты считалок приходили и приходят к детям по-разному: из шуток, прибауток, плясовых и колыбельных песен, из литературы, а нередко являются результатом фантазии, стремления их к рифме, к словотворчеству. В считалках очень ярко представлен душевный мир ребенка, где есть место и нежности: «сидел козел на лавочке, считал своих козявочек», и озорству: «цынцы-брынцы бубенцы, раззвонились сорванцы», и таинственности: «шла машина темным лесом за каким-то интересом», и волшебству: «белка прыгала, скакала, а на елку не попала, а попала в царский дом. Там сидели за столом: царь, царевич, король, королевич», и отношению к дружбе: «жили-были три чертенка и два маленьких котенка, им велели дружно жить, а тебе идти водить». В них нашло отражение стремление детей к розыгрышу, шутливому обману, подвоху: «плыл по морю чемодан, в чемодане был диван, а в диване спрятан слон, кто не верит, выйди вон!».

Считалки привлекают внимание детей своей неповторимостью, веселым каламбуром, не имеющим подчас особого смысла: «эники-бэники», «чики-брики», учат их импровизировать, повторяя одно словосочетание в разных вариантах: «стакан лимон, выйди вон», или «стакан лимон выйди вон, лимон покатился, стакан разбился». Но, главное, они помогают детям общаться, четко организовывать игру, регулировать взаимоотношения во время досуга. Одной из важных проблем, по мнению психологов, является проблема детского страха. Они утверждают, что научиться побеждать это чувство можно с помощью страшилок и пугалок. Эти короткие рассказы «страшного» содержания, рассказанные или прочитанные в коллективе, помогают детям пережить страх в щадящей обстановке и закаляют их к реальным ситуациям. Большая часть пугалок рассказывает о бедах, которые случаются с детьми в отсутствие родителей (они на работе, или совсем страшно — умерли) или, когда дети не слушаются родителей. Поэтому, кроме психологического аспекта, страшилки имеют и воспитательное значение.

Нравственные нормы и принципы, эстетические идеалы народа предельно ярко выражены в сказках. В устном фольклоре, сказки — самое большое чудо.

Они основаны на фантастическом вымысле и кажется, что повествуют о чем-то невероятном, неправдоподобном. На самом деле, сказка — это правда и вымысел одновременно. Неслучайно пословица гласит: «сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам — урок». Создавать их народ начал еще в глубокой древности и с тех пор они стали неотъемлемой частью детского мира. Педагогический потенциал сказок довольно велик. В них раскрывается характер народа, его мудрость, душевная красота, юмор, доброта. Сказки возвеличивают ум, храбрость, силу, благородство человека, высмеивают алчность, жестокость, глупость и жадность. Жанровое разнообразие их велико, но наиболее любимы детьми сказки о животных, волшебные, бытовые и героические. Звери и птицы в сказках похожи и не похожи на настоящих. Идет петух в сапогах, несет косу на плече и кричит во все горло, чтоб убиралась коза из заячьей избушки вон, иначе быть «дерезе» зарубленной, («Коза-дереза»). Волк ловит рыбу в проруби хвостом и приговаривает: «ловись рыбка мала и велика», («Лиса и волк»). Неправдоподобие в этих сказках очевидно, дети понимают его, но вымысел привлекает их необычностью, непохожестью на то, что они знают о настоящих зверях и птицах. Больше всего детей занимает сама история: будет ли изгнана коза-дереза из заячьей избушки, чем закончится очевидная нелепость ловить рыбу хвостом? Нравится и то, что в сказках много трудных препятствий, которые преодолевают персонажи и остаются живыми («Волк и семеро козлят»). Во многих сказках животные «поют» песни, и это тоже импонирует детям. Немало в них различных присловий: «муха-горюха», «комар-пискун», которые дети с удовольствием используют в своем общении. Счастливые концовки сказок соответствуют жизнерадостности ребенка, его вере в благополучный исход борьбы добра со злом. Особую любовь детей заслужили волшебные сказки. В них все необыкновенно — топор сам рубит лес, мельница мелет зерно, яблоня укрывает своими ветвями детей, ковер-самолет взмывает в небо и т. п. Этот волшебный мир будит фантазию ребенка, развивает его воображение. Он с горячим чувством следит за всем, что происходит в сказке, радуется победам Ивана-царевича, чудесам Василисы Прекрасной, огорчается их неудачам. Опираясь на вымысел, сказки отражают и реальную жизнь, учат, как надо поступать в той или иной ситуации. Не уберегла братца сестрица Аленушка, унесли его гуси-лебеди, не послушал сестрицу Иванушка, напился воды из козьего копытца и стал козленочком. Сказка оценивает дела и поступки людей с нравственных позиций, показывая детям, что хорошо, а что плохо. Чудесная победа над злом просто так не дается, надо преодолеть все невзгоды, пройти через тяжкие испытания и только тогда можно добиться успеха. Осознание этого формирует у ребенка жизненную стойкость и веру в справедливость.

По волшебным превращениям сказке близка загадка, ценность которой заключается в ее краткости и образности. Сказка, это большое драматическое произведение с определенным сюжетом, множеством персонажей, событий, а загадка, это яркий искрометный миг, как взмах волшебной палочки, совершившей чудо. Благодаря таким поэтическим средствам как метафора, метонимия, гипербола, в загадках происходит превращение моркови в «девицу с косой» («сидит

девица в темнице, а коса на улице»), лука — в «старого деда» («сидит дед — во сто шуб одет») и т. д. Другой отличительной особенностью загадок является их динамичность и изменчивость. Они всегда живут сегодняшним днем, конкретной исторической действительностью. Конечно, в загадках нет той глубины мудрости и смысла, как в пословицах, но они решают другие важные задачи — развивают память, сообразительность, будят фантазию. Дети любят не только отгадывать загадки, но и сочинять сами и радуются, если взрослые не могут их быстро разгадать.

Таким образом, устное и музыкально-песенное творчество как сокровищницы народной мудрости, народной культуры, являются важнейшим средством воспитания у детей и подростков национального самосознания, «русской души».

ЛИТЕРАТУРА

1. Волина В. Пословицы, поговорки, ребусы. — СПб.: Дидактика Плюс, 1997. — 350 с.
2. Волина В. Учимся, играем. — М.: Новая школа, 1994. — 445 с.
3. Забылин М. Русский народ. — М.: Терра, 1996. — 688 с.
4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия: 17 октября 2003 года // Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. [Электронный ресурс]. — URL://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 30.04.2022).
5. Костомаров Н. И. Собрание сочинений (т. 1,2), СПб., 1903. — 731 с.
6. Сахаров И. П. Сказание русского народа. — М.: Сов. Россия, 1990. — 175 с.
7. Шевырев С. П., цит. по кн. Кузиной Г. Ф. Занимательная педагогика народов России. — М.: Школа. — Пресс. — 1998. — 142 с.

УДК 159.972

Алексеева Ксения Павловна,
психолог, бакалавр специальной психологии,
kseniatroeva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР РИСКА РАЗВИТИЯ НЕЗДОРОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ У ПОДРОСТКОВ НА ПРИМЕРЕ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена проблеме формирования расстройств пищевого поведения, которые развиваются под влиянием культурных аспектов, транслируемых в общество. Автором проанализированы различные фильмы и книги, через которые поднимаются вопросы анорексии, булимии и компульсивного переедания. Описаны возможные пути восприятия человеком образов героев и смысловой нагрузки, которая может привести к формированию расстройств пищевого поведения.

Ключевые слова: пищевое поведение, анорексия, культура, булимия, компульсивное переедание, расстройства пищевого поведения.

Alekseeva K. P.

FEATURES OF WESTERN CULTURE AS A RISK FACTOR IN DEVELOPING UNHEALTHY VIEWS OF THE FUTURE AMONG TEENAGERS, USING EATING DISORDERS AS AN EXAMPLE

The article addresses the problem of formation eating disorders that develop under the influence of cultural aspects transmitted into society. The author analyzes some films and books that raise issues such as anorexia, bulimia, and compulsive overeating. Possible ways of how a person perceives the images of heroes and the semantic load are described, which may lead to the development of eating disorders among teenagers as a risk factor for unhealthy views of the future.

Keywords: eating behavior, anorexia, culture, bulimia, compulsive overeating, eating disorders.

Расстройства пищевого поведения (РПП) являются серьезной проблемой, которая затрагивает многих подростков по всему миру. Согласно исследованиям, проведенным Всемирной организацией здравоохранения, РПП в основном

встречаются у девочек, проживающих в развитых странах. В США, например, РПП выявили у 1 из 5 женщин в возрасте от 13 до 18 лет [9]. Аналогичные данные получили исследователи из Европы [10].

Одной из важнейших причин развития таких расстройств в молодом возрасте являются нездоровые представления о красоте и здоровье, которые формируются и поддерживаются средствами массовой информации. Западная культура, в первую очередь художественная литература и кинематограф, вносит значительный вклад в формирование негативных убеждений подростков по поводу своих тел и пищевых привычек.

В данной статье мы рассмотрим особенности западной культуры как фактор риска развития РПП у подростков на примере художественной литературы и кинематографа.

РПП являются глобальной проблемой, что подтверждается исследованиями [7]. Однако восприятие обществом данной темы в значительной мере формируется искусственно созданными образами в литературе и кинематографе. Такие изображения не способствуют просвещению населения о серьезности РПП и нуждаются в коррекции. Целью данной статьи является анализ современной художественной литературы и кинематографа, содержащих упоминания или описания РПП.

Допустим, у нас есть группа из ста 12-летних школьниц, которые однажды решили сесть на диету. В подростковом возрасте многие экспериментируют с собственным телом, а стандарты красоты и худобы, которые распространены в современных школах, делают этот процесс особенно сложным. Большинство девушек скоро понимают, что диеты вызывают физический и психический дискомфорт и их приостанавливают. Однако есть одна девушка, которая находит необычное удовольствие и расслабление в этом состоянии. Она чувствует, что контролирует свое тело и таким образом повышает свою самооценку.

Такие случаи довольно распространены среди девушек, которые живут в семьях, где доминирующая роль отведена матери, а отец либо отсутствует, либо не может принимать участие в жизни своей дочери. Это может вызывать у девушек ощущение, что они не могут принимать самостоятельные решения и контролировать свою жизнь, что может привести к желанию контролировать свое тело и вес.

Начало анорексии обычно совпадает с подростковом возрасте, когда меняется не только тело, но и образ мышления и восприятия окружающего мира. Это делает профилактику, диагностику и лечение РПП особенно важными, и требует комплексной работы психологов, педагогов и родителей. В таких случаях, родители и педагоги должны проявлять большую внимательность и поддержку, обеспечить полноценное питание в школе и дома, а психологи — помочь девушкам разобраться в их чувствах и мыслях и научить их здоровым способам самовыражения и контроля. Только так можно предотвратить серьезные проблемы со здоровьем и самооценкой, которые могут возникнуть при длительной анорексии [1, с. 51–52].

Серия книг Сьюзен Коллинз «Голодные игры» [3] и их экранизации, ставшие невероятно популярными в 2008–2015 годах, демонстрируют большое количе-

ство нарушений пищевого поведения в качестве нормы жизни людей. В книгах повествуется о том, как пищевые ограничения и голод в определенных районах Капитолия влияют на жизнь его жителей и как они вынуждены искать подслащенные и неполноценные аналоги пищи. В книгах также упоминается комитет по контролю над населением, который контролирует рацион пищи и раздает продукты питания населению Капитолия. Некоторые персонажи, особенно из бедных районов, страдают от недостатка пищи и вынуждены принимать экстремальные меры, чтобы выжить.

Кроме того, в Капитолии широко распространены расстройства пищевого поведения, такие как булимия и анорексия, и некоторые персонажи вынуждены вызывать рвоту после обильных пиршеств в своих виллах. В книгах также описывается, как некоторые персонажи, особенно из Капитолия, продумывают свои обеды таким образом, чтобы быстро наесться и не набирать вес. А в связи с популярностью книг и фильмов из этой серии, многие подростки хотят подражать своему кумиру (например, главной героине Китнисс Эвердин), то первое, что они сделают, попробуют прожить какое-то время в тех же условиях, что и Китнисс. И это испытание может стать причиной снижения самооценки (в случае провала) или РПП.

В книге «NRXA, я люблю тебя!» Кати Паника [8] содержатся противоречивые послания относительно анорексии. В начале книги автор заявляет, что герой, описанный в книге, не болен, и что каждый человек имеет право сам выбирать, сколько ему весить. Однако в следующей главе главный герой признается, что страдает от анорексии. Книга написана для привлечения внимания к проблеме смертности от анорексии и переживаниям человека, который страдает этой болезнью, однако данное противоречие подростки могут не заметить, а вот первое впечатление о том, что это не анорексия и герой здоров, скорее всего, запомнится.

Развитие информации об анорексии породило больше фильмов, но причины, показанные в них, не всегда соответствуют реальности. Например, только ограничения родителей или желание быть идеальным не могут стать причиной анорексии. Формирование РПП является сложным механизмом, зависящим от многих обстоятельств. Важно знать, что люди с РПП могут долго скрывать своё состояние, что усложняет работу специалистов.

РПП часто являются одной из побочных тем фильмов, как это было в «Голодных играх», но в последнее время стали появляться кинокартины, в которых физическое и эмоциональное состояние людей с РПП приближено к реальным.

Фильм «До костей» (2017) подробно рассказывает историю Эллен, страдающей анорексией, и показывает конструктивные и деструктивные способы поддержки близких, а также роль психотерапии, в том числе групповой. Некоторые сцены, такие как подчеркивание важности жизни, вызывают различные эмоции у зрителей. Несмотря на то, что многие моменты в заболевании романтизированы и сглажены, фильм может быть хорошим материалом для просветительской работы по теме расстройств пищевого поведения.

В фильме «Девушка с татуировкой дракона» (2011) главный персонаж Лизбет Саландер испытывает сильное психологическое давление из-за ее прошло-

го, и это приводит к тому, что она начинает переживать проблемы с питанием и страдает от анорексии. В течение фильма можно заметить, что у Лизбет появляются симптомы анорексии, такие как ограничение калорий и правильного питания, невозможность находиться в кругу групп едоков и постоянное переживание из-за своего веса и того, что она ест.

Одним из важных событий в фильме является сцена, где Лизбет сидит в комнате перед зеркалом и старается скрыть свою худобу при помощи макияжа. Эта сцена напоминает о том, как люди, страдающие этим анорексией, могут делать все, чтобы скрыть свое состояние от окружающих.

Маленькие кусочки еды становятся для Лизбет основной причиной душевной боли и страданий и постоянно напоминают ей о прошлых травмах. Однако, как и в случае с другими персонажами фильмов, проявившими признаки анорексии, важно помнить, что настоящие люди с анорексией нуждаются в медицинской помощи и поддержке близких людей.

Булимия, как и анорексия, чаще всего начинается в период подросткового возраста. Наблюдается, что из сотен школьниц, которые начинают свою первую диету в 12 лет, только одна девочка обладает специфическими чертами характера, такими как импульсивность, эмоциональность и склонность к риску. Такая особенность характера может привести к экспериментам с табаком, алкоголем и ранним сексуальным связям. Несмотря на это, она может оставаться не очень популярной среди сверстников, чувствуя себя одинокой. Такие девочки обратят внимание на свой вес, будут настойчивы в диете, но обязательно сорвутся с нее, поскольку одновременно будут испытывать сильнейший голод, который приведет к перееданию с последующей компенсацией. Именно у таких девочек имеется высокий риск развития булимии [1, с. 55].

В романе Януша Леона Вишневого «Одиночество в сети» [2] описывается булимия героини Кимберли, которая рвоту для сексуального удовлетворения вызывает в изысканном туалете. Однако это романтизированное описание может негативно повлиять на подростков и молодых людей, и привести к подражанию.

Такое описание булимии в литературе может навязывать молодым людям ошибочное представление о том, что рвота является эффективным методом похудения и приносит сексуальное удовлетворение, когда на самом деле это серьезное психическое заболевание, которое может привести к жизненно опасным последствиям. Поэтому необходимо отказаться от романтизирования психических расстройств в литературе и сделать упор на информирование об их серьезности и опасности для здоровья.

Описание булимии можно найти в различных книгах и литературных произведениях, особенно в жанре «young adult» («молодой взрослый» — жанр литературы, ориентированный на подростковый и юношеский возраст). Например, помимо уже упомянутого романа Януша Леона Вишневого «Одиночество в сети», описание булимии содержится в романе Лорен Оливер «Делириум» [4].

В романе «Делириум» Лорен Оливер главная героиня Лина и ее другая подруга Ханна страдают от булимии. Однажды Ханна рассказывает Лине, что, ког-

да она переедает, она идет в ванную и вызывает рвоту, избавляясь тем самым от пищи. Героини описывают этот процесс, используя словосочетание «булочный бум» и упоминают о том, что их зубы стали белее благодаря тому, что они часто вызывали рвоту. Помимо этого, в романе также отмечается, что Ханна и Лина регулярно делают перерывы в обеде и еде, чтобы сбросить вес и не превратиться в «слона».

Во всех вышеописанных романах о людях, страдающих булимией, информация про само заболевание достаточно скудная, отчего данное РПП кажется просто легкой особенностью человека, а не серьезным заболеванием, которое приводит к летальному исходу.

Среди сотни 12-летних школьниц будут две, которые к этому возрасту уже утратят контроль над питанием. Это будут крупные девочки, находящиеся на верхней границе нормы в отношении веса и переживающие раннее созревание. Они едят тайком, прячут сладости под кровать и в таблицах норм веса всегда находились в пределах или выше 100-го перцентиля — то есть на самом верху графика. У этих девочек со временем разовьется приступообразное переедание, которое будет тем сильнее, чем больше диетических попыток они предпримут и чем более неблагоприятными будут условия их развития в семье и среди сверстников [1, с. 56].

Нарушения пищевого поведения описываются в книге Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» [5]. Главная героиня Бриджит страдает от компульсивного переедания, которым компенсирует нехватку любви. Она страдает от неуверенности в себе и постоянного давления со стороны окружающих, требующих быть «худой и привлекательной». В книге отмечается, что многие женщины испытывают такое же давление и убеждены, что диета и похудение приведут их к счастью. Тем не менее, автор показывает, что такое поведение может быть опасным и привести к нарушениям пищевого поведения. Эта проблема рассматривается в книге с юмором и сарказмом, но она является серьезной и актуальной для многих женщин.

Орторексия является патологическим навязчивым стремлением к правильному питанию, с регулярным сокращением разрешенных пищевых продуктов. Человек с орторексией воспринимает большую часть пищи как яд, он вынужден бороться не столько за привлекательный внешний вид, сколько за сохранение жизни. Такие люди заменят пшеничную муку на спельтовую, яйца на семена чиа, а сахар на стевию, считая, что такие продукты намного безопаснее и не вызывают опасности для здоровья. Остальные жизненные интересы понемногу нивелируются, уступая место планированию следующих приемов пищи, составлению списков продуктов на неделю, любовному перебиранию запасов полезной еды. Человек с орторексией ощущает себя живущим в очень враждебном мире, который пытается его отравить, убить [1, с. 57–58].

Фильм «Я худею» (2018) вышел на экраны во время повышенного интереса к здоровому образу жизни и стремлению людей к худобе. С самого начала фильм показывает, что толстых нельзя любить. Главная героиня, которая не помещается в платья, явно меньшего размера, чем ей нужны, теряет парня и не полу-

чает поддержку от мамы. Только подруга приютила ее и предложила ей диеты и упражнения для похудения, потому что, по ее мнению, похудение — это единственный путь к тому, чтобы стать желанной для мужчины. Однако процесс похудения в фильме изображается в довольно шаблонных образах, как в случае с тренажерным залом, где главная героиня не может ничего сделать аккуратно и грациозно именно из-за своего веса.

Аня проявляет явные симптомы нервной булимии, например, когда она пробует на работе крем для торта и потом съедает целый торт дома. Она присоединяется к клубу анонимных обжор, где знакомится с Колей, который также страдает от расстройства пищевого поведения. При этом Коля позволяет себе комментировать пищу, которую ест Аня, напоминая ей о количестве сахара в соке. Фильм, который задумывался как комедия, является концентратом фэтшейминга (в переводе с английского буквально — «осуждение жира», дискриминация человека или группы лиц, имеющих избыточную массу тела [6]) и создает риск формирования различных расстройств пищевого поведения. Шутки над другими людьми, которые основаны на фэтшейминге, являются формой насилия и дискриминации.

В том же 2018 году выходит фильм, который называется «Красотка на всю голову», противоположный российскому «Я худею». Фильм начинается с типичных для современного общества сцен фэтшейминга и комплексов Рене по поводу своего внешнего вида. Но все меняется после того, как она получает в спортивном зале травму головы. Внезапная уверенность в себе колоссально меняет ее жизнь в лучшую сторону. Она набирается смелости пойти на собеседование на работу своей мечты, находит любовь и признает себя самой лучшей. При этом она становится настолько заиклившей на себе, практически теряет своих подруг, потому что перестает думать об их чувствах и регулярно их ранит. Но после новой травмы головы Рене теряет весь свой шарм и приходит к подругам. В этой сцене происходит важный разговор о том, что она всегда была классной и интересной, а потом изменилась и перестала быть собой. В итоге из-за неуверенности в себе Рене расстается со своим молодым человеком. Она хочет вернуть супер-уверенность в себе, для этого готова еще раз получить черепно-мозговую травму в зале.

Ключевым моментом этого фильма становится сцена в раздевалке тренажерного зала, где Рене открывается обратная сторона жизни красивых и худых людей. Оказалось, что за красотой и идеальной фигурой у людей также стоят проблемы с личной жизнью, низкая самооценка, поиск работы мечты. Для Рене это становится очень важным открытием. И только после этой сцены становится возможным здоровый взгляд главной героини на себя, осознание, что всего «магического» она добилась сама. У Рене происходят изменения в жизни и избавление от компульсивного переедания через принятие себя, своего тела и признания своих возможностей. На наш взгляд, это самый корректный фильм про РПП.

Массовая культура влияет на подростков и их процесс формирования как личности, при этом западная литература и кинематограф, в частности, трансли-

руют романтизированные образы РПП, что может уменьшать осознание опасности соответствующих заболеваний. Следовательно, важным фактором является внимание и контроль со стороны родителей, учителей и психологов за содержанием того, что подростки используют для развлечений и информации, в целях снижения вероятности влияния негативного контента на психическое здоровье молодых людей. Дальнейшее исследование особенностей формирования РПП в подростковом возрасте может стать основой для просветительской деятельности психологов в образовательных организациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронникова С. Интуитивное питание: как перестать беспокоиться о еде и похудеть. — М.: Эксмо, 2016. — 431 с.
2. Вишневецкий Я. Л. Одиночество в Сети. — М.: АСТ, 2023. — 426 с.
3. Коллинз С. Голодные игры. — М.: АСТ, 2012. — 636 с.
4. Оливер Л. Делириум. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. — 461 с.
5. Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. — М.: Эксмо-Пресс, 2022. — 320 с.
6. Назаренко Г. Что такое фэтшейминг и почему пора перестать им заниматься. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dzen.ru/media/wday/chto-takoe-fetsheiming-i-pochemu-pora-perestat-im-zanimatsia-624509fec115dc2050825cb0> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Официальный сайт Американской национальной ассоциации расстройств пищевого поведения. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nationaleatingdisorders.org/statistics-research-eating-disorders> (дата обращения: 05.05.2023).
8. Паника К. NRXA, я тебя люблю! [Электронный ресурс]. — URL: <https://proza.ru/2009/10/19/626> (дата обращения: 05.04.2023).
9. Dakanalis A., Clerici M., Stice E. Prevention of eating disorders: current evidence-base for dissonance-based programmes and future directions. *Eating and Weight Disorders-Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*. — 2019. — 24(4). — Pp. 597–603. [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1007/s40519-019-00719-3>. (дата обращения: 05.04.2023).
10. *Eating disorders*: edited by Hans W. Hoek *Epidemiology of eating disorders in Europe prevalence, incidence, comorbidity, course, consequences, and risk factors*. [Электронный ресурс]. — URL: https://journals.lww.com/copsychiatry/Abstract/2016/11000/Epidemiology_of_eating_disorders_in_Europe_5.aspx (дата обращения: 05.04.2023).

УДК 159.9

Сафроньев Иван Сергеевич,

студент кафедры психологии

Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,

safronychev@gmail.com

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ИНИЦИАТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ

В современном обществе лавинообразно увеличивается количество инфантильных молодых и не очень молодых людей, которые демонстрируют поведение, не соответствующее их биологическому возрасту. Они не способны адекватно жить в обществе, потому что не могут брать на себя ответственность за себя, не могут принимать ответственные решения, не могут нести ответственность за свои действия, за свое поведение. В статье рассмотрены причины возникновения такой ситуации с точки зрения ценностной ориентации человека с целью практического применения в работе психолога-консультанта

Ключевые слова: зрелая личность, инфантилизм, ценности, становление личности, ценностно-смысловые ориентации.

Safronychev I. S.

VALUE ORIENTATIONS AS THE INITIATOR OF THE FORMATION OF A MATURE PERSONALITY

In modern society, the number of infantile young and not very young people who demonstrate behavior that does not correspond to their biological age is increasing like an avalanche. They are not able to adequately live-in society, because they cannot take responsibility for themselves, they cannot make responsible decisions, they cannot bear responsibility for their actions, for their behavior. The article considers the reasons for the emergence of such a situation from the point of view of the value orientation of a person with the aim of practical application in the work of a counseling psychologist.

Keywords: mature personality, infantilism, values, personality development, value-semantic orientations.

Инфантилизм. Личностная незрелость

Современное общество стало свидетелем появления нового явления — инфантилизма. Инфантильность — это состояние, при котором человек не готов или не способен принимать ответственность за свои поступки и решения. В результате, он остается в состоянии постоянного детства, и не может стать зрелой личностью.

Теоретический конструкт «инфантилизм» определен как личностная организация, сохраняющая черты и модели поведения предыдущего возрастного периода, бывшие адекватными прежде, но не являющиеся адекватными на следующем этапе.

Инфантилизм психический — особенность психического склада личности, обнаруживающей черты, свойственные более раннему возрасту: эмоциональная неустойчивость, незрелость суждений, капризность и подчиняемость [5].

Феномен инфантилизма современного взрослого человека, предпочитающего жить с собственными родителями, получать их финансовую поддержку, не иметь своей семьи, отражается на экономической и демографической ситуации в стране. Однако он остается малоизученным вследствие сложности природы самого феномена, многозначности причин его возникновения, большого количества социальных и психологических факторов, влияющих на возникновение инфантилизма.

Термин «инфантилизм», широко используемый в отечественной науке, оказался не вполне удобным для тех языков, в котором этимология слова «детство» восходит к латинскому *infans*, дословно обозначающему грудного младенца или маленького ребенка. Поэтому в зарубежной психологической литературе это явление зачастую обозначается термином «личностная незрелость».

Текущее состояние

Глобальные преобразования во многих сферах жизни ведут к изменению ценностно-смысловых установок молодежи, к постановке более легких и быстро достигаемых целей. Противоречивая и нестабильная картина будущего, неопределенность завтрашнего дня пугает молодого человека, как бы призывает его остаться «в детстве».

В современном обществе лавинообразно увеличивается количество инфантильных молодых и не очень молодых людей, которые демонстрируют поведение, не соответствующее их биологическому возрасту. Они не способны адекватно жить в обществе, потому что не могут брать на себя ответственность за себя, не могут принимать ответственные решения, не могут нести ответственность за свои действия, за свое поведение.

Брак — это ответственное и серьезное решение принимаемое совместно обоими партнерами. Невзвешенное, импульсивное решение вступить в брак может говорить о незрелости участников новообразованной семьи. Как следствие — высокий процент разводов на ранних стадиях брачных отношений. Возраст вступления в брак и процент распада семей на ранних стадиях может являться одним из индикаторов личностной незрелости.

Согласно статистике [3], молодые россияне не стремятся рано начинать самостоятельную жизнь. Возраст отделения от родительской семьи передвинулся с 18–20 лет в старших поколениях до 23–25 лет у современной молодежи. Люди стали тратить больше времени на учебу, выбор партнера и поиски себя.

В широком пользовании чаще фигурирует «мужской» инфантилизм. Создается впечатление о неравномерности распространения данного явления. Однако исследования показали, что среди мужчин и женщин инфантильность распространена одинаково. Скорее всего, такой стереотип связан с резким диссонансом поведения «инфантильного» и «мужского». Тогда, как женский инфантилизм остается менее заметным на фоне мужского.

Причины и истоки незрелости

Высокие требования, предъявляемые родителями к своим детям, влекут за собой огромный груз, под тяжестью которого происходит психологический регресс. Дети, получая большие объемы информации развиваются интеллектуально, оставаясь при этом «младенцами» в психоэмоциональном плане. Вместе с этим некоторые люди могут испытывать дефицит эмоциональной связи и поддержки в детстве, что может привести к развитию инфантильных черт в поведении и личности.

Для молодых людей (20+) причиной незрелости является их отношения с родителями, которые сохраняют значимость независимо от того, достигнуты ли молодым человеком «критерии личностной зрелости» в виде постоянной работы и/или создания собственной семьи. Более высокий уровень ожиданий, применяемых при оценке «достижений личностного развития» молодых мужчин, является одним из «факторов риска».

Быстрый темп жизни и высокие требования современного общества могут вызывать стресс и чувство беспомощности у людей. В ответ на это, некоторые люди могут вернуться к более детскому поведению и искать утешение в незрелых и безответственных действиях, чтобы уйти от реальности и проблем.

Развитие технологий и социальных сетей привело к тому, что люди часто живут в виртуальном мире, где могут вести себя несерьезно и безответственно. Это может приводить к тому, что они начинают вести себя так же и в реальной жизни.

Психологическая зрелость

Понятие психологической зрелости личности в современной психологии многоаспектно и пока еще определено недостаточно четко.

Произведя теоретический анализ основных психологических концепций. Можно выделить следующие:

1. Ответственность, «сознательная независимость», локус контроля;
2. Осознанное, реалистичное восприятие мира, самопонимание, способность ставить реальные и идеальные цели, оценочная рефлексия;
3. Потребность в самоактуализации, направленность на саморазвитие, открытость изменениям;
4. Самопринятие и самоуважение — принятие себя; гибкая я-концепция, стремление я-реального к я-идеальному;

5. Автономия — самостоятельность, опора на себя, самоподдержка; автономность, психологическая суверенность; способность противостоять давлению и оценкам окружающих;

6. Сила характера, творческая реализация, способность справляться с неопределенностью;

7. Управление и организация собственной жизни — создание собственной среды развития; способность к постановке целей и реализация собственного решения; регуляция собственного поведения сознательно в процессе жизни, самоконтроль;

8. Целостность, конгруэнтность, цельность характера, идентичность, складывающаяся в процессе онтогенеза, приобретение полной целостности образа «я», целостность эго-идентичности;

9. Широта интересов и связей с миром; многогранное чувство «я», выражение творческого начала в разнообразных сферах жизни; открытость опыту;

10. Толерантность, социальная направленность поведения, снисходительность, демократический склад характера; гуманистические ценности, нравственное сознание;

11. Способность строить межличностные отношения; теплота в отношении к другим; способность любить, заботиться; уважение и эмпатия по отношению к другим людям.

Основными психологическими характеристиками взрослости являются: рефлексия, потребность к труду и профессиональной деятельности, наличие профессионального самоопределения, владение трудовыми навыками, потребность в самореализации, сформированность эмоционально-волевой сферы. Объективными характеристиками взрослости выступают переход к экономической и территориальной независимости от родительской семьи, а также освоение новых социальных ролей, таких как работник, супруг, родитель.

Вершиной зрелости становится акмэ — реализация сущностных сил человека — социальных, нравственных, профессиональных, ментальных (А. А. Бодалев). А. А. Бодалев подчеркивает, что достижение акмэ — это прежде всего личностный процесс, когда человек совершает поступок или серию поступков, которые свидетельствуют о том, что он на пределе своих возможностей выразил себя как высокоразвитая Личность, защищая своим действенным отношением основные ценности жизни и культуры, которые, если судить по его поступкам, стали глубоко значимыми для него собственными ценностями [2].

Ценности

Ценностные ориентации, с одной стороны, являются конкретным проявлением отношения человека к действительности, а с другой — представляют систему установок, которые регулируют поведение человека в каждый момент времени.

И. А. Сурина предлагает следующее определение: «Ценностные ориентации — это оценочное отношение личности или группы к совокупности материальных и духовных благ, которые понимаются как предмет (или его свойства), цели и средства для удовлетворения потребностей личности (группы)» [12].

Наряду с ценностными ориентациями, Д. А. Леонтьев описывает также ценностные стереотипы и ценностные идеалы. Ценностные стереотипы, по мнению автора, отражают ожидания, которые предъявляются человеку обществом. При этом в сознании одного человека может отражаться сразу несколько систем ценностных стереотипов разных социальных групп, значимых для него. Еще одну категорию ценностных представлений Д. А. Леонтьев называет ценностными идеалами. Их смысл состоит в том, что человек способен быть активным субъектом, оценивающим собственные ценности и пересматривающим их при необходимости [5].

Основное значение и назначение ценностей, по В. Франклу, обеспечивать и поддерживать активно-действенное состояние человека, то есть такое, в котором он сам определяет себя и свое отношение к миру. И даже когда у человека не остается реальных возможностей (ресурсов), которыми он объективно располагает, ценности отношения всегда остаются для него доступными. Отсюда следует вывод по В. Франклу, что человеческое существование никогда не может быть бессмысленным [13].

А. А. Бодалев утверждает, что понятия взрослость и зрелость не тождественны. Можно стать взрослым (достичь зрелого возраста), но не быть при этом зрелой личностью. Он пишет: «Если человек, достигший совершеннолетия, ведет себя в различных ситуациях в соответствии с общечеловеческими нормами морали и основные ценности жизни стали его собственными ценностями, значит, можно с уверенностью говорить о его личностной зрелости. В других случаях, когда он одни нормы соблюдает, а другие грубо игнорирует, одни ценности поддерживает, а против других восстает, доказывая это своими поступками, можно с полным правом утверждать, что он в личностном отношении оказывается зрелым только частично» [2].

Мотивация обязательно предполагает оценку. Как мы уже указывали, оценка неизбежна и в определенном смысле просто необходима. Истинная оценка может осуществляться только при наличии шкалы ценностей, которая в свою очередь выражает философскую концепцию жизни и мира данного человека [15].

Направленность личности на те или иные ценности, отмечает Б. Г. Ананьев, можно рассматривать как совокупность ее ценностных ориентации. Они выступают характеристиками единой ценностно-нормативной системы личности и содержательно характеризуют ее жизненный путь [1].

Подводя итог вышеперечисленным точкам зрения различных авторов на такой феномен, как ценность, можно сделать ряд выводов:

1. Ценности, несомненно, присутствуют у каждого, как система координат, согласно которой в целом старится жизнь индивида;
2. Некоторые ценности частично присутствуют в качестве усвоенных стереотипов;
3. Взросление (т. е. достижение зрелого состояния) включает в себя процесс осознания усвоенных ценностных стереотипов;
4. Как следствие п. 3, принятие или не принятие ранее усвоенных ценностных стереотипов;

5. Кроме того, для полноценного формирования зрелой личности необходимо активно-действенное состояние человека, которое выражается в поиске своих личных ценностных парадигм. («Личная миссия» С. Кови) [15].

Ценностный дефицит

Родители текущего поколения (20–30 лет) — это дети, чей подростковый/юношеский период пришелся на 90-е годы. Отсутствие стабильности во всех областях жизни. Крах «советской идеологии» и появление «гласности». Если раньше было одно официальное информационное поле, одна идеология и принципы жизни, то теперь появилась «свобода слова». Николай Бердяев отмечал, что свобода расковывает безудержную волю к равенству и таит в себе семя самоотрицания и самоистребления.

В прежнее время существовала государственная система ценностей. Несомненно, часть людей симпатизировали и принимали их. Другая часть, следуя формально, имела свои альтернативные ценности. В результате крушения центрального аппарата контроля и производства государственной системы координат, на сцену вышли все, что когда-то таилось «под спудом».

Это могло послужить сильнейшим стрессом для поколения, находящимся в нестабильном психическом состоянии. Подростки и люди, только начинающие свою самостоятельную жизнь, разом потеряли ценностную основу жизни. Достоверных источников или «официальной версии» еще не появилось. В период нестабильности доверие к любой информации подозрительное.

В довершении всего, после падения «железного занавеса» в страну хлынул поток информации из-за рубежа, который также нес в себе новые ценности.

Как результат — став в свою очередь родителями «околоперестроечное» поколение может иметь некоторые особенности:

1. В качестве компенсации собственной брошенности проявлять гиперопеку по отношению к своим детям [10];
2. Давать «свободу». Минимум ценностно-морального вмешательства;
3. Дефицит ценностей. Дефицит не количества, но качества;
4. Ценности присутствуют на уровне материально-индивидуальных.

Заключение

Для психолога-консультанта вопрос личной зрелости является особенно важным в разрезе профессиональной деятельности как со стороны клиентской (диагностика, терапия), так и личной характеристики консультанта (личность консультанта — как инструмент терапии)

Человек представляет собой набор ценностно-смысловых интроектов. Некоторые из них могут тормозить личностное развитие. Для преодоления кризиса личностного роста необходима периодическая ревизия собственных ценностных установок.

В таких случаях периодическая ревизия своих ценностей и установок может быть полезной. Это позволяет человеку осознать, какие ценности и убеждения поддерживают его развитие, а какие могут быть препятствием. При этом, реви-

зия ценностей может включать самоанализ, общение с другими людьми, чтение и изучение новых идей и переосмысление своего опыта.

Процесс ревизии ценностей может помочь человеку выйти из кризиса личностного роста и продвинуться дальше на пути к саморазвитию и самореализации. Открытость к новым идеям и готовность изменять свои ценности, когда это необходимо, может способствовать более глубокому и сбалансированному развитию личности.

С точки зрения терапевтического процесса важно выделить несколько моментов:

1. Ценности могут быть различными: некоторые люди ценят деньги и материальное благополучие, другие — духовность и высокие нравственные принципы. Однако, важно понимать, что ценности необходимо выбирать сознательно и осознанно. Именно такой выбор позволит сформировать целостную жизненную позицию и стать зрелой личностью;

2. Ценности играют ключевую роль в становлении личности, формировании жизненной позиции и определении жизненных приоритетов. Они помогают нам принимать решения и действовать в соответствии со своими принципами, а не просто подчиняться мимолетным желаниям и настроениям;

3. Ценности также помогают определить свои жизненные цели и направления, следовательно имеют большое влияние и на психологическое состояние человека;

4. Для психолога ценность интересна с точки зрения субъективной реальности клиента, как явление внутреннего мира. Именно здесь и находится «точка личностного роста»;

5. Большое значение имеет качество ценностной ориентации клиента. Слишком упрощенные и, находящиеся в материально-индивидуальной плоскости, ценностные ориентиры не дают развиваться личности. Часто общедоступные и широко транслируемые ценности, которые можно описать одной фразой «лучше иметь, чем быть» оставляют личность двигаться только одной плоскости, не давая развиваться по вертикальной оси личностного роста;

6. Смысл нельзя придумать, его можно только найти, отмечал В. Франкл. Чаще всего истинные ценностные ориентиры искажены, или четко не сформулированы. Задача психолога в работе с клиентом не выдумывать, а помочь найти в имеющейся ситуации смысловые установки, которые на данный момент блокируют, или тормозят личностное развитие. Работа с ценностными ориентирами в данном случае может быть терапевтической мишенью.

Также требует отдельного рассмотрения вопрос рассмотрения «инфантильности» как защитного механизма против усиливающегося информационного и эмоционального давления. Также существует мнение, что инфантильность имея негативную коннотацию, при детальном рассмотрении может оказаться приспособительным и адаптивным механизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. человек как предмет познания. — СПб.: Питер, 2008. — 426 с.
2. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. — М.: Флинта, 1998. — 168 с.
3. Долгова А. А., Митрофанова С. Е. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. — Т. 16. — № 5, ноябрь. — 2015. — С. 46–76.
4. Кови С. Р. 7 навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности / С. Р. Кови. — М.: Альпина Паблишер, 2022. — 400 с.
5. Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте. — М.: Академия, 2003. — 144 с.
6. Леонтьев Д. А. Внутренний мир личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб.: Питер, 2009. — С. 372–377.
7. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2016. — 400 с.
8. Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности (монография). — Дюссельдорф: LAP LAMBERT, 2018. — 224 с.
9. Олпорт Г. У. Становление личности: Избранные труды. — М.: Смысл, 2002. — 462 с.
10. Петрановская Л. А теперь прозой. [Электронный ресурс] — URL: <https://ludmilapsyolog.livejournal.com/52399.html> (дата обращения: 14.04.2023).
11. Роджерс К. Р. Гуманистическая психология. Теория и практика. — М.: МОДЭК, НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2013. — 500 с.
12. Сурина И. А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. — М.: ГОЛОС, 1996. — 132 с.
13. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. — М., МГУ, 1982. — С. 118–126.
14. Эриксон Э. Г. Идентичность: Юность и кризис. — М.: Прогресс, 2006. — 352 с.
15. Assagioli R. Psychosynthesis. A Manual of Principles and Techniques. Penguin Books, 1976. — 323 p.

УДК 159.923.2

Стряпухина Юлия Витальевна,
старший преподаватель кафедры психологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
магистр психологии, аспирант факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
kurry@yandex.ru

**СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОГРАММЫ «СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ»
В ОТЗЫВАХ СОЗАВИСИМЫХ РОДСТВЕННИКОВ**

Статья посвящена субъективной оценке эффективности программы психологической помощи «Солнечный круг» для созависимых родственников. Созависимость рассматривается как неоднородный, многомерный и полифункциональный феномен, который обусловлен деформированным самоотношением созависимых родственников в виде самоуничужения. Кратко представлено содержание программы «Солнечный круг». Представлены результаты контент-анализа отзывов созависимых родственников об участии в занятиях как субъективный критерий оценки эффективности оказанной психологической помощи.

Ключевые слова: созависимость, мишени психокоррекционной работы, критерии эффективности психологической помощи, субъективная оценка эффективности психологического воздействия.

Stryapukhina Y. V.

*SUBJECTIVE ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE «SUNNY CIRCLE»
PROGRAM IN THE REVIEWS OF CODEPENDENT RELATIVES*

The article is devoted to the subjective assessment of the effectiveness of the «Sunny Circle» psychological assistance program for codependent relatives. Codependency is considered as a heterogeneous, multidimensional and multifunctional phenomenon, which is caused by the deformed self-attitude of codependent relatives in the form of self-abasement. The content of the « Sunny Circle» program is briefly presented.. The results of a content analysis of the feedback of codependent relatives about participation in classes as a subjective criterion for assessment the effectiveness of psychological assistance provided are presented.

Keywords: codependency, targets of psychocorrective work, criteria for the effectiveness of psychological assistance, subjective assessment of the effectiveness of psychological intervention.

Созависимость — одна из серьезных проблем современности. Это состояние, которое изначально в большей степени связывалось с проблемой зависимости в семье, сегодня получает все более широкое распространение и становится самостоятельной нозологической единицей не только психологической, но и клинической практики. Актуальными проблемами в области оказания психологической помощи созависимым клиентам являются установление соотношения между ключевыми компонентами созависимости и мишенями психологической помощи, а также вопросы оценки эффективности программ психологического сопровождения и поддержки данной категории клиентов.

Целью статьи является попытка дать субъективную оценку эффективности программы психологической помощи и поддержки «Солнечный круг» для созависимых родственников через анализ отзывов участников программы.

Созависимость — это неоднородный, многомерный и полифункциональный феномен, который обусловлен деформированным самоотношением созависимых родственников в виде самоуничтожения. Созависимость проявляется на социальном, ценностно-смысловом, эмоциональном, поведенческом, психофизиологическом уровнях жизни человека и требует комплексной психологической коррекции (определение наше) [4].

Вариантов оказания психологической помощи и поддержки созависимым клиентам в настоящее время существует достаточно много [5]. Это, например, анонимные группы поддержки и взаимопомощи, работающие по двенадцатишаговым программам, психотерапевтические группы, духовно-ориентированные группы на приходах храмов, просветительская работа, индивидуальное консультирование, рекомендации по самопомощи.

Проанализировав разные подходы к оказанию помощи созависимым, можно сделать следующие выводы:

1. Эффективность помощи в каждом направлении носит достаточно субъективный характер;

2. Мы придерживаемся мнения, что одним из наиболее эффективных вариантов оказания психологической помощи созависимым родственникам может стать динамичная синтетическая программа, разработанная с учетом особенностей и потребностей ее участников.

На основании проведенного исследования нами была разработана программа психологической помощи созависимым родственникам «Солнечный круг», которая охватывает несколько мишеней:

1. Повышение информированности о созависимости как о системном социально-психологическом феномене;

2. Работа с такими моделями созависимости, как отрицание, пособничество и контроль, в том числе с точки зрения драматического треугольника Карпмана;

3. Обучение участников безопасным способам распознавания и выражения чувств и эмоций;

4. Обучение участников возможности заботиться о себе, определять и реализовывать свои потребности, права, интересы, выстраивать личностные границы;

5. Повышение уровня осознанности и наполненности жизни;

6. Поиск актуальных ресурсов;

7. Повышение самооценности и самоуважения.

Работа по программе осуществляется онлайн, а также предполагает самостоятельные занятия участников в промежутках между встречами. Занятия проходят в течение 2,5–3 часов (например, в скайпе). Участникам рекомендовано участвовать в занятиях с включенной камерой. Это создает эффект присутствия, эффект «живой группы». Однако обстоятельства могут быть различны. Поэтому допустимо присутствовать и без видео.

Программа психологического сопровождения и поддержки созависимых родственников включает 16 занятий и предполагает четыре этапа. Этапы различаются по своим задачам, применяемым методам и методикам, прогнозируемым конечным результатам.

I. Информационно-диагностический этап включает в себя проведение предварительного психодиагностического обследования и следующих занятий:

1. Знакомство. Ориентация в проблеме созависимости;

2. Виды созависимости. Созависимость как пособничество;

3. Эмоциональный портрет созависимости. Основные чувства и состояния созависимого.

II. Поддерживающий этап (работа с проблемой) включает в себя следующие занятия:

4. Наши чувства;

5. Контроль: друг или враг;

6. Отделиться с любовью;

7. Действуем в своих интересах;

8. Мои права — мои границы;

9. Родом из детства. Дети в деструктивной семье;

10. Посмотреть на себя: самооценка;

11. Я отказываюсь быть жертвой;

12. Думайте сами, решайте сами;

13. Себе горевать: горе и утрата.

III. В интеграционный этап входят занятия:

14. Баланс целей в моей жизни;

15. Я принимаю и одобряю себя.

IV. Рефлексивный этап включает в себя занятие 16. Подведение итогов, получение обратной связи от участников (отзыв о программе); проведение повторного психодиагностического обследования.

При этом на всех этапах программы сохраняется общая структура занятий:

1. Выполнение в кругу упражнения «Новое и хорошее»;

2. Обсуждение выполненного домашнего задания;
3. Передача теоретической информации по теме занятия;
4. Выполнение упражнений по теме занятия;
5. Обратная связь («Что было сегодня важно, какие открытия, актуальное состояние»);
6. Объяснение домашнего задания к следующему занятию.

Первое и последнее занятия отличаются по структуре.

В период с апреля 2021 г. по январь 2023 г. было проведено четыре полных цикла занятий. Общее количество участников, начинавших занятия по программе, составило 55 человек. Из них полностью завершили программу 34 человека.

Одним из критериев оценки эффективности психологического и психотерапевтического воздействия считается субъективная оценка с позиций самого клиента [1; 3]. В. Ю. Меновщиков [2] приводит следующие субъективные критерии эффективности, выделяемые в психологической модели: изменение эмоционального состояния клиента (проработка чувств, улучшение физического самочувствия), личностные критерии (осознание, инсайт, изменение самоописаний личности, самооценки и т. п.), критерии изменений во внешних обстоятельствах (например, состояние на работе, карьерный рост, повышение успеваемости и т. д.).

Субъективный критерий оценки эффективности психологической помощи и поддержки в программе «Солнечный круг» был принят нами наряду с объективными показателями, регистрируемыми с помощью психодиагностических методов. Поэтому перед окончанием занятий участникам предлагалось написать максимально подробный отзыв об участии в программе, отметив при этом упражнения и задания, которые им особенно запомнились и были важны. Полученные отзывы отражают впечатления, чувства, личные результаты и открытия участников.

Мы провели контент-анализ всех отзывов и выделили несколько групп высказываний, объединив их по смыслу.

1. Доминирующее положение занимают высказывания, связанные с процессом пребывания на группе (72 высказывания). В большинстве своем они носят позитивный характер, свидетельствуют о получении участниками на группе помощи, поддержки, принятия (12 высказываний), новых знаний (8 высказываний), интересе (6 высказываний), чувстве безопасности и доверия, радости, сопричастности и единения (по 5 высказываний). 5 участников отмечают изменение (улучшение) эмоционального состояния на занятиях (в моменте).

Также участники отметили теплую атмосферу на занятиях, воодушевление и оптимизм, доступность и конкретность информации, «возможность остановиться, вникнуть в тему, проблематику и посмотреть как бы на себя со стороны, без вовлечённости», возможность учиться принятию других людей и возможность обмена опытом. Отметим, что «было важно участвовать» и «ощущение, что ты важен».

Из трудностей, относящихся к процессу занятий, 6 человек отметили наличие внутреннего сопротивления, отрицания, которое им приходилось преодолевать на занятиях. 1 человек отметил усталость к концу занятий.

2. На втором месте находится группа комментариев к самому курсу и организации занятий (64 высказывания).

29 человек высказали в отзывах конкретную благодарность за участие в программе.

11 человек отметили оптимальную длительность курса, грамотно и доступно выстроенную структуру занятий, актуальность тем, информативность.

Для 7 человек особенно важна была возможность получить индивидуальную консультацию.

6 человек отметили внимание ведущего, чуткость, индивидуальный подход к каждому участнику, профессионализм.

Также в этой группе высказываний участниками выделены важность духовной составляющей программы (3 высказывания), глубина затрагиваемых тем и цели занятий, большой терапевтический потенциал программы, точность названия «Солнечный круг», возможность использовать опыт в собственной профессиональной деятельности, удобный формат занятий (по 2 высказывания).

3. Третья группа объединяет высказывания, связанные с внутренними изменениями участников (45 высказываний). Все эти высказывания положительно окрашены, свидетельствуют о положительной динамике психического состояния участников программы. При этом существует определенная дифференциация в переживании изменений.

10 человек отметили, что стали лучше понимать себя, в т. ч. свою созависимость, 5 — что научились анализировать свои чувства, переживания состояния, управлять ими.

5 высказываний свидетельствуют о внутреннем (личностном, духовном) росте участников, 5 — о повышении осознанности.

4 человека отметили улучшение своего эмоционального состояния (в длительной перспективе).

Также в этой группе участники отмечают повышение вариативности поведения, появление спокойствия и уверенности в себе, чувства свободы, чувства благодарности и нежности к родителям, нового взгляда «на старые, казалось, не разрешаемые проблемы», обретение внутренней устойчивости и целостности, повышение самооценки, появление возможности видеть новое и хорошее в жизни, лучше понимать других, говорить «нет», осознавать и отстаивать свои права, видеть свой контроль, лучше держать дистанцию и отдавать другим их ответственность.

4. В четвертую группу вошли личные открытия (инсайты) участников (23 высказывания).

Некоторые из них связаны для участников с новыми возможностями и точками роста.

«Моя ответственность — отношение к внешним обстоятельствам».

«Открытием для меня было то, что я не рассматриваю своих желаний и не думаю о мечте. Как будто сразу ограничиваю себя малыми потребностями и не рассчитываю на получения большего».

«Мало отдыхаю».

«Чувства имеют право быть».

«Увидела, что я делаю не для себя, что я не для себя жила».

«Удалось увидеть свой контроль, свои манипуляции».

«Я увидела себя, отдающий себя, своё время, все силы на дела, под благим намерением служения близким, а на самом деле это тоже было моё проявление созависимости».

«Сама не знаю, чего я хочу».

Трезвость близкого — это не цель, не решение всех проблем («дальше за этой чертой, не рай и решение всех проблем, а такая же работа, учиться жить трезво тоже нужно время»).

«Ответственность, взрослую позицию в жизни нам еще предстоит развивать. И это интересное, увлекательное путешествие, хороший путь, который мне стал нравиться, а не пугать, как раньше».

Деструкция может развиваться и в семье, где нет зависимости. «Способы выживания, принятые мною «там и тогда», уже не помогают мне «здесь и сейчас», а сильно мешают и уродуют мою жизнь, жизнь моей семьи и переносятся на детей».

«В моей жизни есть повторяющиеся сценарии».

«Нужно просить помощи».

«Я поняла, что нужно накопить знания и потом их применять. И одного желания недостаточно, необходимо действие».

«И я очень рада, несмотря на то что это больно, что я до этого момента дошла. То есть до болевой точки, с которой дальше надо работать».

Другие связаны с новыми экзистенциальными переживаниями, в том числе касающимися полноты восприятия себя, полноты самоотношения.

Обретение доверия Богу («Я для себя поняла, что чем больше я доверяю Богу, тем меньше страх, тем больше можно создавать»).

«Это совершенно новый положительный опыт в моей жизни».

«За время работы в группе пришло осознание своих проблем, появились ответы на многие вопросы».

«Обретение себя как уникальной личности, созданной по замыслу Бога, — это особый и абсолютно бесценный результат прохождения мною программы».

«Курс очень «богатый», с его помощью я начала осознавать саму себя: что я человек, женщина, христианка, любящая, любимая, я мама, сестра, друг, профессионал и просто хороший человек. И меня любит Бог!».

5. Важно отметить, что 9 высказываний касались тех трудностей, с которыми участники сталкивались при прохождении программы. На первом месте оказалось упражнение «Потребности, желания, мечты» (5 высказываний). Один участник отметил сложности с выполнением упражнения на психическую саморегуляцию. Также вызвали трудности тема детей и детства, некоторые предложенные фильмы. Один человек отметил неудобное для него время занятий.

6. 5 высказываний касаются внешних изменений, произошедших в жизни участников. Трое из них отметили, что изменились к лучшему их отношения в семье. Одна участница смогла отказаться от внешних дел, о которых она написала: «чувствую, что они меня разрушают». Еще одна участница написала так:

«Жизнь в корне изменилась к лучшему» (она развелась с зависимым мужем, получила повышение на работе, в настоящее время состоит в отношениях, которые приносят взаимную радость).

7. По просьбе организаторов программы участники называли в своих отзывах конкретные методы, технологии и упражнения, которые произвели на них наибольшее впечатление и дали для них наилучший результат. Всего в эту группу вошли более 100 высказываний.

На первом месте находится метод кинотерапии. Его эффективность в целом отметили 16 участников, также многие (24 высказывания) приводили в пример конкретные художественные и мультипликационные фильмы и произведенный ими эффект (подробнее — см. 4).

Далее участники особенно выделяют упражнения, направленные на работу с чувствами и эмоциями (18 высказываний), из них более конкретно — упражнения на разрядку чувств (7 высказываний), метод гневных писем, дневник чувств и ситуаций (по 3 высказывания).

Также особо отмечают творческие упражнения (8 высказываний), систему отношений «Развивающий диалог» и упражнение «Потребности, желания, мечты» (по 6 высказываний), сказкотерапию, упражнения «Волшебный сундук» (мои ресурсы), «Новое и хорошее», баланс «Брать-давать», упражнения на психическую саморегуляцию. В остальных высказываниях приводятся разные упражнения из разных тем программы, что свидетельствует о высокой включенности участников в процесс оказания им психологической помощи и высокую степень заинтересованности в результате для самих себя.

Подводя итоги контент-анализа отзывов участников о программе психологической помощи и поддержки для созависимых родственников «Солнечный круг», можно сделать следующие выводы:

1. Участники исключительно положительно характеризуют процесс пребывания на занятиях, говорят о получении помощи, поддержки, принятия, испытываемых состояниях безопасности, радости, воодушевления, интереса, сопричастности и так далее. Интересно, что несколько участников говорят о том, что в процессе занятий испытывали сопротивление, отрицание, которое им приходилось преодолевать. Это также можно рассматривать как положительный момент в работе, поскольку осознание и преодоление своего отрицания является неотъемлемой частью выздоровления от созависимости.

2. Все участники прямо или косвенно выражают свою благодарность за возможность прохождения программы, положительно характеризуют организационные аспекты программы, такие как, например, оптимальная длительность курса, грамотно и доступно выстроенная структура занятий, актуальность тем, информативность, духовная составляющая программы, возможность индивидуального консультирования, большой терапевтический потенциал программы. Также участники выделяют роль ведущего, отмечая его профессионализм, чуткость, внимание и индивидуальный подход к каждому участнику.

3. Участники отмечают ряд внутренних изменений, которые они видят в себе после прохождения программы. Все эти изменения положительно окра-

шены, свидетельствуют о положительной динамике психического состояния участников программы.

4. Больше половины участников поделились своими личными открытиями (инсайтами), которые произошли у них в процессе прохождения программы. Некоторые из этих открытий связаны для участников с новыми возможностями и точками роста. Другие являются новыми экзистенциальными переживаниями, в том числе касающимися полноты восприятия себя, полноты самоотношения.

5. Несколько человек написали о трудностях, с которыми они сталкивались при прохождении программы. Это предполагает возможности для дальнейшей работы.

6. Несколько участников отметили, что в их жизни произошли и внешние изменения к лучшему.

Все это позволяет положительно оценить программу «Солнечный круг» с позиции субъективного критерия оценки. В перспективе планируется провести объективную оценку эффективности данной программы психологической помощи и поддержки созависимых родственников по результатам психодиагностического обследования участников программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбалова С. А. Основные критерии эффективности психокоррекционной работы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2021. — Т. 10. — № 1 (334). — С. 315–317.

2. Меновщиков В. Ю. Эффективность консультирования и психотерапии в интернет: выбор критериев в медицинской и психологической парадигмах // Психологическое консультирование онлайн. — 2010. — № 4. [Электронный ресурс]. — URL: <https://counseling.su/f/psyconsonline-004.pdf> (дата обращения: 30.05.2023).

3. Психотерапия: Учебник для вузов. 4-е изд. / Под ред. Б. Д. Карвасарского. — СПб.: Питер, 2012. — 672 с.

4. Стряпухина Ю. В. Возможности использования кинотерапии при оказании психологической помощи созависимым родственникам в программе «Солнечный круг» // Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 30-летию юбилею факультета психологии ИГУ. Иркутск, 27–28 апреля 2023 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [редкол.: И. А. Конопак [и др.]]. — Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. — С. 1010–1016.

5. Стряпухина Ю. В. Современные направления оказания психологической помощи созависимым родственникам // Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XXI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых Иркутск, 29–30 апреля 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [редкол.: И. А. Конопак и др.]. — Иркутск: Издательство ИГУ, 2022. — С. 684–688.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

Аристов Иван Дмитриевич,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
nico871@mail.ru

МОББИНГ КАК КОМПОНЕНТ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье моббинг рассматривается на теоретико-концептуальном уровне как деструктивная форма иррационального поведения в коллективе, а моббинг в деловой коммуникации — как форма психологического насилия, как коллективный психологический террор, травля в отношении кого-либо из работников со стороны его коллег, подчиненных или начальства, осуществляемые с целью заставить работника уйти с места работы или ослабить степень его социального или профессионального влияния в коллективе. Приводятся примеры проявления моббинга и формулируются рекомендации по его профилактике.

Ключевые слова: деловая коммуникация, моббинг, рабочий коллектив, деструктивное поведение, концепции личности, участники моббинга, профилактика моббинга.

Aristov I. D.

MOBBING AS A COMPONENT OF BUSINESS COMMUNICATION

In the article, mobbing is considered at the theoretical and conceptual level as a destructive form of irrational behavior in a team, and mobbing in business communication is considered as a form of psychological violence, as collective psychological terror, bullying against any of the workers by his colleagues, subordinates or superiors, carried out in order to force the employee to leave the place of work or weaken the degree of his social or professional influence in the team. Examples of manifestations of mobbing are given and recommendations for its prevention are formulated.

Keywords: business communication, mobbing, work team, destructive behavior, personality concepts, mobbing participants, mobbing prevention.

Актуальность изучения феноменологии моббинга в рабочих коллективах приобретает все больше и больше аргументов.

Моббинг отрицательно влияет не только на психическое здоровье и благополучие сотрудников организации, но и разрушает все возможные позитивные накопления самой организации — подрывает доверие персонала к руководству, ослабляет корпоративную культуру, понижает уровень социального богатства организации, ее социального капитала — эмоционального, когнитивного, коммуникативного [2, 4, 7].

На языке бизнеса это означает снижение достигнутого организацией уровня человеческого, публичитного, репутационного капитала. Кроме того, моббинг крайне затрудняет практически все внутрикорпоративные коммуникации, делает нецелесообразными попытки командообразования, искажает стили руководства, во всяком случае, в глазах травмированных моббингом подчиненных.

Для того чтобы выстроить концептуальную модель моббинга, логично в качестве базовой платформы использовать одну из описанных в литературе моделей внутрикорпоративных коммуникаций.

Если предположить, что моббинг является одним из компонентов этой модели, то можно далее выстраивать программу эмпирической апробации модели, направленную на выявление структурно-функциональных связей моббинга с остальными компонентами модели. И уже на основании эмпирических исследований выстраивать далее программы психологического сопровождения преодоления и самого моббинга, и всех его деструктивных последствий и для организации в целом, и для сотрудников, в частности.

Приступая к выбору базовой модели внутрикорпоративных коммуникаций, компонентом которой, как мы предполагаем, является моббинг, необходимо определиться с такими понятиями как деловая коммуникация, рабочий коллектив, личность сотрудника как члена рабочего коллектива. И в контексте определений этих понятий обозначить моббинг — как количественную или качественную их характеристику.

Будем считать, что деловая коммуникация — это один из видов современной социальной коммуникации, предполагающий, что предметом этой коммуникации являются некие деловые отношения, взаимодействия, связи, возникающие между людьми как субъектами трудовой деятельности, управленческого и профессионального общения. Тогда моббинг в деловой коммуникации будет проявляться как форма психологического насилия, как коллективный психологический террор, травля в отношении кого-либо из работников со стороны его коллег, подчиненных или начальства, осуществляемые с целью заставить работника уйти с места работы или ослабить степень его социального или профессионального влияния в коллективе.

Деловые коммуникации могут быть вертикальными и горизонтальными, формальными и неформальными. Соответственно, и проявления моббинга в рамках этих коммуникаций могут быть разными.

Например в рамках вертикальных коммуникаций нередко можно встретить моббинг со стороны руководителя в адрес кого-то из подчиненных. Горизонтальные коммуникации могут быть пронизаны моббинговыми процессами, в которые встроены как отдельные члены коллектива, так и целые группы.

Формальные и неформальные коммуникации диктуют формы проявления моббинга. В первом случае это преимущественно вербальная сторона делового общения, во втором — скорее невербальное поведение (косые взгляды, смех за спиной, специфическая жестикация).

Для определения того, что из себя представляет *рабочий коллектив*, воспользуемся статьей Юлии Шульгиной [8], поскольку в этой статье наряду с определением коллектива присутствуют также определения группы и команды:

- *группа* — это люди, связанные общими интересами и предпочтениями,
- *коллектив* — это люди, которых, помимо общих интересов и предпочтений, объединяют еще и общие цели,
- *команда* — это коллектив, в котором есть лидер (помимо руководителя), и в котором люди ведут общую деятельность; в рамках этой деятельности люди взаимосвязаны.

Основываясь на этих определениях, будем считать, что рабочий коллектив может находиться на разных уровнях развития: от группы — до команды. А поскольку моббинг — это деструктивная форма иррационального поведения в коллективе, можно будет обсуждать различные формы и интенсивность проявления моббинга в зависимости от уровня развития коллектива.

Например, поскольку в группе людей связывают только общие интересы и предпочтения, деловая коммуникация в такой группе вряд ли присутствует, а межличностная коммуникация достаточно дистанцирована. Интенсивность моббинга в такой группе вряд ли будет высокой, формы его проявления вполне конвенциональны и носят преимущественно поведенческий характер (шутки, подвохи, выразительные взгляды...).

В коллективе уже появляются общие цели, а значит, уже присутствуют деловые коммуникации. Репертуар инструментов моббинга расширяется за счет когнитивного наполнения общей целенаправленной деятельности и, соответственно, моббинг носит преимущественно когнитивный характер (различного рода мемы, легкий троллинг, выразительная акцентированная речь...). Интенсивность такого моббинга также невысока, но мешать работе такой моббинг может, в особенности, если он носит вертикальный характер.

Командный уровень развития рабочего коллектива, помимо деловой коммуникации, включает уже и межличностную, основанную на сложившихся в коллективе межличностных отношениях. По определению, в команде должна быть развита на высоком уровне совместимость и срабатываемость между ее членами. И в этой ситуации моббинга не должно быть, поскольку характеристики команды — это сплоченность, доверительные отношения, взаимопонимание и взаимовыручка.

Однако часто коллектив объявляет себя командой, хотя таковой по сути дела не является. Вот в таком «псевдокомандном» коллективе и может проявиться наиболее высокий уровень моббинга. Поскольку в таком коллективе и деловые, и межличностные коммуникации достаточно тесные, информацией друг о друге члены коллектива обладают в достаточной мере, а личные отношения у них могут складываться не вполне конструктивно, высока вероятность появления иррациональных форм деструктивного поведения, в том числе, эмоционально-

ориентированного моббинга (отвергающее невербальное поведение, смешки и вздохи за спиной, возможен даже буллинг — как откровенная травля).

Надо обратить внимание на то, что предикторами моббинга могут быть не только характеристики рабочего коллектива, в котором он проявляется, но и *личностные особенности* как объектов, так и субъектов моббинга, какими являются члены данного коллектива. Возникает вопрос: какая *концепция личности* более других подходит к объяснению психических состояний, процессов и свойств участников моббинга?

В литературе приводится большое количество личностных характеристик, которые могут быть провокаторами как активности субъекта моббинга, так и беззащитного поведения человека, который оказался в положении объекта [3, 5, 7].

Интересно, что некоторые из характеристик носят зеркальный характер. То есть, получается, что встреча субъекта и объекта моббинга напоминает что-то, похожее на пазл.

Мы проанализировали ряд публикаций, в которых упоминаются психологические особенности участников моббинга, и выбрали из них те, которые являются зеркально противоположными (см. Табл. 1).

Табл. 1. Зеркально противоположные психологические характеристики участников моббинга (по данным литературы)

Типичные характеристики субъекта моббинга	Типичные характеристики объекта моббинга
Сильная нервная система	Слабая нервная система
Холерический темперамент	Меланхолический темперамент
Высокий уровень ассертивности (уверенность в себе и своих действиях)	Низкий уровень ассертивности (неуверенность в себе и своих действиях)
Решительность	Нерешительность
Настойчивость	Податливость
Завышенная самооценка	Пониженная самооценка
Агрессивность	Склонность к депрессивным реакциям
Напористость	Замкнутость
Активность	Пассивность

Помимо этого, часто субъектам моббинга приписываются черты мундипулятивности, маккиавеализма, авантюризма, склонности к рискованному поведению, интригам, различного рода фейкам, социальная смелость.

Объекты моббинга часто выглядят виктимными — им приписывается повышенная тревожность, подозрительность, социальная трусость.

Однако проявления моббинга могут быть и иными: жертва моббинга может выглядеть как провокатор, а субъекты моббинга — как втянутые в чужую игру «без вины виноватые» сотрудники. Такой инвертированный моббинг действительно приводит в конечном итоге к наказанию заигравшихся субъектов — к великой радости провокатора...

В связи с этим возникает острая необходимость проведения специальных эмпирических исследований с применением как методик оценки выраженности моббинга, так и личностных психологических тестов.

Только в зависимости от результатов подобных исследований можно будет формировать ориентированные на каждый отдельно взятый рабочий коллектив пакеты рекомендаций по психологическому предотвращению и профилактике моббинга.

Из числа относительно универсальных рекомендаций, представленных в литературе [1, 3, 5], мы отобрали следующие:

- предпочтение демократического стиля управления, при котором сотрудники имеют возможность открыто выразить свое несогласие, негодование или неудовлетворённость, открыто высказать своё мнение (эта рекомендация особенно важна для профилактики вертикального моббинга),
- поощрение сотрудников, ориентированных на принятие самостоятельных и компетентных решений,
- прозрачность (внутри отделов) процессов принятия решений,
- предоставление сотрудникам как можно больше пространства для действий (это является профилактикой «моббинга от скуки»),
- прозрачность целей организации: чем они яснее, тем выше мотивация при работе над их достижением и тем эффективнее сотрудничество,
- регулярные обсуждения возникающих проблем,
- повышение коммуникативных способностей сотрудников, реальных способностей к командной работе и к сотрудничеству,
- повышение компетенции сотрудников в разрешении конфликтов (для этого им надо предлагать пройти соответствующие семинары и курсы),
- введение форм поощрения и признания, которые позволят каждому сотруднику реализовать свои потребности в признании, уважении, самоутверждении,
- привлечение к разрешению конфликта внештатного консультанта-психолога (если сотрудники не могут разрешить этот конфликт ни самостоятельно, ни с участием руководителя).

Завершая обзор предикторов, форм проявления, инструментов преодоления и профилактики моббинга, вернемся к нашей обозначенной в начале статьи цели — к разработке концептуальной модели моббинга, которая могла бы лечь в основу эмпирического исследования.

В начале статьи было отмечено, что для того чтобы выстроить концептуальную модель моббинга, логично в качестве базовой платформы использовать одну из описанных в литературе моделей внутрикорпоративных коммуникаций.

Такой общепризнанной универсальной моделью в теории коммуникаций считается модель Лассуэлла, состоящая из пяти блоков (см. Таб. 2):

- субъект коммуникации (коммуникатор),
- его месседж (посыл, сообщение),
- канал коммуникации,
- объект коммуникации (реципиент, адресат),
- результат коммуникации (эффективность, обратная связь).

Таб. 2. Коммуникационная модель Лассуэлла
(Lasswell, 1948, p. 37 «The Structure and Function of Communication in Society»)

Кто	Что говорит	По какому каналу	Кому	С каким эффектом
Коммуникатор	Сообщение	Канал	Реципиент	Эффект

Коммуникатор (Кто?) — это человек, который передают информацию. Производится анализ коммуникатора, выявляются его характеристики, факторы, способствующие улучшению взаимодействия с аудиторией. Анализируются причины возникновения самого акта коммуникации.

Сообщение (Что?) — это то, что передается от коммуникатора. В данном случаи будет проводиться анализ содержания сообщения, информации (контент, объем, сложность, композиция), а также выявлена частота употребления и количество упоминаний сообщения в СМИ.

Канал (По какому каналу?) — это способ передачи сообщения. Анализ средств и каналов, с помощью которых передается сообщение. Выявление наиболее приемлемых средств коммуникации и их специфик.

Получатель (Кому?) — это тот, кто получает сообщение. Аудитория, на которую было направлено сообщение, подвергается анализу, в ходе которого выявляются отличительные черты и характеристики данной аудитории.

Эффект (С каким эффектом?) — это реакция на полученное сообщение. Анализ результатов коммуникационного воздействия, оценка эффективности коммуникации на основании: принятия или отвержения информации, возникшего интереса к содержанию сообщения или безразличия.

Пользуясь этой моделью, мы можем обобщить приведенный выше материал по моббингу в деловой коммуникации (Таб. 3).

Таб. 3. Концептуальная модель моббинга как компонента деловой коммуникации

Кто	Что говорит	По какому каналу	Кому	С каким эффектом
Коммуникатор	Сообщение	Канал	Реципиент	Эффект
Субъект моббинга	Формы проявления моббинга	Характеристики рабочего коллектива	Объект моббинга	Характеристики моббинга:

<p>Личностные особенности типичного субъекта моббинга: - сильная НС, холерик, ассертивный, решительный, настойчивый, с завышенной самооценкой, агрессивный, напористый, активный... манипулятивность, маккиавелизм, авантюризм, склонности к рискованному поведению, интригам, различного рода фейкам, социальная смелость</p>	<p>- аффективное (отвергающее невербальное поведение, смехи и вздохи за спиной, буллинг, откровенная травля, когнитивный (мемы, легкий троллинг, выразительная акцентированная речь...), конативный (шутки, подвохи, выразительные взгляды...) моббинг, + [инвертированный моббинг]</p>	<p>- группа (общие интересы и предпочтения), - коллектив (общие интересы, цели = совместная деятельность), - команда (сплоченность, совместимость, срабатываемость, доверие), - псевдокоманда (совместная деятельность, неконструктивные межличностные отношения)</p>	<p>Личностные особенности типичной жертвы моббинга: слабая нервная система, меланхолик, неуверенный, нерешительный, податливый, с пониженной самооценкой, склонный к депрессиям, замкнутый, пассивный... повышенная тревожность, подозрительность, социальная трусость.</p>	<p>- интенсивность, горизонтальный / вертикальный, личностный / групповой, - отрицательно влияет на: психическое здоровье, благополучие сотрудников, - разрушает накопления организации - подрывает доверие персонала к руководству, - ослабляет кооперативную культуру, - понижает уровень социального богатства организации, ее социального капитала</p>
--	---	---	---	--

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанов С. А. Моббинг как психологический террор в трудовом коллективе и его профилактика // Терапевт. — 2018. — № 10. — С. 49–57.
2. Бардиер Г. Л. Бизнес-психология. 2-е издание. — СПб.: Изд-во РХГА, 2014. — 398 с.
3. Бурьянец В. А. Моббинг в организации: пути решения проблемы // Научный журнал Дискурс. — 2018. — № 4 (18). — С. 108–112.
4. Дуракова И. Б. Актуальные проблемы управления персоналом. Моббинг: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 224 с.
5. Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления. — Харьков.: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. — 368 с.
6. Шульгина Ю. В. Группа, команда, трудовой коллектив: сущность, сходства и различия // Образовательный портал «Справочник». — [Электронный ре-

сурс]. — URL: https://spravochnick.ru/menedzhment/gruppa_komanda_trudovoy_kollektiv_suschnost_shodstva_i_razlichiya/ (дата обращения: 20.05.2023).

7. Федоров В. М., Михалев О. В., Геращенко И. П. Моббинг как деструктивная форма иррационального трудового поведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. — 2019. — Т. 5 (71). — № 4. — С. 164-175.

УДК 159.9

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
galinabardier@yandex.ru

«БАРОЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ» КАК ИНДИКАТОР РАСКОЛА ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются особенности художественного стиля барокко в контексте психологических предпочтений и психологических проблем личности. Делается вывод о том, что стиль барокко можно соотносить с образом мышления и существования человека. А поскольку смысловое значение названия стиля соотносится с пороком, выдвигается гипотеза о том, что предпочтение этого стиля может быть показателем личного социально-психологического неблагополучия, личной травмы, сопровождающейся раздвоением личности.

Ключевые слова: художественный стиль барокко, личностные предпочтения, личностная травма, раскол личности.

Bardier G. L.

«BAROQUE THINKING» AS AN INDICATOR OF A SPLIT OF PERSONALITY

The article discusses the features of the Baroque artistic style in the context of psychological preferences and psychological problems of the individual. It is concluded that the Baroque style can be correlated with the way of thinking and human existence. And since the semantic meaning of the name of the style correlates with a vice, a hypothesis is put forward that the preference for this style can be an indicator of personal socio-psychological ill-being, personal trauma, accompanied by a split in personality.

Keywords: baroque art style, personal preferences, personal trauma, personality split.

Постановка проблемы

О влиянии художественных произведений на личность написано немало. Например, в одной из своих статей мы рассматривали вопрос о влиянии акварельной живописи на психику человека [3].

Известно также, что и сама личность склонна отдавать свое предпочтение не только тем или иным картинам, но и их авторам, художникам. Бывает и так, что личность отдает предпочтение и целому направлению в живописи, считает себя поклонником того или иного художественного стиля.

В связи с этим возникает вопрос: существуют ли психологические различия между людьми, предпочитающими разные художественные стили? И можно ли говорить о психологическом сходстве людей, отдающих свои предпочтения одному и тому же стилю. В особенности, если этот стиль распространяется не только на произведения живописи, но и на архитектуру, музыку, оформление интерьеров?

Наша гипотеза состоит в том, что характерные черты того или иного стиля, возможное его смысловое значение, привлекают людей, характеризующихся похожими личностными смыслами.

Так, в частности, исходя из того, что смысловое значение названия стиля барокко (*итал. barocco — «причудливый», «странный», «склонный к излишествам», порт. perola barrosa — дословно «жемчужина с пороком»*) соотносится с пороком, мы выдвигаем гипотезу о том, что предпочтение этого стиля может быть индикатором личностного социально-психологического неблагополучия, личностной травмы, сопровождаемой расколом личности.

Для проверки этой гипотезы рассмотрим характеристики стиля барокко подробнее.

Барокко как художественный стиль

Считается, что барокко — это один из значимых стилей в культурной жизни Европы [11]. Наибольшей популярности этот стиль достиг в таких странах, как Германия, Испания, Россия, (Петровское и Елизаветинское барокко), Франция, но родиной барокко считается Италия. Считается также, что барокко — это важный этап в истории искусства.

Эпоха барокко охватывает около двух столетий — с конца 16 до середины 18 века, но и в нашей современной жизни этот стиль присутствует повсюду.

Обратим внимание на основные характеристики этого стиля [2]:

- насыщенность,
- торжественность,
- парадность,
- пышность,
- динамичность,
- контрасты,
- совмещение реальности и фантазии.

Из перечисленных характеристик видно, что основная идея, лежащая в основе барокко, заключается в стимулировании эмоций и чувств. А эмоции и чувства —

это первое, что страдает в ситуациях социально-психологического неблагополучия человека. Именно негативные эмоции и чувства в первую очередь реагируют на психическую травму: острые переживания, перепады настроения, астении (или напротив, бурная активность, граничащая с агрессивными выпадами).

Конечно, можно предположить и обратное: стиль барокко стимулирует позитивные эмоции и чувства, взывает к возвышенному, будит неутомимую энергию и т. п.

Но в этом случае человек, переживающий такие сильные эмоции, неизбежно отрывается от реальности, что само по себе также можно рассматривать как признак личностного неблагополучия. В таких ситуациях идентификацию себя с характеристиками барокко можно квалифицировать как неконструктивную копинг-стратегию, уводящую личность в нереальный мир, в мир, в котором его проблемы и травмы не существуют.

Попытаемся найти подтверждения этим предположениям, проанализировав историю возникновения стиля и его характерные черты в отдельных видах искусств.

История возникновения и развития стиля

Европейское барокко как стиль развивалось под влиянием идеологии **контрреформации**. «Стиль барокко был создан с чёткой целью, а именно — помочь католической церкви вернуть адептов Реформации.

Поскольку учения большинства протестантов-реформаторов были направлены на минималистский и чистый архитектурный стиль, архитектура в стиле барокко делала как раз обратное.

Барокко — богатый, плавный, **впечатляющий и драматичный** стиль, визуально противостоящий реформатским церквям, выводя архитектуру на новый уровень, как визуально, так и технически, чтобы познакомить зрителя с фантастическим царством, которое напоминает о Небесах» [2].

То есть, мы видим, что в самой истории возникновения стиля уже присутствует **раскол**.

Обращение к внешним «силам» характерно и для человека, переживающего психическую травму, ощущаемую как потерю идентичности, как раскол личности, как угрозу потребности в безопасности.

Разрушенное чувство безопасности и неуязвимости влечет за собой последствия, которые обозначаются как один из достаточно распространенных паттернов последствий травмы.

В своей книге «Травма и аффекты» Г. Кристал так описывает этот паттерн: «Безопасность индивида зависит от веры в собственные силы, которая возрастает вследствие различных «внешних» ресурсов безопасности, исходят ли они от семьи индивида, от сообщества или от высших сил. Такая вера включает в себя набор иллюзий, которые способствуют отрицанию смерти и разнообразных опасностей, и отрицанию текущего отсутствия безопасности, с которым мы живем. Однако предположение безопасности является основой всех наших поведенческих паттернов, включая некоторые из наиболее важных личностных черт. Такое (иллюзорное) чувство безопасности — основа нормального функционирования. При осознании крушения чувства безопасности некоторые люди не могут вернуться к своему прежнему типу личности, а приобретают вместо этого покорный, рабский тип личности, и их способность к ассертивному поведению становится в той или иной степени нарушенной» [5].

Барокко в архитектуре

Впервые термин «барокко» был применен в области характеристики архитектурных сооружений [9].

Богатый, плавный, впечатляющий и драматичный стиль, визуально противостоящий реформатским церквям, действительно выводит архитектуру на новый уровень, как визуально, так и технически.

Отличительные черты архитектурного барокко:

- пространственный размах,
- сложные, криволинейные формы,
- множественные скульптуры на фасадах,
- различные колоннады и масса раскреповок,
- пышность и величественный вид.

Примеры архитектурного барокко: Грандиозная площадь перед главным собором христианского мира — базиликой Святого Петра в Риме; Сант-Иво-алла-Сапиенца; Купол, церковь Сан Лоренцо, Турин, Гварино Гварини; галерея в стиле барокко, дворец Шёнбрунн в Вене; Серебряный алтарь в стиле барокко, Брно, Архитектурный ансамбль «Цвингер» в Дрездене, Зимний Дворец в Петербурге — Петровское и Елизаветинское барокко.

Архитектурный ансамбль «Цвингер» в Дрездене

Барокко в интерьере

Основные характеристики интерьерного барокко должны подчеркивать стиль и хороший вкус владельца дома:

- плавные линии фактур,
- изобилие дорогих материалов и декора,
- большое пространство,
- цветовая палитра,
- фрески, декорации,
- дорогая мебель, освещенность,
- фактурная штукатурка стен.

И вновь в этих характеристиках мы видим пышность, роскошь, насыщенность. — все то, что стимулирует смешение фантазии с реальностью.

Барокко в живописи

Отмечается, что основные характеристики барокко в живописи — это эмоции и страсть, а не мечтательная созерцательность, которая ценилась в эпоху Высокого Возрождения [1].

К числу ярких представителей барокко в живописи относят Рубенса, Караваджо, Ван Дейка, Рембрандта, Веласкеса.

И вновь к числу основных характеристик их картин относят все то, что будит сильные эмоции человека:

Петровское барокко

- динамизм,
- напряженность композиций,
- незаурядность,
- сложность сюжетов,
- яркая цветовая палитра,
- напряженный драматизм задумки.

Барокко в литературе

Примечательно уже то, что в литературе термин барокко стал использоваться в 1878 году Фридрихом Ницше.

Основные характеристики [10]:

- восприятие реального мира как иллюзии и сна,
- сочетание реалистических описаний с их аллегорическим изображением,
- широкое использование символов, метафор, театральных приёмов, графических изображений (строки стихов образуют рисунок),
- насыщенность риторическими фигурами, антитезами, параллелизмами, градациями, оксюморонами.

«В литературе барокко оптимизм людей эпохи Возрождения сменяется пессимизмом, и характерным становится обостренное ощущение трагичности и противоречивости мира.

Представители барокко начинают охотно обращаться к теме непостоянства счастья, шаткости жизненных ценностей, всесиятия рока и случая. Понятие диссонанса стало основополагающим в литературе барокко.

Восторженное преклонение перед человеком и его возможностями, свойственное эпохе Ренессанса, сменяется изображением испорченности человека, двойственности его природы, непоследовательности его поступков» [8].

Музыка барокко

Рассуждая об эпохе барокко, невозможно обойти стороной музыку, так как она в этот период также претерпевала значительные изменения. Композиторы объединяли масштабные музыкальные формы, одновременно пытаясь противопоставлять хоровое и сольное пение, голоса и инструменты. Возникают различные инструментальные жанры.

Наиболее видными представителями музыки барокко являются Бах, Гендель, Вивальди.

Характерные черты музыки барокко [7]:

- стремление раскрыть сложность душевных переживаний человека,
- новые жанры, способные более полно передавать мысли и чувства человека,
- зародилась *опера* — жанр, который сочетает в себе музыку, поэзию, драматургию и театральную живопись,
- многочастные произведения, в которых части чередовались по принципу контраста темпов и размеров.

Барокко как образ мышления и существования человека

Завершая рассмотрение характерных особенностей присутствия стиля барокко в разных областях искусства, вернемся к нашей первоначальной гипотезе.

Мы видим, что все приведенные характеристики обозначают разные аспекты проявления главного смыслового наполнения этого стиля — апелляции к противоречивым человеческим эмоциям и чувствам, уход от реальности, драматизм.

В связи с этим появляются даже термины «барочное мышление» и «барочный менталитет».

«Барочный менталитет — это особое мироощущение, которое можно лаконично описать фразой «пир во время чумы. Люди подобного склада мысли культивировали сладкие муки во имя видимости. Например, отчаянные модницы скрывали свои талии так, что потом не могли родить детей или же рожали мертвых младенцев. Прически эпохи Барокко тоже лишь рассыпали пыль в глаза, были преувеличенно и неправдоподобно красивыми, однако за кулисами этой яркой сцены модницы не мыли свои волосы месяцами, а то и годами. В целом, такая Прекрасная дама жила ради того, чтобы показать себя, устроить пиршество глазам во время чумы всего остального. Человек с барочным менталитетом жил одним днем: тратил целые состояния на роскошные одежды и помпезные приемы, а сам экономил на еде. Кроме того, на лице было принято изображать какую-то инфер-

нальную мрачность (напудренные лица, красные помады, темно подведенные глаза), что вкупе с одеждой такого же вида рождало мистический, оторванный от реальности образ, больше напоминающий демона. Возможно, такое неестественное желание оторваться от земли было продиктовано не метафорической, а вполне реальной чумой, которая царствовала в те времена в Европе» [6].

Но и сегодня, где бы мы ни находились, ежедневно нас окружает барокко. «Стоит лишь присмотреться, оно тут как тут — в изогнутых линиях венского стула, в пестром узоре китайской вазы, в любых неровностях и шероховатостях» [4].

Таким образом, после рассмотрения основных характеристик стиля барокко, мы приходим к выводу о том, что наша гипотеза подтверждается, стили барокко действительно привлекает людей особого склада.

Вполне вероятно, что это люди, пережившие непростые моменты в своей жизни, люди, у которых в качестве копинг-стратегии совладания со сложными жизненными ситуациями формируется, так называемое, «барочное мышление».

В частности, можно предположить, что в этом случае целесообразно рассматривать такие копинг-стратегии, которые относятся, по классификации Р. Лазаруса и С. Фолкмана к третьей группе — это стратегии дистанцирования, избегания, то есть, ухода от проблемы, в том числе, в мир иллюзий [12].

Под «барочным мышлением» мы предлагаем понимать такую особенность человека, такое смысловое содержание его мыслей, которое характеризуется напряженным драматизмом, сопровождается яркими и острыми эмоциональными переживаниями, отражает сущностные противоречия, возможный раскол личности, противоречивый характер человека, осознание им неопределенности своего места в мире. И при этом для того, чтобы снизить этот драматизм, уйти от проблемы, перевести острые эмоциональные переживания в другое русло, человек, характеризующийся «барочным мышлением», перемещается в мир иллюзий, где его окружает помпезность, напыщенность, величественность, парадность, восприятие реального мира как иллюзии и сна, сочетание реалистических описаний с их аллегорическим изображением.

ЛИТЕРАТУРА

1. 244 картины стиля барокко в живописи... [Электронный ресурс]. — URL: <https://art-dot.ru/barokko/> (дата обращения: 10.05.2023).

2. 9 главных особенностей стиля барокко... [Электронный ресурс]. — URL: <https://kulturologia.ru/blogs/230921/51046/> (дата обращения: 10.05.2023).

3. Бардиер Г. Л. Влияние акварельной живописи на психику человека. / Сборник материалов XXIV межвузовской научной конференции «Modernity: человек и культура», 23–25 декабря 2021 года / Отв. ред. В. А. Егоров. — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2022. — С. 86–94.

4. Как появился стиль барокко и почему с ним надо быть осторожным — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.7ya.ru/article/Kak-poyavilsya-stil-barokko-i-pochemu-s-nim-nado-byt-ostorozhnym/> (дата обращения: 10.05.2023).

5. Кристал Г. Травма и аффекты // Журнал практической психологии и психоанализа. — № 3, сентябрь. — 2002. [Электронный ресурс]. — URL: <https://psychoanalysiskharkov.com/травма-и-аффекты-г-кристал/> (дата обращения: 05.07.2023).
6. Культура эпохи барокко: барочный менталитет и барочное мышление — [Электронный ресурс]. — URL: <https://literaguru.ru/kultura-epohi-barokko-barochnyj-mentalitet-i-barochnoe-myshlenie/> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Музыка эпохи барокко. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.musicnotes.info/muzyka-epokhi-barokko> (дата обращения: 10.05.2023)
8. Осмоловский М. В., Осмоловская И. Ю. [Электронный ресурс]. — URL: https://mosliter.ru/zarlit/17vek/literatura_barokko/ (дата обращения: 10.05.2023).
9. Стиль Барокко в интерьере. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sanmarco-vernici.ru/blog/stil-barokko-v-interere/> (дата обращения: 10.05.2023).
10. Художественный стиль барокко. [Электронный ресурс]. — URL: <https://studopedia.org/13-46286.html> (дата обращения 10.05.2023).
11. Эпоха барокко. Краткая характеристика. [Электронный ресурс]. — URL: <https://fb.ru/article/66867/epoha-barokko-kratkaya-harakteristika> (дата обращения: 10.05.2003).
12. Folkman S., Lazarus R., Gruen R., DeLongis A. Appraisal, Coping, Health Status, and Psychological Symptoms // Journal of Personality and Social Psychology. — 1986. — V. 50. — No. 3. — Pp. 571–579.

УДК 159.9

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
galinabardier@yandex.ru;
Жогин Антон Алексеевич,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
bigbon24@mail.ru

ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ПО РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ

Статья посвящена обсуждению понятий, без которых однозначно понимаемое определение факторов успешности профессиональной деятельности менеджера по работе с персоналом на концептуальном уровне затруднено. К числу таких понятий относятся: успешность, профессиональная деятельность, успешность профессиональной деятельности, профессиональная деятельность менеджера, работа с персоналом, менеджер по работе с персоналом (HR-менеджер). На основе собственных определений этих понятий авторы предлагают концептуальную модель факторов успешности профессиональной деятельности менеджера по работе с персоналом.

Ключевые слова: успешность, профессиональная деятельность, успешность профессиональной деятельности, профессиональная деятельность менеджера, работа с персоналом, менеджер по работе с персоналом (HR-менеджер), концептуальная модель.

Bardier G. L., Zhogin A. A.

FACTORS OF SUCCESS IN PROFESSIONAL ACTIVITIES HR-MANAGER

The article is devoted to the discussion of concepts, without which it is difficult to unambiguously understand the factors of success in the professional activity of an HR manager at the conceptual level. Such concepts include: success, professional activity, success of professional activity, professional activity of a manager, work with personnel,

personnel manager (HR-manager). Based on their own definitions of these concepts, the authors propose a conceptual model of the factors of success in the professional activity of an HR manager.

Keywords: success, professional activity, success of professional activity, manager's professional activity, work with personnel, personnel manager (HR-manager), conceptual model.

Постановка проблемы

Высококонкурентная среда привела российские компании к осознанию ценности человеческого капитала как важнейшей составляющей своего потенциала. Человеческий капитал наряду с публицитным и репутационным капиталом в целом объединяются в понятии социальный капитал организации [2, 3, 7]. Цель достижения высокого уровня накопления социального капитала заботит сегодня каждую организацию. Для решения задач, связанных с этой целью, формируются новые функциональные обязанности менеджерского состава организаций. Так, задача повышения публицитного капитала организации ставится перед ПР-менеджерами. Менеджеры по рекламе и маркетингу озабочены повышением репутационного капитала. А функция повышения человеческого капитала традиционно атрибутируется менеджеру по работе с персоналом (HR-менеджеру).

Вместе с тем, изучение формирования профессиональных компетенций, обеспечивающих успешное выполнение возложенных функциональных обязанностей, в том числе и менеджерских, приобретает все большую актуальность. Профессиональная успешность современного менеджера опирается на сложную многофакторную структуру. А концептуальное обеспечение этой структуры является залогом результативности и практической востребованности эмпирических исследований в этой области.

На эмпирическом уровне важно не только обозначить функции и зоны профессиональной ответственности работающих в организации менеджеров, но и определить на этой основе критерии успешности выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

Например, кто из менеджеров несет ответственность за состояние внутрикорпоративных коммуникаций в организации? Кто и как заинтересован в том, чтобы эти коммуникации успешно развивались? Как минимум, три менеджера организации реально в этом заинтересованы.

Топ-менеджер, как руководитель важного, на его взгляд, проекта, заинтересован в том, чтобы исполнители его проекта были не просто рабочей группой, а командой. Соответственно, он является *заказчиком психологического тренинга* командообразования (teambuilding) [9]. Сам выступить в роли тренера он по своим профессиональным компетенциям не может, на факультетах менеджмента этому не обучают.

ПР-менеджер тоже заинтересован в эффективных внутрикорпоративных коммуникациях, построение внутрикорпоративных коммуникаций — это одна из общепризнанных задач внутреннего ПР. Понимая, что внутрикорпоративные

коммуникации включают в себя и деловые, и межличностные отношения, PR-менеджер ставит перед собой и задачу формирования в организации соответствующей корпоративной культуры. Для этого ему необходимо изучить не только сложившиеся между сотрудниками организации отношения, но и составить представление о социально-психологическом климате в организации, совместимости и сработываемости сотрудников, о групповой динамике в каждом из подразделений, ценностях, лояльности и мотивированности персонала и т. д. [6]. Он тоже является *заказчиком* подобной информации, поскольку его профессиональные компетенции организацию и проведение *психологических исследований* не включают.

А вот исполнителем и первого, и второго заказа может и должен стать менеджер, функции которого связаны с управлением персоналом. Это менеджер по работе с персоналом или менеджер, заботой которого являются человеческие ресурсы (HR-менеджер). Получается, что *первоочередным критерием эффективности его профессиональной деятельности является его собственный коммуникативный социальный капитал*, который он расходует, профессионально реагируя на запросы коллег, касающиеся персонала организации.

Рационализация социальных отношений на российских предприятиях и в организациях сопровождается одновременным развитием неформальных управленческих практик. И это тоже зона ответственности менеджера по персоналу.

HR-менеджер практически в любой организации имеет возможность профессионального роста. Для этого необходимо постоянно работать над повышением собственной психологической компетентности. Это позволяет оценить не только конфигурацию социальных сетей, в которые включен специалист, но и оценить их продуктивность. Однако многие HR-менеджеры коммерческих организаций не обладают необходимыми профессиональными компетенциями и ресурсами, в результате возникает противоречие между высокими требованиями, предъявляемыми к их профессионализму и недостаточным уровнем сформированности *профессионально-личностной компетентности*.

Для преодоления и профилактики этих противоречий полезно разработать концептуальную модель факторов успешности профессиональной деятельности менеджера по работе с персоналом (HR-менеджера).

Первым шагом в разработке такой модели должна стать работа с понятиями. Важно определить, какие факторы успешности вытекают из определений таких понятий как собственно успешность, профессиональная деятельность, успешность профессиональной деятельности, профессиональная деятельность менеджера, управление персоналом и работа с персоналом организации.

Второй шаг — это обозначение системы должностных обязанностей, профессиональных требований и функций менеджера по работе с персоналом.

Третий шаг — это сама модель, в которой в соответствии с первыми двумя шагами должны быть представлены:

— факторы-ресурсы (компетенции, личный социальный капитал, профессионально-значимые качества);

— и факторы-экспектации (ожидаемые результаты профессиональной деятельности специалиста, зафиксированные в его должностных обязанностях и функциях, а также результаты его профессионального сотрудничества с менеджерами иного профиля деятельности).

Определение основных понятий

Первое понятие, которое нам необходимо определить, это понятие успешности.

В житейском понимании успех и успешность ассоциируются с достижениями в конкретной деятельности, то есть, с ее высокими результатами. Поскольку HR-менеджер работает с персоналом, то есть, с людьми, то результаты его деятельности должны отражаться в их оценках, то есть, в **обратной связи от персонала**. А предметом этой обратной связи, соответственно, является содержание его профессиональной деятельности.

Определение профессиональной деятельности — это предмет междисциплинарных подходов, например, юридического, этического, управленческого. Нас в данном контексте интересует психологический подход, то есть, определение психологии профессиональной деятельности. И в этом случае мы соглашаемся с Е. Н. Логиновской, которая включает в это определение *условия и методики решения практических задач в своей сфере деятельности и становление самого человека как субъекта этой деятельности* [4]. Применительно к деятельности менеджера по работе с персоналом это, на наш взгляд, условия, позволяющие свободно общаться с персоналом (отдельное помещение, временные возможности, поддержка со стороны руководства), богатый методический инструментарий и профессионально-значимые качества, определяемые профессиограммой «человек-человек».

Особенности профессиональной деятельности менеджера достаточно образно и красочно определены в классическом учебнике по менеджменту М. Мескона с соавторами: «Отправляясь в путь, вы, конечно, захотите убедиться, что ваш автомобиль в полном порядке. Каждый автомобилист понимает, что, если в горах откажут тормоза, новые свечи не помогут. Он, вероятно, захочет проверить и другие аспекты предстоящего путешествия, например есть ли на пути следования бензозаправки и в каком состоянии дороги. Точно так и менеджер организации должен понимать и учитывать как критические факторы, или элементы компании, так и внешние силы, влияющие на нее. <...> Продолжим аналогию с автопутешествием. Любой опытный водитель понимает, что его автомобиль может стать источником угрозы. Вопросы безопасности волнуют его не меньше вопросов технической эффективности машины. Так и менеджер организации обязан учитывать ее влияние на общество» [5, с. 5].

То есть, авторы имеют в виду, что профессия менеджера особая — менеджер не нужен, если «все идет по плану». Он включается только тогда, когда обнаруживается какая-то проблема, неясность, противоречие, то есть, когда «что-то пошло не так». И тут он, по М. Мескону с соавторами должен: выявить и определить «поломку», принять решение о том, как, кому и когда ее исправить, и про-

контролировать факт ликвидации поломки (то есть, факт правильности и факт исполнения принятого им решения). Это сложно, поскольку это заранее предусмотреть нельзя. В этом и заключается, по М. Мескону уникальная особенность работы менеджера.

Если применить точку зрения на работу менеджера, которую транслируют эти авторы, к работе менеджера по персоналу, то в качестве важного фактора успешности его профессиональной деятельности правильно будет назвать *особую наблюдательность*, включающую умение предвидеть «повороты» групповой динамики в подразделениях, предупреждать назревающие конфликты, предвидеть всякого рода проблемные ситуации, связанные с человеческим фактором. Еще одним фактором успешности, следуя за мыслью М. Мескона, надо назвать *особую асертивность* в ситуациях, которые требуют *принятия решений*. И, наконец, важным фактором успешности деятельности персонал-менеджера оказывается его *особую манеру контролировать действия людей* таким образом, чтобы это не травмировало их.

Работа с персоналом требует действительно каких-то особых способностей и человеческих качеств, которые значительно расширяют представления о компетенциях, формируемых по единым стандартам в вузе, и которые по своей сути и составляют личный социальный капитал специалиста, работающего с людьми.

Должностные обязанности, профессиональные требования и функции менеджера по работе с персоналом

В одной из первых, вышедших в России книг по персонал-технологиям, ее автор В. К. Тарасов обозначил три основных обязанности и функции менеджера по персоналу: *отбор, аттестация, обучение персонала* [8].

Эти функции достаточно объемны, но вполне понятны, поскольку очевидны критерии успешности выполнения менеджером этих функций. Так, рекомендованные им кандидатуры справляются с работой, аттестованные сотрудники занимают наиболее подходящие управленческие позиции и должности, а те, кто прошел у него обучение (например, тренинг), пополнили свои профессиональные ресурсы, о чем красноречиво сообщают в рамках организации обратной связи.

Должностные обязанности, профессиональные требования и функции менеджера по работе с персоналом, обозначенные в различного рода инструктивных документах, стандартах, реестрах и прочих источниках выглядят более расплывчато. Некоторые из формулировок очень похожи на функциональные обязанности менеджеров иного профиля. Формулировки некоторых функций или профессиональных обязанностей не позволяют предположить, что, к примеру может выступать в качестве критерия или фактора успешности выполнения этих функций.

Приведем пример. Одновременно на нескольких сайтах в Интернете мы обнаружили один и тот же список, состоящий из пяти главных должностных обязанностей менеджера по персоналу:

- Формирование кадровой политики компании;
- Подбор персонала в соответствии с кадровой политикой;

- Разработка и применение на практике системы обучения персонала (тренинги, семинары);
- Адаптация новых сотрудников;
- Разработка системы мотивации сотрудников.

Проанализируем этот список с точки зрения критериев и факторов успешности. Функция формирования политики компании (в том числе, и кадровой) обычно атрибутируется руководству. Вряд ли формирование политики доверят рядовому менеджеру. К участию в формировании кадровой политики могут привлечь. Но успешность привлеченного специалиста оценить трудно, а говорить о факторах его успешности в этом случае не приходится вовсе.

Вторая обязанность тем более не понятна. Обычно персонал подбирают на должность. А кадровая политика — это рамки, определяющие кого брать, а кого нет. Например, родственников партнеров по бизнесу — брать, а гастарбайтеров из южных республик — не брать. О каком подборе в этом случае может идти речь?

Разработка универсальной системы обучения персонала вряд ли будет эффективной, если не адаптировать ее к каждой конкретной тренинговой или семинарской группе.

Как можно адаптировать новых сотрудников (четвертая функция) совсем не понятно, поскольку адаптируются они сами, а менеджер по персоналу только может им в этом помочь...

Про разработку системы мотивации сотрудников тоже не понятно. Они все должны быть по этой системе одинаково мотивированы? Это, если систему применить на практике, что, как мы видим, в обязанности не включено.

На некоторых сайтах есть еще такое добавление — иногда функции менеджера по персоналу могут включать:

- Составление и оформление трудовых договоров;
- Ведение кадровой документации.

То есть, в данном случае менеджера по персоналу просто приравняли к работнику отдела кадров. И надо заметить, что такое на практике довольно часто случается.

Мы попробовали, напротив, функционально приравнять менеджера по персоналу внешнему (приглашенному) оргконсультанту. Практика показывает, что по-разному сформулированные запросы на психологическое и орг-консультирование можно объединить в три группы: *оценка возможностей, рефрейминг и интервенция*.

Оценка возможностей — это по сути дела диагностика. Как функцию персонал-менеджера ее можно обозначить как своеобразный психологический аудит (термин наш) [1], в состав которого может входить и отбор, и аттестация, и проведение различного рода практически-ориентированных исследований.

Рефрейминг — это принятие и осуществление решения о внесении каких-либо изменений в жизнь коллектива, группы, диады сотрудников. Например, с помощью специально для этого случая разработанной программы тренинга. Или с помощью психологического консультирования сотрудников.

Интервенция — это уже по своей сути психологическое вмешательство в личностное пространство для стимулирования позитивных изменений.

Принятие такой функции требует от менеджера по персоналу дополнительных компетенций, поэтому применительно к личности эту функцию правильно будет считать исключительной.

А вот применительно к пространству групповой деятельности эту функцию применить вполне логично. Например, интервенция с целью формирования иной образовательной среды в частной школе. Или интервенция с целью внедрения той или иной инновации в коммерческой организации.

Концептуальная модель факторов успешной профессиональной деятельности менеджера по работе с персоналом

Как было отмечено выше, концептуальная модель включает два взаимосвязанных контура: факторы-ресурсы и факторы-экспектации. Факторы-ресурсы подразделяются на внешние и внутренние. Факторы-экспектации подразумевают групповую и личностно-ориентированную работу специалиста. Для содержательного наполнения этих двух контуров мы обобщили все локальные вышеописанные факторы и для удобства свели их в таблицу (Табл. 1).

Табл. 1. Концептуальная модель факторов успешности профессиональной деятельности менеджера по работе с персоналом

Факторы-ресурсы	Факторы-экспектации
Внешние: обратная связь от персонала, заказа на психологическую работу со стороны профильных менеджеров; условия для решения практических задач...	Групповые: учет критических факторов и внешних сил, влияющих на компанию, учет влияния организации на общество; оценка возможностей (психологический аудит), рефрейминг, интервенция (изменение среды); психологический тренинг...
Внутренние: коммуникативный социальный капитал; профессионально-личностная компетентность; методики решения практических задач; особая наблюдательность, ассертивность в принятии решений, манера контролировать действия людей...	Личностно-ориентированные: отбор, аттестация, обучение персонала; оценка возможностей (психологический аудит); психодиагностика, психологическое консультирование...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардиер Г. Л. Когнитивный социальный капитал как цель психологического аудита и интервенции организационного развития // Психология труда и управления как ресурс развития человека в условиях глобальных изменений. —

Издательство Тверского государственного университета. — Тверь. — 26–29 сентября 2018. — С. 205–207.

2. Бардиер Г. Л. Операционализация смысловых связей между понятиями «социальная ответственность», «социальный капитал», «социальное служение» // АСТА ERUDITORUM, 2018. — Вып. 25. — С. 69–72.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 122–139.

4. Логиновская Е. Н. Психология профессиональной деятельности. [Электронный ресурс]. — URL: https://spravochnick.ru/psihologiya/metodicheskie_voprosy_prepodavaniya_psihologii/psihologiya_professionalnoy_deyatelnosti/ (дата обращения: 16.07.2023).

5. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. — М.: Дело, 1994. — 702 с.

6. Несмеева А. Ценности внутреннего ПР. [Электронный ресурс]. — URL: <https://psycho.ru/library/1028> (дата обращения 16.07.2023).

7. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология. — 2018. — № 2. — С. 47–71.

8. Тарасов В. К. Персонал-технология: Отбор и подготовка менеджеров. — Л., Машиностроение, 1989. — 368 с.

9. Тренинг командообразования и групповой работы: учебник для бакалавриата / Е. В. Камнева, Ж. В. Коробанова, Д. З. Музашвили [и др.]; под редакцией Е. В. Камневой. — М.: Прометей, 2021. — 216 с.

УДК: 159.9

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор кафедры культурологи
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
galinabardier@yandex.ru
Сугоняко Дмитрий Юрьевич,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
dima-sug@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЛАГОПОЛУЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается понятие «психологически благополучная личность» в рамках научно-концептуального, научно-исследовательского и житейского подходов, представленных в научных изданиях и житейских Интернет-коммуникациях. Собранный материал квалифицируется как социальные представления о психологически благополучной личности. По результатам проведенного анализа формируется обобщенная модель психологически благополучной личности, включающая обозначения уровней рассмотрения понятия, его сущностных признаков, видов, компонентов, форм проявления, личностных и групповых предикторов, контекстов рассмотрения, факторов формирования.

Ключевые слова: социальные представления, психологическое благополучие, личность, психологическое благополучие личности.

Bardier G. L., Sugonyako D. Y.
SOCIAL REPRESENTATIONS
ABOUT A PSYCHOLOGICALLY PROSPEROUS PERSON

The article discusses the concept of «psychologically well-off personality» within the framework of the scientific-conceptual, scientific-research and everyday approaches presented in scientific publications and everyday Internet communications. The collected material is qualified as social representations of a psychologically prosperous person. Based on the results of the analysis, a generalized model of a psychologically prosperous person is formed, including designations of the levels of consideration of the concept,

its essential features, types, components, forms of manifestation, personality and group predictors, contexts of consideration, factors of formation.

Keywords: social representations, psychological well-being, personality, psychological well-being of a person.

Основные подходы к изучению социальных представлений

В специальной психологической литературе, равно как и в житейских диалогах, нередко встречается понятие «социальные представления».

В научной литературе это понятие связывается с именем французского социолога Сержа Московичи, который определял это понятие так: «Под социальным представлением мы подразумеваем набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций. В нашем обществе они являются эквивалентом мифов и систем верований традиционных обществ; их даже можно назвать современной версией здравого смысла. Наш подход фокусируется на том, как люди мыслят и создают свою разделяемую реальность, а также на содержании их мышления» [14, с. 181].

Следуя за мыслью Московичи, Д. Жоделе предлагает понимать под социальными представлениями «форму социального мышления, чей генезис, свойства и функции должны быть приближены к процессам, которые влияют на социальную жизнь и социальную коммуникацию, к механизмам, сопутствующим определению идентичности и специфики социальных объектов (индивидов или групп), а также к энергии, которая питает отношения, поддерживаемые субъектами между собой» [12, с. 359].

И. Б. Бовина в статье о теории социальных представлений, ссылаясь на Д. Жоделе, добавляет: «Представления нужно изучать так, чтобы объединить аффективные, ментальные и социальные элементы, интегрировать познание, язык и коммуникацию, а также принять во внимание не только социальные отношения, но и материальную, социальную и воображаемую реальность, которые оказывают влияние на представления» [2, с. 14].

То есть, мы видим, что социальные представления — это и научное понятие, и целая система убеждений и объяснений, бытующих в нашей каждодневной жизни.

Эта мысль подтверждается и наиболее часто цитируемым определением данного понятия, которое принадлежит Д. Жоделе: «Категория *социальное представление* обозначает специфическую форму познания, а именно, знания «здрoвого смысла», содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления — это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения... они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействиях с миром и людьми» [13 с. 362; 4, с. 33–34].

Следовательно, социальные представления можно изучать и как научное понятие, и как «здоровый смысл», то есть, как обыденное практическое мышление.

Собственно, Д. Жоделе и включает оба эти подхода в свой перечень предполагаемых направлений в современных исследованиях социальных представлений. Этот перечень состоит из шести направлений [цит. по: 7, с. 130]:

1. когнитивная деятельность субъекта по построению представления,
2. процесс образования смысла, который вкладывается субъектом в представление, и заимствуется им из культуры,
3. представление как форма дискурса, элемент коммуникации, общения,
4. влиянием практического опыта субъекта на формирование представления: его социального положения, институциональных норм,
5. взаимовлияние социальных представлений и межгрупповых отношений, динамика изменения представлений в межгрупповых отношениях,
6. социальное представление как продукт господствующей идеологии.

Если попытаться укрупнить эти направления, то с некоторой долей условности можно обозначить три принципиально разнофокусных подхода:

- теоретико-концептуальный (3-е и 6-е направления),
- эмпирический (1-е и 5-е направления),
- научно-практический (2-е и 4-е направления).

Имеется в виду, что в рамках теоретико-концептуального направления необходимо провести сравнительный анализ представленных в литературе дефиниций, концепций и моделей изучаемого понятия.

Эмпирический подход может быть фокусно ориентирован на выявление структурных компонентов, форм проявления, личностных и групповых предикторов генезиса и динамики социальных представлений. В качестве методов исследования в рамках этого подхода могут быть использованы различного рода опросы, психологическое тестирование, включающее как вербальные тесты, так и проективные методики.

Наконец, научно-практический подход, материалом для которого должны служить наши каждодневные житейские коммуникации, может быть направлен на обозначение контекстов и факторов формирования социальных представлений, в частности, влияния культуры общества, социального статуса и индивидуального опыта носителей тех или иных социальных представлений. В качестве методов исследования в рамках этого направления наиболее адекватными нам представляются нестандартизированные и экспертные интервью, контент-анализ и целевой анализ содержания свободных Интернет-коммуникаций.

Попытаемся применить эти три подхода к изучению социальных представлений на примере изучения социальных представлений о психически благополучной личности.

Обозначим цели, задачи, предмет и объект такого исследования в виде таблицы (Табл. 1).

Табл. 1. Цели, задачи, предмет и объект исследования социальных представлений о психически благополучной личности.

Подходы (направления исследований)	Цель	Задачи	Предмет	Объект
Теоретико-концептуальный	Дефиниции, концепции, модели	Сравнительный анализ референтных публикаций	Благополучие, психическое благополучие, психически благополучная личность	-
Эмпирический	Результаты эмпирических исследований	Сравнительный анализ референтных публикаций, проведение собственных исследований	Структурные компоненты, формы проявления, личностные и групповые предикторы генезиса и динамики социальных представлений о психически благополучной личности	- Случайные испытуемые
Научно-практический	Интернет-коммуникации, тексты интервью	Контент-анализ, Целевой анализ содержания	Контексты и факторы формирования социальных представлений о психически благополучной личности (культурные, социальные, индивидуально-типические и индивидуальные)	- Случайные испытуемые, эксперты

Теоретико-концептуальный подход

Проанализируем в рамках этого подхода ряд определений, связанных с понятием «психологически благополучная личность».

Начнем со значения слов «психологическое благополучие». Отметим, что термин «благополучие» в словарном варианте синонимизируется с понятиями блага, счастья, спокойного течения жизни, не нарушаемого несчастьями, неудачами [5].

Психологическое благополучие в научной литературе обычно трактуется как субъективное благополучие, которое связывают со здоровьем, эмоциональным состоянием, удовлетворением материальных, духовных, социальных потребностей человека.

Вместе с тем, как отмечает в своей статье, посвященной теоретическому анализу понятия «психологическое благополучие» М. Р. Асадуллин, «несмотря на кажущееся относительное понимание того, что входит в содержание понятия «психологическое благополучие», среди зарубежных и отечественных представителей научной психологической мысли отсутствует» [1, с. 229].

К такому же выводу приходит в своей статье, посвященной обзору современных источников о психологическом и субъективном благополучии Д. Г. Орлова: «Несмотря на то, что понятие «психологическое благополучие» и его возможные вариации изучается уже более 50 лет, единого понимания данного феномена на сегодняшний день не существует. Необходима систематизация массива накопленных данных и разработка некоего обобщающего подхода» [6, с. 33].

М. В. Соколова [9] выделяет три категории субъективного благополучия:

1) Внешние критерии, по которым определяется психологическое благополучие как добродетельная, «правильная жизнь», то есть соответствие системе ценностей, принятой в культуре;

2) Субъективное благополучие — гармоничное удовлетворение желаний и стратегий человека;

3) Субъективное благополучие как превосходство положительных эмоций над отрицательными эмоциями.

С точки зрения критериев классификации, мы видим, что здесь проявляется явным образом традиционная социально-психологическая триада — аффективный (эмоции, переживания), когнитивный (знания, установки, ценности), конативный (мотивация, поведение, стратегии деятельности) варианты проявления изучаемого феномена.

Разделение психологического благополучия на аффективное и когнитивное присутствует и в литературе. Отмечается, что аффективное благополучие соотносится с частотой проявления и интенсивностью эмоций, с настроением; когнитивное благополучие — с глобальными оценками жизни, удовлетворением семейной жизнью, жизнью вообще. Отмечается также, что аффективное и когнитивное благополучие связаны между собой, но различны по параметру временной стабильности и имеют различные предикторы и последствия [11].

Н. Брэдберн [3] дифференцировал психологическое благополучие от ряда других понятий, таких как самоактуализация, самооценка, автономия, но в то же время обозначил, что эти понятия имеют области взаимного пересечения. Сконструированная им модель структуры психологического благополучия представляет собой некое равновесие между поочередным преобладанием двух видов аффекта — негативного и позитивного, утвердив такой баланс одним из основных показателей благополучия личности.

Если исходить из упомянутой выше социально-психологической триады, то можно продолжить мысль Брэдберна и предположить, что субъективное бла-

гополучие — это также равновесие между индивидуальными и культурно транслируемыми ценностями, между личными мотивами и социально-одобряемыми нормами поведения.

Такая трактовка субъективного (психологического) благополучия на концептуальном уровне подводит нас к постановке проблемы эмпирического исследования структурно-функциональных характеристик психологически благополучной и неблагополучной личности.

Эмпирический подход

Цель эмпирического исследования социальных представлений научного общества о структурно-функциональных характеристиках психологически благополучной и неблагополучной личности — это по своей сути цель составления примерного типологического портрета такой личности.

Оставив собственные эмпирические исследования за рамками данной статьи, остановимся на анализе референтных литературных источников с целью обобщения представленных в них структурных компонентов, форм проявления, личностных и групповых предикторов генезиса и динамики социальных представлений о психически благополучной личности. Такая постановка проблемы соответствует описанному нами ранее эмпирическому подходу к исследованию (см. Табл. 1).

Рассмотрим, какие компоненты личностного благополучия выделяют авторы.

К. Рифф выделила шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни и личностный рост [15].

Согласно концепции К. Рифф [15, с. 720], эти характеристики описываются так [цит. по: 8, с. 90]:

«1. Самопринятие — позитивное отношение к себе, признание и принятие внутренней неоднородности, множественных аспектов своего Я. Самопринятие означает, что человек осознает и принимает все свои сильные и слабые стороны.

2. Позитивные отношения с другими — способность культивировать и порождать тепло, доверие, близкие отношения с другими людьми. Она включает в себя заботу о благополучии других, способность к эмпатии и привязанности, готовность соперничать с людьми, сотрудничать с ними и находить с ними компромиссы.

3. Автономия — самодетерминация, независимость и контроль субъекта над событиями, которые с ним происходят. Это способность противостоять социальному давлению, оценивать поведение свое и других людей на основе не внешних, а собственных стандартов и ценностей.

4. Контроль над окружением — способность справляться с повседневными обычными делами, успешно реализовывать сложный комплекс внешних форм активности, участвовать в трудовой и семейной жизни, эффективно использовать представляющиеся возможности окружающего мира.

5. Целенаправленность жизни — наличие направленности собственной жизни, жизненных целей. Повседневная жизнь людей, которым присуще это свойство, устремлена в определенном направлении.

6. Личностный рост — развитие, использование имеющихся навыков, талантов, возможностей для собственного развития и для реализации своего потенциала, открытость опыту и способность выявлять в окружающем мире вызовы, на которые нужно реагировать».

Укрупняя, можем обобщить эти характеристики так: окружающая среда, отношения, действия по достижению цели и личностному росту. Обозначим эту триаду характеристик аббревиатурой ООД (окружающая среда — отношения — действия).

Научно-практический подход

На сайте myselfcare.info мы обнаружили выдержки из отчета управления национальной статистики Великобритании (ONS UK, 2011), в котором рассматривалось то, что больше всего важно для отдельных людей. Обычные люди ответили на вопросы о том, что такое благополучие и какие вещи в жизни важны для них, следующим образом:

- хорошие связи с друзьями и семьей
- хорошие отношения с супругом или партнером
- удовлетворенность работой и экономическая безопасность
- настоящее и будущее состояние окружающей среды

В отчете отмечается, что это были наиболее распространенные ответы, выбранные из заранее определенного списка. Но также и поясняется, что некоторые аспекты ощущения благополучия субъективны, и «понимание того, что для вас значит благополучие, является важной частью того, что делает вас тем, что вы есть» [10]. И далее отмечается, что «существует определенная универсальность понятия «благополучие», куда бы вы ни пошли, независимо от культурного происхождения или личных обстоятельств человека, что позволяет установить общие представления о счастье и благополучии» [10].

Мы проанализировали множество высказываний наших соотечественников о том, как они понимают человеческое благополучие, и пришли к выводу, что этот концепт действительно универсален. В диалогах о благополучии, которые мы без труда обнаружили в социальных сетях, люди упоминают:

- физическое благополучие (здоровье, нормальные условия экологического характера, окружающей среды, ЗОЖ, то есть условия, которые позволяют человеку оптимально функционировать, свободно действовать, достигать поставленные цели и иметь возможность делать это успешно),
- психологическое благополучие (это, в основном, благоприятные отношения — в плане самооценки, в семье, к друзьям и людям в целом, в учебном заведении, на работе),
- благополучие социальное (ответственность за достойную жизнь, за свое будущее, за возможность выбора своего «социального лифта», за «толерантное сосуществование большинства с меньшинством», за мир во всем мире...).

Обобщая все эти высказывания, мы на научно-практическом уровне предлагаем использовать простую формулу: ООД — окружение, отношения, ответственность. А отдельно психологическое благополучие личности рассматривать

в парадигме психологии отношений В. Н. Мясичева: отношение к себе, к людям и к делу, которым занимаешься. Если все эти три вида отношений оптимальны, то, вероятно, можно считать личность психологически благополучной.

Эти предварительные выводы мы планируем далее подтвердить на уровне специально организованного эмпирического исследования, предполагающего, как было обозначено выше (см. Табл. 1), применение методов констент-анализа и целевого анализа содержания свободных Интернет-коммуникаций, а также метода нестандартизированного интервью с экспертами — врачами, экологами, педагогами, психологами, культурологами, экономистами, политиками.

Выводы

1. Социальные представления — это и научное понятие, и целая система убеждений и объяснений, бытующих в нашей повседневной жизни.

2. К изучению социальных представлений, в частности, социальных представлений о психологически благополучной личности, применимы три подхода: концептуально-теоретический, эмпирический и научно-практический.

3. С точки зрения критериев классификации научных теоретико-концептуальных представлений о психологически благополучной личности применима традиционная социально-психологическая триада — аффективный (эмоции, переживания), когнитивный (знания, установки, ценности), конативный (мотивация, поведение, стратегии деятельности) варианты проявления изучаемого феномена.

4. Субъективное благополучие как синоним психологического благополучия личности на эмпирическом уровне — это также равновесие между позитивными и негативными эмоциями, между индивидуальными и культурно транслируемыми ценностями, между личными мотивами и социально-одобряемыми нормами поведения.

5. Психологическое благополучие личности целесообразно в рамках научно-практического подхода рассматривать в парадигме психологии отношений В. Н. Мясичева: отношение к себе, к людям и к делу, которым занимаешься.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадуллин М. Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2022. — Т. 11. — № 6А. — С. 228–240.

2. Бовина И. Б. Теория социальных представлений / Социологический журнал. 2010. № 3, с. 5–20.

3. Брэдберн Н. Структура психологического благополучия. — Ярославль: Инфра, 2005. — 130 с.

4. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. — М.: МГУ, 1987. — 127 с.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд. — М., 1997. — 944 с.

6. Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определения, структура, исследования (обзор современных источников) / Вестник ПГГ-ПУ. — Серия № 1. — Психологические и педагогические науки. — 2015. — С. 28–36.
7. Рогова Е. Е. Теория «социальных представлений» в западно-европейской психологии / Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2014. — № VII. — Психологические науки. — С. 128–130.
8. Скорынин А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. — 2020. — № 2. — С. 87–93.
9. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. — Ярославль, 2006. — 42 с.
10. Что такое благополучие. [Электронный ресурс]. — URL: <https://myselfcare.info/ru/news-blog/blog/what-is-wellbeing/> (дата обращения: 08.07.2023).
11. Luhmann M., Hawkey L. C., Eid M., Cacioppo J. T. Time frames and the distinction between affective and cognitive well-being // Journal of Research in Personality. — 2012. — № 46. — Pp. 431–441.
12. Jodelet D. Représentation sociale: Phénomènes, concept et théorie // Psychologie sociale / Sous la dir. S. Moscovici. — Paris: Presses Universitaires de France, 1989. — Pp. 357–378.
13. Jodelet D. (1984). Représentations sociales: Phénomènes, concepts et théories. In S. Moscovici (Ed.), Psychologie sociale (pp. 357–378). Paris: PUF.
14. Moscovici S., (1981). On social representations. Perspectives on everyday understanding. In J. Forgas (Ed.), Social Cognition (pp. 181–209). — London, England: Academic Press.
15. Ryff C. D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. — 1995. — Vol. 69. — Pp. 719–727.

УДК 159.9

Ефремов Сергей Владимирович,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
efremovtheatre@gmail.com;

Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук, доцент
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена,
доцент Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
sa-kotova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ АКТЕРОВ

В статье рассматривается проблема профессиональной деформации у представителей разных профессий. Раскрывается дефиниция «синдрома эмоционального выгорания», факторы и механизмы его развития. Особое внимание уделено анализу профессиональной деятельности театральных актеров. Деятельность актеров рассматривается как эмоционально затратной и требует огромных усилий от артиста как в идентификации с личностью героя, так и в выходе из нее, развоплощении с нею. По мнению авторов, следствием данных нагрузок может выступать эмоциональное выгорание и другие формы профессиональной деформации, которые могут проявляться не менее ярко, чем у представителей социогномических профессий. В статье определены актуальные исследовательские задачи обозначенной проблематики.

Ключевые слова: профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, профессиональная деятельность театрального актера, психологическая защита.

Efremov S. V., Kotova S. A.

THE PROBLEM OF EMOTIONAL BURNOUT THEATER ACTORS

The article raises the problem of professional deformation among representatives of different professions. The definition of «burnout syndrome», factors and mechanisms of its development are revealed. Particular attention is paid to the analysis of the professional

activities of theater actors. The activity of the actors is emotionally rich and requires great efforts from the artist both in identifying with the personality of the hero, and in getting out of it, disembodiment with it. According to the authors, the consequence of these loads can be emotional burnout and other forms of professional deformation, which can manifest themselves no less clearly than in representatives of sociogenic professions. The article defines the actual research tasks of the identified problems.

Keywords: professional deformation, emotional burnout, professional activity of a theatrical actor, psychological protection.

XXI век вызвал необходимость нового понимания образа профессионала и требований к нему. Появились и новые характеристики его описания, такие как компетентность и компетенции, мягкие навыки, универсальные умения. Все более значимой становится проблема профессионального долголетия, умения самосовершенствоваться и непрерывно развиваться на протяжении жизни. Быстрые трансформации на рынке труда, в экономической и социальной жизни общества приводят к повышению напряженности в трудовых коллективах. Эмоциональное выгорание сотрудников отмечается руководителями в разных областях все чаще. В связи с этим в последние десятилетия активизировались исследования, связанные с профессиональной деформацией и эмоциональным выгоранием (К. Маслач, В. В. Бойко, Н. В. Водопьянова, Н. Л. Иванова, С. П. Безносов, Э. Э. Сыманюк, Е. В. Камнева, В. В. Константинов и другие).

Синдром «эмоционального выгорания», проявляющийся как состояние физического и психического истощения, вызванного интенсивными межличностными взаимодействиями зафиксирован в МКБ-10 под п. Z.73.0. До сих пор ученые не могут четко определиться в какой области лежит проблема эмоционального выгорания: в медицинской или психологической. Так, американский психиатр Х. Дж. Фрейденберг, первый введший термин «burnout» (выгорание) в научный оборот в 70-х годах прошлого века, под «эмоциональным сгоранием» понимал психологическое состояние здорового человека, который находится в тесном и интенсивном общении с пациентами или клиентами в эмоционально тяжелой нагруженной атмосфере в процессе оказания им профессиональной помощи» [3, с. 42]. К. Маслач [7] определяла этот синдром как дезадаптированность человека к рабочему месту из-за неадекватных межличностных отношений и чрезмерной рабочей нагрузки. Эмоционально напряженная работа связана с непомерной тратой психической энергии и приводит к срыву компенсаторных ресурсов организма человека и проявляется в разнообразных психосоматических нарушениях. В. В. Бойко [2] считал, что эмоциональное выгорание — это результат психологической защиты человека от неблагоприятных условий жизни и профессиональной деятельности, заключающийся в виде полного или частичного исключения эмоций.

Эмоциональное выгорание как особое состояние человека включает в себя:

- чувство эмоционального изнеможения и истощения;
- симптомы деперсонализации и дегуманизации;
- негативное восприятие самого себя;

— утрату человеком профессионального мастерства [7, с. 39].

При этом пол, стаж, возраст, семейное положение, образовательный уровень, социальное происхождение, стаж работы напрямую не определяют уровень эмоционального сгорания (П. Торнтон).

Часто выгорание связано с явлением деперсонализации и наблюдается у здоровых людей в случае эмоциональных перегрузок. Синдром «выгорания» выражается в депрессивном состоянии, недостатке энергии и энтузиазма, отрицательной установке в отношении работы и жизни, чувстве усталости и опустошенности, утрате способностей видеть положительные результаты своего труда. Ученые подчеркивают, что синдром отличается накопительным эффектом. Именно накапливание неотрагированных воздействий, нереализованных эмоций, неразрешенных задач различного характера в итоге приводит к возникновению «выгорания». Появляется устойчивое чувство беспомощности и неуверенности в своих возможностях, которое сочетается с чувством бесперспективности.

Наиболее часто синдром эмоционального выгорания проявляется у лиц, работающих в социальной сфере. Считается, что педагоги, медики, социальные работники и психологи подвержены в большей степени этому синдрому. И с этим трудно не согласиться, так как работники социогномических профессий, реализуются непосредственно в системе отношений «человек — человек» которая предполагает активный эмоциональный обмен [5].

Но и работники сферы культуры, работающие в системе «человек — художественный образ» испытывают громадные эмоциональные нагрузки. Эмоции играют огромную роль в создании любого художественного образа. О чем свидетельствуют многочисленные жизненные драмы представителей этих профессий. Работники культуры, артисты также реализуют себя в сфере отношений «человек — человек». Они играют активную роль в структурировании, программировании и координации поведения человека. Они оказывают значимое духовно-нравственное влияние не только на личность, но и на значительные группы людей, отражая социальные процессы и ценности общества.

Основой данной профессии является умение перевоплощаться в различные образы, чувствовать публику, уверенно играть на сцене. Профессия актера относится к классу «эвристических (творческих)» профессий и связана с творческой деятельностью, с созданием новых образов, с перевоплощением. Перевоплощение невозможно без перестройки личных мотивов, установок, отношений, эмоциональных состояний актера на соответствующие образования воплощаемой роли [8]. Ю. Г. Клименко [6] подчеркивает, что для воплощения художественного образа актеру часто необходима и более глубокая перестройка, заключающаяся в изменении его психофизических параметров, выход за рамки привычного бытового состояния. Подчеркнем, что эти перестройки происходят ежедневно, на каждом спектакле, изменяются по ходу сценического действия, как правило, отличного от привычных жизненных действий самого актера.

Профессия актера исходно подвергалась анализу с точки зрения театроведческого подхода и театральной педагогики. Первыми психологами, кто заинтере-

совались особенностями актерской профессии были Л. С. Выготский и Б. Г. Ананьев [1, 4]. Но существенные психологические исследования профессиональной деятельности актеров стали появляться лишь в последние десятилетия.

Взаимодействие со зрителем является основой интерактивной деятельности театрального актера. Признание и профессиональный успех актера полностью зависят от восприятия зрителем их игры и всего театрального действия в целом. Профессиональная задача актера предполагает существенное напряжение эмоционально-чувственной сферы, высокий уровень самоконтроля и самоотдачи. Актер должен уметь воплощаться и развоплощаться в самые разные, в том числе и контрастные образы (положительных и отрицательных героев), «проживать жизнью» других. Под влиянием таких факторов человек может быстро «перегореть», а впоследствии выпасть из профессии. Синдром эмоционального выгорания свойственен людям, которые постоянно сталкиваются с негативными переживаниями других людей и оказываются в большей или меньшей степени лично вовлеченными в них. Именно такой профессией и является профессия театрального актера.

Одной из форм профессиональной деформации актера является «идентификация с ролью», когда он начинает идентифицировать себя с ролью, которую играет. При этом актер может начать вести себя в жизни как персонаж, которого он играет на сцене или экране. Это может привести к тому, что актер начинает испытывать трудности в отделении своей профессиональной роли от своей личности. Специалисты отмечают, что постоянное проникновение в суть социальных проблем изображаемого героя, личная незащищенность и другие морально-психологические факторы оказывают негативное воздействие на здоровье артиста [6, 8, 13].

В организационном плане профессия артиста также является неустойчивой: они могут месяцами, годами не получать ангажемент или оставаться на мелких, «невыигрышных» ролях, что приводит к накоплению неудовлетворенности, обиды, ощущения ненужности, не востребованности в профессии и в жизни. Роттенберг рассматривает творческую стагнацию театрального актера как одну из основных причин профессионального кризиса [10].

А. Пайнс раскрыл связь между установкой на поддержку, неудовлетворенностью профессиональным ростом и развитием данного синдрома [2]. В исследовании Г. Н. Шестаковой [12], изучавшей профессиональные кризисы театральных актеров было обнаружено, что актерам с низкими показателями профессиональной востребованности свойственны неудовлетворенность степенью реализации профессионального потенциала, ожидание негативного отношения к себе, сниженная самооценка. Подобные переживания усиливают риск профессионального выгорания. Ею было выявлено, что «на фоне чувства опустошенности, профессионального негативизма возникает субъективная «профессиональная дискредитация». Это усугубляется тем, что актеры ориентируются на свою профессию как единственную подходящую. Появляется ощущение собственного бессилия, загнанности в клетку, потере чувства перспективы и профессионального роста, что усиливает профессиональный кризис и может

в конечном итоге спровоцировать появление профессиональных деструкций» [12, с. 23]. Предикторами профессионального выгорания актеров являются поглощенность деятельностью, профессиональные кризисы (кризис нереализованности, опустошенности, бесперспективности), уязвимость к стрессовым ситуациям в профессиональной деятельности.

Люди с синдромом эмоционального выгорания обычно имеют сочетание психопатологических, психосоматических, соматических симптомов и признаков социальной дисфункции [1, 3, 7]. Наблюдается хроническая усталость, когнитивная дисфункция (нарушения памяти и внимания), нарушения сна с трудностями засыпания и ранними пробуждениями, личностные изменения. Возможны и такие последствия как развитие тревожного, депрессивного расстройств, зависимостей от психоактивных веществ, суицид, частыми соматическими симптомами являются головная боль, гастроинтестинальные и кардиоваскулярные нарушения.

Признаки профессионального выгорания указывают на необходимость принятия мер ранней профилактики стресса и психического здоровья. Человек, как правило, плохо осознаёт его симптомы. Он не видит себя со стороны и не понимает что происходит. Поэтому он нуждается не в обвинении и конфронтации, а в поддержке.

К сожалению, исследований в области профессиональной деформации театральных актеров практически нет, не изучены и вопросы профилактики, снижения и компенсации профессиональной деформации. В связи с этим отмечается актуальность представленной проблемы, требующей дальнейшего изучения, а также поиска способов конструктивного преодоления синдрома эмоционального выгорания у театральных актеров. Перед исследователями можно поставить следующие задачи:

1. Изучить теоретические основания влияние условий профессиональной деятельности на личность театрального актера;
2. Изучить специфику жизнестойкости и профессионального долголетия личности театрального актера;
3. Определить диагностический комплекс по выявлению характеристик жизнестойкости и признаков эмоционального выгорания театрального актера;
4. Изучить особенности адаптации и психологических защит театрального актера;
5. Выявить изменение отдельных сторон личности под влиянием высокой психоэмоциональной нагрузки театрального актера;
6. Определить ресурсы повышения жизнестойкости и профессионального долголетия театральных актеров;
7. Разработать рекомендации по профилактике и преодолению последствий профессиональной деформации личностных характеристик театрального актера.

Исследования рисков профессиональной деятельности, характера влияния неблагоприятных последствий на жизнестойкость личности актера предоставит возможность не только разработать систему защитных мер для представителей

данной профессии, но и углубить представления о механизмах профессиональной деформации взрослых в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. Опыт психологической трактовки системы К. С. Станиславского. // Записки Ленинградского театрального института. — Л.: Искусство, 1941. — С. 22–40.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. — СПб.: Речь, 2003. — 87 с.
3. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 299 с.
4. Выготский Л. С. К вопросу о психологии творчества актера // Якобсон П. М. Психология сценических чувств актера. — М.: ГИЗ, 1936. — С. 197–211.
5. Климов Е. А. Психология профессионала. Избр. психол. тр. — Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996. — 400 с.
6. Клименко Ю. Г. Театр как практическая психология // Психология художественного творчества: хрестоматия [сост. К. В. Сельченко]. — Минск: Харвест, 2003. — С. 689–730.
7. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.km.ru/referats/> (дата обращения: 05.06.2023).
8. Рождественская Н. В. Психология сценической деятельности // Психология художественного творчества: хрестоматия [составитель К. В. Сельченко]. — Минск: Харвест, 2003. — 750 с.
9. Ронгинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. — 2002, № 23(3). — С. 85–95.
10. Ротенберг В. С. «Образ Я» и поведение. — Иерусалим: Маханаим, 2000. — 66 с.
11. Станиславский К. С. Работа актера над собой в творческом процессе перевоплощения. — М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2011. — 374 с.
12. Шестакова Г. Н. Факторы профессионального выгорания актеров. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.allbest.ru/> (дата обращения: 05.06.2023).
13. Schaufeli W. B., Bakker A. B. Job demands, job resources and their relationship with burnout and engagement: a multi-sample study // Journal of Organizational Behavior, 2004, 25(3), — Pp. 293–315.

УДК 159.9

Защиринская Оксана Владимировна,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
zaoks@mail.ru

КОНСУЛЬТАЦИОННО-ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПСИХОТРАВМИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья представляет собой подробный анализ теоретико-концептуальных и практико-ориентированных подходов к пониманию феноменологии и динамики развития психической травмы, а также — диагностико-консультативного сопровождения психотравмированной личности. Описывается история появления понятия психотравмы, психологические особенности ее формирования и протекания. Показана связь понятия психотравмы с такими понятиями как стресс и посттравматический синдром (ПТСР). Акцентируется опыт немецкой психотравматологии. Описываются характерные особенности различных профессиональных кейсов психологического консультативно-диагностического сопровождения психотравмированной личности.

Ключевые слова: психическая травма, психотравмированная личность, травматический стресс, симптомы реакции на психотравму, триггеры, флешбеки, травматический процесс.

Zashchirinskaia O. V.

CONSULTATION AND DIAGNOSTIC SUPPORT PSYCHOTRAUMATED PERSON

The article is a detailed analysis of theoretical-conceptual and practice-oriented approaches to understanding the phenomenology and dynamics of the development of mental trauma, as well as diagnostic and advisory support for a traumatized person. The history of the emergence of the concept of psychotrauma, the psychological features of its formation and course are described. The connection between the concept of psychotrauma and such concepts as stress and post-traumatic syndrome (PTSD) is shown. The experience of German psychotraumatology is emphasized. The characteristic features of various consultative cases of psychological consultative and diagnostic support of a psychotraumatized person are described.

Keywords: psychic (mental) trauma, traumatized personality, traumatic stress, psycho-traumatic syndrome, symptoms of reaction to psychotrauma, triggers, flashbacks, obsessive past, damaging or painful event.

Определение психической травмы

Сложно сказать, в какой именно момент человечество задумалось о том, что определенного рода события могут оказывать отсроченное негативное влияние на эмоциональное состояние индивида, и, в конечном счете, на весь его организм.

Клинописные таблички, дошедшие до нас со времен Шумерского царства и датируемые третьим тысячелетием до нашей эры, описывают состояние людей в условиях военных действий. Данные описания очень похожи на симптомы посттравматического стрессового расстройства (по МКБ-11, 2018).

Оказание помощи людям с этими состояниями начали намного позже. Первые варианты преодоления подобных последствий травматического стресса изложены в сказаниях, легендах, мифах и представлены в религиозных ритуалах. К примеру, у некоторых народностей была распространена практика введения человека в трансовое состояние с помощью звуков и особых танцев. Современные методы травмотерапии в XXI веке внешне радикально изменились, включая их парадигмальную направленность на реализацию естественно-научного подхода с привлечением современных знаний в области нейронаук [2; 3].

Психотравмированная личность

В современной научной литературе широко используется термин «стресс» [1; 4]. Диапазон состояний, которые называют этим словом, достаточно широк: от ситуативной тревожности перед публичным выступлением — до страданий, испытываемых человеком от условий крайней нищеты.

У специалистов в области здоровья принято разделение медицинской и психологической терминологии. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — диагноз из врачебной практики [5; 6], который не часто ставят пациенту. Психологи же ориентированы на описание специфики психотравматизации после травматического стресса.

Травматический стресс (traumatic stress) — общепринятое во всех странах мира понятие, которое подразумевает, что человек пережил тяжелые события, и они нанесли его психике серьезный вред [3]. При этом последствия стресса человек испытывает на протяжении длительного времени и старается тем или иным способом их преодолеть.

Именно эта протяженность во времени отличает травматический стресс от ежедневного или острого стресса. Не всегда он заканчивается психотравмой. Психологи часто наблюдают динамику травматического процесса.

Динамика травматического процесса и особенности его диагностики

Травмапроцесс подразумевает наличие определенного события, повлекшего за собой череду существенных, с точки зрения психического и физического здоровья, неприятностей [1]. За травматической ситуацией следует травматическая реакция, одним из видов которой вполне может являться острый стресс.

Травматическая реакция может закончиться постепенным восстановлением, когда человеку удалось справиться самостоятельно или с чьей-то помощью.

Однако при неблагоприятных обстоятельствах у человека возникает травмапроцесс. В этом случае говорят, что он пережил в прошлом психическую травму, а далее разворачиваются на психофизиологической уровне ее последствия.

Травмапроцесс может хронифицироваться. Это происходит, когда человек после травматической ситуации разными способами старается создать свою травмакомпенсаторную схему, опираясь на этиологический, превентивный и репаративный её аспект. Он ходит на работу, вступает в отношения и пытается достичь благополучия, но процесс разрушения все-таки идет, нанося психике и здоровью в целом, все больший ущерб. К первичной психической травме могут добавляться новые травматической ситуации, и тогда политравматизированные люди уже обращаются за медицинской помощью.

Таким образом, мы видим, что психическая травма никогда не возникает в момент травматической ситуации. Она всегда отсрочена. В качестве ориентира в литературе для психиатров определен временной отрезок в шесть недель или 40 дней после травмирующего события. Если за это время нет признаков процесса нормализации, восстановления психического состояния, то можно говорить о переходе в травмапроцесс, который может длиться годами.

Дифференцировать события, которые, скорее всего, повлекут за собой психическую травму от ситуаций, вызывающих стресс, не так просто. Ведь люди реагируют на стрессоры по-разному: кто-то травмируется от известия о сокращении с работы, а кто-то стойко переживает болезнь или даже смерть близкого. Здесь мы можем говорить о разном психическом ресурсе. Для кого-то даже пасмурный день может стать, что называется, последней каплей внутренних возможностей.

Однако разработаны определенные критерии, по которым мы можем отличить травмирующие события и предположить, что с большой долей вероятности они приведут к психической травме у абсолютного большинства людей. Считается, что человек может пережить или стать свидетелем события, которое представляло серьезную угрозу здоровью, жизни или было связано с сексуальным насилием — это однозначно скажется на его психическом здоровье и, вероятно, повлечет за собой психическую травму. Не всегда эта психотравматизация очевидна. Иногда окружающим, да и самому человеку представляется, что он все благополучно пережил, но потом возникают отсроченные последствия.

Многие сотрудники МЧС, полиции, скорой помощи могут не подозревать, что они травмированы. В силу специфики своей деятельности, они постоянно наблюдают и переживают события, классифицируемые психиатрами как травмирующие для большинства людей.

Есть даже специальный термин «травма свидетеля в профессиональной сфере». Но, вроде бы, остаются при этом работоспособными, выполняют все свои человеческие функции и в целом, ведут привычную жизнь.

К сожалению, это не означает, что им удалось избежать травматизации.

Особенности консультативного сопровождения психотравмированной личности

В англоязычных источниках по психотравме можно встретить массу примеров, когда пострадавшие обращаются в страховые компании за компенсацией ущерба, нанесенного их здоровью каким-то событием. Довольно распространены случаи, когда после общения с сотрудником компании, состояние клиента ухудшается. Это еще раз демонстрирует нам ситуацию, когда спусковым крючком для запуска травматического процесса становится не само травмирующее событие, а некая внешняя сила. Иногда эффекты от этих взаимодействий могут быть более травматичными, чем само событие.

Описывая реакции на психотравму, традиционно приводят четыре группы симптомов [7]:

1. Навязчивые реакции.

Человек как-будто переживает травмирующее событие снова и снова. Его преследуют навязчивые воспоминания, мысли, образы и ощущения. Ночью могут повторяться кошмарные сны с похожим сюжетом.

2. Реакции избегания.

Человек старается избегать всего, что даже отдаленно напоминает о травмирующем событии. Это могут быть не только неприятные воспоминания, мысли или чувства, но и люди, места и ситуации, ассоциирующиеся с пережитой ситуацией.

3. Негативные изменения в настроении и паттернах мышления.

Человек настойчиво воспроизводит негативные убеждения о себе, других или мире. Он не помнит важных аспектов психотравматизации, закрывается от людей, которые раньше были ему близки, отстраняется и чувствует эмоциональное опустошение. Он практически утрачивает способность испытывать положительные эмоции.

4. Реакции возбуждения.

Человек постоянно пребывает в состоянии нервного возбуждения, ажитации, тревоги, напряжения. Он не находит себе места, не может сконцентрироваться, слишком сильно реагирует на разные мелочи, ведет себя безрассудно и, порой, саморазрушительно. Часто имеются проблемы со сном.

Конечно, такая распространенная классификация довольно условна и не означает, что у человека, пережившего травмирующее событие, будут проявляться реакции исключительно определенной группы. Обычно встречаются клиенты с симптомами из всех четырех групп в каком-то индивидуальном сочетании. Отдельные симптомы наблюдаются сразу после происшествия, а полный спектр травматических реакций появляется лишь месяц спустя. Иногда человек в течение длительного времени после травмирующего события вообще не проявляет никаких патологических реакций, и только спустя месяцы или даже годы осознает, что же с ним на самом деле произошло.

Посттравматические стрессовые реакции сильного возбуждения иногда описываются как «застывание системы на сигнале опасности». Это происходит, когда реакция на опасность не отключается, и в мозг периодически продолжа-

ют поступать сигналы о потенциальной угрозе. Реакции травмированных людей становятся неадекватны стимулу. Малейший триггер может запустить драматическую реакцию, и триггером этим может стать запах, звук, ассоциация — все, что угодно.

Флешбеки травмирующего события повторяются, потому что некоторые части мозга не могут нормально функционировать из-за высокого уровня гормонов стресса. Нарушается функционирование гиппокампа, отвечающего за обработку воспоминаний, что приводит к кошмарам необработанных воспоминаний травмы. В попытках избежать любого напоминания о травме, человек может перестать смотреть новости, читать газеты, ходить в знакомые места и, что самое печальное, говорить о том, что чувствует.

Многочисленные исследования показали, что самым эффективным способом преодоления травмы является проработка ее деталей, осознание и принятие своих мыслей и чувств. Реальный опыт консультирования людей, перенесших психическую травму, показывает, что многие жертвы отчетливо не свидетельствуют, что травмирующее событие как-то серьезно повлияло на них. Вместо этого они избегают встречаться лицом к лицу с тем, что они пережили, с людьми, которые хоть как-то связаны с травматическим прошлым, закрываются эмоционально и выстраивают барьеры вокруг своей жизни.

Опыт немецкой психотравматологии

Основоположник немецкой психотравматологии Готтфрид Фишер [8] определял психическую травму как следствие чрезмерной психической нагрузки человека в момент катастрофического события. Психическая травма — результат одной из разновидностей стресса, интенсивность которого превышает психологический ресурс человека. Эффект психотравмы всегда субъективен, потому что зависит от состояния психики: реакция на одно и то же событие будет неодинакова у разных людей.

Среди последствий психотравматизации довольно распространен «эффект прерванного действия», который удачно применили создатели фильма ужасов «Пункт назначения». Суть эффекта в том, что человек, осознанно или нет, пытается преодолеть то, чего ему не удалось сделать в момент травмирующего события — завершить все свои тяжелые переживания. В среднем, до 40% переживших травму людей страдают от потери памяти. Некоторые не могут или не хотят вспоминать случившееся короткое или продолжительное время. Воспоминания могут подавляться или исчезать вовсе. Становится трудно установить связь травматических реакций, таких как страхи, депрессивный аффект или проблемы со здоровьем с самим травмирующим событием. Эти нарушения становятся необъяснимыми или же ошибочно объясняются другими причинами. Возникает, так называемая, «стена молчания».

Причина часто остается нераспознанной, человек не понимает этиологический аспект своих страданий и ищет субъективные объяснения. У него возникает вопрос о собственной полноценности. Г. Фишер [8] использует специальный термин — «принцип нормальности». Автор подразумевает, что мы всегда исхо-

дим из того, что потерпевший нормален. Не нормальны ситуация или условия, в которых он оказался, а его реакции на них адекватны психическому ресурсу. Симптомы психотравматизации понимаются не как безусловный вред, а попытка самолечения личности.

Таким образом, психотравматизация, по Г. Фишеру, — нормальный и принципиально здоровый ответ личности на чрезмерно повреждающее или болезненное событие.

Выводы

1. Травматический опыт можно условно разделить на три последовательные фазы: травматическая ситуация, травматическая реакция, травматический процесс.

2. Объективные внешние обстоятельства вызывают личностно-типический отклик. Если драматичность внешнего воздействия слишком велика для психики человека, или он уже был травмирован прежде, то пытаюсь совладать со стрессом, он нарабатывает определенный репертуар реакций.

3. Длительное время, находясь в состоянии напряжения и внутреннего дискомфорта, человек постепенно утрачивает контроль над своими эмоциями и действиями. При этом он может осознавать неадекватность собственных реакций, но, как только случается очередная сложная ситуация, они повторяются.

4. Есть ряд реакций на травматическое событие, которые типичны для большинства людей. Они могут варьировать в диапазоне от острых, временных — до тяжелых, длительных психофизических проявлений. Изначальные реакции постепенно теряют интенсивность и исчезают вскоре после травматической ситуации.

5. При наличии травматического опыта последствия будут более продолжительными и травматические реакции могут хронифицироваться, что необходимо особым образом учитывать при организации консультативно-диагностического сопровождения психотравмированной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде: сборник научных трудов / Науч. ред. Заширинская О. В. — 2020. — СПб.: АНО «София», 2020. — 248 с.

2. Заширинская О. В., Куус Я. В. Современные представления о психической травме // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде: сборник научных трудов / Науч. ред. Заширинская О. В. — СПб.: АНО «София», 2020. — С. 9–22.

3. Михеева А. В. Психическая травма в определениях и понятиях современных учёных // Вестник РУДН. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». — 2009. — № 2. — С. 142–147.

4. Селье Г. Стресс без дистресса / Пер. с англ. А. Н. Лука, И. С. Хорола. — М.: Прогресс, 2005. — 123 с.

5. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. — М.: Институт психологии РАН, 2009. — 304 с.
6. Эффективная терапия посттравматического стрессового расстройства / Под ред. Э. Фoa и др. — М.: Когито-Центр, 2005. — 467 с.
7. Herbert C. Overcoming Traumatic Stress, 2nd Edition: A Self-Help Guide Using Cognitive Behavioural Techniques. — Great Britain, London: CPI Group (UK) Ltd, Robinson, 2018. — 532 p.
8. Fischer G., Riedesser P. Lehrbuch der Psychotraumatologie. — München: Reinhardt, 1998. — 194 p.

УДК 159.9

Иванюхин Роман Романович,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
romroman@bk.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА

В статье обсуждаются проблема расследования преступлений на основе определения свойств личности субъектов по их отражению в механизме и обстановке совершенного преступления. Предполагается, что разработка психологического портрета неустановленного преступника возможна на основе технологии поэтапной реконструкции преступной деятельности виновного по следам и совокупности обстоятельств криминального события, с привлечением психологических методов и приемов анализа. В качестве инструментов составления психологического портрета преступника предлагается комплексный метод, включающий, с одной стороны, анализ неочевидных следов преступления, с другой — определение с помощью психологических тестов свойств личности субъектов по их отражению в механизме и обстановке совершенного преступления.

Ключевые слова: расследование преступлений, личность преступника, криминальное событие, неочевидные следы преступления, психологическое тестирование.

Ivanyukhin R. R.
FORMING TOOLS PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE CRIMINAL

The article discusses the problem of investigating crimes on the basis of determining the personality properties of subjects by their reflection in the mechanism and environment of the crime committed. It is assumed that the development of a psychological portrait of an unidentified criminal is possible on the basis of the technology of stage-by-stage reconstruction of the criminal activity of the perpetrator in the wake and the totality of the circumstances of the criminal event, with the involvement of psychological methods and analysis techniques. As tools for compiling a psychological portrait of a criminal, a complex method is proposed, including, on the one hand, the analysis of non-obvious traces of the crime, on the other hand, the determination of

the personality properties of the subjects using psychological tests by their reflection in the mechanism and environment of the committed crime.

Keywords: investigation of crimes, identity of the offender, criminal event, non-obvious traces of the crime, psychological testing.

Изучение личности преступника является определяющим условием для всестороннего изучения причин конкретного преступления и преступности в целом. Дефицит информации в следственной и оперативно-розыскной деятельности может быть восполнен психологическим анализом преступления, носящей в большей степени комплексно-исследовательский характер, где выявление психологических особенностей преступника способно сыграть решающее значение.

Раскрытие преступлений по «горячим следам» а также с использованием оперативно-розыскных методов не всегда дает положительный результат, о чем свидетельствуют данные статистики нераскрытых тяжких преступлений против личности. Так, в течение последних пяти лет, согласно статистическим данным МВД России, общая раскрываемость преступлений по отдельным субъектам Российской Федерации колеблется от 46 до 64%.

Особую актуальность эта задача имеет при расследовании преступлений со скрытой мотивацией в условиях полного или существенного отсутствия сведений о совершивших их лицах. Личность преступника нередко так зафиксирована в признаках события (следах) и обстоятельствах криминальной ситуации, что их дешифровка и установление пригодных для поиска признаков требует применения специальных методов познания.

Составляемый профиль преступника имеет вероятностный характер, по причине того, что одни и те же свойства личности могут актуализироваться в весьма разнообразных формах проявления, с другой стороны, одна и та же форма поведения может явиться реализацией разных индивидуально-личностных тенденций, что затрудняет их однозначную интерпретацию. Проблематика изучения личности преступника носит междисциплинарный характер.

Зарубежная и отечественная практика расследования преступлений уже подтвердила целесообразность использования психологического портрета. Он применяется в работе органов уголовной юстиции ряда развитых зарубежных стран (США, Англия, Голландия) на основе сформированной компьютерной базы данных. Отечественный опыт составления психологического портрета преступника опирается преимущественно на практико-ориентированные исследования.

Данная тема исследования представляется актуальной, так как вопросы применения и использования технологии психологического профайлинга в деятельности правоохранительных органов России остаются малоисследованными.

Вопросы психологии личности преступника рассматриваются в прямой постановке либо попутно с разработкой других проблем в работах В. А. Образцова [15], Ю. М. Антоняна [1, 2], А. И. Анфиногенова [3], Р. Л. Ахмедшина [4], Л. А. Бегуновой [5], А. Ю. Лаговского [12, 13], А. А. Протасевича [17].

Раскрытие (расследование) совершенного преступления обычно начинается с поступления заявления или сообщения о совершении преступления в дежурную часть органа внутренних дел и выезда следственно — оперативной группы (СОГ) на место происшествия для его осмотра. Деятельность СОГ направлена на сбор доказательственной и оперативно-розыскной информации об обстоятельствах совершенного преступления, сбор вещественных доказательств и фиксации следов, обнаруженных на месте происшествия. Осмотр места происшествия, является важнейшим следственным действием, способствующим раскрытию преступления, однако некоторые аспекты этого неотложного действия изучены еще недостаточно, что оказывает негативное влияние на раскрываемость преступлений.

К таким аспектам относится получение информации о личности преступника по следам, оставленным на месте преступления, влияние криминологических, психологических, психических, биологических, социальных и иных факторов на формирование источников информации о преступнике. На практике бессистемность сбора криминалистической информации о произошедшем преступлении и личности преступника во время осмотра усугубляет ситуацию, что препятствует успешному расследованию преступления. В некоторых случаях по обнаруженным на месте происшествия материальным следам возможно установить тип личности преступника, принадлежность его к конкретной социальной среде, выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления (естественно сложившиеся или искусственно созданные).

Анализ обнаруженных материальных следов позволяет определить также способ совершения преступления. Например, при кражах наиболее распространенными способами проникновения являются: подбор ключа к замку входной двери; взлом замка; проникновение через окно, форточку крайних этажей. Установление способа совершения преступления также позволяет сделать вывод о среде, сформировавшей преступника.

В преступных действиях субъекта могут найти отражение характерные уловки, ухищрения, иные приемы и способы, используемые уголовно-преступными элементами, которые они приобрели в местах лишения свободы и постепенно формирующие профессиональный почерк совершения преступления (динамический стереотип).

Многоплановость черт личности преступника, отображающаяся в виде различных следов, оставленных им на месте происшествия, нуждается в классификации, которая позволила бы выделить особенности определенных категорий преступников и разработать на этой основе их типовые модели.

Анализ имеющихся данных о личностях преступников, привлеченных к уголовной ответственности за имущественные преступления, свидетельствует о том, что более половины преступлений совершается мужчинами, которые ведут антиобщественный паразитический образ жизни, проживают в неблагоприятной среде, а основным источником средств их существования является преступная деятельность. При этом контингент привлеченных к уголовной ответственности остается неизменным на протяжении многих лет. Количество

осужденных мужчин и женщин приблизительно соотносится как один к трем, судимых как один к четырем, по специальному рецидиву как один к пяти, по особо опасному рецидиву как один к десяти. Несовершеннолетние при этом составляют пятую часть (в группах — десятую), совершеннолетние — в обоих случаях — треть.

Процесс раскрытия (расследования) преступления, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, представляет собой последовательность выполнения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Однако соблюдение порядка и сроков их выполнения не гарантирует результат — раскрытие преступления (установление подозреваемого, обвиняемого).

Тактика выполнения следственных и оперативных действий, их последовательность в зависимости от категории расследуемого преступления, формируют доказательственную базу, но установления личности преступника по неочевидному преступлению не гарантируют.

Применение методов построения психологического портрета лица, совершившего преступление необходимо, прежде всего, при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности или «неочевидных» преступлений.

Неочевидные преступления — это межвидовая группа преступлений, объединенных по признаку неочевидности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности на момент поступления информации о преступлении в правоохранительный орган и возбуждения уголовного дела.

Успешность и результативность ведения следствия, проведения следственных действий — осмотра места происшествия, допросов, выемки и т. д. и оперативно-розыскных мероприятий (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент и т. д.) напрямую зависят от их системности и направленности.

Наличие предварительно составленного социально-психологического портрета предполагаемого преступника не просто значительно ускорит следствие за счет «отсечения» лишних версий, подлежащих проверке, но и оптимизирует следственным действия и ОРМ.

Например, опрос свидетелей происшествия, при котором выясняется местонахождение предполагаемого преступника в период подготовки к совершению преступления, будет эффективнее, если будет дано примерное внешнее описание субъекта и особенности его поведения.

В составлении социально-психологического портрета предполагаемого преступника особо важную роль играет осмотр места происшествия. Необходим анализ действий преступника в период подготовки, во время совершения преступления и при сокрытии его следов (отхода с места преступления).

Часто изымаемые на месте происшествия следы не дают полной картины действий преступника (преступников). Здесь необходимо применение различных методов моделирования вплоть до момента, когда весь комплекс действий преступника будет понятен лицу, ведущему расследование, и будет воссоздана первоначальная (объективная) картина преступления.

Моделирование, как один из **общенаучных** методов познания, **активно применяемых** в раскрытии и расследовании преступлений, состоит в создании модели, изучении ее и распространении полученных выводов на реальный объект. В процессе раскрытия (расследования) преступления для установления достоверной картины происшедшего используются модели, которые способствуют выбору стратегии и тактики, оценке имеющейся информации и результатов следственных действий, оперативно — розыскных мероприятий.

При конструировании моделей по преступлениям, на момент выявления которых неизвестно лицо, которое их совершило, обязательно должны учитываться действия преступника до, в период и после совершения преступления, на основе следов обнаруженных на месте преступления.

Картина конкретного преступления должна воссоздаваться и по окончании раскрытия преступления, когда преступник известен, так как она представляет интерес в качестве одного из источников познания и изучения личности других преступников, а также выработке мер для предотвращения, профилактики преступлений.

Для более эффективного использования метода моделирования в практике необходимо разработать комплексную систему сбора, хранения, анализа, обработки и использования информации, полученной как на месте происшествия, так и в ходе работы «по горячим следам».

По совокупности таких данных могут моделироваться социально — психологический портрет личности преступника и варианты его криминального поведения, определяться время и условия наиболее вероятного проявления его криминально-криминогенного потенциала. Такая информация в перспективе дает широкие возможности не только для раскрытия, но и для предупреждения преступлений.

Для разработки алгоритмов определения социально — психологического портрета преступника возможно также использовать результаты различных психологических личностных тестов, проведенных в отношении осужденных преступников.

Например «Опросник стилей деятельности, LSQ» (П. Хони, А. Мэмфорд (1992)) [22] для определения стилей деятельности, а в данном случае способов и приёмов, с помощью которых преступник достигает поставленных результатов; Методику многостороннего исследования личности (ММИЛ), которая представляет собой модифицированный и стандартизированный Ф. Б. Березиным, М. П. Мирошниковым, Р. В. Рожанцом [6] вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММПИ), созданного Хатавеем и Мак-Кинли и которая позволяет достаточно полно исследовать различные аспекты личности и ее актуальное психологическое состояние. Дополнением к тесту ММИЛ

целесообразно применять методику ИТО (индивидуально-типологический опросник) (Собчик Л. Н., 2010) [19]. Для исследования склонности к конфликтному поведению можно использовать диагностику межличностных отношений ДМО (Собчик Л. Н., 1990) [20].

Работа по исследованию и анализу следов на месте происшествия должна быть направлена на выявление стереотипа в действиях преступника, что позволит смоделировать социально-психологический портрет преступника и социальную макро-микросреду формирования его поведенческих паттернов.

Установление личности преступника в микросреде по его стереотипным действиям и проверка его на причастность к совершенному преступлению осуществляются традиционным путем (выдвижением и проверкой следственных и оперативно-розыскных версий).

Сегодня в следственной практике широко используется профайлинг — это совокупность психологических методов оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков: характеристик внешности, вербального и невербального поведения, вегетатики.

Термин «профайлинг» связан с английским словом profile (профиль) — так называют совокупность психологических методов, которые позволяют оценить характер и спрогнозировать поведение человека с помощью данных о его внешности, вербального и невербального поведения. В результате опытный профайлер может с большой вероятностью определить, лжет человек или нет.

Эксперт по криминалистике, доктор философии Скотт Боннсчитает, что первые попытки использовать профайлинг были совершены еще в 1888 году при изучении личности серийного убийцы Джека Потрошителя. Правда, тогда эти методы еще не назывались профайлингом. Развивался профайлинг в основном в криминалистике — этим термином долгое время обозначали способ составить психологический портрет убийцы и определить, где и как он совершит следующее преступление. Использование данных приемов установления личности в зарубежной практике неоднократно описывались в литературе такими авторами, как П. Вронский [7], Д. Дуглас, М. Олшейкер [9], Миронов Д. [14].

Развитие этого направления, безусловно важно и приносит нужные результаты, но есть ряд моментов, которые суживают эффективность этой работы.

Основа построения психологического портрета при профайлинге — работа с известными преступниками, анализ их действий на местах преступлений и сопоставление обнаруженных следов при очередном происшествии с составленным профилем. Работа с уже задержанными подозреваемыми, когда есть конкретный субъект для составления профиля по понятным причинам уже не имеет отношения к раскрытию и расследованию «неочевидных» преступлений. Многие отечественные авторы, такие как Л. П. Гримак [8], Л. П. Коньшева [10], Е. Кузнецова [11], А. И. Папкин [16], А. М. Столяренко [21] описывают аспекты применения приемов профайлинга используемых на практике.

В этой связи вызывает интерес монография Робозерова В. Ф., Робозерова А. В. и Петуховой М. А. «Инновационные технологии в раскрытии и рас-

следовании преступлений. Методика системной алгоритмизации и моделирования» [18] в которой изложена концепция системного сбора, анализа следов и моделирования социально-психологического портрета предполагаемого преступника именно при раскрытии неочевидных преступлений.

В ее основе — подход к исследованию оставленных на месте происшествия следов не только как к объектам криминалистического исследования (экспертизе), которые позволяют напрямую идентифицировать личность преступника только при наличии аналогов в соответствующих базах данных, а как к многоуровневому отражению психо-физиологических характеристик лица, совершившего определенные действия на месте происшествия и отразившиеся в материальных и идеальных следах.

Анализ с помощью психологических методов смоделированной картины поведения и действий лица на месте происшествия позволит выявить необходимые и достаточные особенности личности того человека, который совершал действия на основе сформировавшихся и стереотипно закрепленных у него поведенческих паттернов. Их сопоставление с базами данных, накопленных за многие годы исследований в области психологии, биологии, нейрофизиологии, генетики и т. п. даст возможность быстро составить достаточный комплекс социально-психологических характеристик субъекта для его установления, идентификации и задержания.

Представляется, что разработка конкретных алгоритмов определения социально — психологического портрета преступника произведенная в дополнение концепции Робозерова В. Ф., Робозерова А. В. и Петуховой М. А., позволит предложить правоохранительным органам более эффективный способ установления личности преступника.

На основе таких алгоритмов представляется возможным создание компьютеризированной программы оптимизации процесса установления субъекта преступления, которая, на основе алгоритмов выявления закономерностей действий лица и механизмов слеодообразования от комплексов психофизиологических параметров в зависимости от комплексов физических и психосоциальных параметров позволит установить специфические характеристики личности субъекта, совершившего преступление и в кратчайшие сроки выявить и задержать преступника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование. — М.: ИНФРА-М, 2010. — 366 с.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследование преступлений. — М.: Юристъ, 1996. — 335 с.
3. Анфиногенов А. И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. Методическое пособие. — М.: Академия управления МВД РФ, 2002. — 133 с.

4. Ахмедшин Р. Л., Ахмедшина Н. В. Криминалистическое профилирование: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2020. — 514 с.
5. Бегунова Л. А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера. Автореферат дис. канд. юр. наук. — М., ВНИИ МВД России, 2002. — 28 с.
6. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Рожанец Р. В. Методика многоаспектного исследования личности (в клинической медицине и психогигиене). — М.: Медицина, 1976. — 176 с.
7. Вронский П. Серийные убийцы: метод и безумие монстров. — Нью-Йорк: Berkley Penguin Group, 2004. — 432 с.
8. Гримак Л. П. и др. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. Учебное пособие. — М.: ВНИИ МВД России, 1999. — 176 с.
9. Дуглас Д., Олшейкер М. Охотники за умами: ФБР против серийных убийц / Пер. с англ. А. Соколова. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. — 416 с.
10. Конишева Л. П. Психологическое портретирование — к вопросу о методологии. — М., Следственная практика, 2003. — 155 с.
11. Кузнецова Е. Психологический портрет преступника. [Электронный ресурс]. — URL: https://spravochnick.ru/psihologiya/psihologicheskij_portret_prestupnika/ (дата обращения: 10.07.2023)
12. Лаговский А. Ю., Бегунова Л. А., Басенко М. С. Построение розыскных версий по делам о серийных изнасилованиях и убийствах, совершённых по сексуальным мотивам. — М.: ВНИИ МВД России, 1997. — 63 с.
13. Лаговский А. Ю., Скрыпников А. И., Тележникова В. Н., Бегунова Л. А. Составление психологического портрета преступника: Учебно-методическое пособие. — М.: ВНИИ МВД России, 2000. — 113 с.
14. Миронов Д. Профиль преступника: психология на вооружении ФБР США. — М., Мир безопасности, 1998. — 42 с.
15. Образцов В. А. Криминалистика. Теория. Понятие и виды криминалистической техники. Тактические основы следственных действий. Общие методики расследования: учебное пособие. — М.: Юрист, 1995. — 592 с.
16. Папкин А. И., Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника: понятие, виды, методика составления. — М., ВНИИ МВД РФ, 1997. — 18 с.
17. Протасевич А. А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. — Иркутск, Изд-во Иркутской гос. экономической акад., 1998. — 103 с.
18. Робозеров В. Ф., Робозеров А. В., Петухова М. А. Инновационные технологии в раскрытии и расследовании преступлений. Методика системной алгоритмизации и моделирования. Монография. — СПб.: НП-Принт, 2015. — 268 с.
19. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник: практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. — М.: Боргес, 2010. — 59 с.
20. Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений: модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири: методическое руко-

водство. — М., Московский кадровый центр ГУ по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома, 1990. — 46 с.

21. Столяренко А. М., Черненилов В. И. Понятие, структура и приемы составления психологического портрета. Преподавание юридической психологии и ее практическое применение. — Тарту, 1986. — 114 с.

22. Honey P. The manual of learning styles / Honey P., Mumford A. // Theories of group processes. — Maidenhead: Peter Honey, 1992. — 84 p.

Ивонин Андрей Валентинович,
аспирант Санкт-Петербургского
реставрационно-строительного института,
av.ivonin@bk.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ УСПЕШНОГО АДВОКАТА

В статье на теоретическом уровне обсуждаются вопросы самооценки и профессиональной самооценки личности. Предлагается авторская модель психологических критериев профессиональной самооценки успешного адвоката. В качестве дополнения к авторской модели предлагаются четыре способа развития профессиональной самооценки адвоката. Для проверки авторской модели разработана программа эмпирического исследования, включающая цели и задачи исследования, пакет референтных методик, отвечающих целям и задачам исследования. В качестве гипотезы исследования предполагается, что авторская модель будет на эмпирическом уровне подтверждена и дополнена.

Ключевые слова: профессиональная самооценка, психологические критерии, профессиональная деятельность адвоката.

Ivonin A. V.

PSYCHOLOGICAL CRITERIA FOR PROFESSIONAL SELF-ASSESSMENT OF A SUCCESSFUL LAWYER

The article discusses the issues of self-esteem and professional self-esteem of the individual at the theoretical level. The author's model of psychological criteria for professional self-assessment of a successful lawyer is proposed. As a supplement to the author's model, four ways of developing a lawyer's professional self-esteem are proposed. To test the author's model, an empirical research program was developed, including the goals and objectives of the study, a package of reference methods that meet the goals and objectives of the study. As a research hypothesis, it is assumed that the author's model will be empirically confirmed and supplemented.

Keywords: professional self-assessment, psychological criteria, lawyer's professional activity.

Вопрос о психологических критериях оценки успешности той или иной профессиональной деятельности во все времена считался особенно актуальным.

Ведь именно от оценки профессиональной деятельности зависит и ее совершенствование, и стратегии овладения этой деятельностью.

И прежде, чем приступить к разработке критериев оценки профессиональной деятельности, важно разобраться с критериями самооценки этой деятельности со стороны и субъекта деятельности, и профессионального сообщества.

В психологии под самооценкой понимают оценивание человеком самого себя. Самооценка, по мнению Л. С. Выготского — это важнейшая личностная характеристика, которая контролирует собственную деятельность, позволяет выстраивать свое поведение в соответствии с социальными нормами [1, с. 289]. Самооценка рассматривается как сложный и многогранный компонент самосознания (сложный процесс познания субъектом самого себя), который выражает оценку других лиц, участвующих в развитии личности [2].

В вопросе выделения критериев, по которым осуществляется самооценка личности, можно сослаться на А. Л. Леонтьева, который выделял когнитивный (знания человека о себе) и эмоциональный компоненты самооценки (отношение к себе, как мера удовлетворенности собой) [3, с. 304]. С. Я. Рубинштейн добавляет, что в самооценке отражаются фундаментальные свойства личности, а также ее направленность и активность [4, с. 108].

Опираясь на этих авторов, можно в качестве базовой платформы авторской модели профессиональной самооценки любой деятельности рассматривать *три блока критериев: когнитивный, эмоциональный и поведенческий*.

Переходя к определению критериев самооценки успешности профессиональной деятельности адвоката, отметим, что, как считают сами адвокаты, их профессиональная самооценка — это ключевой фактор успеха.

Высокий уровень самооценки помогает адвокату эффективно решать задачи по защите интересов его доверителей и достигать поставленных ими целей. Считается, что для достижения высокого уровня самооценки необходимо систематически совершенствоваться и развиваться, быть готовым к принятию рисков и выполнять сложные задачи в условиях стресса.

Адекватная профессиональная самооценка помогает адвокату не только увереннее и эффективнее решать задачи, но и сохранять мотивацию и интерес к своей профессии.

Психологические критерии профессиональной самооценки — это некоторые качества, которые есть у профессионала, и которые помогают ему достигать успеха.

Опираясь на ряд нестандартизированных интервью (бесед) с адвокатами, имеющими разный опыт профессиональной деятельности, а также учитывая собственный профессиональный опыт адвокатской деятельности, мы предлагаем следующую модель психологических критериев самооценки успешности профессиональной деятельности практикующего адвоката (Рис. 1.).

Рассмотрим каждый из предлагаемых критериев поподробнее.

1. Уверенность в своих знаниях и навыках.

Этот критерий показывает, насколько адвокат уверен в своих знаниях и навыках в профессиональной сфере. Адвокат с высокой профессиональной самооценкой уверен в том, что он знает свое дело, и может его выполнять успешно.

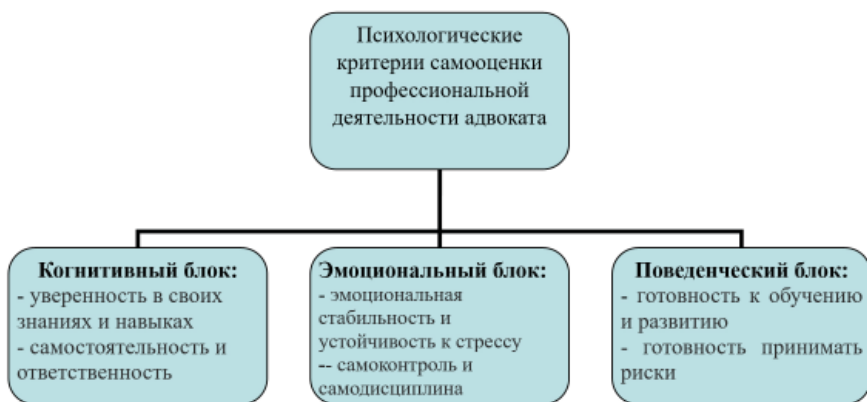

Рис 1. Авторская модель психологических критериев самооценки деятельности адвоката

Обладая уверенностью, адвокат не допускает ошибок, уверенно выражает свой взгляд, разбирается в убеждениях и точно понимает, какой исход может быть в конечном итоге.

2. Самостоятельность и ответственность.

Самостоятельность и ответственность — это способность адвоката принимать самостоятельные решения в профессиональной деятельности и нести ответственность за свои поступки. Адвокат с высокой самооценкой способен работать самостоятельно, оценивать риски и принимать взвешенные решения, а также берет на себя ответственность за свои действия и их последствия.

3. Эмоциональная стабильность и устойчивость к стрессу.

Эмоциональная стабильность и устойчивость к стрессу — это способность адвоката справляться со стрессовыми ситуациями в профессиональной деятельности. Адвокат, обладающий высокой профессиональной самооценкой, не сдастся под давлением, не теряет контроль над своим эмоциональным состоянием и не поддается страху перед непредвиденными обстоятельствами.

4. Самоконтроль и самодисциплина.

Самоконтроль и самодисциплина — это способность адвоката контролировать свои эмоции, поведение и мысли в профессиональной деятельности. Адвокат с хорошей самооценкой умеет управлять своими эмоциями и убеждениями, адекватно реагировать на давление и конфликты, умеет сохранять самообладание в любых ситуациях.

5. Готовность к обучению и развитию.

Готовность к обучению и развитию — это способность адвоката постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки и знания. Адвокат с высокой самооценкой стремится к самосовершенствованию, участвует в профессиональных тренингах и курсах, а также постоянно изучает свою область знаний и тренирует навыки.

6. Готовность принимать риски.

Готовность принимать риски — это способность адвоката принимать стратегические решения и рискнуть в профессиональной деятельности. Адвокат, обладающий высокой самооценкой, готов к принятию риска, когда есть уверенность в своих знаниях и навыках, а также в технологичности своего решения.

Для удобства дальнейшего анализа предложенные критерии и их дефиниции были сведены в общую таблицу (Табл. 1.)

Табл. 1. Психологические критерии самооценки успешной деятельности адвоката

Три блока критериев	критерии	дефиниции	признаки
Когнитивный	Уверенность в своих знаниях и навыках	уверенность адвоката в том, что он знает свое дело, и может его выполнять успешно	не допускает ошибок, уверенно выражает свой взгляд, разбирается в убеждениях точно понимает, какой исход может быть в конечном итоге
	Самостоятельность и ответственность	способность адвоката принимать самостоятельные решения в профессиональной деятельности и нести ответственность за свои поступки.	работает самостоятельно, оценивает риски, принимает взвешенные решения, берет на себя ответственность за свои действия и их последствия
Эмоциональный	Эмоциональная стабильность и устойчивость к стрессу	способность адвоката справляться со стрессовыми ситуациями в профессиональной деятельности	не сдается под давлением, не теряет контроль над своим эмоциональным состоянием, не поддается страху перед непредвиденными обстоятельствами
	Самоконтроль и самодисциплина	способность адвоката контролировать свои эмоции, поведение и мысли в профессиональной деятельности	умеет управлять своими эмоциями и убеждениями, умеет адекватно реагировать на давление и конфликты, умеет сохранять самообладание в любых ситуациях

Поведен- ческий	Готовность к обуче- нию и развитию	способность адвоката постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки и знания	стремится к самосо- вершенствованию, участвует в профес- сиональных тренин- гах и курсах, постоянно изучает свою область знаний, тренирует навыки
	Готовность прини- мать риски	способность адвоката принимать страте- гические решения и рискнуть в профес- сиональной деятель- ности	готов к принятию риска, когда есть уверенность в своих знаниях и навыках, а также в технологич- ности своего решения

Все вышеописанные критерии профессиональной самооценки помогают адвокату достичь успеха в своей профессиональной деятельности и являются ключевыми, чтобы быть выдающимся профессионалом в своей сфере.

Следующий важный вопрос — это вопрос о том, какими способами можно пользоваться, чтобы в соответствии с этими критериями достичь адекватной самооценки?

Мы в этом плане дополняем свою авторскую модель следующими способами «поднятия» своей профессиональной самооценки:

- Оценка своих сильных и слабых сторон,
- Обучение и повышение квалификации,
- Работа с психологом или коучем,
- Практика и опыт работы.

Рассмотрим более подробно эти четыре способа развития профессиональной самооценки адвоката:

1. Оценка своих сильных и слабых сторон.

Самоанализ является одним из самых эффективных способов повышения профессиональной самооценки адвоката. Необходимо оценить свои сильные и слабые стороны, чтобы эффективно использовать свои преимущества и работать над улучшением тех аспектов, которые являются слабыми. Это может помочь адвокату определить лучший путь развития и поставить цели, которые будут направлены на улучшение профессиональных навыков и опыта.

2. Обучение и повышение квалификации.

Постоянное обучение и повышение квалификации являются неотъемлемыми элементами успешной карьеры адвоката. Необходимо изучать текущие тенденции в праве, новые законы и судебные решения, а также углублять свое знание в специализированных областях права. Это может быть как научная работа, так и участие в профессиональных конференциях и семинарах, повышающих квалификацию адвоката.

3. Работа с психологом или коучем.

Работа с психологом или коучем может помочь адвокату понять свои эмоции и привычки, которые могут влиять на профессиональную деятельность. Коучинг может помочь адвокату разработать стратегию повышения профессиональной самооценки и уверенности в своих силах. Это позволит адвокату более эффективно управлять стрессом, улучшить коммуникативные навыки и развить мягкие навыки.

4. Практика и опыт работы.

Практика и опыт работы являются важными элементами развития профессиональной самооценки адвоката. Чем больше опыта, тем больше уверенности в своих знаниях и навыках. Практика позволит адвокату развить свои способности к адаптации и реагированию на изменения в праве. Помимо этого, практика также позволяет работать над улучшением навыков коммуникации и улучшением качества своей работы.

Для удобства понимания и планирования практических действий эти рекомендации, которые мы рассматриваем как дополнение к авторской модели, были сведены в общую схему (Рис. 2).

В целом, каждый из вышеперечисленных способов развития профессиональной самооценки имеет свои преимущества. Поэтому, для достижения успеха и максимального развития в профессии, адвокат должен обратить внимание на самоанализ, обучение, работу с психологом и коучем, а также на практику и опыт работы.

Повторимся, что для адвоката, который занимается защитой прав и интересов своих доверителей, важность наличия высокой профессиональной самооценки является определяющей.

Наша авторская модель психологических критериев самооценки и прилагаемые к ней способы ее совершенствования, возможно, смогут помочь как опытным,

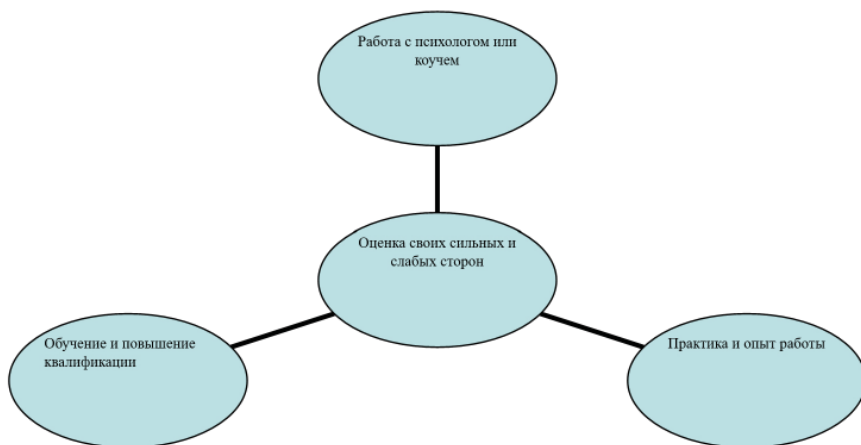

Рис. 2. Четыре способа развития профессиональной самооценки адвоката

так и начинающим адвокатам более внимательно отнестись к тому делу, которое они выбрали в качестве своей профессии, и заниматься этим делом более успешно.

Следующий шаг — это построение программы эмпирической проверки предлагаемой модели.

Целью такого исследования должно стать подтверждение на эмпирическом уровне всех перечисленных критериев и способов развития профессиональной самооценки успешного адвоката.

Задачи исследования:

1. На основании аналитического обзора специальной литературы сформулировать собственные определения профессиональной успешности в целом и профессиональной успешности в адвокатской деятельности.

2. Подобрать референтные методики для проверки компонентов авторской модели критериев профессиональной самооценки успешности адвокатской деятельности.

3. Провести исследование и проинтерпретировать его результаты в соответствии с гипотезами исследования.

В качестве основной гипотезы исследования предполагается, что авторская модель будет на эмпирическом уровне подтверждена и дополнена. Дополнительные гипотезы касаются каждого из включенных в авторскую модель критериев профессиональной самооценки и способов ее совершенствования.

Исследование планируется провести в три этапа: пилотажное исследование, исследование с применением количественных методов (психологических тестов) и исследование с использованием проективных методик.

На первом этапе планируется проведение пилотажного нестандартизованного интервью с опытными адвокатами с целью первичной верификации модели. В качестве гайда для такого интервью предполагается использовать признаки проявления каждого из критериев, обозначенные в Табл. 1.

На втором, основном, этапе исследования логично использовать авторский опросник, составленный по этим же признакам проявления критериев, шкалу самоопределения своей профессиональной успешности и ряд психологических тестовых методик, соответствующих по своему содержанию описанию каждого из критериев модели. Примерный подбор таких методик представлен в Табл. 2.

Третий этап исследования должен быть связан с эмпирической проверкой и дополнением предлагаемых способов совершенствования профессиональной самооценки адвоката. На этом этапе мы планируем использовать качественные методики: «Лесенку» Дембо-Рубинштейн, ассоциативный тест и авторскую проективную методику «Ступени успеха».

Выводы:

1. Профессиональная самооценка является одним из важных факторов успеха адвоката;

2. От уровня профессиональной самооценки зависит эффективность профессиональной деятельности;

3. Адвокат с высокой самооценкой будет эффективнее решать задачи и защищать интересы своих клиентов;

Табл. 2. Методическое обеспечение исследования авторской методики критериев профессиональной успешности адвокатской деятельности

Три блока критериев	критерии	дефиниции	признаки	Методическое обеспечение
Когнитивный	Уверенность в своих знаниях и навыках	уверенность адвоката в том, что он знает свое дело, и может его выполнять успешно	не допускает ошибок, уверенно выражает свой взгляд, разбирается в убеждениях, точно понимает, какой исход может быть в конечном итоге	Тест на асертивность В. Каппони, Т. Новак (https://psychiatry-test.ru/test/test-na-assertivnost/)
	Самостоятельность и ответственность	способность адвоката принимать самостоятельные решения в профессиональной деятельности и нести ответственность за свои поступки.	работает самостоятельно, оценивает риски, принимает взвешенные решения, берет на себя ответственность за свои действия и их последствия	Опросник Р. Кеттелла, фактор G+, Q2+ (https://4brain.ru/blog/oprosnik-kettella-187-voprosov-kotorye-rasstavjat-vse-tochki-nad-i/)
Эмоциональный	Эмоциональная стабильность и устойчивость к стрессу	способность адвоката справляться со стрессовыми ситуациями в профессиональной деятельности	не сдаётся под давлением, не теряет контроль над своим эмоциональным состоянием, не поддается страху перед непредвиденными обстоятельствами	Опросник Р. Кеттелла, фактор C+ (https://4brain.ru/blog/oprosnik-kettella-187-voprosov-kotorye-rasstavjat-vse-tochki-nad-i/)

	Самоконтроль и самодисциплина	способность адвоката контролировать свои эмоции, поведение и мысли в профессиональной деятельности	умеет управлять своими эмоциями и убеждениями, умеет адекватно реагировать на давление и конфликты, умеет сохранять самообладание в любых ситуациях	Опросник Р. Кеттелла, фактор Q3+ (https://4brain.ru/blog/oprosnik-kettella-187-voprosov-kotorye-rasstavjat-vse-tochki-nad-i/)
Поведенческий	Готовность к обучению и развитию	способность адвоката постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки и знания	стремится к само-совершенствованию, участвует в профессиональных тренингах и курсах, постоянно изучает свою область знаний, тренирует навыки	Тест «Личностная готовность к переменам» PCRS, Ролник, Хезер, Голд, Халл, в адаптации Н. А. Бажановой и Г. Л. Бардиер (https://studwood.net/586065/psihologiya/oprosnik_lichnostnoy_gotovnosti_peremenam_psihologicheskoye_yavlenie)
	Готовность принять риски	способность адвоката принимать стратегические решения и рискнуть в профессиональной деятельности	готов к принятию риска, когда есть уверенность в своих знаниях и навыках, а также в технологичности своего решения	Тест «Готовность к риску», А. М. Шуберт (https://psychiatry-test.ru/test/test-gotovnost-k-risku-shubert/)

4. Адвокат, который недостаточно оценивает свои знания и навыки, может не достичь желаемых результатов и нанести ущерб делу своего клиента;

5. Чрезмерная самооценка также может привести к негативным последствиям, если адвокат переоценивает свои возможности и принимает необдуманные решения;

6. Поддержание умеренной, но высокой профессиональной самооценки помогает адвокату уверенно ориентироваться в профессиональной деятельности, а также сохранять мотивацию и интерес к работе;

7. Для достижения высокого уровня самооценки необходимо постоянно совершенствоваться и не забывать о скромности и уверенности в своих знаниях и навыках.

8. Авторская модель критериев профессиональной самооценки успешности адвокатской деятельности при ее эмпирической верификации может быть дополнена и конкретизирована.

9. Предложенные автором способы совершенствования профессиональной самооценки практикующего адвоката могут быть положены в основу разработки программ психологического сопровождения, тренинга, коучинга начинающих адвокатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 томах: Т. 2. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
2. Курбатова А. С., Пухова А. Г., Беяева Т. К. Изучение самооценки как актуальное направление психолого-педагогических исследований // Перспективы науки и образования. — 2019. — № 1 (37). — С. 251–261.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — 389 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1. — М., 1989. — 488 с.

УДК 159.9

Паширова Екатерина Сергеевна,
магистрант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского»,
pashirova00@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТА ПСИХОТРАВМАТОЛОГИИ КАК НАУКИ И КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются различные теоретические и практические аспекты понятия «психическая травма» в формате интеллект-карты (mind-map). В рамках проведенного анализа информации было выделено 17 ответвлений рассмотрения этого понятия по уровням ее изучения и практического применения — от теоретического к консультативно-практическому. Отмечается, что классификация видов, уровней, механизмов и проявлений психотравмы как отдельного, полно-размерного блока имеет теоретическую значимость и практическую важность для определения генезиса, причин, степени тяжести, возможностей для диагностики каждого вида психотравмы по частоте ее проявления, по роду травматизации, травматическим последствиям и т. д. В консультативной работе с психотравмой важно понимать, что большое значение имеет выбор психотерапевтического подхода к каждому конкретному случаю как к индивидуальному проявлению травматичного опыта, который может интерпретироваться в различных психотерапевтических школах и парадигмах по-разному.

Ключевые слова: психическая травма, интеллект-карта, генезис психотравмы, процесс психотравматизации, биохимия мозга, психотерапевтические школы, направления психологического консультирования.

Pashirova E. S.
*MIND-MAP OF PSYCHOTRAUMATOLOGY AS A SCIENCE
AND CONSULTATIVE PRACTICE*

The article discusses various theoretical and practical aspects of the concept of «mental trauma» in the mind-map format. As part of the analysis of information, 17 branches of the consideration of this concept were identified according to the levels of its study and practical application — from theoretical to consultative practice. It is noted that the classification of types, levels, mechanisms and manifestations of psychotrauma as a separate, full-sized block is of theoretical significance and practical importance

for determining the genesis, causes, severity, and possibilities for diagnosing each type of psychotrauma by the frequency of its manifestation, by the type of traumatization, traumatic consequences etc. In counseling work with psychotrauma, it is important to understand that it is of great importance to choose a psychotherapeutic approach to each specific case as an individual manifestation of traumatic experience, which can be interpreted in different psychotherapeutic schools and paradigms in different ways.

Keywords: mental trauma, mind map, psychotrauma genesis, psychotraumatization process, brain biochemistry, psychotherapeutic schools, directions of psychological counseling.

Психическая травма занимает особое место в системе психологического знания, так как она является автономным, широким понятием, которое сложно зафиксировать в рамках одной узкой категории, поэтому нами была создана на онлайн-платформе предлагаемая классификационная интеллект-карта.

В рамках выбранной формы была составлена обширная классификационная схема понятия «психическая травма» (рис. 1).

Предваряя описание каждой из ответвлений предлагаемой интеллект-карты, дадим ее общую характеристику.

Ментальная карта — интеллект-карта, «mind-map» — это техника визуализации информации, с помощью расширенной схемы.

Схема понятия «психическая травма» составлена нами от общего к частному, по смысловой нагрузке схема читается справа налево, начиная с правого верхнего угла: теоретическая часть (определение, расширенная классификация, причины, генезис и т. д.), практическая часть (направления работы с психической травмой, демонстрационный кейс и т. д.).

В ходе описания понятия нами были выделены четыре основных определения психотравмы (рис. 2).

В ментальную карту из-за большого текстового объема не было включено пятое, также немаловажное определение, которое мы почерпнули из работы Е. С. Мазур: «Психическая травма определяется как состояние сильного травматического стресса, переживаемого человеком при столкновении с внезапным, потенциально угрожающим его жизни событием, которое превосходит возможности индивида и которое он, поэтому, не способен ни контролировать, ни сколько-нибудь эффективно отреагировать» [4, с. 3]. И дополнение к этому определению о том, что психотравма может быть единовременной и повторяющейся, и переживание человека в виду уникальности психических процессов каждой отдельной личности не всегда вызывается объективно негативным событием.

Блок классификации психической травмы занимает достаточно большую часть карты. Во-первых, нами были выделены виды психотравмы по критерию ее генезиса (психотравма утраты, социальных, интимно-личностных отношений и т. д.). Во-вторых, причины возникновения психотравмы разделились на две основные дуги — внешние (глобальные события) и внутренние обстоятельства (нарушения Я-концепции и т. д.). В-третьих, психотравма рассматривалась как преимущественно индивидуальный процесс, чаще всего не зависящий, в силу

сложности столкновения с психической травмой от возраста. В-четвертых, мы на карту внесли ответвление, отражающее такой важный формальный аспект как частота травмы.

В соответствии с классификацией О. В. Защириной [2, с. 21] были обозначены и определены монотравмы и политравмы (рис. 3).

Далее в рамках изученного материала были прописаны травмы, классифицируемые по степени тяжести: тяжелая, экстремальная, катастрофическая [6, с. 3].

На карте выделены также и основные реакции на травматичное событие («бей», «беги», «замри»), что является не ключевой, но определяющей категорией в работе консультирующего психолога (рис. 4).

Следующее ответвление карты в качестве отдельного блока выделяет нейронауки, в рамках которых проводится много исследований по данной теме — это особенности работы мозга при ситуативном или хроническом стрессе, прово-

Рис. 3. Частота психической травмы

Рис. 4. Реакции на травматичное событие

цирующие высокий риск нарушения биохимии мозга, в частности, при повышенном уровне тревоги, соматических заболеваниях, индивидуально-значимых травматических событиях и т. п.

Для определения степени влияния травматического опыта на жизненное благополучие клиента важно грамотно провести диагностические сессии с ним. В формировании общей картины его психического состояния большое значение имеет изучение логики протекания самого процесса психотравматизации (рис. 5).

Следующим значимым понятием для диагностики мы на карте обозначаем род травматизации: непосредственно пострадавшие, свидетели, косвенно пострадавшие (рис. 6).

Далее были расписаны особенности симптоматики при психической травме — с учетом того, что категоризация может рассматриваться только в разрезе самих проявлений травмы, степени их коморбидности, яркости и других факторов, выявляемых исключительно в индивидуальном порядке [7, с. 14] (рис. 7).

Еще одно ответвление карты обращено к методам, этапам, основным направлениям работы консультирующего психолога с психической травмой (рис. 8, 9, 10).

В частности, на рис. 8 представлено ответвление, на котором отражены методы работы с психотравмой в рамках и парадигме основных психотерапевтических подходов [1, с. 15]. Подходы отображены с учетом только общего вектора каждого из них, поскольку в психотерапевтической практике применения каждого из подходов существует большое множество его ответвлений, которые вполне применимы для работы с конкретной психотравмой.

При рассмотрении этапов и направлений оба рисунка 9 и 10 не обязательно соотносятся друг с другом, однако, они во многом дополняют друг друга. Например, понимание консультантом нарушений у клиента в сфере эмоциональной регуляции может помочь выйти при диагностике на работу с телесными ощущениями.

И последнее ответвление — это демонстрационный кейс описания и работы с конкретной психотравмой (политравмой).

В итоге, после рассмотрения составленной интеллект карты, можно сделать вывод о том, что такой метод позволил нам достаточно широко, глубоко и систематизировано рассмотреть понятия психической травмы и на теоретико-концептуальном, и на консультативно-практическом уровне.

Для большинства обозначенных на карте ответвлений можно подобрать референтные примеры, которые релевантным образом подчеркнули бы теорию, однако в рамках статьи рассмотреть в полном объеме все нюансы составленной нами интеллект-карты не представляется возможным. Но, несмотря на это, разбор понятия психотравмы в формате интеллект карты все же позволил нам в статье достаточно полно проанализировать, обобщить и представить изученный материал, позволяя при этом многопланово визуализировать общую картину данного явления.

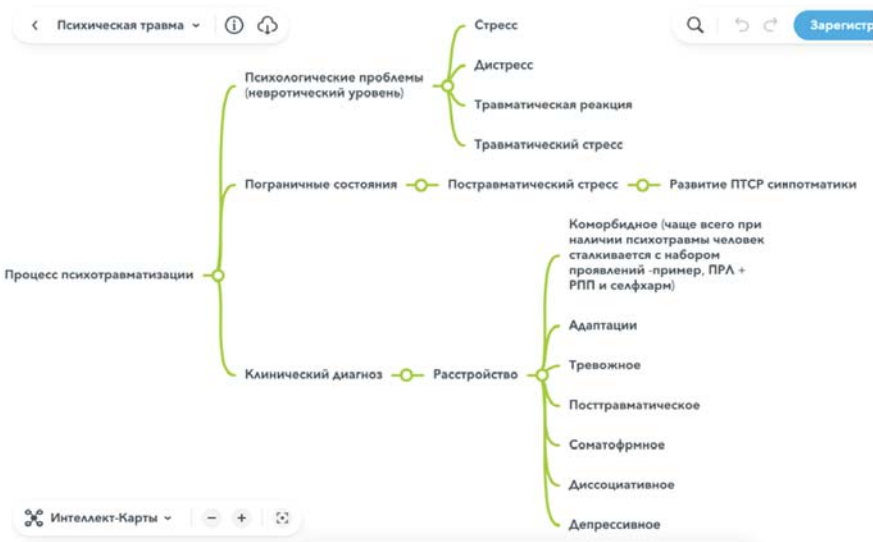

Рис. 5. Процесс психотравматизации

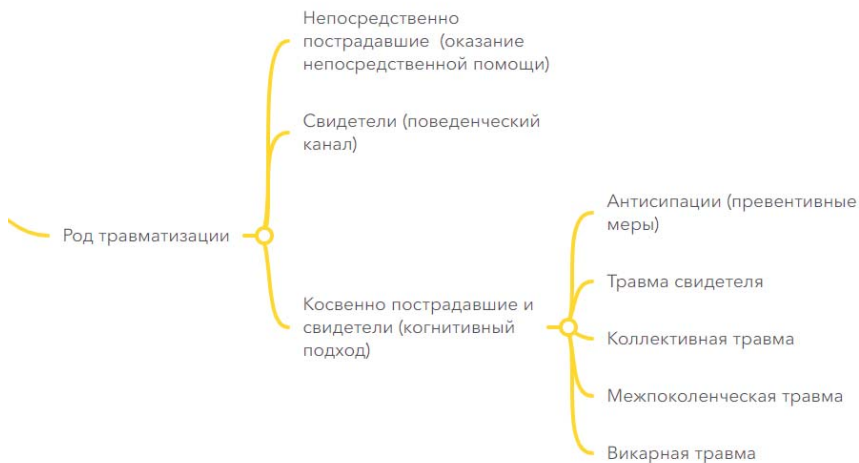

Рис. 6. Род психотравматизации

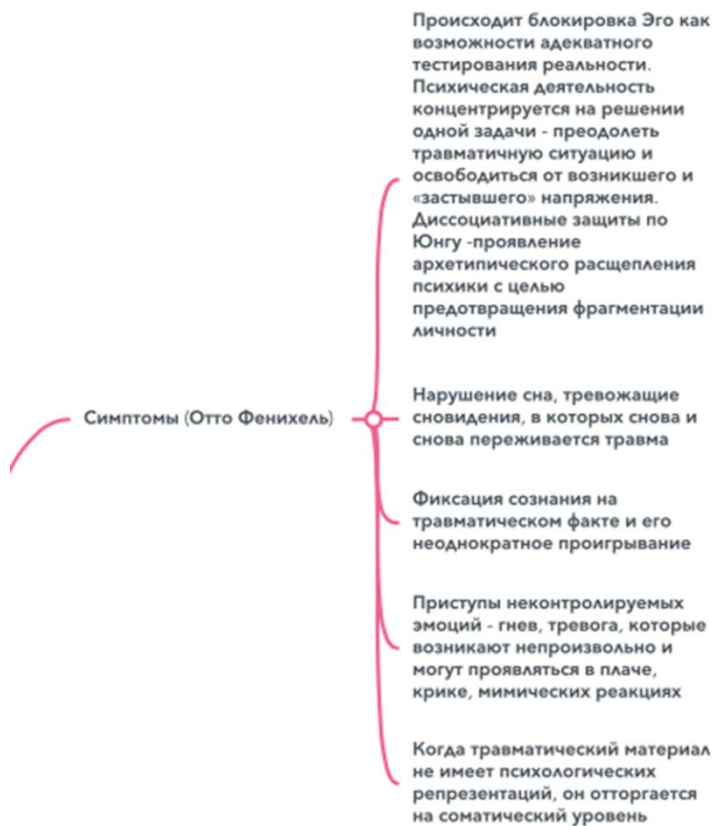

Рис. 7. Симптоматика психической травматизации

Рис. 8. Методы работы с психической травмой

Рис. 9. Этапы работы с психической травмой

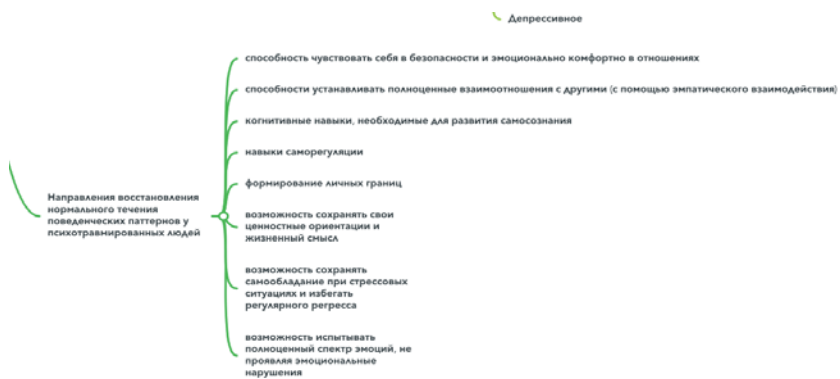

Рис. 10. Направления работы с психической травмой

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусакова М. П. Психологическое консультирование: учебное пособие. — М.: Эксмо, 2019. — 47 с.
2. Защирина О. В. Психические травмы в межличностных отношениях. — СПб.: СПбГУ, 2022. — 220 с.
3. Леонтьев Д. А. Психология смысла. — М.: Смысл, 2003. — 488 с.
4. Мазур Е. С. Психическая травма и психотерапия // Московский психологический журнал. — 2003. — № 1. — С. 31–52.
5. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра / Н. Римицан. — СПб.: Питер, 2019. — 348 с.
6. Петрова Е. А. Феномен психотравмы: теоретический аспект. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-psihotravmy-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 09.06.2023).
7. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. — М.: Академический Проект, Трикста, 2013. — 624 с.
8. Хэррис Р. Полное наглядное пособие по терапии принятия и ответственности / Пер. с англ. А. И. Карпухиной. — М.: Эксмо, 2022. — 432 с.
9. Шарапов А. О., Матвеев О. В. Современные технологии психологического консультирования и психотерапии: практическое пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — 178 с.
10. Fischer E. G. Kepler und die unsichtbare Welt: Eine Hieroglyphe / Н. Римицан. — СПб.: Книга по требованию, 2021. — 254 с.

УДК 159.9

Пуцман Анастасия Владимировна,
магистрант кафедры педагогики и педагогической психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
anastasiaputsman11@gmail.com

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье приводятся результаты оригинального эмпирического исследования, направленного на выявление взаимосвязи способности распознавания аффективных компонентов историй в полидискурсивном коммуникативном пространстве в мини-группах по 5 человек и меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта в этих же группах. В исследовании участвовали ученики старших классов. Методический инструментарий исследования — тест, направленный на измерение эмоционального интеллекта. Мера несогласованности оценивалась в ответах на тест эмоционального интеллекта внутри каждой группы старшеклассников.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, полидискурсивная среда, полидискурсивный диалог, полидискурсивное коммуникативное пространство.

Putsman A. V.

EXPERIENCE OF APPLYING THE DISCURSIVE APPROACH IN THE STUDY OF THE COMPONENTS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

The article presents the results of an original empirical study aimed at identifying the relationship between the ability to recognize the affective components of stories in a polydiscursive communicative space in mini-groups of 5 people and the measure of inconsistency in the manifestations of emotional intelligence in the same groups. The study involved high school students. Methodological research tools — test aimed at measuring emotional intelligence. The measure of inconsistency was assessed in the responses to the emotional intelligence test within each group of high school students.

Keywords: emotional intelligence, polydiscursive environment, polydiscursive dialogue, polydiscursive communicative space.

Предпринимая попытку описать современность, ученые разных областей знания преимущественно отмечают такие ее свойства как полифоничность, релятивистскую природу, ускорение изменений, мобильность, текучесть, разнообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность и неопределенность. В этой ситуации возникает целый ряд вопросов и проблем, требующих специального исследования. Например, вопросы: как люди реагируют на эти проявления современности: от адаптации к сложности — до архаичных практик упрощения и изоляции; от адаптации к среде — до адаптации среды? [1]. Точных ответов на эти вопросы пока нет. Но понятно, что в наше время в противоположность миру устойчивому, предсказуемому, простому и определенному приходит мир нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный [2].

В попытке найти предикторы психологической устойчивости и социальной адаптации в современном мире научное психологическое сообщество все чаще стало обращается к теории эмоционального интеллекта.

Эмоциональный интеллект — это четко измеряемая когнитивная способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях, воспринимать эмоции, определять их значения, связи друг с другом, использовать информацию об эмоциях в качестве основы для мышления и принятия решений [16]. Особое место в психологических исследованиях занимает изучение эмоционального интеллекта в группе подростков [4]. При этом в исследованиях используются методы, нормы которых ориентированы на большие выборки [13, 17].

В силу этого в основе данных методов лежит предположение о наличии единого и единственно верного для общего социокультурного пространства способа выражать, распознавать, понимать, управлять эмоциями.

Однако контекстом жизни для современного человека сейчас выступает множественность социокультурных пространств. Единственность этого множества сред не создает для человека единого контекста, для адаптации к которому он бы мог в процессе социализации сформировать устойчивую систему установок поддержания общекультурного социального договора, не задает единого дискурса, общего формата межличностных и их иерархии [5].

Дискурсивный подход в психологии, рассматривая среду, как пространство для развертывания коммуникативных актов, выражений жизненных историй, столкновений и переплетений разных дискурсов, отмечает такое ее важное новое качество как полидискурсивность.

Например, такая полидискурсивная среда с большой долей вероятности может спонтанно сформироваться на уроках психологии в школе, в особенности, если эти уроки проводятся как предметы по выбору, то есть, фактически в мини-группах.

Примеры таких полидискурсивных диалогов можно найти, например, в книге И. М. Никольской и Г. Л. Бардиер «Уроки психологии в начальной школе» [15]. И. М. Никольской с использованием дискурсивного подхода был разработан метод серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков [14]. Дискурсивный подход применялся Г. Л. Бардиер на уроках психологии в целях развития мышления ребенка [3].

Полидискурсивность понимается нами как столкновение в одном коммуникативном пространстве множества дискурсов, иерархия которых четко не определена.

Каждый дискурс может задавать свои правила ведения коммуникации, в том числе и приемлемых способов выражения, трактовки, понимания эмоциональных состояний. То, что в одном контексте конвенционально приемлемо, может оказаться неэффективным в другом [18].

Мы предполагаем, что современная полидискурсивная среда может требовать от человека новых умений, инструментов адаптации к ней. Теперь человеку недостаточно знать общие правила эмоционального языка.

Более важным коррелятом социально-психологической адаптации может выступать согласованность человека со своей малой референтной группой — по ее собственным, уникальным правилам — и способность освоить и применить новые правила при коммуникации с другой группой. Возможно, данный параметр может выступать фактором социально-психологической адаптации, ресурсом для противостояния разного рода рискам, в том числе, вызывающим дезадаптацию, психическую травму. А возможно напротив, чрезмерная гибкость и отсутствие единой модели коммуникативных стандартов приведет к росту дезадаптации в обществе в целом, к возникновению замкнутых микрогрупп, требующих уникального понимания [7].

В работах О. В. Заширинской [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12] убедительно показано, как нарушение коммуникации в малых референтных группах (школьный класс, круг друзей) может приводить к таким проблемам, как формирование делинквентных ценностных ориентаций и норм девиантного поведения, включая школьный буллинг [9, 8]. А неадекватные стили общения школьников — это очевидный предиктор психотравматизации всех субъектов современного образовательного пространства [7, 10].

Нарушение коммуникации в семье может способствовать нарушению привязанности и формированию неконструктивных психологических защит у отдельных членов семьи, к семейной психотравматизации в целом [6, 11, 12].

Для эмпирической проверки данных предположений мы воспользовались материалами русскоязычной версии теста Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT-YRV) в адаптации Сергиенко Е. А., Хлевной Е. А., Киселевой Т. С. [17], но анализ проводился не по стандартизированным нормам [16], а оценивалась мера несогласованности в ответах на тест эмоционального интеллекта внутри группы старшеклассников.

В ходе эксперимента мы провели 24 очные встречи со старшеклассниками, сгруппировав участников этих встреч по пять человек. Фиксировались способности участников этих мини-групп в игровой коммуникации выражать и распознавать аффективные компоненты историй друг друга (заданную экспериментатором эмоцию, выбранную самостоятельно эмоцию, валуацию).

Целью исследования было выявление взаимосвязи способности распознавания аффективных компонентов историй в полидискурсивном коммуникативном пространстве и меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта старшеклассников.

Задачи исследования:

1. Выявление меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта;
2. Выявление уровня социально-психологической адаптации старшеклассников;
3. Анализ способности к распознаванию и выражению аффективных компонентов историй в структурированной коммуникации в малой группе из 5-ти человек;
4. Выявление взаимосвязи способности к выражению и распознаванию аффективных компонентов историй, меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта и самооценки социально-психологической адаптации старшеклассников.

Гипотезы:

1. Существует взаимосвязь меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта со способностью распознавать аффективный компонент историй;
2. Существует обратная связь меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта и уровня социально-психологической адаптации;
3. Способность распознавать валюацию в рассказе собеседника в большей степени связана с адаптацией старшеклассников, чем способность распознавать и выражать эмоции.

Выборку исследования составили 58 учеников 10–11 классов общеобразовательных средних школ г. Санкт-Петербурга, юноши (55,2%) и девушки (44,8%) в возрасте от 16 до 18 лет.

Для проверки сформулированных нами гипотез был осуществлен анализ данных, полученных по таким переменным, как мера общей несогласованности ответов, мера согласованности ответов по каждой из способностей эмоционального интеллекта (распознавание и выражение, понимание, управление, использование эмоций), способность к распознаванию и выражению аффективных компонентов истории (заданную экспериментатором эмоцию, выбранную самостоятельно эмоцию, валюацию).

На первом этапе мы проанализировали распределения участников по каждой из переменных.

Анализ распределения выборки по мере несогласованности проявлений эмоционального интеллекта

По переменной «Общая несогласованность» оказалась заметна незначительная тенденция к общей согласованности в ответах.

По переменной «несогласованность в распознавании» также заметна тенденция к общей согласованности в ответах.

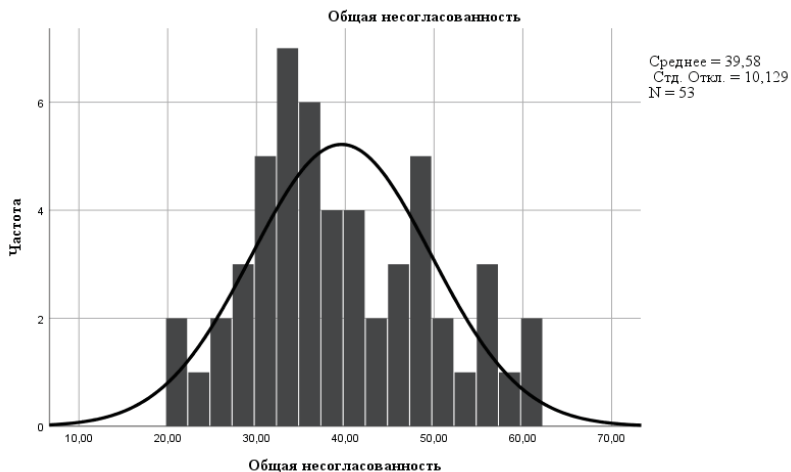

Рис 1. Распределение значений по показателю «общая несогласованность»

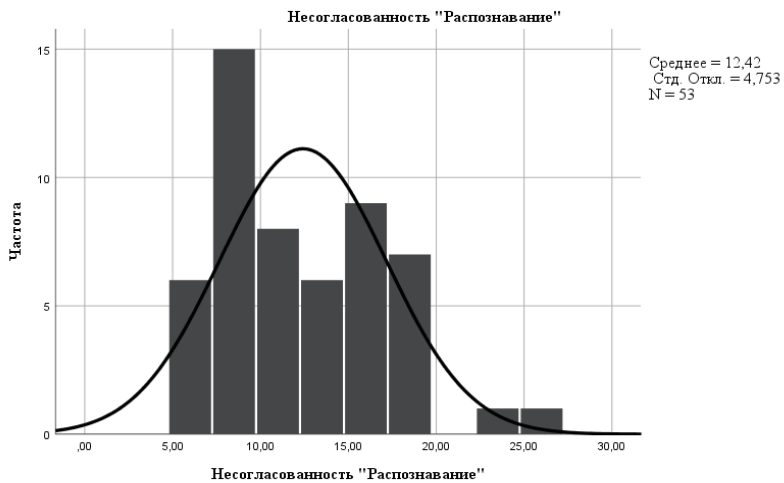

Рис 2. Распределение значений по показателю «несогласованность в распознавании»

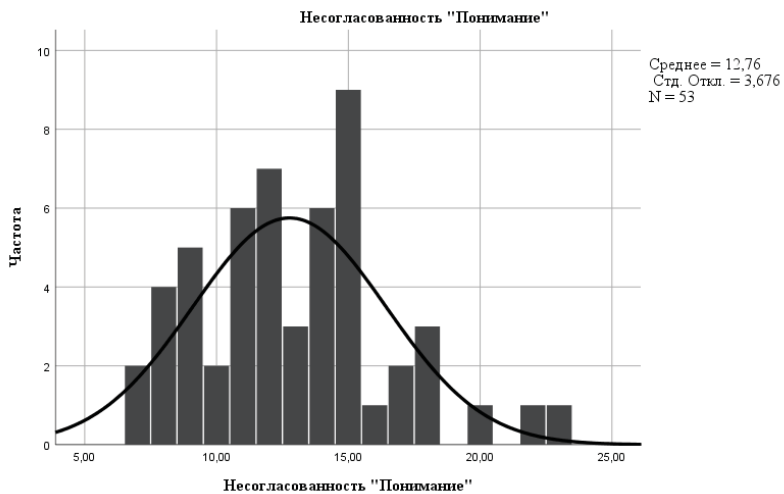

Рис 3. Распределение значений по показателю «несогласованность в понимании»

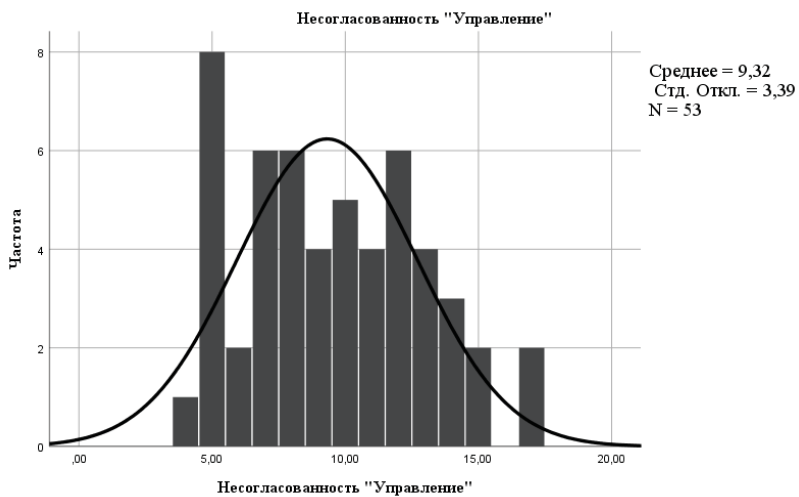

Рис 4. Распределение значений по показателю «несогласованность в управлении»

Анализ распределения выборки по способности распознавания и выражения аффективных компонентов истории

По способности выразить и распознать заданную экспериментатором эмоцию через историю выборка разделилась следующим образом (Рис. 5):

1. 12,73% респондентов кому не удалось корректно распознать эмоции других участников, а также выразить свою эмоцию понятным для остальных образом;

2. 23,64% респондентам удалось выразить заданную экспериментатором эмоцию так, чтобы остальные поняли его, но не удалось корректно распознавать эмоции других участников;

3. 25,45% респондентов не удалось выразить заданную эмоцию понятным для остальных образом, но удалось хорошо распознавать эмоции других участников;

4. 38,18% респондентов хорошо справились с обеими задачами.

По способности выразить и распознать выбранную самостоятельно эмоцию через историю распределение выглядело следующим образом (Рис. 6):

1. 14,55% респондентов были отнесены в группу тех, кому не удалось корректно распознать эмоции других участников, а также выразить свою эмоцию понятным для остальных образом;

2. 27,27% респондентам удалось выразить заданную экспериментатором эмоцию так, чтобы остальные поняли его, но не удалось корректно распознавать эмоции других участников;

3. 29,09% респондентов не удалось выразить заданную эмоцию понятным для остальных образом, но удалось хорошо распознавать эмоции других участников;

4. 29,09% респондентов хорошо справились с обеими задачами.

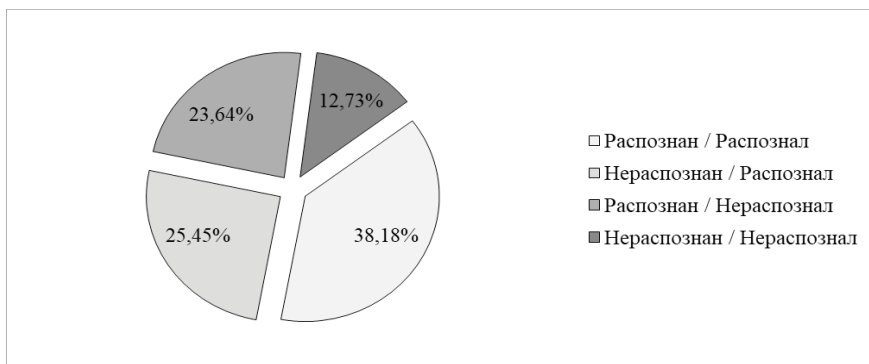

Рис 5. Распределение участников по способности выразить и распознать заданную экспериментатором эмоцию

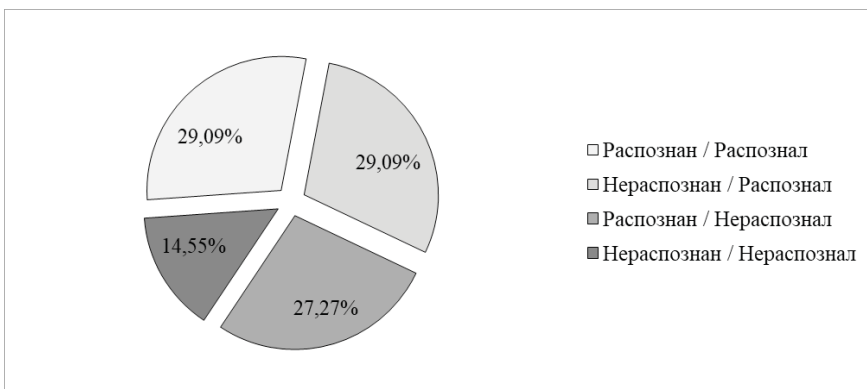

Рис 6. Распределения участников по способности выразить и распознать выбранную самостоятельно эмоцию

По распределениям можно заметить, что во второй игре количество участников, хорошо справившихся с обеими задачами, снизилось.

Анализ сравнения групп по данной переменной показал, что присутствуют различия на уровне статистической тенденции (Табл. 1).

Таблица 1. Результаты сравнения групп (игра 1 и игра 2) по способности выразить и распознать эмоцию

Название характеристики	Сравниваемые группы	Хи-квадрат Пирсона	P
Способность выразить и распознать эмоцию	задана экспериментатором (Игра1)	15,918	0,069
	выбрана самостоятельно (Игра2)		

По способности распознать валюацию (аффективно заряженный компонент истории, личностный смысл) было получено следующее распределение (Рис. 7):

1. 32,20% участников получили высокий уровень по распознаванию валюаций по историям;
2. 18,50% показали уровень выше среднего;
3. 24,10% показали уровень ниже среднего;
4. 22,20% плохо справились с распознаванием валюаций

Сравнительный анализ меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта у групп с разным уровнем способности распознавать аффективные компоненты истории

Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта со способностью распознавать аффек-

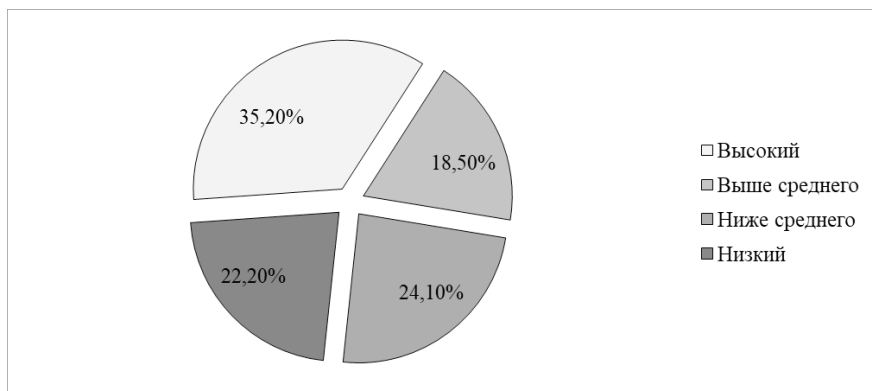

Рис 7. Распределения участников по способности распознать валютацию

тивный компонент истории был проведен сравнительный анализ посредством критерия Краскала-Уоллеса.

- При сравнении групп с разным уровнем способности выражать и распознавать заданную экспериментатором эмоцию через историю по показателям меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта были получены следующие результаты (Табл. 2):

- Данные группы различаются на уровне статистической достоверности по двум параметрам несогласованности: понимание ($p = 0,035$, при $N = 8,579$) и управление ($p = 0,032$, при $N = 8,773$)

- Данные группы различаются на уровне тенденции по общей несогласованности ($p = 0,078$, при $N = 6,826$)

Таблица 2. Сравнительный анализ групп с разной мерой успешности в распознавании эмоций в игре № 1 (критерий Краскала-Уоллеса)

Параметр несогласованности	H-Краскала-Уоллеса	p-уровень значимости
Общая несогласованность	6,826	0,078*
Распознавание	3,700	0,296
Использование	2,576	0,462
Понимание	8,579	0,035**
Управление	8,773	0,032**

Примечание: * — статистическая значимость на уровне тенденций $p \leq 0,1$;
 ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$; *** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$

Для определения направленности различий мы использовали критерий U-Манна-Уитни (Табл. 3).

В результате было выявлено, что группа, которая хорошо распознавала эмоции других участников, а также выражала свои эмоции понятным для остальных образом отличается от группы, которая плохо выражала свои эмоции, но хорошо распознавала эмоции других по показателю «несогласованности в понимании» ($p = 0,005$, $U = 51,5$).

Также были выявлены значимые различия по показателю «несогласованность в понимании» между группами, где респонденты плохо справлялись с обеими задачами и где респонденты хорошо распознавали эмоции других, но плохо выражали заданные эмоции ($p = 0,042$, $U = 14,5$).

Помимо этого группы, где респонденты плохо справлялись с обеими задачами и где респонденты хорошо распознавали эмоции других, но плохо выражали заданные эмоции значимо различаются по показателю «Несогласованность в управлении» ($p = 0,009$, $U = 8$).

Таблица 3. Сравнительный анализ групп с разной мерой успешности в распознавании эмоций в игре № 1 (критерий Манна-Уитни)

Название характеристики	Сравниваемые группы	U	p
Несогласованность «Понимание»	Распознан / Распознал	51,5	0,005***
	Нераспознан / Распознал		
	Нераспознан / Распознал	14,5	0,042**
	Нераспознан / Нераспознал		
Несогласованность «Управление»	Распознан / Распознал	83,0	0,107
	Нераспознан / Распознал		
	Нераспознан / Распознал	8,0	0,009***
	Нераспознан / Нераспознал		

Примечание: M — среднее значение; U — значение критерия Манна-Уитни; p — уровень значимости; ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$; «составлено автором»

- При сравнении групп с разным уровнем способности выражать и распознавать выбранную самостоятельно эмоцию через историю по показателям меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта значимых различий получено не было.

- Также не было получено значимых различий при сравнении групп с разным уровнем способности распознавать валюацию по показателям меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта.

Сравнительный анализ групп с разным уровнем способности распознавать валюацию по уровню социально-психологической адаптации

Для того, чтобы проверить гипотезу о том, что способность распознавать валюацию в рассказе собеседника будет в большей степени связана с адаптацией старшеклассников, чем способность распознавать и выражать эмоции нами был проведен сравнительный анализ посредством критерия Краскала-Уоллеса.

В результате было выявлено, что группы с разным уровнем способности распознавать валюацию различаются по параметру «Адаптивность» ($p = 0,044$, при $N = 8,085$) (Табл. 4).

Таблица 4. Сравнительный анализ групп с разной мерой успешности в определении валюаций (критерий Краскала-Уоллеса)

Характеристики СПА	Н-Краскала-Уоллеса	p-уровень значимости
Адаптивность	8,085	0,044**
Деадаптивность	0,979	0,806
Принятие себя	4,506	0,212
Непринятие себя	2,454	0,484
Эмоциональный комфорт	4,066	0,254
Эмоциональный дискомфорт	0,953	0,813
Доминирование	0,531	0,912
Ведомость	2,652	0,449
Эскапизм	2,458	0,483

Примечание: * — статистическая значимость на уровне тенденций $p \leq 0,1$; ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$; *** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$

Для определения направленности различий мы использовали критерий U-Манна-Уитни (Табл. 5).

Было выявлено, что группа с высоким результатом по распознаванию валюаций значительно отличается от группы с результатом ниже среднего по параметру «Адаптивность» ($p = 0,011$, $U = 58,5$).

Таблица 5. Сравнительный анализ групп с разной мерой успешности в распознавании валютаций (U-Манна-Уитни)

Шкала	Сравнимые группы	U	p
Адаптивность	Высокий результат	58,5	0,011**
	Результат ниже среднего		

*Примечание: M — среднее значение; U — значение критерия Манна-Уитни; p — уровень значимости; ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$; «составлено автором»

Выводы

1. В результате эмпирического исследования мы получили значимые обратные взаимосвязи между мерой общей несогласованности и интегрированными шкалами «Адаптация», «Самопринятие», «Эмоциональный комфорт», а также со шкалами «Адаптивность» и «Принятие себя».

2. В результате эмпирического исследования были также получены значимые прямые связи между мерой общей несогласованности и шкалами «Деадаптивность», «Непринятие себя» и «Эмоциональный дискомфорт».

3. Мера несогласованности в распознавании показала значимую прямую связь со шкалами «Деадаптивность», «Непринятие себя», «Эмоциональный комфорт», «Эскапизм», а также значимую обратную связь со шкалами «Адаптация», «Эмоциональный комфорт», «Самопринятие».

4. Обратная связь была обнаружена между мерой несогласованности по управлению и шкалой «Адаптация».

5. Обратная связь была обнаружена между мерой несогласованности в использовании и интегральной шкалой «Самопринятие», а также со шкалами «Доминирование», «Адаптивность», «Принятие себя».

6. Были обнаружены различия в группах с разным уровнем способности выражать и распознавать заданную экспериментатором эмоцию по мере несогласованности в понимании и управлении эмоциями.

7. Были обнаружены значимые различия в группах с разным уровнем способности распознавать валютацию по параметру «Адаптивность», в то время как группы по-разному распознающие и выражающие эмоции в коммуникации (заданную экспериментатором или выбранную самостоятельно) не различались по данному параметру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Методология психологии перемен: ремесло и искусство сомнения [Приглашение к диалогу] // Mobilisinmobili: личность в эпоху перемен. — 2018. — С. 9–13.

2. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8. — № 40. — С. 1.
3. Бардиер Г. Л. Диалоговая проблематизация как способ развития мышления ребенка / Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. — Т. 8. — Тверь, 1995ю — С. 53–60.
4. Белкина О. А. Эмоциональный интеллект как предиктор учебной успешности у математически одаренных старшеклассников // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. — 2009. — № 11. — С. 92–101.
5. Зайцева Ю. Е. «Это не Адам становится меньше, просто дерево растет»: методологические заметки об изменчивом человеке в изменчивом мире (по мотивам одной рецензии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 346–358.
6. Защирина О. В. Нарушение коммуникации школьников как концепт семейной психотравматизации // Ананьевские чтения — 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18–21 октября 2022 года. — Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022. — С. 254–255.
7. Защирина О. В. Психотравматизация и концепты развития стилей общения школьников в современном образовательном пространстве // Ресурсы развития. — 2019. — № 2. — С. 57–63.
8. Защирина О. В., Кретова М. В. Школьный буллинг как проблема семьи ученика // Сборник материалов: XIII Всероссийского форума, XIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной всемирному дню учителя. Конференция «Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения». — Санкт-Петербург, 2021. — С. 115–125.
9. Защирина О. В., Лободин В. Т. Формирование ценностных ориентаций как профилактики аддиктивного поведения подростков // Роль социальных институтов в профилактике вредных привычек. Материалы научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 157–172.
10. Защирина О. В., Тамбовцева Ю. В. Особенности отношения к себе и другим у человека с психической травмой // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде: сборник научных трудов / Науч. ред. Защирина О. В. — СПб.: АНО «София», 2020. — С. 22–31.
11. Защирина О. В., Турчанинов Е. Е. Теоретический обзор научных работ по изучению психологических защит при нормальном и нарушенном интеллекте // Вестник психотерапии. — № 73(78), 2020. — С. 87–99.
12. Защирина О. В., Чернякова Т. А. Теория привязанности в контексте психотравматизации ребенка // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде: сборник научных трудов / Науч. ред. Защирина О. В. — СПб.: АНО «София», 2020. — С. 32–51.
13. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. Сер. Труды Ин-

ститута психологии РАН; под редакцией Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. — М., — 2004. — С. 29–36.

14. Никольская И. М. Метод серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков. Учебное пособие для врачей и психологов. — СПб.: Изд. СПбМАПО, 2009. — 58 с.

15. Никольская И. М., Бардиер Г. Л. Уроки психологии в начальной школе: из опыта работы. — СПб., Рига ПЦ «Эксперимент, 1997. — 86 с.

16. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT V2. 0), русскоязычная адаптация. — М.: Издательство «Институт психологии РАН, 2009. — С. 308–331.

17. Сергиенко Е. А., Хлевная Е. А., Киселева Т. С. Тест эмоционального интеллекта подростков (MSCEIT-YRV): русскоязычная адаптация // *Journal of Modern Foreign Psychology*. — 2021. — Т. 10. — № . 4. — С. 73–84.

18. Shotter J. Social accountability and selfhood. — Basil Blackwell, 1984. — 253 p.

Свирбутович Дарья Юрьевна,
практический психолог,
chernobay@inbox.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ
К УВАЛЧЕНИЮ ДЕТЕЙ
ВЫМЫШЛЕННЫМИ ПЕРСОНАЖАМИ СУПЕРГЕРОЕВ**

В статье обозначается проблема социальной оценки увлеченности детьми вымышленными персонажами супергероев. Важность такой оценки связана с обеспечением психологического благополучия детей в процессе их воспитания, в первую очередь, в семье, родителями. Рассматриваются результаты опроса родителей об их осведомленности и отношении к увлечению их детей вымышленными персонажами супергероев, в частности, к супергероям из вселенной Марвел.

Ключевые слова: социальная оценка, психологическое благополучие, детские увлечения, супергерои, психология родительства.

Svirbutovich D. Y.

*A STUDY OF PARENTS' ATTITUDE TO CHILDREN'S PASSION
FOR FICTIONAL SUPERHEROES*

The article identifies the problem of social assessment of children's passion for fictional characters of superheroes. The importance of such an assessment is related to ensuring the psychological well-being of children in the process of their upbringing, primarily in the family, by parents. The results of a survey of parents about their awareness and attitude towards their children's passion for fictional characters of superheroes, in particular, superheroes of the Marvel universe, are considered.

Keywords: social assessment, psychological well-being, children's hobbies, superheroes, parenting psychology.

В последние десятилетия в России наблюдается рост интереса детей к супергероям. Этот интерес интенсивно подогревается индустрией, выпускающей всевозможную продукцию с изображениями самых популярных вымышленных персонажей супергероев разных стран, и в наибольшей степени — супергероев из американских комиксов.

Дети знают имена всех супергероев наперечет, включают их в свои игры, требуют от родителей, чтобы им покупали всевозможную продукцию, связанную с супергероями — книжки, игрушки, футболки, всякого рода атрибутику, обозначающую того или иного супергероя. За спиной у родителей дети увлеченно смотрят видео с супергероями на своих гаджетах, обмениваются соответствующей атрибутикой, собирают коллекции, цитируют любимых супергероев, рисуют их, подражают им.

Возникает вопрос: можно ли рассматривать такое увлечение детьми супергероями как социальный процесс современности? Следует ли подумать о социальной оценке этого процесса? Как этот процесс может влиять (и реально влияет) на настоящее и будущее психологическое благополучие вовлеченных в него детей? Нужно ли обратить на этот процесс какие-то воспитательные меры? И если нужно, то с чьей стороны — родителей, воспитателей дошкольных учреждений, школы?

Для возможно полного ответа на все эти и подобные им вопросы необходимо начать с определения и описания ряда понятий, в частности, понятий «социальный процесс», «психологическое благополучие», «детские увлечения», «супергерои как вымышленные персонажи», «воспитательные меры» (в частности, в рамках психологии родительства).

Основные понятия

Вслед за американским социологом Т. Парсонсом белорусский политолог Н. П. Денисюк выделяет в каждой социальной системе два вида процессов. Одни процессы — управляющие и интегративные, которые восстанавливают равновесие (стабилизацию) социальной системы после внешних и внутренних возмущений. Эти социальные процессы (демографические, экономические, политические, духовные) обеспечивают воспроизводство общества и непрерывность его развития. Другие процессы затрагивают систему основных идеалов, ценностей, норм, которыми руководствуются люди в социальном поведении. Их называют процессами структурных изменений. Они более глубокие и существенные [2].

«Стержневым элементом многих социальных процессов, затрагивающих систему основных идеалов, в современном обществе является фигура героя, поскольку является средством представления сути происходящего» [5]. Это говорит об актуальности феномена героизма в современной культуре

Рассмотрим, как именно социальный процесс, представляющий собой актуализированный феномен героизма, может влиять на психологическое благополучие современных детей. Обозначим термин «психологическое благополучие» как баланс между физическим здоровьем, интеллектуальными процессами, устойчивым эмоциональным фоном, системой ценностей и взглядов на мир индивида.

Поскольку речь идет о детях, стоит упомянуть о том, как психологическое благополучие формируется.

Кандидат психологических наук Воронина А. В. считает, что формирование происходит в процессе деятельности на четырех пространствах бы-

тия — биологическом, социально-педагогическом, социально-культурном, духовно-практическом, в виде внутренних интенций человека (сознательных и бессознательных и ресурсных установок) — жизнеспособности, самоконтроля, саморазвития, самовыражения и самореализации.

Автор указывает, что психологическое благополучие может быть рассмотрено на четырех уровнях — психосоматическое здоровье, социальная адаптированность, психическое и психологическое здоровье. Все это отражается как в субъективных состояниях и переживаниях человека, так и в объективно наблюдаемом своеобразии поведения и фактов жизненного пути [1].

Для психологического благополучия, в том числе ребенку, нужны увлечения. В данной статье, будем рассматривать этот термин как основанный на интересах досуг (просмотр мультфильмов с любимыми персонажами-супергероями, игры в игрушки любимых персонажей, ролевые и постановочные игры в супергероев). Помимо того, что увлечения ребенка доставляют ему приятные эмоции, они еще и могут ему помочь:

- избавиться от скуки,
- преодолеть состояние стресса,
- наладить общение с новыми людьми,
- завести друзей со схожими интересами,
- получить новые навыки, способствующие личному развитию,
- получить возможность выплеснуть отрицательные эмоции,
- развить положительные чувства,
- развивать творческий потенциал,
- повысить самооценку и уверенность в себе,
- содействовать психосоциальному и физическому росту, необходимому для поддержания здоровья и общего благополучия [6].

Предметом нашего исследования являются детские увлечения супергероями из анимационных, полнометражных фильмов, комиксов, детских мультсериалов.

Кто же такие эти супергерои?

По определению, супергерой — это вымышленный герой, обладающий необычными или сверхчеловеческими силами; также: исключительно умелый или успешный человек.

Благодаря «двойной идентичности» супергероев читатель (в нашем случае чаще — зритель) провоцируется на то, чтобы ассоциировать себя с супергероем.

Каждый такой «сверхчеловек» обладает негероической составляющей образа: Супермен — журналист, Бэтмен — миллионер, Вандер Вуман — секретарь в генштабе и т. д. Читатель узнает супергероя и доверяет ему, как своему хорошему соседу, как себе [3]. Также и идентичность ребенка может формироваться через своих кумиров. Есть мнение, что этот процесс должен контролироваться родителями, в том числе через воспитательные меры.

Воспитательные меры — совокупность действий, направленных на достижение определенной цели воспитания. К воспитательным мерам можно отнести меры поощрения, наказания, организации деятельности и прочее [4].

Постановка проблемы

В связи с тем, что как было определено выше, увлеченность детьми супергероями вполне соответствует определению социального процесса, возникает необходимость социальной оценки этого процесса.

На психологическом языке такая оценка своей целью должна иметь настоящее и будущее психологическое благополучие наших детей. А результатом такой оценки должны стать рекомендации всем взрослым, которые заинтересованы и в социально-психологическом благополучии, и даже в психическом здоровье современных детей.

Поскольку в число таких взрослых в первую очередь входят, конечно, родители, актуальной становится проблема исследования и их осведомленности о самих супергероях, и их отношения к тому, что дети могут быть чрезмерно этими супергероями увлечены.

Организация исследования

Было принято решение провести исследование на тему отношения родителей к увлечению детей супергероями. Была выдвинута гипотеза о негативном отношении родителей к такому интересу детей.

Пройти опрос было предложено 74 родителям детей дошкольного и младшего школьного возраста. Опрос проводился в дистанционном формате (были использованы Гугл-формы). Исследование проводилось осенью 2021 года.

В качестве метода исследования был разработан авторский опросник, comprised вопросов из которого представлены на Рис. 1.

Помимо опроса была проведена серия выборочных очных интервью с родителями, чьи ответы нам показались наиболее информативными в контексте гипотезы исследования.

Выборочные варианты вопросов, которые были заданы родителям:

1. Мои дети увлекаются (интересуются) супергероями
2. Вы сами осведомлены о том, кто такие супергерои?
3. Ваше отношение к увлечению детей супергероями можно считать негативным (бесполезное и глупое увлечение)
4. Ваше отношение к увлечению детей супергероями можно считать позитивным (Вы и сами симпатизируете супергероям)
5. Увлечение детьми супергероями допускаю, но под надзором родителей

Результаты исследования

Удивительно, что согласились поучаствовать в опросе из 74 только 22 человека — всего лишь (29,7%). Отказ от участия в опросе был приравнен к равнодушному/негативному отношению к данной проблематике.

Из 22 опрошенных было 14 родителей мальчиков (64%) — это вполне репрезентативная выборка. Как и предполагалось, девочки не увлекаются супергероями, или увлекаются ими в меньшей степени. В числе откликнувшихся на опрос родителей оказались преимущественно мамы, что также изначально предполагалось, поскольку известно, что детьми дошкольного возраста в семьях чаще за-

нимаются преимущественно мамы. Результаты проведенного опроса представлены в Табл. 1.

Табл. 1. Основные результаты исследования, проведенного методом опроса

Вопросы/ответы в%	Да (%)	Нет (%)
Вопрос о том, знают ли родители о том, что их дети увлекаются (интересуются) супергероями	50	50
Вопрос об осведомленности родителей, знают ли они сами, кто такие супергерои, какие они и т. п.?	80	20
Вопрос об отношении родителей к увлечению детей супергероями: негативные ответы (бесполезное и глупое увлечение)	21,4	—
Вопрос об отношении родителей к увлечению детей супергероями: позитивные ответы (родители порой и сами симпатизируют супергероям)	57,2	—
Увлечение детьми супергероями допускаю, но под надзором родителей	21,4	—

Как видно из таблицы, 50% респондентов ответили, что их дети в той или иной мере увлекаются супергероями. Остальные 50% родителей уверены, что их дети супергероями не интересуются. Также было выявлено, что большинство родителей (80%) относятся к увлечению супергероями нейтрально, хотя сами осведомлены о супергероях и даже сами им симпатизируют.

21,4% ответивших выразили полное равнодушие к супергероям и негативное отношение к увлечению детей супергероями ввиду того, что это бесполезное и глупое увлечение. Остальные 57,2% ответивших увлечение своих детей принимают, относятся к этому факту позитивно. Но 21,4% из них выразив позитивное отношение к увлечению ребёнка супергероями, добавили «но при участии и под надзором родителей».

Выборочные интервью были проведены с тремя родителями — мамой, которая относится к увлечению ребенка супергероями положительно, мамой, которая относится к этому увлечению отрицательно, и мамой, которая рассказала про то, как может осуществляться надзор родителей.

Приведем выдержки из этих трех интервью.

Интервью 1.

Вопрос: Вы написали, что относитесь к увлечению своего ребенка положительно. Можете аргументировать — почему?

Ответ: Моему ребенку нравится Человек-паук, ему прикольно, ему нравится этот герой. Я хорошо к этому отношусь. Не вижу в этом ничего плохого. Он сегодня увлекается одним-завтра увлекается другим. Обычная тема.

Вопрос: Что Вас саму привлекает в супергероях?

Ответ: Наверное меня привлекает суперсила, супер-возможности. Нравятся супергерои женщины, типа Черной вдовы. Нравятся уникальные способности, то, чего нет в обычной жизни, их принципиальность, жертвенность, способность побеждать, находить выход из разных ситуаций — это прикольно.

Вопрос: Как вы считаете, могут ли дети чему-то у супергероев научиться?

Ответ: Они могут научить детей превозмогать себя, добиваться чего-то, помогать другим, я так думаю.

Комментарий: Из данного интервью видно, что родитель лояльно относится к увлечению своих детей супергероями. Респондент видит в этом увлечении положительное влияние супергероев на своих детей.

Интервью 2.

Вопрос: чем вы аргументируете отрицательное отношение к увлечению ребенка супергероями, кроме как глупое увлечение? Что, по вашему мнению, например, не глупое?

Ответ: Я рада, что мои дети не фанатеют по супергероям, относятся к ним ровно. Считаю, что супергерои окружают нас в жизни, а не на экране, не в Голливудских фильмах, империи Марвел, где все такие идеальные бегут спасать мир. Для моих детей супергерои — это люди, с кем они общаются. Например, родственник Сережа, который долго был следователем по особо важным делам, когда он рассказывает, где он был, что он видел, и как он это расследовал, дети слушают, раскрыв рот, особенно старший. Видно, что для него, этот человек, отчасти, супергерой. Когда мы рассказываем, что есть такая система операций, где врачи с помощью компьютерного программирования, с помощью современных технологий лечат деток и взрослых, поднимают тех, кто не мог ходить — для моих детей эти люди тоже супергерои. Супергерой — это мама, которая выращивает трех-четыре детей, да даже и двух... Это не какие-то выдуманные люди со сверхспособностями, которые приходят и спасают весь мир, нет, это не так. Глупое или не глупое увлечение, сложно судить. Я как любая мама считаю, что не глупые увлечения: математика, спорт, литература, иностранные языки.

Вопрос: Какие критерии для оценки увлечения вы используете — по уму или интуитивно?

Ответ: Скорее по уму, я стараюсь у своих детей культивировать понятие супергероев не о том, что тебе показывают, что так не бывает в жизни: пришел один чувак и спас всех. Вообще, спасение — дело неблагодарное — это раз, во-вторых, нужно работать в команде, не только ты один. И то, что там показывают эти суперспособности, это все неправда и так в жизни не бывает, не нужно ждать, что ты в жизни вот также будешь: пришел, руками помахал, все упали и все свершилось. Нет, конечно же, все не так, дети, да будет вам счастье.

Комментарий: Из интервью видна негативная оценка увлечения детей супергероями, воспринимается, как нечто глупое и недостойное внимания детей и их родителей.

Интервью 3.

Вопрос: что такое увлечение ребенка супергероями под родительским надзором? Из чего состоит этот надзор?

Ответ: Я считаю, что все, что ребенок получает из внешнего мира, в идеале, требует обсуждения с родителями. Все, что ему нравится и чем он интересуется. Обсуждать — это все что мы можем, потому что оградить от всего мы не можем физически, да это и неверно. Например, когда поднялся хайп про Мстителей, мы сели и вместе посмотрели, всей семьей обсуждая каждую серию. Были моменты, которые ребенка пугали, пришлось обсуждать несколько раз. Но многим одноклассникам родители запретили смотреть этот ужас-ужас не по возрасту фильм. В итоге, фильм посмотрели все, только некоторые втихаря, пока родители спят. И обсуждали потом тоже все. Только вот родительского взгляда у некоторых не было, только то, что они между собой в детской компании обсуждали.

Вопрос: Надзор, это то же самое, что контроль или что-то другое? Над чем еще, вы считаете, нужно установить контроль?

Ответ: Это не совсем про контроль, просто жесткий запрет не приводит к тому, что дети это воспринимают, как хочется родителям, скорее наоборот, запретное становится жутко интересным.

Комментарий: Из интервью можно сделать вывод, что родитель лояльно относится к увлечению детей супергероями, готов присоединиться к данному увлечению, чтобы помогать ребенку правильно воспринимать информацию из кинопродукции про супергероев.

Выводы и рекомендации

Вывод из опроса: Маленькое количество людей откликнулось на просьбу пройти опрос, есть предположение, что отказ от прохождения опроса тоже есть некая форма негатива к данной теме.

Исходя из ответов респондентов: большинство родителей относятся к увлечению детей супергероями лояльно, и поровну негативных отзывов, и позитивных оценок.

Рекомендации: исходя из проведенного опроса и полученных интервью, можно вынести следующие рекомендации для родителей, педагогов и психологов, работающих с детьми дошкольного и младшего школьного возраста:

1. Интересоваться увлечениями ребенка;
2. Не ставить категоричных запретов на увлечение;
3. Быть в теме, обсуждать с ребенком его увлечения.

Литература

1. Воронина А. В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: дис. канд. психол. наук. — Томск, 2002. — 220 с.
2. Денисюк Н. П. Введение в политическую теорию. — Минск, Вышэйшая школа, 2019. — 95 с.
3. Дмитриева Д. Г. Век супергероев: Истоки, история, идеология американского комикса. — М.: Изотека, 2015. — 51 с.
4. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика краткий словарь понятий и терминов. РГСУ. Москва. 2016

5. Социальная педагогика: краткий словарь понятий и терминов / М-во образования и науки Российской Федерации, Российский гос. социальный ун-т; авт.-сост. Л. В. Мардахаев. — М.: Изд-во Российского социального у-та, 2014. — 362 с.
6. Суравнева И. М., Федоров В. В. Феномен героизма. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 152 с.
7. Табернакулов М. Интересы и увлечения ребенка 3 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://jirafenok.ru/interesy-i-uvlechenija-rebenka-3-goda/> (дата обращения: 04.07.2023).

УДК 159.9

Смирнов Анатолий Эдуардович,
специалист психологии,
магистр когнитивных исследований,
azxder@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ ПРИ РАБОТЕ С МЕТАФОРИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ КЛИЕНТА

Статья посвящена использованию когнитивной теории метафоры при работе с клиентскими метафорами во время психологического консультирования. Рассмотрена двусоставная природа метафоры, выделены области подобия и области различия. Приведен кейс, где был использован когнитивный подход при работе с метафорой.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, когнитивная психология, дискурс, психотерапия.

Smirnov A. E.

USING THE COGNITIVE THEORY OF METAPHOR IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING IN WORK WITH THE CLIENT'S METAPHORICAL DISCOURSE

The article is devoted to the use of the cognitive theory of metaphor when working with client metaphors during psychological counseling. The two-part nature of the metaphor is considered, areas of similarity and areas of difference are highlighted. A case is presented where a cognitive approach was used when working with a metaphor.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, cognitive psychology, discourse, psychotherapy.

Метафора в психологии и лингвистике

Интерес к метафоре не стихает до сих пор не только в области языкознания и лингвистике, но и в психологии, психотерапии. Ее универсальность, высокая эффективность как приема подчеркивается во многих направлениях психотерапии [2, 9, 11]. Метафора, в контексте психологической работы, может выполнять экспрессивные, когнитивные, диагностические функции. Она полез-

на в преодолении сопротивления при беседе на «сложную» тему, при решении психологической трудности путем снятия противоречия между рациональным и эмоциональным отношением, для объективации внутреннего опыта [8].

Однако популярность данной темы соседствует с фактом чрезмерного расширения самого термина «метафора», что приводит к утрате собственного понятийного содержания. Так в психологическом консультировании под метафорой понимается любая образная, иносказательная презентация проблемы, личностного опыта или какой-либо иной информации. Любое высказывание, вне зависимости от своей языковой структуры, будет рассматриваться как «метафорическое», если интерпретируется адресатом коммуникации как «иносказание». «Когда какая-либо история предъявляется слушателю (в психотерапии — пациенту) с намерением оказать помощь в разрешении психологически трудной ситуации (и когда пациент подразумевает такое намерение), эта история становится метафорой» — пишет Б. Д. Карвасарский [4]. Басня, сказка, притча, история из жизни, анекдот или байка — все это «метафоры», если они употреблены с соответствующей целью. Мы оставим в стороне тот факт, что метафора определяется здесь не через набор конкретных признаков, а исходя из абстрактного намерения говорящего, а остановимся лишь на том, что такое расширение понятия не только лишает его соевой содержательности, но и препятствует исследованию ряда других, смежных с метафорой феноменов. Если под метафорой понимать любое иносказание, тогда становится невозможным говорить о метонимии, синекдохе, олицетворении или метаморфозе.

Отсутствие четкого определения метафоры оборачивается отказом от определения вовсе, доверяясь самым простым формам интуитивного понимания. Так в исследовании, посвященном «Психосемантическому анализу метафоры в психологическом консультировании» был проведен контент-анализ 25 открытых психологических консультаций, в результате которого было определено 164 метафоры [5]. Не смотря на участие в процедуре трех экспертов [кандидатов психологических и филологических наук], определения того, что в статье будет именоваться «метафорой», отсутствует. Исследователями были означены в качестве метафоры такие высказывания: «абсурд в квадрате», «липкий холод», «дождь не может идти вечно», «верхняя оболочка личности», «черная дыра внутри», «немой крик», «отношение — это танец двух партнеров», «закат жизни», «разбор полетов» и т. д. Примечательно, что одинаково «метафорами» считаются такие различные по языковой и когнитивной структуре феномены как: эпитеты (*липкий холод*), устойчивые выражения и фразеологизмы (*разбор полетов, закат жизни*), оксюморон (*немой крик*), собственно номинативные метафоры (*отношения — это танец двух партнеров*), научные термины (*невротическая защита, оболочка личности*). Конечно, все указанные высказывания являются образными, но не все они являются метафорами.

Стоит отметить, что проблема отсутствия четкого определения понятия является лишь следствием того, что метафора давно покинула пределы лингвистики и филологии, став частью философского и гуманитарного дискурса. В статье «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» Р. Якобсон расширя-

ет толкование классических тропов метафоры и метонимии, понимая их как универсальные принципы структурирования: метафора — ось селекции, а метонимия — ось комбинации [10]. Эти идеи будут заимствованы впоследствии Ж. Лаканом, который будет понимать под метафорой в принципе любую замену одного означающего другим означающим [12].

Нет единого понимания метафоры и среди лингвистов. Указание на сущность метафоры как «скрытого сравнения» включает в себя различные по семантике и синтаксису высказывания. Так Арутюнова, вслед за В. Виноградовым, настаивает на необходимости различия таких риторическим форм как: номинативная метафора (представленная отождествлением одного элемента и другого), образное сравнение (образуемое посредством компаративных связок как, будто, словно) и метаморфоза (образованное посредством творительного падежа). Различная синтаксическая структура высказываний задает различные смыслы, различную семантику, что не позволяет, по мысли Арутюновой, рассматривать их как тождественные [1].

В когнитивной психологии метафора понимается как особый способ обращения или концептуализации понятий посредством применения к ним семантики и лексики иных областей. Иными словами, метафора — это мышление одних понятий в терминах и образах других понятий. Таковой метафора предстает в исследованиях [13, 14].

Не смотря на разработанные теории метафоры в когнитивном подходе, в психологической практике и психотерапии метафора все еще остается синонимом образной речи, пусть и весьма эффективной в работе. Так в литературе, посвященной психотерапии, подчеркивается экспрессивный потенциал метафоры: она помогает выразить тот субъективный психологический опыт, который нельзя выразить простыми словами, является источником и движущей силой личности [15]. В связи с чем, метафора понимается как простое и эффективное решение самой языковой проблемы: нехватки слов для выражения неизменного. Однако такое доверие метафоре является поспешным. Не стоит забывать, что, подвергая метафорическому описанию внутренний опыт, субъект не просто объективизирует его, но, поскольку при объективации вынужден заимствовать вещи и понятия из внешнего мира, также и «субстанциирует» его [6]. Как отмечает Д. Г. Трунов: ««...субстанциальное объяснение» (Башляр), базируясь на эмпирическом опыте, нередко становится эпистемологическим препятствием, поскольку наделение фрагментов психического опыта субстанциональностью одновременно предполагает перенесение в область психического некоторых свойств субстанции» [7], которыми психический опыт как таковой обладать не может, добавим мы. Это означает, что метафора не только находит общее основание между психическим опытом и реальностью, что позволяет выразить тот самый психический опыт, но также привносит в него те аспекты, которыми последний обладать не может. Иными словами, у метафоры есть две стороны: позитивная, где обнаруживается подобие между различными концептами, и негативная — область различий. Метафора — не «панацея», но «фармакон»; в той же мере, в которой она проясняет психический феномен, она и затемняет

ет его. Игнорирование данного аспекта, на наш взгляд, является недопустимым при работе с метафорой.

Таким образом мы можем отметить ключевые особенности метафоры, которые необходимо учитывать в контексте работы с дискурсом клиента в психологическом консультировании:

1. Четко определить границы понятия;
2. Учитывать негативную сторону метафоры.

Двум этим требованиям соответствует модель концептуальной метафоры, предложенная Лакоффом и Джонсоном. По этой причине мы и взяли ее за основание.

Области подобия и различия в концептуальной метафоре

Основной тезис когнитивной теории метафоры Лакоффа и Джонсона сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев [14]. Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника», т. е. той области, которая заранее известна субъекту и выступает аналогом при уподоблении; и когнитивной структуры «цели», т. е. области, которая подвергается уподоблению. В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция». Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий.

Лакофф и Джонсон приводят много примеров универсальных концептуальных метафор, мы ограничимся одним: *спор — это война*:

- Your claims are indefensible \ Ваши утверждения недоказуемы (букв, незащитимы);
- He attacked every weak point in my argument \ Он напал на каждое слабое место в моей аргументации;
- His criticisms were right on target \ Его критические замечания били точно в цель;
- I demolished his argument \ Я разбил его аргументацию;
- I've never won an argument with him \ Я никогда не побеждал его в споре;
- You disagree? Okay, shoot! \ Вы не согласны? Хорошо, ваш выстрел;
- If you use this strategy, he'll wipe you out \ Если вы используете эту стратегию, он вас уничтожит;
- He shot down all of my arguments \ Он разгромил (букв, расстрелял) все мои аргументы.

Множество вещей, которые мы совершаем в споре, частично структурированы концептом войны. Хотя реального сражения нет, есть словесное противостояние, и структура спора — атака, защита, контратака и т. п. — отражает это. Согласно Лакоффу и Джонсону суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида. Стоит отметить, что метафора, таким образом, располагается на уровне когниций, схем взаимодействия субъекта с реальностью, а выражается в использовании лексических

конструкций определенной тематической группы. Благодаря этому нет необходимости эксплицировать всю когнитивную структуру целиком, достаточно лишь выделение области цели и области источника. Если мы уподобим концепт «жизнь» концепту «путешествие», то сразу получим то новое, метафорическое значение, которое обретут такие понятия концепта «путешествие» как: попутчик, кривая\прямая дорога, проторенная дорожка, перекресток, идти своим\чужим путем, искать путь, сбиться с пути и т. д. Уподобление «жизни» концепту «игра» даст другой спектр эквиваленций: ставка, выигрыш\проигрыш, вступление в игру, азарт, честность\подлость и т. д.

Однако, отмечают Лакофф и Джонсон, метафоризация всегда носит частичный, фрагментарный характер. Область цели и область источника покрывают друг друга, т. е. обладают взаимной эквиваленцией, лишь в ограниченном пространстве. Иными словами, есть область значений, где «жизнь» и «путешествие» действительно похожи друг на друга, где оба концепта обладают общими фреймами, а значит, перевод терминов и понятий из одной области оказывается возможным, семантический оправданным. Но есть те области концептов, который не имеют общего знаменателя и в концептуальной метафоре не представлены. Такие области различия являются логическими пределами функционирования метафоры, т. е. их учитывание, т. е. удерживание в сознании наравне со всем остальными, препятствует образованию метафоры, делает ее невозможной.

Таким образом, метафора на уровне собственной структуры содержит в себе вытесненный, или же отрицаемый термин. Для того, чтобы метафора состоялась как метафора, чтобы она выполнила свою функцию «иносказания», какие-то части смыслового поля области цели неизбежно должны быть вытеснены. Такова диалектика метафоры, не спроста Арутюнова подчеркивает: «Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление. Из нее исключен содержащий отрицание термин» [1]. Только проигнорировав, вытеснив в качестве актуального различие между «жизнью» и «путешествием» мы можем уподобить их друг другу и совершить соответствующие высказывание (*«он только в начале своего пути», «у него все впереди», «он сбился с пути» и т. д.*).

Метафора — это понимание или же мышление одного понятия в границах терминов другого понятия. И такое мышление оказывается эффективным ровно в тех границах, в которых области концептов оказываются подобными друг другу. Но сами явления, сами феномены действуют и за пределами своих подобий, и эти действия оказываются в границах метафоры попросту непредставимы. По этой причине развитие концептуального мышления в науке движется не только экстенсивно, но и интенсивно. Так в психологии представление о функциях и структуре внимания сменило несколько парадигм, метафорических моделей (внимание как ресурс, внимание как фильтр), как раз потому, что каждая модель, выдвигая на передний план одни свойства внимания, вытесняла иные [3].

Помня опыт истории психологии, мы считаем, что работа в психологическом консультировании исключительно с теми смысловыми областями, ко-

торые обладают эквиваленцией, при полном игнорировании вытесняемого различия — некорректно, так как такой подход сам является примером вытеснения.

Дело в том, что отрицаемый в метафоре элемент является своеобразным узлом, пупом метафоры, который делает саму метафору возможной, т. е. способной для артикуляции. Только вытеснив определенные смыслы, субъект может породить ту или иную метафору. Ключевым здесь является следующее: то вытеснение, которое является залогом метафоры и которое демонстрирует клиент, при ее порождении, является тем же вытеснением того же самого смыслового содержания, которое включено в симптоматику психологического затруднения клиента. Иными словами, то, что отрицает клиент в метафоре своей проблемы, является тем же самым, что отрицает клиент в самой проблеме, т. к. отрицается одно и то же содержание. По этой причине концентрация исключительно на области эквиваленции не может быть эффективной, так как поддерживает тот проблемный способ концептуализации себя и окружающего мира клиентом, с которым последний и обратился за помощь.

Таким образом, ключевым в работе с метафорическим дискурсом клиента является обращение внимание как раз на различия, на отрицаемые различия между областями метафоры, т. к. это отрицание является частью когнитивной модели клиента, той его особой индивидуальной оптикой, которая сопряжена с его личностной, смысловой и экзистенциальной сферой. Смещение внимания на область различия позволяет вернуть в рефлексивное поле субъекта те аспекты смысла, которые были им вытесненные.

Анализ метафорического дискурса клиента

В качестве примера я приведу случай из психологической практики.

Девушка 26ти лет, Мария, обратилась на консультацию со следующим запросом: *«Не знаю, что со мной происходит. Ничего не получается, ни в работе, ни в отношениях»*. Клиентка жаловалась на чувство пустоты, отчаяния, которые связывала с тем, что ее проект в работе провалился, а отношения с близким человеком, которые она строила последние три года, завершились разрывом. Попытки работать с заявленными клиенткой чувствами и проблемными сферами были неудачными. Так, начиная рассказывать о своей личной жизни и о разрыве в отношениях с близким человеком, клиентка периодически добавляла: *«это не важно»*, *«дело не в этом»*, *«я о другом»*, тем самым демонстрируя, что причина ее проблемы лежит по ту сторону запроса. При рассказе о своей проблеме, клиентка использовала такие обороты и выражения как: *«я все поставила на эти отношения»*, *«я хорошо исполняла свою работу»*, *«я хотела продвинуться вперед»*, *«это — патовая ситуация»*, *«я проиграла»*. Также во время одной из встреч была произнесена метафора, которой сама клиентка должного внимание не уделила: *«Я — шахматная фигура, только не знаю какая»*. Именно эта метафора стала ключом в психологической работе.

В центре концептуальной метафоры *«Я — шахматная фигура, только не знаю какая»* лежит отождествление личностного самоощущения субъекта

с фреймом шахматной игры. Мы можем выделить следующие зоны эквиваленции в области цели и области источника.

1. Шахматы — это игровое поле и фигуры, каждой из которых приписаны свои правила передвижения по нему. Аналогом «правил хождения» могут выступить социальные нормы, регулирующие поведения человека, ролевые модели в отношениях. В целом, нет такой системы отношения в бытии субъекта, которая так или иначе не была бы опосредована теми или иными фреймами или сценариями, т. е. «правилами передвижения». Знание того, «какой фигурой ты являешься», тождественно знанию «правил передвижения», которые опосредуют социальные отношения.

2. Шахматы — это еще и игра как таковая, где фигуры перемещает игрок. По отношению к фигурам воля игрока оказывается трансцендентной, недоступной пониманию с одной стороны, но определяющим бытие фигуры (ее перемещение по игровому полю) с другой. Аналогом такой трансцендентной силы может выступить концепт судьбы, рока, бессознательного. Данное отождествление сопоставимо с ощущением бессилия, невозможности что-либо изменить, оказать на что-либо влияние, которые демонстрировала клиентка.

3. В Шахматах есть цель, и цель в том, чтобы поставить мат королю противника мат, но никак не в том, чтобы сохранить все фигуры целыми. При этом, в шахматной игре жертвуют как пешками, так и ферзями. Это означает, что бытие ферзем не может гарантировать фигуре ее выживаемость, успешность. Аналогом данного обстоятельства выступает ощущение клиенткой мира как чего-то угрожающего, нестабильного, ненадежного, хаотичного. По этой причине, даже относительно высокое социальное положение не дает ощущения безопасности.

Дальнейшая работа с метафорой, вероятно, позволила бы определить бессознательные детерминанты выбора самих образов (так выбор шахматной игры сопряжен с тем, что клиентка очень интересуется настольными играми), однако это не дало бы ответ на вопрос о причине того затруднения, с которым обратилась клиентка.

Однако, если рассмотреть в качестве коррелята метафоры ее отрицаемую часть, становится очевидным, что подлинное затруднение клиентки состоит не в отсутствии базального доверия миру, не в ощущении подвластности злым силам, не в отсутствии понимания природы и механизмов социальных отношений. Причиной затруднения является диссоциация — расщепление эго субъекта, при котором расщепленная часть отчуждается вовне; иными словами — в не узнавании самого себя.

Есть принципиальное отличие шахматной игры от субъекта — это воля. Если шахматные фигуры перемещает игрок — трансцендентная сущность по отношению к самим фигурам, то в реальности субъект обладает волей и сам отвечает за себя. Иными словами, те движения, которые на уровне метафоры относятся к трансцендентно сущности, в реальности принадлежат самому субъекту, его выборам, его решениям.

Дальнейшая работа с Марией была построена на проясни границ «я», ревизи тех элементов, которые ему принадлежат, и посторонних «интроектах», как чуждых «я» элементов.

В качестве заключения отметим, что метафора в клиентском дискурсе действительно является прекрасным приемом, однако не только там, где она позволяет именовать неименуемое, но и там, где сама структура метафоры выступает в качестве отражения тех личностных когнитивных структур, определяющих уникальную оптику субъекта. Именно работа с негативной стороной метафоры позволяет перейти от воображаемых отождествлений к субъективным способам концептуализации себя, окружающего мира и своего места в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. — М., 1990. — С. 5–32.
2. Бек Д. Когнитивная терапия. Полное руководство: пер. с англ. — М.: Вильямс, 2018. — 400 с.
3. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию: курс лекций. — М.: Издательство АСТ, 1996.
4. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. — С.-Пб.: Питер. Б. — 2000. — 1019 с.
5. Крайнюков С. В, Горюнова Ю. В. Психосемантический анализ метафор в психологическом консультировании. Консультативная психология и психотерапия. — 2021. — Т. 29. — № 1. — С. 165–183.
6. Трунов Д. Г. Уровни вербализации эмоционального опыта. Вестник Пермского Университета 2013. — С. 102–107.
7. Трунов Д. Г. Метафорическое Описание Психического Опыта // Вестник Пермского Университета, 2011. — С. 77–86.
8. Трунов Д. Г. Использование метафор в психотерапевтической работе. [Электронный ресурс]. — URL: http://Lacan.Narod.Ru/Ind_Met/Default_5.Htm (дата обращения: 01.06.2023).
9. Шарапов А. О. Современные технологии психологического консультирования и психотерапии: Практическое Пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — 178 с.
10. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений. Теория Метафоры. — М., 1990. — С. 110–132.
11. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Римис, 2008. — 608 с.
12. Evans D. An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis. — Taylor & Francis e-Library, 2006. 264 p.
13. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive Sciences. — 1998. — № 2. — Vol. 22. — Pp. 133–187.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago, 1980. — 257 p.
15. Lee A. The power of metaphor in therapy // Journal of Psychology and Clinical Psychiatry. — 2018. — Vol. 9 (3).

ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается понятие «доверие» и изучаются подходы авторов к пониманию сущности доверия. В рамках данной темы предлагается изучить когнитивный аспект с точки зрения доверительных отношений между субъектами. Актуальность темы, связанной с психологией доверия именно в политической сфере объясняется тем, что в период напряженной обстановки в стране большое значение имеет доверие граждан к президенту, правителю, руководителю. Политический лидер должен вызывать у человека только положительные эмоции. Поэтому с точки зрения психологии важно эту грань определить. В данной статье внимание уделяется изучению специфике политической сферы, ее субъектам и объектам. Результатом работы являются обобщающие выводы по проблемным вопросам доверия к политическим лидерам.

Ключевые слова: психология, доверие, политика, сфера, лидер, доверительные отношения, когнитивный аспект.

Chernikov A. L.

THE PSYCHOLOGY OF TRUST IN THE POLITICAL SPHERE

The article discusses the concept of «trust» and examines the authors' approaches to understanding the essence of trust. Within the framework of this topic, it is proposed to study the cognitive aspect in terms of trusting relationships between subjects. The relevance of the topic related to the psychology of trust in the political sphere is explained by the fact that during a tense situation in the country, the trust of citizens in the president, ruler, leader is of great importance. A political leader should evoke only positive emotions in a person. Therefore, from the point of view of psychology, it is important to determine this line. In this article, attention is paid to the study of the specifics of the political sphere, its subjects and objects. The result of the work are generalizing conclusions on problematic issues of trust in political leaders.

Keywords: psychology, trust, politics, sphere, leader, trusting relationship, cognitive aspect.

Доверие является одним из главных элементов функционирования общества, а также важной частью межличностного и межгруппового взаимодействия, которое присутствует во всех сферах общественной жизни (политике, образовании, экономике, религии и т. д.). В последние годы, особенно в условиях политической напряженности и кризиса, исследователями изучается доверие в разных сферах жизни и общества.

Так, например, доктор психологических наук Л. Г. Почебут изучала социальную психологию доверия. Исследователь предложила концепцию о том, что люди объединяются в группы для создания благоприятной атмосферы с целью проведения совместной деятельности.

В своей статье, написанной в соавторстве с В. А. Чикер, Л. Г. Почебут обсуждает основные научные подходы к пониманию феномена доверия, развивающиеся в рамках организационной психологии. В статье также проводится анализ различных определений доверия, обобщаются теоретические знания об этом феномене [5]. На концептуальном уровне авторы статьи описывают процесс установления доверия в организации и его вклад в развитие организации, в формирование ее социального капитала [5].

То есть, авторы-психологи предлагают рассматривать доверие в рамках парадигмы изучения социального капитала. Такой подход, как считают авторы, может позволить соотнести основные теоретические представления о доверии, обобщить имеющиеся результаты исследований, перенести изучение и описание феноменологии доверия в область междисциплинарных исследований.

К сожалению, подобных работ, посвященных феноменологии доверия, в политической психологии не обнаруживается.

Вместе с тем, на сегодняшний день проблема политического доверия приобретает новые черты по причине серьезного конфликта между Россией и Украиной. В результате этого возникает противоположное чувство — недоверие. Так или иначе здесь прослеживается прямая связь с политикой и политической сферой [3].

Доверие — это отношение каждого субъекта к другим людям, которым хочется доверять, и где надежность является свойством, а не отношением. Доверие и заслуживаемость доверия, следовательно, различны по своей природе, хотя в идеале те, кому доверяют, будут заслуживать доверия, а тем, кто заслуживает доверия, будут доверять. Чтобы доверие в отношениях было правдоподобным, стороны отношений должны иметь контакт друг с другом, который допускает доверие. Более того, чтобы доверие было обоснованным, обе стороны должны заслуживать доверия [2].

Если обратиться к истории развития понятия «доверие», то можно сказать, что еще в 1995 году психологи, работающие в области организационных наук, представили определение и модель доверия, его основные движущие силы, которые стали доминирующим подходом к конструированию.

Основываясь на том, что впоследствии было названо фундаментальной человеческой дилеммой, эта модель доверия Майера, Дэвиса и Шоормана признает, что все человеческие взаимодействия несут с собой реальность того, что действия другого могут причинить вред отдельному индивиду.

Доверие, таким образом, является готовностью доверяющего лица принять этот потенциал и определяется склонностью к доверию — предрасположенностью доверяющего лица на уровне черт характера доверять другим в целом — и надежностью — многомерной оценкой доверяющего лица того, что доверенное лицо заслуживает этого [2].

В данной модели проводится различие, которое часто путают в работах, посвященных доверию, а именно, что доверие само по себе существенно отличается от факторов, которые им движут.

Модель предполагает, что существуют три важных измерения надежности:

- способность,
- доброжелательность,
- честность.

Способность определяет предполагаемую техническую компетентность доверенного лица в интересующей области. Это значит, что оно состоит из субъективной оценки различных навыков и способностей, которые могут потребоваться доверенному лицу для реального выполнения того, что ему доверяют [1].

Доброжелательность имеет отношение к тому, в какой степени доверитель верит, что о нем заботятся.

Наконец, честность связана с восприятием того, что доверенное лицо следует набору усвоенных ценностей, которые считаются наиболее приемлемыми. Это не обязательно должны быть собственные ценности доверителя, а скорее последовательный набор, который имеет смысл и является приемлемым для него. Таким образом, описанная модель выбирает из множества потенциально важных оценок оценки доверенного лица.

На современном этапе в различных научных источниках есть множество подходов к определению и сущности доверия. В одних науках оно рассматривается как феномен, в других как явление, в-третьих — как уровень взаимосвязи общества и лидера и так далее. В целом подходы можно сгруппировать в общую таблицу в зависимости от вида науки, которая изучает доверие (таблица 1).

Итак, можно сделать вывод о том, что доверием называют взаимоотношение людей открытого характера, которые основаны на честных порядочных отношениях и при которых происходит взаимодействие доверяющего и доверителя.

Сейчас стало актуальным анализировать и исследовать сущность политического доверия. Это объясняется происходящими событиями последних нескольких лет во многих отношениях, которые только усилили эту важность. Сответствующая наука многое сделала для решения этой задачи, но продолжает бороться с неясностями в определениях.

В данной статье делается попытка исследовать проверку потенциала классической модели доверия из организационных наук, которая выдвигает конкретные аргументы относительно психологической природы и механизмов, помогающих решать эти проблемы.

Политическая сфера является особой сферой деятельности, которая возникла еще в период разделения труда, с возникновением развитием частной (индивидуальной) собственности. Данная сфера охватывает весь спектр отношений

Области научного знания	Краткая характеристика	ФИО исследователя
Экономика	Социально-экономический феномен сознания и как функциональная характеристика социальной жизни общества на макро-, мезо- и микроуровнях, понимаемое как убеждение в надежности действий и коммуникаций с различными акторами и предсказуемости их поведенческих реакций.	Г. С. Ромашкин
Религия	Основной и необходимый фактор, который позволяет человеку преодолеть законы природы	Новый завет
Философия	Реалия социального бытия, продуктивная социальная конструкция, а также современная социальная проблема, социально-экономический механизм, обеспечивающий социальное развитие и социальный порядок	В. Ю. Столяр
Социология	Генерализованное ожидание того, что другой человек будет сдерживать свою свободу	Н. Лунман
	Вера в надежность человека и социальной системы	Э. Гидденс
	Функция деятельности социальных акторов, реализующаяся вне сферы системных ролевых ожиданий	А. Селигмен
Психология	Базисное чувство, определяющее развитие отношений к себе и другим в будущем.	Э. Эриксон
	Внутреннее состояние готовности быть зависимым от других	Е. С. Яхонтова
	Ожидание благоприятного поведения объекта в ситуации, когда это поведение не подвержено контролю	Д. Гамбетта
	Субъективное личностное отношение к другим	Т. П. Скрипкина
	Социальная эмоция	В. П. Зинченко
Политология	Функциональный орган	И. В. Антоненко
	Эмоционально окрашенное, устойчивое отношение людей к политическим институтам, руководителям, выражающееся в их поддержке, в отождествлении с ними личности, определенной социальной группы, в рассмотрении их как своих представителей	Г. Д. Ишманова
	Важнейший фактор международных отношений, роль которого в последние годы приобретает все большее значение. Является условием создания таких сложных международных политических систем, как интеграционное объединение	Р. А. Доброхотов

Таблица 1. Изучение феномена доверия в разных областях научного знания [4]

между любыми социальными группами или общностями (например, классами, слоями). Центром этого взаимодействия является отношение к государственной власти, а целью — завоевание, сохранение и использование в своих интересах этой власти.

Политическая сфера — это также институты власти, система организаций, призванных регулировать общественные отношения таким образом, чтобы они соответствовали интересам общества или господствующего класса. Это само государство, его органы управления, всевозможные политические партии, различные движения (политические и общественные), формальные и неформальные

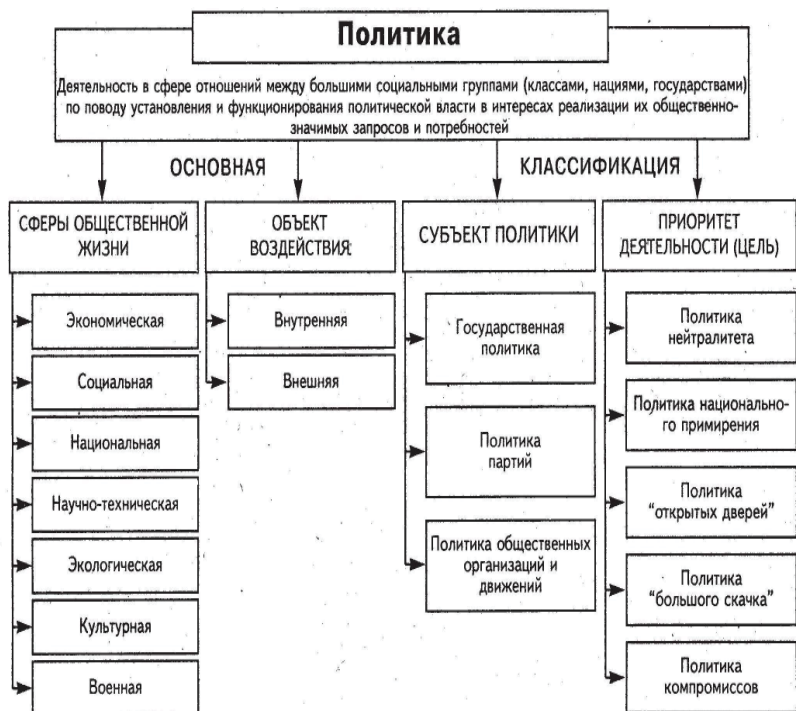

Рисунок 1. Субъекты и объекты политической сферы [3]

организации. Некоторые современные философы и политологи считают, что, помимо всего вышперечисленного, политическая сфера включает политическое сознание [2].

Для политической сферы характерным является наличие государства как первой, единственной организации, действующей в разных формах, но имевшей место в разные исторические периоды.

Кроме этого, политическая сфера требует обязательного присутствия партий как ячеек, отражающих интересы и взгляды определенных групп населения (классов). Они призваны регулировать общение с другими классами, сообществами.

На рисунке 1 можно увидеть схематически субъекты и объекты политической сферы, а также приоритеты и цели.

В любой политической сфере есть политические институты, движения, организации. Они, как и политические партии, отражают взгляды определенного слоя общества, но, в отличие от политиков, не стремятся проникнуть во власть. Тем не менее, именно такие объединения (движения) поднимают самые важные вопросы, а также помогают контролировать государственные решения.

По мнению некоторых политологов, именно общественные группы и движения являются не просто важной частью политической жизни, а основным механизмом развития государства.

Политическая сфера неразрывно связана с остальными подсистемами общества, во многом зависит от них, в свою очередь, влияя на изменение духовной, социальной, экономической сфер.

Доверие в политической сфере — это главный элемент государственной системы, который является основой для развития стабильной демократической структуры, поскольку оно повышает как легитимность, так и эффективность демократического управления.

Но за последние несколько лет растущая и повторяющаяся озабоченность по поводу низкого и снижающегося уровня политического доверия находит отклик среди многих ученых, политиков и журналистов. В то время как некоторые скептически относятся к последствиям политической уверенности для жизнеспособности современных демократий, другие называют эту ситуацию кризисом или даже крахом.

Такой автор как Э. Шнаудт утверждает, что большая часть того, что известно об уровнях, развитии и последствиях политического доверия, может быть неполным или даже вводить в заблуждение. По мнению автора, исследование политического доверия характеризуется ограниченным и необоснованным акцентом на представительные институты и органы власти и сопутствующим пренебрежением доверием граждан к регулирующим институтам и органам власти.

Чтобы получить исчерпывающую и всеобъемлющую эмпирическую картину значимости политического доверия для функционирования и благополучия современных демократий, автор приводит аргументы в пользу анализа особенностей, предшественников и последствий доверия граждан как к представительным, так и к регулирующим органам власти [4].

Оценивать степень политического доверия у граждан исследователи могут с помощью различных опросов и анкетирования. В таких методах исследователи получают определенные рычаги, работая с большими наборами данных и оценивая сложные статистические модели. Хотя, несмотря на то что такие исследования представляют собой шаг вперед по сравнению с теми, которые построены на сомнительных предположениях об односторонних выводах касательно уровня доверия в политике, они, как и большинство исследований, весьма ограничены проанализированными данными.

На сегодняшний день очень немногие исследования политического доверия применяют экспериментальные методы или анализ панельных данных. Одно из редких экспериментальных исследований свидетельствует о том, что недоверие к правительству, даже если на него влияют оценки действующих лиц, также поощряет более негативные оценки политиков [4]. Авторы этого исследования, московские ученые А. И. Донцов и Е. Б. Перелыгина, считают, что «в современном обществе роста неопределенности и расширения спектра рисков и угроз выявляется потребность в доверии и справедливости как основе социально-психологического состояния общества» [4, с. 242]. При этом авторы отмечают,

что «на сегодняшний день еще не изжито представление о том, что справедливость есть благо сильного, когда имеется в виду, что для слабого справедливость есть благо чужое» [4, с. 242].

Опираясь на идеи средневековых мыслителей, московские авторы приходят к выводу, что «создание международного права, законов о правах человека не препятствует монопольному вмешательству во внутренние дела со стороны богатых империй, когда не столько доверие, сколько сила формирует социально-политический ландшафт» [4, с. 242].

Также важным авторам представляется наблюдение, что «государство не может быть всегда справедливым, поскольку обязано обеспечивать движение общества в будущее, которое не всегда предсказуемо в силу неопределенности пути, что сопряжено с многообразными рисками доверия. Справедливость же можно рассматривать, скорее, как оценочное понятие, которое проявляется после свершения факта действия и выступает основанием для формирования доверия» [4, с. 242].

Итак, можно сказать, что анализ степени политического доверия необходимо проводить для того, чтобы выявить его как основной ключевой показатель того, насколько доверительно граждане относятся к политическим деятелям с целью оценки влияния на дальнейшую эффективность демократического управления. Таким образом, анализируя политическое доверие, можно сказать, что большая часть научных усилий на сегодняшний день посвящена двум проблемам: его причинам и его следствиям. Исследователи с помощью эмпирических данных уделяли больше внимания альтернативным способам доверия. И здесь не существует единого идеального способа измерения политического доверия. Но существуют различные способы, которыми доверие все-таки может быть выявлено и оценено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И. И., Пузанова А. Д. Стратегии изучения политического доверия молодежи в современной политической науке // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25. — № 1. — С. 252–256.
2. Баранов Н. А. Политология. Современная демократия: учебное пособие для вузов / Н. А. Баранов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2021. — 181 с.
3. Гулевич О. А., Сариева И. Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 74–92.
4. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. От доверия и справедливости к политкорректности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций: сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. — С. 242–254.

5. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Психология доверия в организации // Психологический журнал / ред. А. Л. Журавлев. — 2017. — Т. 38, № 6 сентябрь-октябрь. — С. 65–76.

6. Терин Д. Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. — 2018. — Т. 24. — № 2. — С. 90–109.

Научное издание

**XXIII СВЯТО-ТРОИЦКИЕ ЕЖЕГОДНЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
24-27 МАЯ 2023 ГОДА**

**ОБРАЗЫ ОБРАЗОВАНИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

*Ответственный редактор
Владимир Александрович Егоров*

*Директор издательства А. А. Галат
Оператор верстки В. А. Смолянинов
Художник О. Д. Курта*

Подписано в печать 29.10.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 25,25. Зак. № 1124

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595
E-mail: rhgapublisher@gmail.com. URL: <http://irhga.ru>